

Г. П. Визгалов, С. Г. Пархимович

ДЯНГАЗЕЯ

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 902.2(571.121)

ББК 63.52(2Р53)

В 428

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). – Екатеринбург–Нефтеюганск: изд-во «Магеллан», 2008. – 296 с.

ISBN 978-5-903594-09-2

Книга посвящена результатам археологических раскопок 2001–2004 гг. русского города Мангазея, существовавшего в XVII веке на Крайнем Севере Западной Сибири. Основное содержание работы — реконструкция культуры (хозяйства, быта, домостроения, верований и др.) русского населения Севера Западной Сибири первой половины XVII века по материалам новых исследований городища Мангазея, в которых, кроме исторических и археологических методов, были широко использованы методы естественных наук. В книге изложены новые предложения по планировочной структуре города и архитектурным реконструкциям, выполнена статистика и типология археологических предметов, сделаны выводы о характере хозяйства, видах ремесел, основных занятиях и играх, представлены сведения по обрядовой деятельности, системе питания, гигиене, грамотности населения Севера Сибири XVII века. Приведенные в книге материалы доказывают, что археологическое исследование Мангазеи далеко от завершения и на этом уникальном памятнике будет сделано еще много новых археологических открытий.

Книга предназначена археологам, историкам, этнографам и всем, кому интересна история и культура периода освоения русскими Крайнего Севера Сибири.

Ответственный редактор

чл.-корр. РАН Е. Н. Носов

Рецензенты

д. и. и. А. Н. Кирпичников, д. и. и. А. В. Курбатов

Руководитель издательского проекта

к. и. н. А. Я. Труфанов

Техническое редактирование иллюстративного ряда

М. Л. Попадкин, А. В. Попадкина, А. Я. Труфанов

Полевые исследования финансировались

Департаментом информации и социально-политических исследований

Администрации Ямало-Ненецкого автономного округа,

Департаментом по культуре, молодежной политике и спорту Администрации Ямало-Ненецкого автономного округа,

ООО «НПО «Северная археология» МУ Нефтеюганского района «Центр историко-культурного наследия»

© Г. П. Визгалов, С. Г. Пархимович

© Департамент информации
и общественных связей ЯНАО

ISBN 978-5-903594-09-2

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	5
ГЛАВА 1. МАНГАЗЕЯ: ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ, ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ	
1.1. Письменные источники о Мангазее	7
1.2. История исследования Мангазейского городища	8
1.3. Мангазея в историографии русского освоения Крайнего Севера Сибири	13
ГЛАВА 2. ЛАНДШАФТ, ЭТНИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ РЕГИОНА И ТОПОГРАФО-ПЛАНИРОВОЧНАЯ СТРУКТУРА ГОРОДА МАНГАЗЕЯ	
2.1. Ландшафтно-климатическая характеристика	26
2.2. Этническая ситуация в бассейне реки Таз	27
2.3. Топография памятника.....	28
2.4. Планировочная структура города Мангазея и его окрестности	30
ГЛАВА 3. ПОСТРОЙКИ МАНГАЗЕЙСКОГО ПОСАДА ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2001–2004 годов И ПРОБЛЕМА РЕКОНСТРУКЦИИ РУССКОГО СИБИРСКОГО ЖИЛИЩА XVII ВЕКА	
3.1. К истории изучения русского сибирского домостроения XVII века.....	34
3.2. Постройки мангазейского посада.....	36
ГЛАВА 4. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЖИТЕЛЕЙ МАНГАЗЕИ	
4.1. Принадлежности охоты	61
4.2. Принадлежности рыболовства.....	66
4.3. Принадлежности металлообработки	67
4.4. Принадлежности деревообработки	68
4.5. Детали архитектурных конструкций и их крепления	70
4.6. Средства передвижения	71
4.7. Принадлежности кожевенного и швейного ремесла	75
4.8. Одежда	76
4.9. Украшения	78
4.10. Обувь	79
4.11. Инструментарий домашнего производства.....	85
4.12. Предметы быта	87
4.13. Предметы гигиены.....	96
4.14. Принадлежности игр	97
4.15. Православные атрибуты	105
4.16. Предметы аборигенной культуры	107

ГЛАВА 5.

ХОЗЯЙСТВО И БЫТОВАЯ КУЛЬТУРА

5.1. Охота.....	109
5.2. Рыболовство.....	110
5.3. Животноводство.....	111
5.4. Система питания и гигиена.....	115
5.5. Керамическое ремесло.....	116
5.6. Металлообработка.....	118
5.7. Портняжное и обувное ремесло.....	118
5.8. Обработка дерева.....	120
5.9. Косторезное ремесло.....	121
5.10. Торговля и денежное обращение.....	122
5.11. Бытовая культура и досуг.....	123

ГЛАВА 6.

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

6.1. Религиозные традиции и их атрибуты.....	125
6.2. Грамотность.....	129
6.3. Музыкальная культура.....	130
Заключение.....	131
Источники и литература.....	135
Список сокращений.....	144
Список приложений.....	145

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Текстовые.....	152
2. Таблицы.....	154
3. Иллюстрации.....	167
4. Карты и чертежи — см. ОТДЕЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ	

ВВЕДЕНИЕ

Мангазея — первый русский город Сибирского Заполярья, с которым связаны ярчайшие страницы истории первоначального освоения Сибири Русским государством. Основанный в 1601 году на реке Таз, он пережил стремительный взлет, став основным поставщиком в государеву казну ценнейшей валюты XVII века — пушнины, или «мягкой рухляди», но просуществовал недолго: в 1672 году его жители переселились на Турухан — левый приток Енисея, в Туруханское зимовье (впоследствии — Новая Мангазея, а затем — Старотуруханск). От былого величия Мангазеи остались затерянные и заросшие бурьяном руины.

После более чем двухвекового забвения о «златокипящей государевой вотчине» вспомнили сначала историки, а затем и археологи. Благодаря их работам, полуполюгендарная история Мангазеи «обросла» реальными именами, фактами и событиями. После археологических исследований Мангазейского городища, осуществленных в 1946 году В. Н. Чернецовым и в 1968–1970 и 1973 годах экспедицией Арктического и Антарктического научно-исследовательского института (ААНИИ) под руководством М. И. Белова, стала очевидной уникальность этого памятника. В промерзшем культурном слое прекрасно сохранились обычно недолговечные артефакты из органики — дерева, кожи, кости, тканей и пр., а также палеоэкологические материалы.

Полученные при раскопках богатейшие коллекции самых разнообразных изделий и вскрытые на большой площади остатки деревянных построек позволили исследователям получить представление о характере материальной культуры первых русских поселенцев и планиграфии города. Кроме того, обнаружение большого количества деталей разобранных кораблей — кочей, использовавшихся в домостроительстве, позволило М. И. Белову осуществить попытку реконструкции облика этого древнерусского судна. Еще одним достижением экспедиции ААНИИ следует признать применение на массовом материале дендрохронологического метода, позволившего датировать большинство вскрытых построек.

Вышедшая в 1980 и 1981 годах двухтомная монография М. И. Белова, О. В. Овсянникова и В. Ф. Старкова, в которой были подведены итоги четырехлетних раскопок Мангазейского городища, вызвала заметный резонанс в научном сообществе и в значительной степени способствовала последовавшему подъему интереса у археологов к изучению материальной культуры русского населения Сибири и Дальнего Востока XVII–XVIII веков.

Ранее археологическое изучение первых русских городов и острогов за Уралом, как правило, ограничивалось небольшими разведочными раскопами, в частности — на Лозьвинском городке, в Верхотурье и Пельиме (В. А. Оборин). Начиная с 1980-х годов, в Сибири развернулись планомерные раскопки русских памятников XVII–XVIII веков. Особенно актуальны такие исследования были для памятников конца XVI–XVII веков, слабо обеспеченных данными письменных источников. Да и для в изучении многих малых городков и острогов и тем более — сельских поселений XVIII века археологические материалы остаются единственным источником. Достаточно масштабные раскопки проводились на Лозьвинском городке (1981–1984 гг.), Карачинском поселении (1981–1984 гг.), в Верхотурье (ежегодно, начиная с 1989 г.), Томске (1980-е гг.), Тюмени (1988 г.), Тобольске (с конца 1990-х гг.), Бергамацком остроге и на сельском поселении Изюк I (с 1996 г.). Для большинства этих памятников характерна значительно меньшая степень сохранности изделий из органических материалов, чем на Мангазейском городище, а также насыщенность культурного слоя находками XVII–XIX веков, что затрудняло датировку и интерпретацию ранних построек. В этой ситуации материалы раскопок Мангазейского городища выступают как эталонные.

После раскопок М. И. Белова уникальный памятник на долгие годы оказался вне поля зрения археологов, так как авторы монографии заявили о практически полном его изучении.

Возобновленные в 2001 году экспедицией НПО «Северная археология» аварийно-спасательные раскопки на раскопе № 22 экспедиции ААНИИ дали совершенно неожиданные результаты. Выяснилось, что в ходе прежних работ здесь была вскрыта лишь верхняя часть культурного слоя и, в основном, поздние постройки.

Полное исследование культурного слоя на всей площади раскопа № 22 до сих пор не завершено из-за

сильного промерзания нижних горизонтов, но уже сегодня ясно, что информационный потенциал Мангазейского городища на самом деле гораздо выше, чем это представлялось до сих пор. Плотность залегания находок многократно превосходит аналогичный показатель раскопок экспедиции ААНИИ.

Новая коллекция, полученная с одного (!) из недокопанных раскопов, оказалась не только больше прежней, происходящей с огромной (1,5 га) площади, но и разнообразнее — выявлены ранее неизвестные категории и типы артефактов.

Новые раскопки носили комплексный характер: помимо археологических, широко использовались дендрохронологический и палеоэкологический методы исследования. Впервые после разведочного обследования В. Н. Чернецова на городище был произведен сбор археобиологических образцов. Анализ огромной коллекции, включающей кости животных, волосы, шерсть, экскременты и семена растений, позволил дать объективную характеристику системы жизнеобеспечения города — хозяйства, системы питания, состояния здоровья и уровня гигиены жителей.

Сбор исчерпывающей информации о конструкции остатков построек и их расположении в раскопе дал возможность впервые для Мангазейского городища осуществить их графические реконструкции и выяснить последовательность застройки исследованного участка поселения.

В процессе изучения многочисленных фрагментов деталей кочей были выявлены новые данные для реконструкции этого типа древнерусских судов — основного транспортного средства русских первопроходцев сибирского Севера.

В целом возобновившееся археологическое исследование Мангазейского городища показало несомненную продуктивность целенаправленных аварийно-спасательных работ в старых раскопах экспедиции ААНИИ.

Конечной целью исследования Мангазейского городища, безусловно, должна стать реконструкция культуры русского населения Сибири XVII века. В то же время мы убеждены в преждевременности попыток реконструкции облика города в целом и исчерпывающей характеристики культуры мангазейского населения. Для этого необходимо продолжать целенаправленные многолетние (как, например, в Новгороде Великом) раскопки Мангазейского городища. Только полное исследование культурного слоя на большой площади и максимальное использование возможностей комплексного анализа материалов раскопок, вкупе с данными письменных источников, позволит осуществить достаточно объективные реконструкции.

Исходя из этого, мы определили более скромную цель настоящего издания — ввести в научный оборот основные результаты раскопок 2001–2004 годов (палеоэкологические материалы и результат работ последующих полевых сезонов будут опубликованы позднее). Публикация новых материалов является промежуточным этапом на пути к конечной цели исследований Мангазейского городища, начатых В. Н. Чернецовым, М. И. Беловым, О. В. Овсянниковым и В. Ф. Старковым.

Надеемся, что предлагаемая книга, наряду с новыми экспозициями Ямало-Ненецкого окружного музея в Салехарде и Красноселькупского районного краеведческого музея, в которых представлены находки новых раскопок Мангазейского городища, будет способствовать популяризации историко-культурного наследия первых русских поселенцев сибирского Севера.

Выражаем глубокую благодарность и признательность всем тем, без чьей поддержки, понимания и участия новые раскопки Мангазейского городища были бы невозможны: начальнику отдела по науке департамента информации и социально-политических исследований С. Е. Алексею (Салехард), сотруднику департамента по культуре и молодежной политике и спорту А. В. Подусовой (Салехард), специалисту департамента по науке, информации и социально-политическим исследованиям Е. Н. Пушковой (Салехард), частному предпринимателю, владельцу базы отдыха «Мангазея» Ю. И. Письменову (Новый Уренгой), директору краеведческого Красноселькупского музея В. В. Сумину (пос. Красноселькуп), рыбацкой бригаде ООО «Дары природы» (пос. Толька).

В составе экспедиции наряду с сотрудниками «Северной археологии» работали студенты исторического факультета Тобольского государственного пединститута им. Д. И. Менделеева и сотрудники Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Мы признательны им за самоотверженный труд в сложных условиях Сибирского Заполярья. Особо отметим вклад ветеранов и энтузиастов, а также специалистов мангазейской экспедиции — А. С. и С. А. Кухтериных (Тюмень), А. В. Терлеевой, Е. В. Кисляковой, Ю. В. Костылева (Екатеринбург), Н. П. Мартынюк (Курган), палеозоологов А. Н. Петрова, Н. Е. Бобковской, археолога С. Ю. Пархимович и дендрохронолога В. М. Горячева.

ГЛАВА 1.

МАНГАЗЕЯ: ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ, ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ

1.1. ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ О МАНГАЗЕЕ

Историкам удалось довольно неплохо воссоздать недолгую историю Мангазеи благодаря сохранившимся письменным источникам. В видовом отношении эти источники ограничены летописями и делопроизводственными документами приказного управления XVII века. Краткие сведения о Мангазее (в основном о времени правления воевод) содержатся в созданном в конце XVII века Сибирском летописном своде [ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1: *Группа Есиповской летописи*, 1987; *Дворецкая*, 1984]. Уникальные сведения о промысловой экспедиции из Поморья на Таз на рубеже XVI–XVII веков сохранил так называемый Пинежский летописец [Копанев, 1972. – С. 80].

Изучение истории заполярного города базируется на сохранившейся документации учреждений управления — мангазейской съезжей (приказной) избы и Сибирского приказа, который был образован в 1637 году и унаследовал документы Приказа Казанского дворца, управлявшего ранее сибирскими территориями. Если бы не усилия Г. Ф. Миллера, П. Н. Буцинского, С. В. Бахрушина и других исследователей по выявлению и обработке делопроизводственных материалов, то история заброшенного города так и осталась бы «белым пятном». Историческая память потомков бывших жителей Мангазеи, переселившихся в 1672 году в Туруханск, не отличалась глубиной. Можно привести весьма красноречивый пример. В топографическом описании Тобольского наместничества, завершеном в 1790 году, в разделе «О городе Туруханске» сказано следующее: «Город Туруханск построен в 7153-м (1644/45) году и назывался Мангазеей, по указу великого государя царя Алексея Михайловича» [Описание Тобольского наместничества, 1982. – С. 230]. Очевидно, что местный канцелярист или землемер, который отвечал на вопросы анкеты (ответы на них с мест и составили описание городов и уездов наместничества), не располагал никакими достоверными сведениями об истории Мангазеи и Туруханска (последний был основан около 1607 года).

Для полноты характеристики письменных источников необходимо обратиться к истории сохранившихся комплексов документов. Помимо мангазейской съезжей избы и центрального приказа в Москве, некоторые документы по истории Мангазеи отложились в приказной избе Тобольска, поскольку Мангазейский уезд входил в состав Тобольского разряда (административно-военная единица XVII в.). В 1626 году в Москве сгорел приказ Казанского дворца со всей документацией Сибирского стола. После этого в сибирские города было послано распоряжение о снятии и присылке в Москву копий с воеводских наказов, указных грамот и документации фискального учета прошлых лет. Распоряжение было выполнено, и благодаря этому сохранилась ценная переписка между Москвой и тобольскими воеводами о запрещении Мангазейского морского хода. Подлинники же переписки вместе с другими документами погибли при пожаре Тобольской приказной избы в 1629 году. Эти утраты мог бы в значительной мере компенсировать мангазейский архив, однако и от него до нас дошла лишь малая часть. Летом 1739 года в Туруханск прибыл Г. Ф. Миллер и провел там ровно месяц. Нам неизвестно, в каком виде он застал архив Мангазеи, перевезенный в Туруханск. С сохранившихся материалов Г. Ф. Миллер и его помощники сняли копии 146 документов. В настоящее время эти копии хранятся в СПб филиале Архива РАН в Санкт-Петербурге, 32 из них в разное время опубликованы. А сам мангазейский архив разделит судьбу многих местных архивов Сибири. К концу XIX века, когда впервые после Г. Ф. Миллера начались серьезные исследования по русской колонизации Сибири, мангазейского архива уже не существовало. Время и обстоятельства его гибели нам неизвестны. Таким образом, Мангазее времен своего расцвета (первой трети XVII в.) меньше всего обеспечена документальной источниковой базой.

В связи с этим особое значение приобретают документы, сохранившиеся в Сибирском приказе после пожара 1626 года. Это ясачные, окладные, таможенные книги и книги десятинного сбора; указы мангазейским воеводам; переписка между приказом и воеводами; челобитные жителей Мангазеи и аборигенов. Однако если копии Миллера хранятся в компактном виде, то документация Сибирского приказа (РГАДА. Ф. 214), относящаяся к Мангазее, разбросана по книгам и столбцам этого огромного фонда. До сих пор наиболее полной, но далекой от совершенства описью фонда Сибирского приказа является опубликованное в конце XIX века Н. Н. Оглоблиным «Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа» (в 4-х частях) [Оглоблин, 1895–1901]. Поэтому вызывает некоторое удивление утверждение М. И. Белова, что документы о Мангазее содержатся в 225 столбцах Сибирского приказа, из которых ученый просмотрел 117 [Белов и др., 1980. – С. 30]. Между тем, один столбец может содержать десятки документов, относящихся к совершенно разным городам и регионам Сибири. Среди сотен листов столбца «мангазейские» документы часто занимают всего лишь несколько листов. Ввиду отсутствия подробных описей столбцов найти такие документы можно лишь путем сплошного просмотра или случайно. Поэтому на данный момент невозможно точно сказать, все ли документы по Мангазее выявлены (фонд Сибирского приказа содержит около 10 тыс. единиц хранения). С одной стороны, такое положение дел сильно затрудняет архивный поиск, с другой — оставляет надежду на открытие новых документов.

Публикацию документов по истории Мангазеи начал еще Г. Ф. Миллер, включив несколько снятых им копий в качестве приложений к «Истории Сибири». В XIX веке во 2-м и 8-м томах «Русской исторической библиотеки» была опубликована подборка документов из «портфелей» Миллера [Русская историческая библиотека, 1875. Т. 2. – Стб. 430–433, 815–857, 1049–1095; 1874. Т. 8. – Стб. 363–376]. Это указы первым мангазейским воеводам, самое раннее описание укреплений Мангазеи (1625 г.) и обширная документация, связанная с запрещением в 1616–1619 годах морского хода из Поморья в Мангазею. В 1951 году появилась весьма ценная для исследователей публикация документов из фонда Сибирского приказа о плаваниях в Мангазею [Открытия русских землепроходцев..., 1951. – С. 51–89]. Таким образом, к настоящему времени существует солидная источниковая база по истории Мангазейского морского хода.

Следует отметить найденные Ю. М. Эскиным два документа по ранней истории Мангазеи (1608 и 1613 гг.), поскольку каждая такая находка является редкой удачей [Эскин, 1986. – С. 44–54]. Один из этих документов содержит прямое указание на то, что укрепления Мангазейского кремля строились в 1607 году при воеводе Д. В. Жеребцове. Е. К. Ромодановская опубликовала две наиболее ранние редакции «Жития Василия Мангазейского», которые были составлены во второй половине XVII века и потому сохранили много интересных деталей о быте и настроениях жителей тогда еще обитаемого города [Ромодановская, 1986. – С. 190–210; 2001. – С. 345–352]. В «Житии» есть информация о церковных постройках Мангазеи: данный источник свидетельствует, что Троицкая церковь в кремле, сгоревшая в пожаре 1642 года, к 1660 году была отстроена; что церковь Макария Чудотворца на посаде функционировала вплоть до оставления города его жителями. М. Г. Кротов взял на себя труд разобрать и восстановить трудно читаемые документы о зарождении культа Василия Мангазейского в 1653–1671 годы [Кротов, 1988. – С. 127–140]. Полезность такого рода источников для археологии несомненна: например, мы узнаем, что вышедший из земли гроб с телом будущего святого был сделан из «кочевого леса»; что через грязные места в городе перекидывались «мостины» толщиной в пол-аршина и т. д. Несколько ранее неизвестных документов разного характера, в том числе о строительстве в 1672 году укреплений Новой Мангазеи (Туруханска), были опубликованы в сборнике под редакцией Д. Я. Резуна [Первое столетие сибирских городов, 1996].

И все же, как это отмечали в свое время В. А. Александров и М. И. Белов, письменных источников о градостроительстве Мангазеи, об особенностях построек, о времени возникновения и гибели (разрушения) тех или иных зданий очень мало. Тем не менее, несмотря на ограниченность содержания сохранившихся письменных документов, информация, заключенная в них, может оказать существенную помощь при интерпретации археологических материалов.

1.2. ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ МАНГАЗЕЙСКОГО ГОРОДИЩА

Историю археологических исследований Мангазейского городища можно разделить на три этапа. *Первый этап* (1735–1946 гг.) — рекогносцировочные исследования, которые представляли собой натурное обследование места городища.

По имеющимся сведениям, первым в 1735 году на Мангазее побывал ученик геодезии Федор Прянишников, которого в сопровождении 12 казаков отправил в Туруханск через реку Таз лейтенант флота Д. Л. Овцын — руководитель одного из отрядов Великой Северной экспедиции. Прянишников застал на месте города пустое Тазовское зимовье, куда лишь периодически приезжали сборщики ясака [Вершинин, 2001. — С. 98]. К сожалению, пока неизвестно сохранились ли отчеты и записи по этим изысканиям.

В 1863 году обдорский заседатель Ю. И. Кушелевский, будучи начальником экспедиции красноярского промышленника М. К. Сидорова, вел поиски рентабельного пути для транспортировки графита с прииска на реке Курейке (правый приток Енисея) по рекам Таз, Обь и дальше на уральские заводы. Ю. И. Кушелевский осмотрел остатки поселения, а также выписал легенду о Василии Мангазейском из рукописи, хранившейся в Троицком монастыре на Енисее. Он отметил, что следы зданий города еще хорошо заметны, а в разрушающемся обрыве берега обнажилось дощатое сооружение в виде очень большого гроба [Кушелевский, 1864. — С. 45]. Во время экспедиции 1862–1864 годов Кушелевским была составлена карта Тазовской и Обской губ с основными впадающими в них реками. На этой карте отмечена часовня Василия Убиенного (Мангазейского) на месте города Мангазеи. Часовня по неясной причине помещена на карте на большой остров напротив устья реки Святой (современное название — Панча). В этом месте действительно есть небольшой намывной остров, но города Мангазеи и часовни здесь никогда не было (Отд. прил. — Лист 2. Карта 2).

В 1899–1900 годах путешественник от Императорского русского географического общества В. О. Маркграф, совершая поездку по Енисею, Тазу, Пуру и Оби, побывал на Мангазее. В своем письме и докладной записке в ИРГО он отметил, что в разрушаемом рекой берегу обнажаются бревна подвальных построек и жители находят здесь металлические предметы [Кольс, 1930. — С. 27]. Он же первым указал на ошибку карты Кушелевского в месте расположения часовни и городища. По итогам путешествия Маркграф сделал эскиз карты с маршрутом.

В 1914 году памятник обследовал ученый-биолог из Омска И. Н. Шухов, участник Таз-Тунгусской экспедиции Зоологического музея Императорской Академии наук. И. Н. Шухов сделал описание сохранившегося сруба как части башни и сравнил ее с башней Юильского (Казымского) острога [Шухов, 1915. — С. 9]. Им же была подробно описана часовня Василия Мангазейского, ее убранство, икона, сделаны фотографии часовни и иконы (рис. 80, 81). И. Н. Шухов составил карту маршрута по реке Таз через волок по реке Турухан до Старотуруханска, на которой было исправлено место расположения часовни и города Мангазеи и которая содержала много забытых сегодня названий рек и озер (Отд. прил. — Лист 3. Карта 3).

И. Н. Шухов первым попытался произвести археологические раскопки культурного слоя города, но из-за мерзлоты прокопать удалось лишь до 3/4 аршина (около 50 см). К сожалению, место его раскопок неизвестно. Описание стратиграфии — «наносный слой, обгоревшие куски дерева, угли, далее мерзлота».

В 1926–1927 годах Р. Е. Кольс во время Тазовской экспедиции государственного Русского географического общества осмотрел городище и достаточно подробно описал его состояние. Он отметил, что в обрыве берега видны венцы, у которых остались стены, удаленные от берега, а ближние уже смыты рекой. Р. Е. Кольс поставил под сомнение вывод Н. И. Шухова о том, что сохранившиеся три стены сруба являются остатками башни. В его описании состояния заброшенной часовни Василия Мангазейского приведена информация о строителе часовни [Кольс, 1930. — С. 27–29]. Р. Е. Кольс выяснил ненецкое название места расположения Мангазеи — *тахаравы-харад* — «разрушенный город» (что соответствует русскому термину «городище»). Результатом работы экспедиции стало издание атласа нижнего течения реки Таз от Хальмер-седэ — ныне пос. Тазовский — до Сидоровской пристани — ныне почти заброшенный пос. Сидоровск.

Собственно археологические исследования городища были начаты в 1946 году Мангазейской экспедицией Ленинградского арктического научно-исследовательского института под руководством В. Н. Чернецова. Планировалось проведение стационарных археологических раскопок, однако из-за несвоевременного получения денег и сложностей с транспортом исследователи вынуждены были провести раскопки в Салехарде. Группа, состоявшая из двух человек: Валерия Николаевича и его жены Ванды Иосифовны Мошинской, — прибыла на место работ уже в сентябре, когда времени на раскопки не оставалось [Чернецов, И-1946]. В. Н. Чернецов произвел съемку топографического плана, собрал подъемный материал в обрыве берега, обследовал окрестности и снял ситуационный план местности. Особую ценность в его работе представляет профессионально снятый план памятника и его описание [Чернецов, 1947. — С. 159–162], так как спустя 21 год, когда начались раскопки экспедиции ААНИИ, памятник уже был серьезно разрушен рекой: исчезли остатки двух крепостных башен, стоявших у обрыва, и нескольких объектов посада. Сегодня полный план кремля,

включая Зубцовскую и Давыдовскую башни, можно видеть только на съемке В. Н. Чернецова (Отд. прил. – Лист 4. *Чертеж 1*).

Предположение Н. И. Шухова о том, что единственный относительно полно сохранившийся сруб с отверстием типа бойницы является сторожевой башней, по мнению В. Н. Чернецова, являлось ошибочным: внутри сруба им отмечена груда обожженных камней, свидетельствовавших о жилом характере этой постройки. Ученый первым попытался выяснить планировку города: провел основные линии домов параллельно реке Таз и взвозу, определил место взвоза — от реки Осетровки к воротам Спасской башни, предположил местоположение торговых рядов, двух церквей и кладбища на территории города и еще одного кладбища на противоположном берегу Осетровки. И хотя последующие раскопки не подтвердили наличие церкви к северу от взвоза, а место основного кладбища до сих пор не найдено, съемка В. Н. Чернецова до сих пор является очень информативной. Его топографический план значительно совершеннее и более близок к реальности, чем более поздний, сделанный Р. И. Юнак в экспедиции М. И. Белова (Отд. прил. – Лист 5. *Чертеж 2*).

Кроме исследований на самом городище, В. Н. Чернецов широко обследовал окрестности, снял ситуационный план и собрал информацию у местных жителей. Им были выявлены и описаны другие археологические объекты на реках Мангазейке и Панче, а также у Сидоровской пристани, которые, по словам местных селькупов, являются землянками энцев [*Чернецов, И-1946*].

На бечевнике, вдоль разрушающегося берега, В. Н. Чернецов собрал разнообразные находки, в том числе и остеологические, которые зоолог В. И. Цалкин позднее определил как кости коровы и свиньи.

Свидетельства о занятиях скотоводством, находки монет (11 русских и одного нюрнбергского счетного жетона), обломков китайского фарфора, европейского стекла, разнообразных металлических изделий, привозной и «местной» керамики, бронзолитейных отходов позволили исследователю предположить, что Мангазея была «прочно обжитым местом», в городе были ремесленники, работавшие на местный рынок, но основной удельный вес в Мангазее имела все же торговля, с поразительно широким для своего места и времени размахом [*Чернецов, 1947. – С. 159–162*].

Второй этап включает в себя ширококомасштабные стационарные археологические раскопки, проведенные на памятнике в 1968–1970 и 1973 годах Арктическим и Антарктическим научно-исследовательским институтом.

Для продолжения исследований, начатых В. Н. Чернецовым, была создана комплексная историко-географическая Мангазейская экспедиция, в задачи которой входили раскопки городища и изыскания на ямальских и енисейских волоках. Общее руководство экспедицией осуществлялось д. и. н. М. И. Беловым, археологические исследования проводили к. и. н. О. В. Овсянников (1968 и 1969 гг.) и к. и. н. В. Ф. Старков (1970 и 1973 гг.).

В ходе четырех полевых сезонов на территории памятника были заложены 24 раскопа общей площадью 15 000 кв. м (Отд. прил. – Лист 6. *Чертеж 3*), в которых зафиксированы около 40 [*Белов и др., 1980. – С. 9*], 80 [*Белов и др., 1980. – С. 4*] или более 100 [*Белов и др., 1981. – С. 12*] построек. По результатам исследований была написана двухтомная монография; на основании полученных материалов и письменных источников сделаны планиграфическая и объемная реконструкции города (кремля и посада) [*Белов и др., 1980. – Прил. XXV–XXX*], а также коча [*Белов и др., 1980. – Прил. XXXV*].

В целом археологические раскопки, проведенные экспедицией ААНИИ, увенчались огромным успехом; был собран археологический материал, превосходящий все известные коллекции синхронных русских памятников. Особенно впечатляла прекрасная сохранность предметов из дерева, бересты, кожи, ткани, кости, волокон. Одна только нумизматическая коллекция состояла из 236 монет. Правда, подавляющее их большинство было обнаружено не в раскопе, а на бечевнике, куда они попали из разрушенного рекой культурного слоя. Получена самая большая на то время коллекция шахмат XVII века (80 костяных и деревянных фигурок), найдены шахматные доски. Впервые было обнаружено большое количество прекрасно сохранившихся деталей коча и появилась реальная возможность приступить к научной реконструкции этого судна. К сожалению, чертежи большей части корабельных деталей сделаны не были, вследствие чего часть ценной информации об их устройстве оказалась утраченной.

Богатая коллекция найденных предметов, наличие капитальных построек, выявленных при раскопках, дали основание М. И. Белову и его коллегам сделать вывод о значительной численности населения, постоянно проживавшего в Мангазее, и занятиях ее жителей: «В городе жили ремесленники-промысловики, занимавшиеся

извозом, ежегодной рыбной ловлей, охотой на дичь, сапожники, косторезы и даже литейщики» [Белов и др., 1980. – С. 73].

Экспедиция получила статус комплексной: использовались данные архивных источников, наряду с традиционными археологическими методами применялись и естественнонаучные. Особо результативным оказался дендрохронологический анализ образцов бревен деревянных конструкций, выполненный сотрудником Института экологии растений и животных УНЦ С. Г. Шиятовым.

После полевого сезона 1973 года археологические раскопки на памятнике долгое время не проводились, что объясняется, с одной стороны, труднодоступностью памятника, а с другой, и в первую очередь, — заявлением исследователей о фактическом завершении археологического изучения Мангазеи [Белов и др., 1980. – С. 128].

Третий этап начался в 1999 году, когда памятник был обследован совместной экспедицией Центра историко-культурного наследия Нефтеюганского района и Красноселькупского краеведческого музея. Первоначально цель экспедиции была скромная — собрать на бечевнике под городищем коллекцию артефактов для музейной экспозиции. Вероятность успеха формирования коллекции таким способом представлялась довольно высокой. Дело в том, что, как до раскопок экспедиции ААНИИ, так и по их завершении, городище постоянно посещали «любители старины», которые искали на бечевнике мангазейские древности, прежде всего, серебряные монеты.

Об этом время от времени сообщали средства массовой информации, в том числе и центральные. Один из таких фактов приведен в монографии «Мангазея» со ссылкой на газету «Правда» за 1967 год: местный житель селькуп Н. Кыткин нашел на бечевнике под городищем серебряный кубок с выгравированным именем мангазейского воеводы Ивана Биркина [Белов и др. 1980. – С. 59]. От местных жителей известно также, что в военные годы селькупы прибегали к «раскопкам» на городище с целью найти железные ножи и топоры, которые после «реставрации» использовали в быту. В местные краеведческие музеи — Красноселькупский, Тазовский, Тарко-Салинский — время от времени поступали вещи с Мангазейского городища, собранные краеведами и археологами-любителями.

В ходе обследования памятника в 1999 году выяснилось, что он находится в аварийном состоянии: многие раскопы экспедиции ААНИИ не были законсервированы, вследствие чего культурный слой и остатки деревянных сооружений стремительно разрушаются в результате оттаивания мерзлоты, и особенно интенсивно — раскопы, выходящие на обрыв террасы, где слой размывается паводковыми водами реки Таз. Усугубляли эрозию берега и грабительские раскопки, которым памятник подвергался почти ежегодно. Зачистка обрыва берега, произведенная в ходе обследования на территории мангазейского посада (раскоп «комплекса А» экспедиции ААНИИ), выявила наличие недокопанного культурного слоя мощностью более 50 см [Визгалов, 2000. – С. 357–358].

При осмотре старых раскопов были выявлены неразобранные срубы с фрагментами досок пола, оконтуренные траншеями. Лишенные защитного «панциря» из промерзшего культурного слоя, остатки деревянных конструкций начали интенсивно ветшать, на них выросла трава, корни которой усугубляли процесс разрушения. Таким образом, памятник находился в аварийном состоянии.

В 2000 году экспедицией ЦИКН под руководством Г. П. Визгалова был снят глазомерный план городища [Визгалов, И-2001] и проведены аварийно-спасательные раскопки в «комплексе А» экспедиции ААНИИ, где был заложен рекогносцировочный раскоп в виде траншеи размерами 20×1 м. В раскопе было найдено 463 предмета, еще 356 предметов — собрано на берегу и на разрушенном грабителями участке культурного слоя раскопа № 22 (1973 г.). Наиболее ценные среди них — монеты, шахматные фигурки, бронзовая чернильница, светец, костяные кубики для игры в зернь, кандальная цепь, футляр для печати, напильник, связка ювелирных инструментов.

Результаты обследования привели к выводу о необходимости возобновления археологических раскопок в наиболее разрушаемой части памятника на территории старых раскопов [Визгалов, 2000. – С. 357–358].

Археологическое изучение Мангазеи было продолжено в 2001 году экспедицией ЦИКН под руководством Г. П. Визгалова и С. Г. Пархимовича. Был снят инструментальный топографический план памятника (Отд. прил. – Лист 8. Чертеж 5), который показал неточность съемки, выполненной Р. И. Юнак. Неточность и приблизительность ее плана, скорее всего, объясняется низкой плотностью точек замеров.

Новый план памятника, выполненный в масштабе 1:500, зафиксировал реальный рельеф, изменившийся за 32 года после первой съемки из-за крупномасштабных раскопок и эрозийных процессов. Нанесенные

на плане контуры старых и новых раскопов наглядно показали, что глазомерный план, снятый в 1946 году В. Н. Чернецовым, оказался гораздо ближе в деталях новому плану, чем снятый в 1968 году.

Начиная с 2001 года раскопки ведутся внутри раскопа № 22 экспедиции ААНИИ (Отд. прил. – Лист 8. *Чертежи* 3, 5).

Новые исследования с самого начала носили комплексный характер: помимо традиционных археологических методов, широко применялись естественно-научные — дендрохронологический, археозоологический, палеоэнтомологический, палинологический, паразитологический, палеоботанический, спектрографический. К исследованиям были привлечены сотрудники Института экологии растений и животных УрО РАН.

За четыре полевых сезона нам удалось полностью раскопать культурный слой на площади 259 кв. м, что составляет около 30 процентов площади старого раскопа (697 кв. м). Раскопки велись до уровня мерзлоты. На следующий год, когда мерзлота оттаивала, слой докапывался до материка и одновременно начинались работы на примыкающих участках раскопа.

Замерзшее состояние мангазейского культурного слоя, обеспечившее прекрасную сохранность органических материалов, во многом определило уникальность этого памятника. Механизм формирования слоя своеобразен. В условиях многолетней мерзлоты, на суглинистых и глинистых почвах, в отличие от песчаных почв, которые глубоко протаивают летом, наиболее оптимальный вариант жилища — постройки наземного типа. Из отходов строительства (щепы, веток) формировалась гидротермоизоляционная «подушка» между мерзлым грунтом и основанием жилища, за несколько лет промерзавшая. Впоследствии так же промораживался новый слой хозяйственного и строительного мусора. Таким образом формировался культурный слой, содержащий в замерзшем состоянии огромное количество не только артефактов, но и экофактов (кости, рога, роговые образования, перья, шерсть животных и волосы человека). В таком слое сохраняются разные растительные остатки — древесина, веточки, кора, листья, семена и плоды, пыльца, а также разнообразные остатки насекомых — крылья, куколки, яйца и пр. Сохраняются многие химические вещества, отражающие разные стороны деятельности человека. В итоге культурный слой памятников, подобных Мангазее, содержит комплекс самой разнообразной и многоплановой информации.

Раскопки каждого года являлись продолжением предыдущих, то есть исследования 2001–2004 годов велись единой площадью (Отд. прил. – Лист 9. *Чертеж* 6) [Визгалов, И–2002; И–2003; И–2004; И–2005]. Новые раскопки, получившие нумерацию в соответствии с годами раскопок: № 01–1, 02–2, 03–3, 04–4, были ориентированы в направлениях СЗ–ЮВ и ЮЗ–СВ.

Уже в начале новых раскопок стало ясно, что культурный слой в старом раскопе был выбран частично, и нам предстоит завершить исследование мангазейских построек, начатое, но не законченное экспедицией ААНИИ. В ходе работ выяснилось, что результаты наших исследований дают возможность не только существенно дополнить выводы авторов монографии «Мангазея», но и в значительной степени скорректировать их. В частности — данные относительно планировки, особенностей конструкций построек и их стратиграфии. Выявились значительные расхождения между реальностью и ситуацией, представленной на плане раскопа в монографии [Белов и др., 1980. – Табл. XIV].

В 2001–2004 годах раскопки велись в юго-западной части раскопа № 22. За это время удалось полностью исследовать восемь построек и частично расчистить остатки еще пяти. Все вновь раскопанные постройки получили сплошную нумерацию — 1, 2, 3 и т. д. Номера присваивались по мере их обнаружения.

Исследованные постройки относятся к первой половине XVII века, пять из них, по данным дендрохронологического анализа, датируются первой третью XVII века. В результате новых исследований в недокопанном слое было найдено 10 833 артефакта. Новые раскопки дали материал, по количеству и разнообразию сравнимый с материалом, полученным экспедицией ААНИИ на площади 15 000 кв. м (табл. I). Очевидно, территория новых раскопов — это единственный к настоящему времени участок города, изученный полностью и имеющий достаточно информативную стратиграфию, планиграфию и статистику находок. Материалы раскопок этого участка и явились источниковой базой данного исследования.

Залегание строительных конструкций и находок фиксировалось относительно репера, общего для всего памятника. Реперная точка находится в 5 м к северу от юго-западного угла раскопа № 14 экспедиции ААНИИ и возвышается над уровнем воды на 10 м. Соответственно, уровни поверхности в раскопе отражали степень возвышения их над краем поймы реки Таз и уменьшались по мере углубления.

1.3. МАНГАЗЕЯ В ИСТОРИОГРАФИИ РУССКОГО ОСВОЕНИЯ КРАЙНЕГО СЕВЕРА СИБИРИ

Почти во всех трудах по истории освоения русскими Северо-Западной Сибири Мангазея занимает особое место — как самый северный и единственный город Заполярья, достигший неожиданного и кратковременного расцвета [Анучин, 1954; Александров, 1964; Буцинский, 1999; Вилков, Курсков, 1987 и др.].

В историографии Мангазеи естественным образом выделяются две линии: история изучения заполярного города, основанная на сохранившихся письменных источниках, и история археологического исследования Мангазейского городища. Тот факт, что город в один год был оставлен жителями по административному распоряжению из Москвы, поставил Мангазею в сибирском городоведении на особое место.

Первыми историками, обратившими внимание на Мангазею еще в конце XVII века, были Н. Венюков и Ю. Крижанич. Подъячий Посольского приказа Н. Венюков в своем труде «Описание Сибири» особое внимание уделил описанию путей в Мангазею «корельских» людей морем-океаном мимо Пустозерска и «мимо Тюмени... Тобольска» в Обь до Мангазейского море-океана. О запрещенном и полузабытом к тому времени Мангазейском морском ходе, он писал, что путь этот «тужен и прискорбен и зело страшен от ветров» [по: Резун, 1982. — С. 47–48]. Ю. Крижанич коснулся причин оставления Мангазеи: «...припасы и прочий груз лишь с большим трудом могли быть доставлены на лодках к городу» [по: Титов, 1890].

По мере становления исторического знания как науки, развитие старых городов Сибири вызывало все больший интерес — как со стороны академической науки, так и со стороны многочисленных местных краеведов [Вилков, 1984. — С. 6–35; Резун, 1991. — С. 3–25; 1996. — С. 9–35]. В этом отношении заброшенный город, лишенный преемственности поколений, был обречен на забвение, прерванное лишь тогда, когда развитие исторической науки позволило ставить и решать проблемы, обусловленные логикой поступательного развития самого исторического знания. Не случайно первый содержательный очерк о Мангазее появился лишь в конце XIX века. Как не случайно и то обстоятельство, что история города рассматривалась автором очерка П. Н. Буцинским в неразрывной связи с освоением северных территорий огромного Мангазейского уезда [Буцинский, 1999. — С. 6–25].

Если как объект археологии *городище Мангазея* вполне самодостаточно, то история *города Мангазеи* должна рассматриваться в более широком контексте русского освоения Крайнего Севера Сибири в XVI–XVII веках. Именно Мангазея более полувека была настоящей столицей Заполярного края, куда стекалась добытая пушнина — «мягкое золото» — и откуда отряды промышленников двигались далее на восток.

В XVIII веке к изучению Мангазеи первым обратился историк Г. Ф. Миллер. Его знаменитый труд «История Сибири» был основан на огромном комплексе документов, которые ученый собрал и скопировал в местных архивах во время поездок по Сибири в 1733–1743 годах [Миллер, 1999; 2000]. Г. Ф. Миллер был первым, кто дал хронологически связную, фактологически достоверную и критически выверенную картину процесса русской колонизации Сибири в первые десятилетия после похода Ермака.

Именно он ввел в научный оборот документы из Туруханского (бывшего Мангазейского) архива, на основе которых осветил некоторые важные вопросы истории как самого города, так и формирования Мангазейского уезда.

Особое внимание Г. Ф. Миллер уделил событиям, связанным с возникновением Мангазеи, и доказал, что город был основан отрядом князя М. М. Шаховского (историк не высказался определенно, в каком году — 1600 или 1601-м). Очень проницательны его суждения о том, что само название «Мангазея» этимологически восходит к названию одного из родов местного самодийского населения и что до основания города Тазовско-Туруханский край был известен поморским и коми-зырянским промысловикам. Г. Ф. Миллер, хотя и в общих чертах, поднял вопрос о функционировании морского пути из Поморья в Обскую губу и причинах его запрещения. Констатируя тот факт, что в результате этих исследований не была представлена связная история самого города Мангазеи, не стоит забывать, что историк ставил перед собой задачу другого масштаба — описать русское продвижение в Сибирь от Урала до Дальнего Востока.

После изысканий Г. Ф. Миллера мангазейская тема долго не получала развития. Появившиеся в XIX веке обобщающие работы по истории Сибири [Словцов, 1995; Щеглов, 1993], основанные на уже опубликованных источниках и трудах этого ученого, ничего нового в воссоздании истории уникального заполярного города не внесли. Исключением стали оригинальные статьи известного западносибирского краеведа

Н. А. Абрамова, который, в частности, опубликовал в 1866 году небольшие очерки о культе Василия Мангазейского и жизни игумена Тихона, основателя Туруханского Троицкого монастыря [Абрамов, 1998. – С. 517–527].

Нельзя не отметить опубликованную в 1880-е годы серию статей А. В. Оксенова, который, по словам В. Г. Мирзоева, «поднял завесу, скрывающую тайну исторических отношений между русским народом и Сибирью в отдаленном прошлом» [Мирзоев, 1970. – С. 346]. Историк буквально по крупицам собрал из русских источников материал, свидетельствующий о давних отношениях Новгорода, а затем и Москвы с землями Северного Приуралья и Зауралья — Югрой и Обдорией [Оксенов, 1885, 1891]. Тем самым был утвержден приоритет промыслового и торгового проникновения русских в Северо-Западную Сибирь задолго до похода Ермака.

Продолжая работы А. В. Оксенова, известный географ и этнограф Д. Н. Анучин в 1890 и 1903 годах опубликовал две статьи историко-географического характера. В них ученый развил мысль Г. Ф. Миллера о том, что географическая область «Молганзея» была известна русским людям задолго до основания города на Таз, который и воспринял автохтонное название. Для выяснения этого вопроса Д. Н. Анучин подробно разобрал «Сказание о человецех незнаемых в восточной стране» (конец XV в.) и впервые широко использовал картографический материал XVI века [Анучин, 1890. – С. 227–313; 1954. – С. 143–152].

В конце XIX века к изучению вопросов первоначальной русской колонизации Сибири обратился профессор Харьковского университета П. Н. Буцинский. В 1893 году он опубликовал первую специальную работу о Мангазее, которая органично продолжила его монографию о русском заселении Западной Сибири в первой половине XVII века [Буцинский, 1999. Т. 2. – С. 5–78]. В заслугу П. Н. Буцинскому надо поставить то, что он обратился к архивным материалам, отличным от документов Г. Ф. Миллера. Дело в том, что Миллер работая с документами местных архивов, не имел возможности ознакомиться с материалами центральных московских учреждений, управлявших Сибирью в XVII веке. Именно обращение к делопроизводственной документации Сибирского приказа позволило Буцинскому создать научно значимый очерк о жизни Мангазеи в первой половине XVII века. Можно сказать, что ключевые проблемы истории Мангазеи в работе П. Н. Буцинского были уже обозначены. Ученый (вслед за А. В. Оксеновым и Д. Н. Анучиным) рассмотрел вопрос о проникновении русского населения на Север Западной Сибири до похода Ермака, подтвердив не оспариваемое ныне положение, что промысловая колонизация таежных и тундровых территорий Сибири намного опережала земледельческую колонизацию ее средней и южной полосы.

Вновь обратившись к сюжету об основании Мангазеи, П. Н. Буцинский подробно проанализировал все известные ему источники и пришел к обоснованному выводу, что город был заложен в 1601 году. Ученый уделил внимание истории Мангазейского морского хода, рассмотрев его различные варианты (в том числе — по Иртышу и Оби через Обскую губу).

Немалое место в работе П. Н. Буцинского занимает проблема формирования территории Мангазейского уезда, которая рассматривается через поэтапное объяснение самодийских, эвенкийских и кетских родов и возникновение цепочки ясачных зимовий. На основе архивных документов он впервые дал перечень таких зимовий с указанием родового и количественного состава аборигенного населения, приписанного к ним. Пристальное внимание ученый обратил на торгово-промысловую деятельность временных и постоянных жителей Мангазеи, впервые показав в цифрах объем соболиного промысла в 1620–1640-е годы. Причинами упадка Мангазеи он считал истощение соболиных промыслов и правительственное запрещение морского пути из Поморья в Обскую губу.

Буцинский выступил против довольно распространенного в то время (особенно в сочинениях сибирских областников) тезиса об угнетении и истреблении сибирских инородцев в процессе русской колонизации, за что уже советской историографией был заклеямен как «откровенный колонизатор» [Мирзоев, 1970. – С. 365–366]. Между тем историк доказательно говорил о протекционистской политике московского правительства по отношению к ясачным народам и обозначил проблему сложных взаимоотношений частных промышленников и автохтонного населения, которые не исключали и вооруженные конфликты. Фактически ученый, основываясь на материалах Мангазейского уезда, поставил, хотя четко и не сформулировал, проблему отношения государства к частному пушному промыслу в Сибири — одну из основных, на наш взгляд, при изучении процесса русского освоения сибирского Севера.

К числу недостатков работы П. Н. Буцинского можно отнести игнорирование историко-архитектурного облика города, который в первую очередь интересует современных археологов. Но даже сегодня специальные поиски документальных источников о топографии и застройке Мангазеи обнаруживают их малочисленность.

Огромный вклад в изучение проблем истории Сибири внес С. В. Бахрушин, чье многогранное научное творчество представляет собой целый этап в отечественном сибиреведении. Идя по пути, проложенному П. Н. Буцинским, С. В. Бахрушин поднял огромные пласты материалов Сибирского приказа и других фондов, в которых отложились документы по истории сибирских уездов, в том числе и Мангазеи. Хотя С. В. Бахрушин не написал об этом заполярном городе обобщающей работы, его отдельные статьи воссоздали достаточно полную панораму своеобразной жизни Мангазеи, а по богатству фактического материала и глубине анализа они превосходят очерк П. Н. Буцинского.

В работе о сухопутных и водных путях в Сибирь в XVI–XVII веках ученый рассмотрел, в частности, знаменитый Мангазейский морской ход из Поморья в Обскую губу, привлекая как отечественные, так и зарубежные источники. С. В. Бахрушин охарактеризовал также плавания в Мангазею из Тобольска по Иртышу и Оби [Бахрушин, 1955. – С. 87–93]. Определенным недостатком данной работы Бахрушина является недооценка уровня русского судостроения. Например, кочи, на которых доставлялись в Мангазею люди и грузы, он считал примитивными плоскодонными барками. Поэтому плавания в Мангазею на «утлых и кое-как сколоченных кочах» предстают занятием чрезмерно рискованным и самоубийственным [Бахрушин, 1955. – С. 72–93].

Решающую роль в первоначальном освоении Сибири Бахрушин отводил торгово-промышленным людям и частному торговому капиталу. Поэтому выросшая на соболиных промыслах «беспашенная» Мангазея занимает одно из центральных мест в ряду сибиреведческих трудов ученого. В 1920-х годах Бахрушин опубликовал три статьи, в которых раскрываются различные аспекты истории Мангазеи. В статье «Андрей Федорович Палицын» подробно освещена воеводская «смута», которая потрясла город в 1630–1631 годах [Бахрушин, 1955. – С. 175–197]. Когда вражда между воеводами Кокоревым и Палицыным дошла до открытых вооруженных столкновений, правительство вынуждено было расследовать это дело. Результаты расследования оставили объемные архивные материалы, которые впервые использовал Бахрушин, а вслед за ним и некоторые другие исследователи. В них содержатся сведения (хотя, конечно, далеко не полные) о городских постройках, об их расположении по отношению друг к другу, о жителях Мангазеи.

В статье «Мангазейская мирская община в XVII в.» Бахрушин рассмотрел вопрос формирования и функционирования мирской общины, состоявшей из торговцев и промышленников, прибывших в Мангазею за пушным зверем [Бахрушин, 1955. – С. 297–330]. В стихийном формировании мирской общины, основанной на принципах самоуправления, проявилась мощная традиция социальной жизни Русского Севера. Бахрушин показал, что в годы расцвета Мангазеи община, объединявшая мангазейский и туруханский «миры», являлась действенной силой, с которой была вынуждена считаться воеводская власть. Данная работа насыщена множеством бытовых деталей жизни заполярного города. Есть в ней и сведения о городских постройках. Наконец, Бахрушин не прошел мимо такого сюжета, как зарождение и формирование народного культа Василия Мангазейского, посвятив этой теме специальную статью. Анализ «жития» Василия Мангазейского ученый дополнил архивным актовым материалом, благодаря чему удалось показать некоторые черты массового религиозного сознания первых колонистов Сибири. В статье содержатся интересные сведения о повседневной жизни Мангазеи в период ее угасания — в 1650–1660-е годы [Бахрушин, 1955. – С. 331–354].

С. В. Бахрушин неоднократно подчеркивал огромную роль Мангазеи в открытии и приведении в русское подданство новых земель к востоку от Енисея. Привлечение нового архивного материала позволило ему обоснованно утверждать, что «вплоть до основания Якутска Мангазея оставалась тем центром, откуда производились открытие и присоединение северо-восточной Сибири» [Бахрушин, 1955. – С. 297]. Экспедиции «мангазейцев» в Восточную Сибирь подробно обрисованы Бахрушиным в книге по истории Якутии [Бахрушин, 1953. – С. 10–26].

Для археологического исследования Мангазеи большую ценность представляет небольшая, но весьма насыщенная статья С. В. Бахрушина об обычном снаряжении промышленного человека, в которой перечисляются предметы охоты, средства передвижения, посуда, оружие, одежда и прочее — все то, чем запасались промысловики, уходя на несколько лет в тайгу [Бахрушин, 1951. – С. 85–92]. После смерти ученого впервые была опубликована его статья о «зерни» — распространенной в XVII веке азартной игре [Бахрушин, 1987. – С. 118–140]. Приводимый в статье материал убедительно подтверждается при раскопках города многочисленными находками игральных костей.

Таким образом, работы П. Н. Буцинского и С. В. Бахрушина извлекли из небытия историю заброшенного города и показали огромное значение Мангазеи в процессе колонизации русским народом северных районов Сибири.

Особая линия в изучении Мангазеи связана с таким направлением историографии, как история географических открытий в Сибири. Это направление стало активно развиваться с 1940-х годов, когда руководством страны во главе с И. В. Сталиным сменило идеологию абстрактного интернационализма на возвеличивание роли русского народа в мировой истории и культуре. Высказывания И. В. Сталина в определенной мере «открыли» ученым тему по изучению прошлого русского народа, хотя при жизни вождя многие научные сочинения страдали чрезмерно завышенными оценками достижений России в области истории и культуры.

В 1940–1950-е годы появились труды В. Ю. Визе, К. С. Бадигина, М. И. Белова, в которых плавания поморов в Мангазее рассматривались в широком контексте исторического опыта русского мореплавания в Северном Ледовитом океане. Обладая широкой эрудицией и знанием иностранных источников, В. Ю. Визе создал интересные очерки о попытках европейцев найти в XVI–XVII веках Северо-Восточный проход вдоль берегов Сибири и русских полярных плаваниях в это время [Визе, 1948. – С. 17–58]. Сочинения К. С. Бадигина, при всей их внешней научности, на наш взгляд, нельзя рассматривать в ряду научной историографии, поскольку в них очевидны и пристрастность автора, и вольное обращение с фактами (вплоть до прямой их фальсификации) [Бадигин, 1956].

Подробнее следует остановиться на трудах М. И. Белова, который, занимаясь историей географических открытий в широких хронологических и территориальных рамках, в течение всей творческой жизни неоднократно возвращался к «мангазейской» теме. Его статья об открытии русскими Таймырского полуострова органично дополнила материал С. В. Бахрушина о значении Мангазеи в организации экспедиций по северу Сибири [Белов, 1951. – С. 41–52]. Неоспоримой заслугой Белова являются его изыскания по истории русского полярного судостроения и мореходной культуры поморов, перенесенной в Сибирь. Ученый оспорил мнение С. В. Бахрушина о примитивности русского судостроения и навигационных знаний и доказал довольно высокий уровень мореходной культуры допетровского времени. Это представляется очень важным: без развитого судостроения в условиях того времени русская колонизация Тазовско-Туруханского края была бы просто невозможной.

В своем обширном труде об арктическом мореплавании М. И. Белов выделил специальную главу о плаваниях в Мангазее, дополнив материал предшественников новыми архивными документами [Белов, 1951а. – С. 63–80; 1956. – С. 106–127, 188–215]. На основе найденных им архивных источников он предложил первые графические модели коча, заложив основы реконструкции уникального судна, на котором в XVII веке была пройдена большая часть Северного морского пути и открыт Берингов пролив.

В 1960 году вышла в свет капитальная монография Б. О. Долгих, в которой на основе анализа ясачных книг рассмотрен родовой состав аборигенов Березовского и Мангазейского уездов — фактически всей территории Севера Западной Сибири [Долгих, 1960. – С. 119–182]. Исследователь дал наиболее полный перечень ясачных зимовий, основанных мангазейцами, показав тем самым степень русского присутствия в лесотундровых и тундровых зонах.

Начатые С. В. Бахрушиным исследования о русском промысловом населении Мангазейского уезда были продолжены В. А. Александровым и П. Н. Павловым. Разница между подходами С. В. Бахрушина и В. А. Александрова видится в следующем. В истории Мангазеи Бахрушин обнаружил и исследовал яркие сюжеты, которые в первую очередь привлекают внимание исследователя, а Александров ставил перед собой задачу поэтапно и систематически проследить продвижение русского промышленного населения в Тазовско-Туруханский регион и низовья Енисея, а также формирование постоянного русского населения. Этим проблемам в обширной монографии Александрова уделены две главы [Александров, 1964. – С. 11–32, 59–77]. Ученый пришел к выводу, что сохранившиеся источники не могут предоставить репрезентативных сведений о постоянном населении Мангазеи до середины XVII века. Он раскрыл начальный процесс формирования русского старожильческого населения на севере Енисейского края, придя к выводу, что оно сложилось на рубеже XVII–XVIII веков (в его состав вошли и бывшие жители Мангазеи).

Работа В. А. Александрова имеет преимущественно историко-этнографический характер: в ней рассмотрены такие вопросы, как места прежнего проживания колонистов Сибири, черты семейного уклада, пространственные типы жилища. Относительно Мангазеи ученый отметил, что сохранившиеся источники не позволяют отчетливо представить ни микропонимику города, ни типы имевшихся в нем построек.

После появления работ В. И. Шункова (1940–1950-е гг.) о развитии русского земледелия и складывании в XVII веке в Сибири постоянного крестьянского населения концепция С. В. Бахрушина о решающей роли промысловой колонизации стала подвергаться критике. Представляется, что противопоставление

земледельческого и промыслового освоения Сибири в нашей историографии носило искусственный характер, поскольку разница между ними определяется географо-климатическими причинами.

Закономерным, в связи с этим, было появление работ П. Н. Павлова о пушном промысле и промысловой колонизации Сибири в XVII веке, основанных в значительной части на материалах Мангазейского уезда [Павлов, 1972; 1974]. Ученый рассмотрел такие малоизученные вопросы, как отношение государства к частному пушному промыслу, использование охотничьих угодий аборигенным населением и частными промышленниками. Продолжая исследования В. А. Александрова, он обратился к теме формирования (в более широких территориальных рамках) постоянного русского промыслового населения на Севере Сибири и попытался выяснить участие разных социальных слоев в пушном промысле. Ученый пришел к выводу, что в 1670-е годы в Западной Сибири (фактически — на территории Мангазейского уезда) насчитывалось не менее 500 постоянных охотников-промышленников. П. Н. Павлову принадлежит интересная и редкая по тематике статья о русских старожилах Туруханского края XIX века, ведущих свое происхождение от пионеров промыслового освоения Сибири [Павлов, 1966. — С. 84–114].

Таким образом, к середине 1960-х годов история Мангазеи была довольно неплохо изучена по письменным источникам. Можно даже утверждать, что основной комплекс летописных и документальных источников, в которых отразилась история Мангазеи, был открыт и освоен исследователями. Другое дело, что материальная культура первых колонистов Северо-Западной Сибири и архитектура Мангазеи в письменных источниках были отражены весьма слабо. В связи с этим с конца 1960-х годов встала проблема комплексного исследования Мангазеи с привлечением данных археологии и этнографии.

Будучи признанным историком русских географических открытий и полярного мореплавания, М. И. Белов много и плодотворно работал с архивными документами XVII века, однако вряд ли обладал необходимой подготовкой археолога. В качестве специалистов к раскопкам были привлечены археологи О. В. Овсянников и В. Ф. Старков. По первым результатам археологических раскопок Мангазеи 1968–1969 годов О. В. Овсянниковым была написана и в 1973 году защищена кандидатская диссертация «Мангазея — русский город в Сибири в XVII в. (Историко-культурный очерк)».

В 1969 году М. И. Белов выпустил научно-популярную книгу «Мангазея» [Белов, 1969]. Очевидно, что книга была написана еще до начала археологических раскопок, поэтому их результаты в ней не отразились. Эта книга относится к жанру беллетризированного повествования и несвободна от вольных интерпретаций и фактических ошибок, заметных глазу историка, занимающегося исследованием колонизации Сибири, что не позволяет включать эту работу Белова в круг строго научной литературы.

Результатом исследования Мангазейского городища явилась широко известная монография в двух частях [Белов, Овсянников, Старков, 1980; 1981]. Между окончанием раскопок (1973 г.) и выходом исследования в свет прошло семь лет. Публикация уникальных археологических находок в этом издании оставила в тени тот факт, что М. И. Белов за это время проработал дополнительно архивный материал, относящийся к Мангазее. В связи с этим имеет смысл остановиться на тех страницах книги, которые основаны на данных письменных источников в интерпретации М. И. Белова.

Публикация такого солидного труда по истории Мангазеи, снабженного богатым иллюстративным и графическим материалом, добытым методами археологического исследования, вызвала во многом заслуженное доверие со стороны научной общественности. Однако следует отметить, что в итоге эта монография, вольно или невольно, создала не совсем корректную историографическую ситуацию. Не встретив необходимой конструктивной критики, авторы данного труда как бы поставили крест на дальнейшем изучении Мангазеи. Примененный М. И. Беловым метод комплексного («историко-топографического») исследования, где археология вступает в тесный контакт с документальными источниками, на наш взгляд, требует большой осторожности, в противном случае неизбежны погрешности и ошибки, которыми, к сожалению, изобилует монография.

Завершенное комплексное исследование, безусловно, нуждалось в коллективной рецензии. Однако ни историки (за исключением статьи-рецензии О. Н. Вилкова и Ю. В. Курскова), ни археологи не стали высказывать свои суждения о книге, считая себя, видимо, недостаточно компетентными для оценки всего исследования, относящегося к тематике по тем временам малоизученной, как территориально, так и хронологически.

К сожалению, при внимательном и непредвзятом чтении данной монографии бросаются в глаза неточности, неверные суждения, неправильная интерпретация документов. Более того, некоторые выводы книги имеют явный налет поспешности и небрежности. Как ни странно, многие реалии XVII века, не имеющие

прямого отношения к землепроходческому движению в Сибири, остались для М. И. Белова неизвестными, что имело следствием ряд ошибочных суждений с его стороны.

Уже в предварительной публикации об итогах раскопок в Мангазее некоторые утверждения М. И. Белова вызывают удивление, например: «Но всего сильнее, пожалуй, сохранилась слава о Мангазее как убежище от произвола помещика-крепостника. Беднейшие и средние слои крестьян Северной Руси благодаря Мангазейскому морскому ходу... издавна имели свободный доступ в Обско-Енисейский район... Кроме того, в Сибири вообще существовало правило, согласно которому... те, кто бежал от помещика-крепостника, не выдавались ему назад» [Белов, 1972. – С. 163]. Между тем, ко времени написания этой статьи было давно известно, что на Русском Севере, за исключением его некоторых белозерско-вологодских районов, крестьяне являлись черносошными (государственными) и никогда не были прикреплены к частным землям. Частновладельческие крестьяне приезжали в Мангазею для пушных промыслов и с разрешения своих хозяев. Беглые же крестьяне, если они не были черносошными, даже из Сибири обычно возвращались владельцам [Преображенский, 1972. – С. 126–138].

Слабое знание исторического контекста обнаруживается и в вышеуказанной монографии. Так, О. Н. Вилков и Ю. В. Курсков отмечали, что М. И. Белов «придает Мангазее черты большей феодальности, чем это было в действительности». Исследователи делают справедливое замечание, что воеводский двор в Мангазее — это не «феодалная усадьба-вотчина», а временное место жительства должностного лица, которого, правда, сопровождали многочисленные холопы [Вилков, Курсков, 1987. – С. 253–254]. Не совсем ясно также упорное желание М. И. Белова представить Мангазею как «феодалный русский город» [Белов и др., 1980. – С. 7]. Ведь совершенно очевидно, что Мангазея — это город своеобразный, рожденный и функционировавший в особых условиях русской колонизации Севера. Большие сомнения вызывает и тезис о том, что «Мангазея — город регулярной планировки» [Белов и др., 1980. – С. 50–51]. Хорошо известно, что в XVII веке города Сибири не имели регулярной планировки [Кочедымов, 1978. – С. 13], да и «археологическая» часть книги, как представляется, не дает оснований для такого вывода.

Нельзя не остановиться и на некоторых моментах интерпретации М. И. Беловым письменных источников. Так, утверждение, что в районе позднейшей церкви Макария Желтоводского «в 1601 г., в самом начале строительства города, появился двор тобольского архиепископа Макария» [Белов и др., 1980. – С. 79], вызывает недоумение, так как известно, что Сибирская епархия основана в 1621 году, а архиепископ Макарий занимал Тобольскую кафедру в 1625–1635 годах [Буцинский, 1999. – С. 251].

Можно считать неверным и утверждение о том, что «к 40-м годам доходы Мангазеи достигли высокого прежнего уровня, и ее жители приступили к строительству новых зданий» [Белов и др., 1980. – С. 80]. По делопроизводственным документам известно, что начало 1640-х годов — самые голодные времена для жителей Мангазеи. Так, в отписке 1644 года в Москву воевода Ухтомский доносил: «Дальняя твоя государева заочная вотчина запустела, торговых и промышленных и всяких людей в Мангазее стало мало, и торгов и промыслов нет» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 134. Л. 331].

Не соответствуют действительности, с нашей точки зрения, и подсчеты количества пушнины частных промышленников, с которого в мангазейской таможне взималась десятая часть. Например, согласно М. И. Белову, в 1630 году десятичная казна составила 1984 сороков соболей, то есть около 80 тыс. шкурок [1980. – С. 80]. Получается, что промысловики привезли в Мангазею около 800 тыс. шкурок. Нет необходимости доказывать, что эта цифра относится к области фантастики. На самом деле правильные подсчеты привел С. В. Бахрушин по книге 121 Сибирского приказа о сборе 10-процентной пошлины: в 1624 году всего с промыслов было доставлено 68 120 соболей, в 1628 году — 103 330, в 1630 году — около 80 000. А к 1640-м годам таможенный сбор пришел в полный упадок [Бахрушин, 1955. Т. III. – С. 299; Александров, 1964. – С. 26–30].

Существенным представляется вопрос об ошибочной концепции М. И. Белова, согласно которой основной причиной оставления Мангазеи явилось масштабное восстание самодийских племен, якобы осадивших город [Белов и др., 1980. – С. 89–91]. В подтверждение столь ответственного вывода М. И. Белов не приводит никаких документальных свидетельств. По мнению Е. В. Вершинина, фундаментальный для данного построения документ процитирован в книге неточно и датирован неверно. В архивном подлиннике сказано: «... а во 187-м (1678/79) году те служилые люди из прежнего города Мангазеи от шатости юрацкой самоеди выехали и город оставили пуст». Речь здесь идет о четырех-пяти ясачных сборщиках, которые с 1672 года по очереди отправлялись из Туруханска в Мангазею [Вершинин, 2003. – С. 97]. М. И. Белов же, изъяв фразу из контекста, убрал из нее и дату, получив таким образом необходимое для подтверждения своей концепции «свидетельство» очевидца-воеводы, объясняющее причину, по которой якобы население покинуло город.

Приходится констатировать, что гипотеза М. И. Белова о причинах оставления Мангазеи является шагом назад по сравнению с выводами С. В. Бахрушина и В. А. Александрова.

Рассмотрим собственно археологическую часть монографии. По объему и полноте представленной информации о материальной культуре русских сибиряков XVII века она до сих пор не имеет себе равных и вполне закономерно считается в научном сообществе «своеобразной энциклопедией позднесредневековых древностей Сибири» [Артемьев, 1999. – С. 6]. Следует, однако, отметить, что эта оценка А. Р. Артемьева относится лишь ко второму тому, где опубликованы, в основном, предметы материальной культуры.

Второй том действительно заслуживает высокой оценки: различные категории находок детально описаны квалифицированными специалистами; при их интерпретации широко использованы археологические и этнографические аналогии, а характеристика различных отраслей хозяйства, быта и досуга сопровождается данными из письменных источников.

К сожалению, в этом томе не представлен целый ряд находок, в том числе уникальных. Это выясняется при ознакомлении с перечнями предметов, приведенными при описании раскопов в первом томе. Список «выпавших» из монографии находок довольно обширен:

- медная лампада (раскоп № 14) [Белов и др., 1980. – С. 15];
- сермяжная и суконная одежда, фаянсовая посуда и золотые монеты, ножи с орнаментированными ручками, «замки различных размеров», «лавки-скамейки», «массивное широкое кресло», «куски красной, зеленой и синей суконной ткани», бронзовая посуда, кожаные мешочки для игл, брошки, костяные и стеклянные орнаментированные бусы, «лошадиная сбруя — колокольчики, бубенчики и седло», скребки для выделки кож и костяные иглы, «замок от пищали, каменные ядра», деталь ткацкого станка и колесо от прялки (воеводский дом) [Белов и др., 1980. – С. 41–44];
- кости от игры в бабки и «среднеазиатской игры», «чернильница — керамический брусок», «счетная треугольная бирка» (раскоп № 12) [Белов и др., 1980. – С. 60];
- золотой полуталер и позолоченная пуговица от кафтана, «ларчики с красивым рисунком», тисненая береста, куски бересты с надписями (гостиный двор) [Белов и др., 1980. – С. 65–66];
- узкая деревянная доска с надписью «Мангазея» («съезжая изба») [Белов и др., 1980. – С. 70];
- железный замок, узорчатая береста, стрелка часов и «узорчатая тесьма», седельная лука, детская кроватка, сермяжный кафтан (раскоп № 22) [Белов и др., 1980. – С. 71–72];
- шарнирные ножницы, бронзовая бляха и бисер (раскоп № 18) [Белов и др., 1980. – С. 73];
- весла, «модели для вязания чулок», «картушки из коры», пеналы, днища прялок, костяная пластина от седла, «обломки железного копья» (раскоп № 8) [Белов и др., 1980. – С. 74];
- лопаты с фигурной рукоятью, фрагменты железного серпа, каменная формочка для отливки нательных крестов, донце и ножки стеклянных бокалов, орнаментированная костяная накладка от рукояти ножа (раскопы № 9–10) [Белов и др., 1980. – С. 87–88].

Рисунки некоторых находок приведены только в первом томе, при этом они не снабжены масштабами, описаниями и аналогиями, что, естественно, снижает их источниковедческое значение. Это касается, в первую очередь, таких изделий, как орнаментированная накладка от оленьей упряжи, кожаный переплет книги с золотым тисненым изображением, металлическая иконка с изображением сюжета «Рождение Христа», два кожаных футляра (из трех) от компасов, детали башенных часов гостиного двора, стенка деревянного ларчика с надписью, фрагмент берестяного туеса с выскобленным (а не тисненым, как указано в подписи) орнаментом, кожаная фигурная нашивка, бронзовая шумящая подвеска, медная блесна, доска с резным изображением коча, компас-солнечные часы в костяной оправе [Белов и др., 1980. – Рис. 4, 5, 7, 11, 13, 15–20, 26–28].

Первый том, содержащий описание раскопов и интерпретацию вскрытых остатков сооружений, странным образом сразу после выхода в свет стал раритетом, в связи с чем, он оставался в «тени» второго. Вероятно, во многом в силу этого обстоятельства содержание первого тома до сих пор не подвергалось критическому анализу со стороны археологов. Солидный объем археологической информации, включающей описания, планы и разрезы раскопов, и значительно оживленный документальными источниками и дендрохронологическими датами — все это производит впечатление завершенности исследования. Тем более что авторы предложили графическую реконструкцию города, заявив при этом, что городище раскопано почти полностью. Очевидно, этим и объясняется мнение А. Н. Алексеева о том, что «комплексно изученная Мангазея, бесспорно, продолжает оставаться образцом исчерпывающего изучения археологических памятников такого типа» [Алексеев, 1996. – С. 17].

Между тем, при внимательном изучении текста, планов и профилей разрезов раскопов становятся очевидными многие недочеты, ошибки, несоответствия, необоснованность интерпретаций остатков большинства сооружений и ряда выводов.

Бросается в глаза и настораживает поистине гигантский объем вскрытой площади — 15 000 кв. м, что составляет 3800 кв. м в сезон. Любому археологу совершенно ясно, что за четыре полевых сезона вскрыть полностью культурный слой мощностью более 1 м на такой площади невозможно. Тем более что в данном случае речь идет о раскопках слоя, залегающего в мерзлоте и содержащего остатки деревянных конструкций, что требует больших усилий и, соответственно, — времени (мерзлотный грунт оттаивает очень медленно). Для сравнения приведем результаты раскопок аналогичного характера культурного слоя Алазейского острога — памятника середины XVII–XVIII веков, расположенного в Якутии: за шесть полевых сезонов археологической экспедиции Якутского госуниверситета под руководством А. Н. Алексеева удалось раскопать площадь 1765 кв. м, то есть около 300 кв. м за сезон [Алексеев, 1996. – С. 21]. Более того, исходя из опыта новых раскопок в раскопе № 22, можно с уверенностью утверждать, что в течение полевого сезона реально полное вскрытие культурного слоя Мангазейского городища на площади не более 80 кв. м.

Из сказанного вытекает, что приведенная авторами монографии цифра по непонятной причине многократно преувеличена. И уж совсем необъяснимым выглядит последовавшее за ней пояснение: «Реальная же площадь раскопок была гораздо больше указанной, так как остатки деревянных сооружений часто залегали на нескольких строительных горизонтах» [Белов и др., 1980. – С. 9].

Истинные размеры вскрытой площади несложно подсчитать, сложив данные, указанные в описаниях раскопов и сопоставив их с планиграфическими материалами. Получается 9150 кв. м, при этом вскрытие производилось не по всей площади раскопов, а, в основном, по контурам видимых на поверхности остатков бревенчатых сооружений, что на некоторых планах показано тонкими (сплошными или пунктирными) линиями [Белов и др., 1980. – Прил. V–X, XIII, XV, XVII–XXII], на других — невскрытая площадь девственно чиста. Это позволяет уточнить реально вскрывавшуюся площадь — около 5780 кв. м.

Стратегия охвата раскопками максимальной площади Мангазейского городища объясняется целью, поставленной (кем?) перед экспедицией, — «в течение нескольких полевых сезонов окончательно решить вопрос о характере мангазейского поселения» [Белов и др., 1980. – С. 7]. Думается, что такую цель мог поставить только человек, не представлявший ни реальной ситуации на памятнике, ни уникальности этого ценнейшего источника для реконструкции строительных, архитектурных традиций, материальной и духовной русской культуры XVII века.

То, что решить невыполнимую задачу, строго следуя методике раскопок, регламентируемой Инструкцией ОПИ ИА РАН СССР, невозможно, прекрасно осознавал руководитель экспедиции М. И. Белов, хотя и не был при этом археологом. Помня о задаче в кратчайшие сроки поставить точку в изучении Мангазеи, он писал: «Высказывались... предположения, что планировку посада удастся обнаружить только тогда, когда будет изучено все городище. Но на это ушли бы годы».

Способ решить проблему был все же найден: вскрытие слоя производили преимущественно траншеями, по контурам бревен срубов, хорошо видимых на поверхности, углубляясь настолько, насколько позволяла оттаявшая мерзлота. Правда, об этом в монографии говорится мимоходом, при описании сооружений некоторых раскопов: «...из-за мерзлоты не удалось изучить южные подступы к срубу, забитые щепой и строительным мусором» [Белов и др., 1980. – С. 22]; «...мощный заброс камней не позволил произвести разведку нижнего яруса» [Белов и др., 1980. – С. 23]; «...два хозяйственных помещения, представленных полом из кочевых досок... конструкцией однокамерной клетки, оказавшейся под печью. Нам известны лишь ее северные углы» [Белов и др., 1980. – С. 23]; «во время проходки (?! – Авт.) церковного восточного бревна были встречены сильно прогнившие части какого-то сооружения, но раскопки у восточной стены не проводились, и поэтому можно предполагать (?! – Авт.), что здесь помещался правый придел Троицкой церкви» [Белов и др., 1980. – С. 47].

На этой огромной площади были разбиты 24 раскопа, в пределах которых удалось обнаружить остатки такого большого количества деревянных построек, что авторы монографии сбились со счета и указали различные цифры: «...изучено более 40 деревянных построек жилого, хозяйственного, административного, торгового и культового назначения» [Белов и др., 1980. – С. 9]; «...изучено более 80 построек» [Белов и др., 1980. – С. 4]; «...весь архитектурно-археологический материал (более 100 построек)» [Белов и др., 1981. – С. 12].

Думается, этого разночтения можно было избежать, если бы постройкам были присвоены номера, хотя бы при подготовке материалов для публикации. Однако это не было сделано, а описательная характеристика

мест расположения построек затрудняет их поиски на планах. По нашим подсчетам, сделанным на основании данных монографии, в 1968–1970 и 1973 годах были частично вскрыты 87 построек, в том числе и три башни кремля.

Описания результатов полевых исследований сделаны археологами, руководившими раскопками: раскопов 1968–1969 годов — О. В. Овсянниковым, раскопов 1970 и 1973 годов — В. Ф. Старковым. При этом не всегда можно выяснить из текста, кто из них исследовал конкретный раскоп и в каком году.

Как несомненное достижение следует отметить изучение О. В. Овсянниковым остатков оборонительных сооружений мангазейского кремля (к сожалению, на планах раскопов № 3–4 сетка участков и их обозначения отсутствуют). В центре крепости, на раскопе № 7, были частично вскрыты остатки Троицкой церкви и найдены шесть захоронений под нею. Работы были осложнены сильной залесенностью участка, поэтому оборонительные сооружения и остатки церкви были оконтурены траншеями, по возможности расширенными в некоторых местах. В результате удалось выяснить размеры кремля, расположение и, частично, устройство трех башен, острожной стены и стены из городен.

Неубедительным выглядит обоснование О. В. Овсянниковым наличия под основанием церкви другой постройки: «...она стояла на тонком углистом слое, что является доказательством существования здесь более раннего здания, уничтоженного пожаром» [Белов и др., 1981. – С. 14]. Учитывая, что никакие остатки ранней постройки зафиксированы не были, вызывает недоумение утверждение, что «в строительном плане более поздняя постройка похожа на предыдущую» [Белов и др., 1981. – С. 14].

Остальными раскопами исследовались постройки посада, при этом основными задачами первоначально были максимальный охват территории раскопами, выяснение планиграфии посада, размеров построек и «определение типа деревянных конструкций» [Белов и др., 1981. – С. 17]. Начиная с 1970 года, когда исследователям стали известны документальные данные о расположении и принадлежности некоторых построек, добавилась еще одна задача — найти остатки конкретных усадеб и городских комплексов (таможни, гостиного двора и т. д.).

К сожалению, монографии свойственны недостатки общего характера, снижающие ценность информативного потенциала материалов раскопок. Уровни залегания остатков построек не указаны ни на планах раскопов, ни в их описаниях. Отметки уровней поверхности раскопов на планах и профилях разрезов также отсутствуют. Не было, видимо, и репера, единого для всех раскопов. Постройки различных строительных горизонтов на планах различаются густотой заливки: нижние — черные, верхние — светлые.

Бровки на раскопах не оставлялись, а стратиграфия дана только по умозрительно реконструированным разрезам раскопов (для раскопов № 3 и 4, «комплекса А» такие разрезы сделаны не были). При этом на одних профилях «разрезов» (раскопы № 21–23) показано, что остатки построек залегают в сплошной толще однородного культурного слоя (остается неясным, что он из себя представлял), на остальных — в толще песка [Белов и др., 1980. – Прил. IV–XII, XIV–XXII], что явно не соответствует действительности: результаты новых раскопок свидетельствуют, что собственно культурный слой неоднороден и состоит из четко выраженных чередующихся прослоек чистой строительной щепы, щепы, смешанной с песчано-глинистым грунтом и обугленной щепы, а также линз речного песка, принесенного с бечевника, и линз сырой и обожженной глины, развалов кирпично-каменных печей. Все эти слои и прослойки содержат ценные данные об уровнях залегания остатков построек, интенсивности и характере строительных работ и т. п. Как видно из монографии, эти слои не были зафиксированы в профилях, а содержащаяся в них информация осталась вне поля зрения исследователей экспедиции ААНИИ.

Планы построек, сохранившихся на несколько венцов (что само по себе — чрезвычайная удача для археолога, ставящего перед собой цель реконструировать постройку), не сопровождаются развертками стен.

Среди повторяющихся ошибок и недочетов в описании остатков построек следует отметить следующие. Бревна завалинок, окружавшие многие постройки по периметру упорно именуется «оградами» или интерпретируются как «внешние срубы» («два в одном»), при этом ни разу не зафиксированы забутовки завалинок песком или обломками кирпича (в ходе новых раскопок выяснилось, что это — обязательный элемент конструкции завалинок). Из текста и планов трудно получить сколько-нибудь вразумительные и пригодные для реконструкции интерьеров построек данные не только о характеристиках печей, но и об их наличии. Нет ни одного чертежа конструкции печи — важнейшего элемента интерьера избы.

Отсутствуют и планы находок, поэтому, за редким исключением, невозможно выяснить, какие вещи были обнаружены в той или иной постройке, что необходимо для их интерпретации. При описаниях раскопов

встречаются, в лучшем случае, беглые перечни видов находок, но с явной нелюбовью к конкретике. Так, в описании раскопа № 12 сказано, что из «прогибов почвы, образовавших как бы ямы (?! – *Авт.*) ...были извлечены ценные вещи — серебряные монеты, резные шахматные фигуры, игральные кости, обувь из кожи» [Белов и др., 1980. – С. 14]. В раскопе № 5 в «очень бедном культурном слое» было найдено «...несколько монет XVII в., гвозди и около* 10 голубых бусин» [Белов и др., 1980. – С. 15], в раскопе № 14 — «большое количество рыболовных поплавков и ножи» [Белов и др., 1980. – С. 16], в раскопе № 8 — «множество деревянных и металлических изделий ремесленников» [Белов и др., 1980. – С. 23].

Несколько подробнее говорится о находках из раскопов (иногда — из построек) в главе 3, принадлежащей перу М. И. Белова, но и там цифры — редкость. Некоторые перечни, например, относящиеся к раскопу № 12, вызывают особую досаду: «...сравнительно много серебряных московских денег (40–50 монет)» [Белов и др., 1980. – С. 60]. Точное количество монет осталось неизвестным и для других раскопов. Нет данных об их местонахождении и в характеристике нумизматической коллекции, сделанной авторитетнейшим специалистом А. С. Мельниковой [Белов и др., 1981. – С. 53–60. – Табл. XII], что, впрочем, не ее вина. Она лишь отметила, что найдено «большое количество монет, преимущественно в виде подъемного материала... на бечевнике». В итоге, результаты нумизматического анализа огромной (236 монет) коллекции не могут быть использованы для характеристики раскопов, конкретных построек, их датировки.

Неиспользованным оказался и столь важный для реконструкции хозяйства Мангазеи источник, как палеоэкологические материалы. О находках костей в раскопах упоминания в монографии есть, но судьба остеологической коллекции осталась неизвестной.

Нельзя признать убедительной и интерпретацию результатов раскопок, выполненную М. И. Беловым [1980. – С. 33–91], который, будучи специалистом в изучении письменных источников, не обладал необходимыми для столь ответственного дела знаниями в области археологии, этнографии и архитектуры.

Одним из важнейших открытий экспедиции ААНИИ следует признать исследованный в центральной и северо-восточной частях посада ремесленный комплекс, представленный мастерскими косторезов и литейщиков. Но их описания также характеризуются недочетами и ошибками. Так, «долгожительницей» предстает трехкамерная постройка из раскопа № 8, построенная в 1608 году. Она пережила саму Мангазею, перестраивалась в 40-е годы XVII века, и в 1737 и 1775 годах (образцы № 119–121, 123 и 34), когда ремонтировалась южная стена сеней и пристраивалась «северная галерея» [Белов и др., 1980. – С. 22, 86].

Не все упоминаемые в тексте плавильные печи нанесены на план раскопа. «Изучение техники мангазейского плавления» М. И. Белов справедливо оставил «историкам металлургии», но материалы для этого — крайне скудные: «небольшие» (?! – *Авт.*) размеры печей — 3×4 кв. м при высоте 1,5–2,0 м, наличие более 20 тиглей и шлаки. Рядом с печью в раскопе № 9 «стояли ящики с белым песком» [Белов и др., 1980. – С. 86]. Во втором томе, кстати, сказано, что был всего один ящик, «наполненный зеленоватой глиной» [Белов и др., 1981. – С. 47]. Не позавидуешь «историкам металлургии»: какие-либо чертежи плавильных печей, на основании которых можно было бы попытаться их реконструировать, отсутствуют.

Нельзя признать удачными заявления М. И. Белова о том, что тигли были «сделаны из пористого материала керамического происхождения с глазированной поверхностью» (такими они стали от высокой температуры) и что литая бляха, изображающая вознесение Александра Македонского, являлась «художественным произведением мангазейских кузнецов» [Белов и др., 1980. – С. 87].

Трудно согласиться и с утверждением о завозе в Мангазею норильской медной руды: ни одного кусочка руды в раскопах найдено не было, а в акте, названном «Экспертизой медной руды, обнаруженной в раскопах плавильных центров Мангазеи», указано, что анализу подверглись фрагмент медного изделия, кусок листа меди и шлак. При этом в шлаке следов меди не оказалось [Белов и др., 1980. – С. 163]. О норильском происхождении, по мнению профессора Н. Н. Урванцева, производившего экспертизу, свидетельствует наличие в меди платиноидов, но при этом остается неизвестным, были ли платиноиды в медных изделиях, завозившихся на Русь, а затем в Мангазею из-за границы [Белов и др., 1980. – С. 74].

Особенно показателен пример с обоснованием гипотезы М. И. Белова о существовании на месте Мангазеи русского поморского городка, возникшего, по его мнению, «задолго до основания города Мангазея и прихода на р. Таз стрелецких войск» [Белов и др., 1980. – С. 33].

* Здесь и далее в цитатах — курсив авторов.

Для подтверждения реальности существования такого городка Белов первоначально использовал косвенные данные: «факт» появления «ранних русских торговых городков», таких как Обдорский в устье Оби и Пантуев в устье Пура (ссылаясь на «наказные памяти первым мангазейским воеводам», где, кстати, ни слова не сказано о принадлежности этих поселений русским), и каких-то «торговых опорных пунктов-«магазинов», остатки которых якобы были обнаружены «на зырянской дороге между Ляпиным и Обью» [Белов и др., 1980. – С. 33]. Приняв эти бездоказательные утверждения за аксиому, Белов далее прибег к классическому софизму: «Ранние русские городки впервые возникли в северной полосе Сибири. Это свидетельствует об опережающем процессе поморского освоения зауральской «земли». Причиной этого явления следует считать раннее проникновение крестьян-поморов в бассейн Оби». Отсюда, по мнению М. И. Белова, возникновение на месте будущей Мангазеи поморского городка на реке Таз в первой четверти XVI века (? – *Авт.*) — факт, исторически бесспорный [Белов и др., 1980. – С. 33].

Заслугу «открытия» этого городка М. И. Белов приписал С. Г. Шиятову, который получил шесть ранних дат с отдельных бревен построек в разных частях Мангазейского городища, о которых будет сказано ниже. «Подкрепив» свою гипотезу этими датами, М. И. Белов привел «письменные аргументы» — упоминание походов поморов в Мангазейскую землю в XVI веке, ссылаясь на свою работу об арктическом мореплавании (но не на документы) и на данные из записок иностранных путешественников по России. При этом совершенно очевидна логическая подмена: факты путешествий поморов в Мангазейскую землю, то есть на обширную территорию, называвшуюся Мангазеей по имени проживавшего там энецкого рода, выдаются за доказательства существования там поморского городка.

Комплексный характер исследования придало широкое использование для датировки построек дендрохронологического метода. С. Г. Шиятов взял 234 спила с бревен и жердей из раскопов. С помощью анализа данных, полученных при обработке кернов со 100 «живых деревьев», растущих в округе, С. Г. Шиятов построил местную дендрохронологическую шкалу, благодаря чему ему удалось датировать спилы, взятые с построек. Однако, дендрохронологические данные использовались М. И. Беловым не всегда корректно. Некоторые даты, полученные с разных бревен одной постройки (например, образцы 186 и 202) различались, и он выбирал одну из них, не объясняя, почему. В случаях, когда С. Г. Шиятов отмечал время рубки дерева — например, зиму 1617/1618 годов, — М. И. Белов предпочитал выбирать для датировки времени строительства сооружения более раннюю из них, хотя очевидно, что такое бревно могло использоваться не ранее 1618 года, а иногда и несколькими годами позже времени заготовки.

И, наконец, для подтверждения своей гипотезы о существовании на месте Мангазеи «домангазейского» поморского городка М. И. Белов выбрал шесть образцов (№ 182, 168, 52, 174, 188, 221), пять из которых датированы в интервале от 1572 года до 1594 года. Один образец (№ 168) датирован «после 1473 года», но у него были стесаны многие периферийные кольца, поэтому время рубки могло быть любое после указанной даты. Тем не менее, М. И. Белов включил и этот образец в число «домангазейских», опустив его вероятную дату. Относительно остальных пяти образцов С. Г. Шиятов отметил, что четыре из них усохли на корню, о чем свидетельствовали следы короедов и наличие «узких периферийных колец с патологическими смоляными ходами» [Белов и др., 1980. – Табл. 4].

Совершенно ясно, что эти бревна были использованы в строительстве спустя 10–30 лет после того, как засохли, или были первоначально мачтами разобранных позднее кочей, строившихся в других регионах (Поморье, Березове, Верхотурье). Тем более что все они находились в сооружениях, датирующихся по другим образцам «мангазейским временем» — с 1608 по 1637 годы (образцы № 161, 164, 166, 190 и т. д.). Свое отрицательное отношение к гипотезе М. И. Белова о существовании раннего поморского городка недавно выразил и один из авторов монографии — О. В. Овсянников, также обративший внимание на несостоятельность ее дендрохронологической аргументации [Овсянников, 2003. – С. 182–183]. К сожалению, в научной и научно-популярной литературе до сих пор эта гипотеза выдается за установленный факт.

Особое внимание М. И. Белов уделил поискам улиц и переулков мангазейского посада, упоминавшихся в письменных источниках. Точное их местонахождение было неизвестно, но он считал, что в ходе раскопок эту проблему удалось решить: по фрагментам мостовых им была реконструирована схема уличных внутригородских магистралей, где он выделил семь улиц, две из которых (№ 1 и 2) проходили в прибрежной части вдоль Таза и соединяли гостинный двор с таможней [Белов и др., 1980. – Рис. 9].

Наш анализ планов раскопов «комплекса А», № 21–22 и соответствующих описаний, позволяет усомниться в обоснованности отнесения зафиксированных остатков сооружений к уличным настилам, по крайней

мере — в раскопах № 21–22. Судя по графическим фиксациям и характеристикам, к уличным мостовым там отнесены остатки жилых и хозяйственных построек. Так, в раскопе № 22 были вскрыты деревянные конструкции, представленные «системой лаг-колодцев в форме двухъярусных квадратов, ... углы которых перерублены в обло» (в этом же абзаце конструкции трех лаг-колодцев именуется «срубам-колодцами», «клетями-лагами», «клетями-колодцами» и «срубам-лагами») [Белов и др., 1980. – С. 18. – Прил. XIV]. Размеры двух примыкавших друг к другу срубов — 2,8×2,8 м, третьего, находившегося в трех метрах к западу и заметно смещенного в сторону от линии предполагаемой мостовой — 3,1×3,1 м. Внутри срубов отмечены остатки дощатых настилов (судя по всему — полов). Крайний западный сруб частично перекрыт еще одним дощатым настилом. Примечательно, что доски в различных частях «мостовой» уложены в шахматном порядке, что выглядит довольно странно для уличного настила. В западной части этого участка «улицы», где она, кстати, опирается в «кочевую» постройку, были зафиксированы четыре столба, явно связанные с конструкциями стоящих рядом жилых срубов. М. И. Белов интерпретировал их иначе: «По бокам дощатых настилов иногда ставились палисадники и массивные уличные столбы (?! – Авт.)» [Белов и др., 1980. – С. 51].

Говоря об оригинальном устройстве мангазейских мостовых (на «лагах-колодцах»), М. И. Белов отметил, что «такое явление вообще неизвестно в русской археологии» [Белов и др., 1980. – С. 92]. И он прав: аналогов нет, и не может быть, так как срубы под «мостовой», вне всякого сомнения, являются остатками жилых или хозяйственных построек (печи, скорее всего, как и в большинстве других построек раскопа № 22, не были вскрыты). Небольшие их размеры не должны смущать, так как, в условиях дефицита строевого леса в окрестностях Мангазеи, это вполне естественно. В Новгороде XIII–XIV веков, в пору его экономического расцвета, наряду с обычными домами появились «жилища миниатюрных размеров — из бревен длиной 2,5–3,0 м» [Борисевич, 1982. – С. 274].

Остальные конструкции с раскопов № 21–22, с которыми М. И. Белов связывал другие улицы, судя по их планам, тоже являются остатками жилищно-хозяйственных сооружений. Таким образом, остатки улиц Мангазеи еще предстоит найти.

Не подтверждается планами раскопов и вывод М. И. Белова о том, что «повсеместно прослеживаются остатки изгородей, разделяющих соседние участки» [Белов и др., 1980. – С. 28].

Использование М. И. Беловым данных из сохранившихся мангазейских документов, несомненно, способствовало «оживлению» археологических материалов, обретению ими имен, связи с конкретными событиями, фактами. Но чрезмерное увлечение сведениями из письменных источников, которым он отводил приоритетную роль в интерпретации археологических материалов, зачастую без должного критического анализа и точных расчетов, часто приводило к неверным построениям и выводам. Почти все его попытки привязать археологические объекты к исторически засвидетельствованным мангазейским событиям, постройкам и даже к конкретным именам их владельцев, не выдерживают критики.

Мы полагаем, что М. И. Белов и его коллеги поспешили, когда уверенно атрибутировали характер фактически всех раскопанных ими построек в Мангазее [Белов и др., 1980. – С. 33–92]. На одну такую ошибку указал Е. В. Вершинин, опубликовав архивный документ, который опровергает предложенную М. И. Беловым интерпретацию одной из раскопанных построек как двора мангазейского воеводы А. Ф. Палицына [Вершинин, 2004. – С. 14–18]. М. И. Белов и его коллеги считали (и вполне обоснованно, учитывая известные сведения по другим сибирским городам), что тюрьма в Мангазее находилась внутри кремля [Белов и др., 1980. – С. 44–45]. Возможно, так оно и было до пожара в кремле в 1642 году. Однако в отписке 1645 года мангазейского воеводы в Москву сказано: «...тюрьма, государь, стоит на поле одаль от посаду, а в тюрьме, государь, посидельцов есть человек з дватцать» [Обдорский край и Мангазея..., 2004. – С. 152]. В данном случае указание документа может инициировать археологический поиск помещения тюрьмы, которая стояла отдельно от построек посада. Приведенные примеры показывают, что диалог письменных источников и археологии в исследовании Мангазеи еще далеко не закончен.

Следует отметить, что наши критические замечания имеют целью не принизить значение проделанной М. И. Беловым и его коллегами работы, а указать на досадные и порой труднообъяснимые ошибки, которые, в конечном счете, объективно снижают научный уровень монографии.

По нашему убеждению, монография М. И. Белова и его соавторов не поставила точку в изучении Мангазеи. Как достоинства, так и недостатки данной работы стимулируют дальнейшее комплексное исследование этого уникального для современной науки объекта.

После появления монографии М. И. Белова и его коллег научный интерес к истории Мангазеи снизился,

хотя полностью не угасал никогда. Тема освоения Северо-Западной Сибири (и, соответственно, — истории Мангазеи) затрагивалась в некоторых работах, имевших иные исследовательские задачи. Так, Р. Г. Скрынников обобщил известные свидетельства о русских торгово-промышленных экспедициях за Урал до похода Ермака и попытках английской «Московской компании» добраться до устья Оби морским путем [Скрынников, 1986. — С. 97–113].

Попытки реконструировать облик Мангазеи предпринимали историки архитектуры. Наиболее авторитетными специалистами в этой области являются В. И. Кочедамов и Н. П. Крадин. Оба автора опирались на широкий круг источников, используя документальные, картографические материалы, а также свои визуальные полевые наблюдения. При этом они совершенно правомерно привлекали сравнительный материал по другим городам и острогам Сибири. В. И. Кочедамов завершил свою работу еще до публикации итогов археологических раскопок в Мангазее, тем не менее его реконструкции представляют большой интерес [Кочедамов, 1978. — С. 112–116]. Свою реконструкцию городских укреплений Мангазеи предложил В. И. Крадин, использовавший при этом и результаты раскопок экспедиции АНИИ [Крадин, 1978. — С. 212–235; 1988. — С. 91–102].

В работах последних лет, том числе и В. Ф. Старкова, посвященных истории северорусского судостроения и арктическим плаваниям поморов, определенное внимание уделяется и Мангазее [Дубровин и др., 2001. — С. 194–275; Старков, 2001. — С. 32–46, 53–58]. Однако построения В. Ф. Старкова базируются на известном материале и никаких новых источников (археологических и письменных), связанных непосредственно с Мангазеей, не содержат. Таким же образом можно оценить и новейшую монографию О. В. Овсянникова (в соавторстве с М. Э. Ясински), в которой глава о Мангазее занимает значительное место, но при этом почти полностью повторяет предыдущие работы автора [Ясински, Овсянников, 2003].

К жанру научно-популярных работ относится книга В. Н. Булатова, в которой глава о Мангазее опирается на существующую литературу и не имеет самостоятельного характера [Булатов, 1998. — С. 48–86]. То же можно сказать о книге М. И. Ципорухи, который в части, относящейся к сибирскому судостроению и судоходству XVII века, добросовестно обобщил материал специальных исследований [Ципоруха, 2003. — С. 155–178]. Сведения уточняющего характера о биографиях некоторых дворян, бывших воеводами в Мангазее, привел Я. Г. Солодкин [Солодкин, 2001. — С. 16–19].

В последнее время к изучению судостроительной практики Западной Сибири XVII века обратился Е. В. Вершинин, которому удалось привлечь новый архивный материал из фондов РГАДА. В частности, в его статьях в хронологической последовательности изложена история плаваний на кочах по поморскому и сибирскому вариантам Мангазейского хода [Вершинин, 2001. — С. 87–132; 2003. — С. 72–109]. Особое внимание исследователь уделил условиям плаваний кочей по Обской губе после запрещения морского хода из Поморья. Он оспорил мнение М. И. Белова, предложившего (на основании найденного в Мангазее рисунка на корабельной доске) модель коча с двумя мачтами, поскольку считает, что документальные источники XVII века характеризуют коч как судно исключительно с одной мачтой и одним парусом. Этот же исследователь рассмотрел взаимоотношения власти (воеводской администрации Березова и Мангазеи) и сибирских ненцев в XVII веке, что позволило выявить степень реального сопротивления кочевых самоедов русскому присутствию в Северо-Западной Сибири [Вершинин, 2003. — С. 5–21].

Таким образом, в историографии Мангазеи, основанной на письменных источниках, условно можно выделить два направления: собственно историческое и историко-географическое. Историко-археологическая монография «Мангазея» и изложенный выше критический обзор ее археологической части дает основание выделить еще два направления: первое — собственно археологическое, второе — «историко-топографическое», заключающееся, по М. И. Белову, в сопоставлении на основе характеристики и анализа «материалов раскопок и информации документов времени существования Мангазеи» [Белов и др., 1980. — С. 29].

Раскопки Мангазейского городища 1968–1970 и 1973 годов, результаты которых изложены в монографии «Мангазея», казалось бы, полностью исчерпали источниковый потенциал собственно памятника и реконструктивные возможности использования документальных источников по истории города. Однако критический анализ монографии убедительно продемонстрировал незавершенный характер исследования, неточность, а порой и несостоятельность предложенных в ней реконструкций, в частности — архитектуры построек, планиграфии города, этапов его истории, хозяйственных занятий его жителей и т. п., а следовательно — обозначил перспективы дальнейших исследований Мангазеи в этих и других направлениях.

ГЛАВА 2.

ЛАНДШАФТ, ЭТНИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ РЕГИОНА И ТОПОГРАФО-ПЛАНИРОВОЧНАЯ СТРУКТУРА ГОРОДА МАНГАЗЕЯ

2.1. ЛАНДШАФТНО-КЛИМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

В последнее время среди разрабатываемых направлений традиционного городоведения особенно выделяется изучение исторической топографии городских центров, что позволяет реконструировать процессы градообразования и развития поселений. Особенности развития города во многом определяются характером географической среды. Для Мангазеи, обеспечивавшей поступление основной валюты XVII века — ценной пушнины — в государеву казну и построенной в экстремальной географической зоне Сибирского Заполярья, в окружении «немирных» аборигенных племен, этот фактор играл важнейшую роль. Он определял местоположение города, его планировочную структуру и хозяйственные занятия жителей.

Город Мангазея располагался в средней части Тазовской низменности, в северо-восточной части Западно-Сибирской равнины (рис. 1). Это зона многолетней мерзлоты, которая достигает здесь толщины 400 м. Мерзлотный слой оттаивает с июля по сентябрь на песчаных грунтах на глубину до 2 м, на открытых участках тундры — не более чем на 1 м. Талые грунтовые породы распространены в пойме реки Таз и ее притоков, а также в глубоких оврагах [Бакулин, Зенько и др., 2000. — С. 26–27].

Климат — континентальный и холодный, характеризуется большой разницей летних (максимум +37°C) и зимних (минимум -63°C) температур, низкой (-8,5°C) средней годовой температурой. Устойчивый снежный покров держится более семи месяцев — с середины сентября до конца мая. Сочетание ветров с низкими температурами обуславливает большую суровость зимней погоды [Бакулин и др., 2000. — С. 18–22; Атлас ..., 2004. — С. 123–125].

Главная река территории, прилегающей к Мангазее, — Таз, длиной 1401 км, течет с юга, с Верхнетазовской возвышенности, на север, где впадает в Тазовскую губу. Общая площадь водосбора — 150 тыс. кв. км. Средняя продолжительность ледостава — 230 дней; лед устанавливается во второй декаде октября, а сходит, в среднем, в первой декаде июня. Период затопления поймы во время весенне-летнего половодья — длительный, с конца мая до начала августа. Часто вода в реке около памятника может значительно подниматься в конце августа – сентябре из-за длительных дождей в южной части водосбора и продолжительных северо-западных ветров в губе, которые нагоняют воду в устье и подпирают русло реки. В таких случаях уровень воды близ Мангазеи поднимается на 1 м и более, а приток Таза — Мангазейка (Осетровка) — разливается в широкую речку. В случае длительного господства юго-западных ветров Мангазейка превращается в незначительный ручеек, каким он обычно бывает в межень. Территория изобилует болотами и озерами. В пойме реки и на левобережье это озера речного (старичного) происхождения, на правобережье и на водоразделах Пура и Таза, Таза и Турухана (левый приток Енисея) они имеют термокарстовое происхождение. Имеются также озера вторичного происхождения, на болотах. Зимой многие озера промерзают до дна [Атлас..., 2004. — С. 110–114, 147, 166–176].

По ландшафтной характеристике территория памятника находится в зоне северных редколесий, переходящих в южную лесотундру на границе двух природных округов — Тотыдэоттаяхского (левый берег реки Таз) и Панча-Хуттыяхского (правый берег реки Таз). Редколесья прилегают к хорошо дренируемым склонам речных долин и надпойменных террас. Высота древостоев не превышает 10 м, запас древесины — не более 20 куб. м на 1 га, а деловой древесины — еще меньше. Подлесок в редколесьях — ерник (карликовая береза). Она же является основным древесным растением на открытых участках, образуя труднопроходимые заросли. Почвы преимущественно поверхностно-глеевые. На левом берегу находится

высокая пойма с березово-еловыми травянистыми лесами и ивняками, низинными болотами [Бакулин и др., 2000. – С. 237–238].

Животный мир — типичный для региона. Особую ценность имеют рыбные ресурсы. Ихтиофауна бассейна реки Таз представлена 22 видами, из которых 18 имеют промысловое значение. Особенно знаменит Таз сиговыми — тугуном, пыжьяном, муксуном, щекуром, ряпушкой, а также нельмой и тайменем. Они составляют 75 процентов всей рыбной продукции. В низовьях Таза водится осетр. Осетр и ряпушка — полупроходные виды, но образуют местное стадо, мигрируя из Тазовской губы в русло и обратно. Муксун, пыжьян, щекур, нельма встречаются двух типов — полупроходные и туводные. Остальные виды рыб — местные. Кроме ценных видов, в реках и озерах Тазовского бассейна повсеместно распространены язь, елец (по-селькупски — *момчик*), плотва (по-сибирски — *сорога*), щука, окунь, налим, карась, ерш, недавно появившийся судак.

Сегодня животный мир редколесий и южной тундры Таза довольно типичен для приполярной зоны Западной Сибири. Из копытных здесь встречаются дикий тундровый подвид оленя (мигрирует с Гыдана) и таежный (местный), а также лось, который в последние пятьдесят лет широко распространился в бассейне реки Таз, вплоть до лесотундры. Пушные виды — белка, россомаха, горноста́й, заяц-беляк, волк, лисица. Зимой из тундры мигрирует в большом количестве песец. Сравнительно недавно, одновременно с лосем, появился соболь, который был истреблен в XVII веке. Тогда же истребили азиатского бобра, популяция которого до сих пор не восстановлена на большей части бывшего ареала. Сегодня реже встречаются выдра и колонок. Постоянно обитают медведь, бурундук. Довольно многочисленны птицы, в том числе лесные виды — тетерев и глухарь. Особенно много гусеобразных — как пролетных, так и местных. Очень многочисленна белая куропатка в зимний период. В XX столетии появились новые виды животных — ондатра и норка [Бакулин, Зенько и др., 2000. – С. 125–127; Атлас ..., 2004. – С. 214–216].

2.2. ЭТНИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В БАССЕЙНЕ РЕКИ ТАЗ

Этнический состав населения низовьев реки Таз в XVII–XX веках неоднократно претерпевал изменения. К началу XVII века окрестности города Мангазея были границей проживания родов тундровых и лесных энцев. В 30–50-е годы XVII века до низовьев Таза добрались ненцы-юраки из рода Пяков [Долгих, 1960. Ч. II. – С. 134–136].

С основанием города Мангазея в 1601–1607 годах здесь поселилось многочисленное русское население, которое проживало в самом городе, а также в ясачных зимовьях — Леденкин шар (1627–1645 гг.), Худосейское (1627–1645 гг.), Верхнетазовское (1626–1692 гг.) — и в промысловых угодьях [Долгих, 1960. – С. 121].

В середине XVII века в верховья Таза проникли селькупы, вступившие в войну с энцами. Из-за поражений в войне с селькупам и давления с запада ненцев энцы были частично ассимилированы ненцами (роды Асида и Салярта), частично ушли в низовья Енисея (роды Муггади, или Мангазея, Ючи и Бай). Численность энцев существенно уменьшилась из-за эпидемии оспы 1630–1631 годов [Долгих, 1960. – С. 143]. В селькупском героическом эпосе победа над ненцами (энцами) объясняется военной тактикой и хитростью вождя-богатыря *Немай Порга* (Заячья Парка) [Головнев, 1995. – С. 118], более совершенным оружием — сложносоставными луками (у ненцев и энцев были только простые луки) — и помощью шаманов-эвенков, вступивших в союз с селькупам (записано нами у Н. К. Ирикова в 1989 г. в пос. Ратта). Возможно, что закрепиться в бассейне Таза селькупам помогли русские в противовес ненцам — пуровской юракской саюяди, которая периодически совершала нападения на промышленников, санные поезда и караваны кочей.

Дальнейшее расселение селькупов происходило строго по территории, наиболее контролируемой русскими: по реке Таз до Мангазеи и по пути русских волоков на Енисей, по правобережным притокам Таза — рекам Худосей, Парусовая, Момчик — и левобережному притоку Енисея Турухану, с притоками — реками Баиха, Блудная и др. Отношения между ненцами и селькупам оставались напряженными до недавнего времени.

После истощения пушных ресурсов и оставления Мангазеи численность русского населения резко сократилась, и лишь в начале – середине XIX веков на реку Таз начался приток нового русского населения, которое обустроило здесь рыбные промыслы, имеющие значение в развитии рыбодобывающей промышленности на Севере Западной Сибири [Гриценко, 2004. Т. 2. – С. 200–210].

В самом начале XX века в бассейн реки Таз со стороны Енисея переселились эвенкийские семьи (по-селькупски — *помпа*), однако взаимодействие эвенков и селькупов происходило и ранее [Головнев, 1995. — С. 118]. Большинство эвенкийских семей, в отличие от ненцев, легко смешиваются с селькупами и быстро ассимилируются последними. Так, например, вблизи Мангазеи издавна проживает смешанная эвенкийско-селькупская семья Аркадьевых, разговорный язык которой — селькупский. Таким образом, территория Мангазеи — пограничная зона расселения ненцев и селькупов. Еще Р. Е. Кольс в 1927 году отмечал, что низовья Таза до Сидоровской пристани заселены самоедами, называющими себя юраками [Кольс, 1930. — С. 11]. В 1947 году В. Н. Чернецов из местного населения окрестностей Мангазеи называл селькупов и ненцев. В 1944 году северная граница образованного Красноселькупского района прошла севернее реки Панчи, что послужило поводом переселения сюда селькупских семей и ухода ненцев.

В километре ниже по течению от Мангазеи, на останце коренной террасы, рядом со старицей Панчи расположено священное место ненцев, помеченное Р. Е. Кольсом как «сверхъестественная сопка» *Ненчорамо* [Кольс, 1930. — С. 29]. В настоящее время на краю обрыва этой сопки находится посещаемое священное место селькупов, переводимое как «мыс — кровавая жертва». Еще одно селькупское святилище расположено на высоком мысу правого берега реки Мангазейки. Оно связано с местом обитания души знаменитой селькупской шаманки. Сегодня севернее реки Панчи в низовьях Таза находятся родовые уголья ненцев из фамилий бывших родов — Салиндер, Тёр, Паровы. Установление северной границы Красноселькупского района отразилось на смене названий на карте — ненцевских на селькупские, например, реки Панча-яха — на Панчаткы, озера Лаксато — на Шитыльто.

От русского населения XVII века сохранились названия рек: Мангазейка — Осетровка (приток Таза), Осетровая (приток Хетты), Парусовая и Блудная на волоке, Русская — Луце-яха (приток Таза), Русская (приток Турухана), Ратилиха (полузабытое название Панчи). О пребывании в этих местах энцев говорит название ручья, правого притока Таза — Мандо-мадэ. Мандо, или Манду, — название одного из родов тундровых энцев [Долгих, 1960. — С. 136]. Дословный перевод названия ручья с ненецкого — земля, место Мандо.

2.3. ТОПОГРАФИЯ ПАМЯТНИКА

Изучение места, где располагалась Мангазея, позволяет выявить причины основания города именно здесь. Мангазея обладала всеми признаками города. Прежде всего, городом она обозначалась в официальных документах того времени, в том числе и на карте С. У. Ремезова (Отд. прил. — Лист 1. Карта 1).

Например: «Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всея Руси бьют челом холопи твои *Мангазейского города*» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 408. Л. 481–482]; или: «...список *Мангазейскому городу* и наряду, и зелью, и свинцу, и всяким пушечным запасам, и что в *Мангазейском городе* всяких служилых людей» [Русская историческая библиотека. Т. 2. — Стб. 430–433; *Обдорский край и Мангазея...*, 2004. — С. 136, 137, 149, 153].

В Мангазее, как административном центре уезда, имелись чиновники — два воеводы, дьяк, таможенный голова, осуществлявшие военные, карательные, таможенные, организационные, контрольные и судебные функции. Город был и конфессиональным центром, в нем располагался уездный собор. Здесь велось собственное городское летописание [Белов и др., 1980. — С. 29–31]. Мангазея была местом сбора налогов, здесь концентрировался прибавочный продукт, сюда свозилась вся добытая пушнина. В городе были сосредоточены торговля (гостиный двор) и ремесло, культурно-досуговая жизнь (бани, игорные дома, питейные заведения, места обучения грамоте и т. д.).

Город состоял из кремля с воеводской резиденцией и главным собором, большого посада с гостиным двором, таможней и храмами. Население города почти полностью было занято в инфраструктуре. Оно обеспечивало жителей уезда услугами и товарами собственного производства (продуктами животноводства, рыболовства, кузнечными изделиями, керамикой, обувью, одеждой, ювелирными изделиями, изделиями из кости, промысловым снаряжением) и привозными товарами (хлебом, медом, кожей, оружием и пр.).

Обладая всеми формальными признаками русского средневекового города, Мангазея, как центр колонизации Сибирского Заполярья, находившийся в «непашенной» зоне, отличалась своеобразием. О том, что Мангазея была крупным городским поселением, а не торговой факторией, впервые заявил В. Н. Чернецов.

* Курсив в цитате наш — Авт.

Его поддержали М. И. Белов, О. В. Овсянников и В. Ф. Старков, показавшие, как острог перестроился в крепость и как расстраивался посад [Белов и др., 1980. – С. 128]. Несмотря на то, что раскопки 1968–1970, 1973 годов имели ряд недостатков, заключение о Мангазее как о большом для того времени городском поселении с кремлем-крепостью и ремесленным посадом остается неопровержимым.

Мангазейское городище расположено на мысу правого берега Таза, при впадении в него реки Мангазейки. Мыс имеет форму равнобедренного треугольника, с выступом — песчаной косой (стрелкой) — на юго-восточной оконечности, в устье Мангазейки (рис. 2, 3, 7, 8). Его поверхность наклонена к юго-востоку и востоку. Наиболее высокое место мыса (до 12 метров над уровнем бечевника) располагалось на краю террасы, в его северо-западной части, и было занято кремлем (рис. 5). В северо-восточной части мыса со стороны Мангазейки находится пологий ложок.

Поверхность памятника неровная, пересечена котлованами и буграми-отвалами раскопок 1968–1970 и 1973 годов, которые заросли высокой травой и кустарником-ивняком (Отд. прил. – Лист 8. *Чертеж 5*; рис. 14–17). В центральной части мыса имеется обширная луговина без видимых остатков построек, местами заболоченная и поросшая кустарником. Северо-западная и северо-восточная части поросли молодым березовым лесом, а на участке к югу от раскопа № 5 экспедиции ААНИИ сохранились старые деревья — лиственницы, ели, березы. Граница распространения культурного слоя, богатого органикой, хорошо заметна по резкой смене растительности, от высоких злаковых трав до типично тундровой — мхов, лишайников, брусничника, древесных кустарничков (березовый стланик, митр болотный, багульник, голубика) (рис. 9, 12–13).

Чем обусловлено основание города именно в этом месте? В топографической характеристике местности, на которой стоял город, можно выделить следующие существенные черты:

- наличие подходящего для размещения кремля участка высокого коренного берега реки Таз, защищенного с севера Ратиловским ложком, с запада — обрывом реки, с юга и востока — резким понижением рельефа (рис. 5);

- пологий и хорошо прогреваемый солнцем юго-юго-восточный склон площадки мыса был удобен для устройства посада, в котором была сосредоточена основная хозяйственно-торговая деятельность;

- близость запасов древесины для строительства и отопления города в виде массивов лиственничных редколесий с примесью ели и кедра вдоль Таза и его притоков — Мангазейки и Панчи;

- присутствие рядом с городом переката, насыщенного камнями — материалом, подходящим для строительства печей;

- близость рыболовных угодий: русло Таза у Мангазеи имеет несколько удобных для неводьбы песков, ближайшие из которых по-ненецки называются *Сяранда-вайну* (на левом берегу чуть выше по течению), *Тымде-марра* — «торговый песок» (напротив устья реки Панголово), *Пай-вайну* — «каменистый песок» (от устья реки Панча), *Лысу-марра* — «сорожий песок» (на левом берегу ниже по течению от предыдущего) [Кольс, 1930; Атлас ..., 2004. – С. 8–9], в двух километрах к северу от города находится река Панча (Ратилиха), имеющая в низовьях широкую пойму с богатыми рыбой старицами и озерами и связанная с «незаморным» озером Лаксато.

В целом выбор места расположения Мангазеи понятен и объясним, однако на прилегающей территории немало и более удобных мест для размещения города. Проведенный нами осмотр близлежащего русла реки Таз показал, что местности, обладающие такими же признаками, на данной реке не редкость, а некоторые из них являются даже более удобными для основания города. Так, например, трудно объяснить, почему не был выбран береговой мыс в устье Панчи, который отличается и высотой, и наличием ложка, удобного для обороны кремля, и большим по протяженности редколесьем. Склон мыса к затопляемой пойме там более крутой, чем у Мангазейки, но достаточно пологий для постоянного поселения. На террасе коренного берега имеются песчаные участки, которые значительно удобнее для длительного проживания, чем глинистые. И, наконец, основное удобство — это наличие рядом богатой рыбой реки Панчи. Эта река имеет и еще одно преимущество перед Мангазейкой — ее можно было использовать в качестве затона для кораблей даже в малую воду. Для зимнего отстоя кораблей имеется безопасное от ледохода место — глубокая старица Панчи.

Другое удобное место расположено у рыболовного песка Надо-Марра, что в 45 км ниже по течению Таза от устья Мангазейки. Здесь, между устьями рек Сорьяха и Русская, высокий коренной берег подходит близко к руслу Таза. Ниже река течет по широкой долине с низкими берегами. К югу от Русской реки начинаются лиственничные редколесья южной лесотундры. От песка Надо-Марра и выше находятся каменистые перекаты.

На наш взгляд, строительство острога в устье Осетровки можно объяснить поспешностью князей Мирона

Шаховского и Данилы Хрипунова. Трудный зимний похода 1600–1601 годов завершился в устье Мангазейки зимой, когда было трудно достоверно определить размеры притоков Таза и не оставалось времени для поисков более удобных мест.

Утверждение М. И. Белова о том, что город Мангазея был основан на месте стоявшего в устье Мангазейки Тазовского поморского городка [Белов и др., 1980. – С. 30–31, 36] нельзя принять из-за отсутствия доказательной базы.

На выбор места расположения Мангазеи мог повлиять и фактор расселения аборигенных племен. Как и сегодня, в XVI–XVII веках местность между реками Панчей и Панголово была границей между территориями тундровых и лесных самодийских субэтносов, а соответственно, и более спокойной и удобной для сбора ясака.

2.4. ПЛАНИРОВОЧНАЯ СТРУКТУРА ГОРОДА МАНГАЗЕЯ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ

Основной задачей, стоявшей перед экспедицией ААНИИ, была реконструкция планировочной схемы Мангазеи. В ходе съемки инструментального плана памятника на его поверхности были зафиксированы видимые следы древних строений: контуры мангазейского кремля и около 70 построек, в основном, на посаде [Белов и др. 1980. – С. 9].

В течение четырех полевых сезонов экспедицией ААНИИ были заложены на городище 24 раскопа, которые охватили наиболее важные участки города — территорию Мангазейского кремля и посада. Были обнаружены, исследованы и интерпретированы остатки оборонительных сооружений и 86 (по нашим подсчетам) построек жилого и хозяйственного характера.

В кремле были исследованы остатки трех башен, крепостных стен и постройки, интерпретированные как воеводский двор, собор, караульная изба. На территории посада было раскопано большинство фиксирующихся на поверхности объектов. Многие постройки были соотнесены, на основании данных письменных источников, с историческими объектами — церквями Успения, Макария Желтоводского, часовней Василия Мангазейского, двором воеводы Палицына, гостиным и таможенным дворами, городской баней, питейным заведением Никиты Чаплина, двором толмача Жука Борисова. Другие, по мнению авторов монографии, являлись жилыми постройками, амбарами, кузней, мастерскими литейщиков, домами косторезов и ювелиров.

Сопоставив материалы раскопок с данными письменных источников, М. И. Белов выделил шесть этапов застройки города, предложив для каждого из них свой вариант планиграфии [Белов и др. 1980. – С. 27, 91; рис. 1, 8, 9, 21–23. – Прил. XXV, XXX]. Раскопки показали, что планировка посада была уличной, на основании чего был сделан вывод о применении при застройке города регулируемой планировки [Белов и др. 1980. – С. 50]. На наш взгляд, в целом согласиться с предложенной М. И. Беловым планиграфией нельзя из-за недостаточной аргументации при интерпретации построек, обусловленной отмеченными выше изъянами «траншейного» метода раскопок.

Недавно один из авторов монографии О. В. Овсянников внес поправки в «слишком дробную хронологическую периодизацию застройки города». Ученый справедливо полагает, что не было смены одной застройки на другую по всему поселению, и большие комплексы зданий сами имели свои периоды строительства [Ясински, Овсянников, 2003. – С. 181].

Имеющиеся на сегодня материалы убеждают в правильности лишь некоторых положений из схемы М. И. Белова. Можно принять утверждения о местах расположения кремля с башнями и Троицким Знаменским храмом, церковью Макария Желтоводского и Успенской [Белов и др., 1980. – С. 45–47, 76–77]. Такие объекты, как кремль и церковные храмы, имеют типовую планировку и характерную отличительную форму, поэтому их легче идентифицировать. Трактовка построек как культовых сооружений подтверждается находками церковного инвентаря и захоронениями людей рядом с алтарной частью [Белов и др., 1980. – С. 14, 15].

На план города можно нанести участок очень плотной застройки посада и пустырь (могильник?) к юго-востоку от Успенской церкви, а также взвоз по Радужному ложку. На плане В. Н. Чернецова (Отд. прил. – Лист 4. Чертеж 1) хорошо прослеживается ряд построек, расположенных вдоль края обрыва у реки Таз, напоминающий однорядовую улицу. Ближе к оконечности мыса видимые объекты располагаются четырьмя рядами параллельно речке Осетровке и перпендикулярно реке Таз. Радужный ложок, выходящий устьем к Осетровке, отделяет от посада небольшой участок с двумя объектами. На плане В. Н. Чернецова вдоль южного края ложка зафиксированы два ряда остатков построек.

Ряды построек, расположенные вдоль Таза, Осетровки и Радужного ложка, образуют закрытое пространство, свободное от объектов. В вариантах планиграфии города, предложенных М. И. Беловым, город имел плотную застройку регулярного характера с уличными мостовыми. В целом Мангазея, как город Крайнего Севера, безусловно, отличалась от городов земледельческой полосы Сибири более плотной застройкой, что связано с отсутствием у горожан огородов и малым количеством скота. Трудно согласиться с положением о регулярном характере застройки и предложенными М. И. Беловым вариантами конкретного расположения уличных мостовых (см. выше). В целом, как нам представляется, на сегодняшнем уровне изученности городища данных для точной реконструкции плана посада недостаточно.

Пока можно достаточно точно восстановить планировку группы построек, раскопанных нами в 2001–2004 годах, однако это лишь малая часть всего посада. Данные постройки трудно соотнести с какими-либо объектами, упомянутыми в письменных источниках. Можно лишь указать, что самая ранняя постройка (№ 2), раскопанная нами (Отд. прил. – Лист 12. *Чертеж 9*), может быть датирована дендрохронологическим методом не ранее 1608 года (*табл. V*).

Остальные постройки, улицы и архитектурные комплексы посада разместить на плане и соотнести с реальными и историческими объектами можно будет только после полного исследования культурного слоя.

Интересен вопрос о том, как решалась проблема обороны города. Как отмечалось выше, небольшой кремль с пятью башнями располагался на самом высоком участке берега Таза у Ратилковского ложка. Рва и вала у крепостных стен не было, отсутствовала и острожная стена, защищающая посад — городскую застройку за кремлевскими стенами. Никаких внешних признаков частокола или другой стены на границе между посадом и тундрой не отмечено. Можно предположить, что за ложком, на северо-восточной окраине города, могло быть построено сооружение типа башни или бастиона. Тогда напольная сторона посада отлично защищалась бы пищальным и пушечным огнем из крепости и из башни-бастиона. Кроме того, под контролем была бы и долина Осетровки, связанная с тундрой. Однако, по результатам раскопок экспедиции ААНИИ, на этом месте, в раскопе № 13, выявлены только две примыкающие друг к другу постройки, определенные исследователями как жилище и мастерская ремесленников-косторезов [Белов и др., 1980. – С. 24, 28].

Рассматривая вопрос об обороне посада, нельзя не отметить тот факт, что на противоположном берегу реки Мангазейки коренная терраса Таза намного выше (на 4 м), чем места расположения посада и даже крепости. С мыса террасы левого берега Осетровки вся городская застройка прекрасно просматривается и могла простреливаться не только из пищалей, но и из лука. Ясно, что для обеспечения военной безопасности посада на этом мысу должно было быть построено какое-нибудь оборонительно-дозорное сооружение. Однако при визуальном обследовании левого высокого берега Мангазейки следы каких-либо сооружений не обнаружены. Никакой информации о постройках на левом берегу Осетровки в письменных источниках не содержится. Получается, что с юго-восточной стороны посад города не только не был защищен: он был очень уязвим. Таким образом, всю защиту города обеспечивала лишь небольшая крепость-кремль, предназначенная для проживания воеводы, гарнизона, священнослужителей.

В связи с этим фактом, сомнительными выглядят утверждения М. И. Белова о нападениях и поджоге города ненцами, об осадах города и такой причине его оставления, как «угроза повсеместного восстания тазовских племен» [Белов и др., 1980. – С. 32, 83, 89–91]. Тем более что в источниках сведения об осадах, поджоге города и восстании отсутствуют [Вершинин, 2003а. – С. 97–98]. Вероятно, записанная В. Н. Чернецовым в 1946 году у селькупов и М. И. Беловым в 1968 году у селькупа А. А. Кунина легенда о поджоге города в 1642 году ненцами во главе с вождем Черемуховое Дерево изначально относилась к другому объекту, например, одному из зимовий на реке Таз.

Документы XVII века действительно содержат сведения о частых нападениях на санные обозы, кочи и отдельные отряды стрельцов, казаков и группы промысловиков со стороны кочевников тундры с целью грабежа. Примеры тому — нападение самояди на отряд дьяка Теряева, шедшего в 1644 году в Мангазею [РГАДА. Ф. 214. Стб. 134. Л. 96; по: *Обдорский край и Мангазея...*, 2004. – С. 16–11, 18], или нападение в 1656 году самоедов из рода Адер на людей, потерпевших кораблекрушение [РГАДА. Ф. 214. Стб. 503. Ч. 1. Л. 10–13. по: *Вершинин, 2001. – С. 97*]. Однако вряд ли уместно говорить о массовом едином выступлении самодийских племен с целью захвата Мангазеи. Поэтому для обеспечения порядка, безопасности города, охраны товаров и аманатов вполне хватало наличия крепости с затинными пищальями на башнях и постоянного гарнизона в 50 профессиональных воинов-стрельцов.

Одним из важных и нерешенных вопросов, касающихся общего плана города, остается местонахождение городского кладбища. Несомненно, что за 71 год существования города, пусть и со сменяющимся населением, должно было образоваться довольно большое кладбище. Описанный Ю. И. Кушелевским торчащий из обрыва предмет, похожий на гроб, мог быть в лучшем случае отдельным погребением [Кушелевский, 1864. – С. 45].

В процессе исследований О. В. Овсянниковым в 1968–1969 годах остатков Троицкого собора в кремле (раскоп № 7) было найдено лишь пять погребений; одно погребение обнаружено в остатках предполагаемой церкви Макария Желтоводского (раскоп № 11) [Белов и др., 1980. – С. 15]. В. Н. Чернецов [1947. – С. 161], а вслед за ним и М. И. Белов [Белов и др., 1980. – С. 76, 77] предполагали, что кладбище находилось на незастроенном (по внешним признакам) пространстве к юго-востоку от места церкви Успения. Явно видимых впадин, которые можно определить как могильные, здесь всего две, и те расположены рядом с храмом. Все эти погребения можно назвать отдельными захоронениями при храмах, которые не являются частью городского кладбища.

Еще одно предполагаемое место могильника указано В. Н. Чернецовым на возвышенном мысу левого берега Мангазейки, где им были обнаружены удлиненные овальные ямы, а местным жителем был найден сгнивший деревянный крест. Обследуя левый берег Мангазейки, мы действительно нашли три отдельно расположенные слабо оплывшие впадины, по форме и размерам похожие на могильные. Даже если эти впадины являются погребениями, связанными с существованием Мангазеи, их явно недостаточно для городского кладбища. В ходе осмотра прилегающих окрестностей нам удалось найти жилищные впадины, являющиеся, скорее всего, остатками землянок аборигенного населения, но место мангазейского могильника пока так и не найдено. Остается предположить следующее: либо земельный участок с городским кладбищем смыт рекой, либо погребения попросту не видны на поверхности, и выявить их можно только при последующих раскопках.

До сих пор нельзя однозначно определить место стоянки кораблей, прибывавших в Мангазею в большом количестве. Конечно, в качестве затона для кочей было надежнее использовать речку Осетровку (Мангазейку), как это показано на рисунке О. В. Овсянникова [Ясински, Овсянников, 2003. – С. 166; рис. 7]. Возможно, так оно и было, однако заводь в устье Мангазейки очень тесная, а в период низкой воды речка вообще превращается в ручей. Известно, что в Мангазею за год приходило до 30 и более государственных и частных кочей [Вершинин, 2003. – С. 89–90]. Все они вряд ли могли поместиться в узкой речушке. Оставлять кочи на рейде вдоль берега на Тазе было опасно. Так, весной 1640 года суда, зазимовавшие на льду Таза из-за войны между воеводами Палицыным и Кокоревым, не успели обколоть и завести по заберегам в оттаявшую Осетровку, в результате чего кочи, как свидетельствует архивный документ, поломало весенним льдом [РГАДА. Ф. 214. Стб. 13. Л. 201–218; по: Белов и др., 1980. – С. 122]. Несомненно, что не вмещавшиеся в Осетровский затон кочи безопаснее было оставлять на зиму где-нибудь поблизости от города.

Для устройства другого, более вместительного и удобного, затона вполне подходит старица реки Панчи, расположенная к северу от города. На поверхности памятника хорошо заметна тропа от ложка — взвоза (как определил его В. Н. Чернецов), ведущая к старице реки Панчи и огибающая ее. Эта дорога упоминается и М. И. Беловым [1980. – С. 53]. Тропу можно было бы принять за лосиную или оленью, если бы не ее прямое направление через участок тундры. Известно, что олени и лоси ходят по одной тропе через лес и вдоль рек, а на открытых участках болот и тундр — разбредаются. Кроме того, протоптанная оленями и лосями тропа проходит вдоль старицы Панчи и далее вверх по реке Таз мимо памятника по бечевнику. При внимательном осмотре видно, что раньше тропа была значительно шире, а со временем частично заросла багульником, черничником, карликовой березой (рис. 12–13). Ее истинные размеры просматриваются по лишайникам, которые в лесотундре растут очень медленно. Скорее всего, тропа в прошлом была дорогой (конной, оленьей и пешей) к старице Панчи и ее руслу и использовалась позднее уже как нартенная впряжка до недавнего времени. Как сказано выше, река Панча явно занимала важное место в рыболовном промысле жителей города, и к ней должна была быть постоянная дорога.

Наезженная дорога могла образоваться и в том случае, если старицу Панчи использовали как затон для кочей на время зимовки. Расстояние по дороге-тропе от города до старицы реки Панчи составляет не более 600 м, что делает эту старицу удобным местом для дополнительного затона.

Итак, мы не располагаем сведениями о том, чем руководствовались основатели Мангазеи при выборе места для города, но можем предположить, что их вполне удовлетворила ландшафтная характеристика участка правого берега Таза, расположенного между его притоками Панчей и Мангазейкой. Хотя, с нашей точки

зрения, это не самое удобное для градостроительства место в окрестностях Мангазеи, но оно вполне отвечало необходимым топографическим требованиям. Не последнюю роль при выборе, вероятно, сыграли этнополитический, экономический и географический факторы: город был поставлен на границе владений жителей лесотундры — энцев — и тундровиков — ненцев, — приблизительно посередине между устьем Таза и его таежным средним течением, богатым пушным зверем. Здесь же начинались и речные пути в бассейн Енисея, более удобные и безопасные для хозяйственного освоения Восточной Сибири, нежели морские.

Подводя итоги рассмотрению проблемы планировки и архитектурно-строительных характеристик построек Мангазеи, следует признать, что на сегодня нам достоверно известно лишь местоположение Мангазейского кремля и посада, причем точные размеры и конфигурацию последнего еще предстоит определить. О планировке города в целом говорить преждевременно, так как археологические данные раскопок экспедиции ААНИИ по указанным выше причинам для ее реконструкции не могут быть использованы. Новые материалы, полученные нами при повторном и на этот раз полном изучении построек из раскопа № 22 экспедиции ААНИИ, происходят с небольшой площади посада, поэтому их, конечно, недостаточно для реконструкции как планировки города, так и архитектурно-строительных особенностей построек. Нет достаточных оснований и для определения принадлежности той или иной из раскопанных построек конкретным историческим личностям, хотя эта идея М. И. Белова, безусловно, перспективна.

ГЛАВА 3.
**ПОСТРОЙКИ МАНГАЗЕЙСКОГО ПОСАДА
ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2001–2004 ГОДОВ И ПРОБЛЕМА РЕКОНСТРУКЦИИ
РУССКОГО СИБИРСКОГО ЖИЛИЩА XVII ВЕКА**

3.1. К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО СИБИРСКОГО ДОМОСТРОЕНИЯ XVII ВЕКА

Проблема реконструкции русского сибирского жилища XVII–XVIII веков до сих пор далека от своего решения в силу слабой изученности основного источника — археологических объектов, что отметили авторы обобщающего труда «Древняя Русь. Город, замок, село»: «Наиболее сложный вопрос, вставший при археологическом изучении жилищ — выяснение устройства их верхних частей. Жалкие остатки, находимые при раскопках, позволяют предположить в лучшем случае лишь весьма гипотетические реконструкции, да и то в виде общей схемы. Сложность, а во многом и спорность реконструкции верхних частей древнерусских жилищ делает пока невозможной их достаточно убедительное и детальное графическое воссоздание. Решить проблему воссоздания наружного облика древних русских жилищ можно будет только с накоплением нового археологического материала» [*Раппопорт, Колчин, Борисевич, 1985. — С. 143*].

В письменных источниках содержится довольно ограниченная и специфичная информация об устройстве жилищ, в которой отсутствуют многие данные, необходимые для их реконструкции. Этнографические же источники, относящиеся, в основном, к южной части Сибири, отражают региональную специфику и трансформированные традиции. В силу особенностей русской колонизации севера Сибири, первоначальный облик русского жилища, перенесенный туда в конце XVI — начале XVII века переселенцами, соответствовал архитектурно-строительным стереотипам Русского Севера. В последующие столетия сибирское жилище, как и русское, видоизменялось, при этом его генезис на сибирской «почве», естественно, приобрел особенный характер.

Как объект научного изучения, русское жилище в течение длительного времени привлекало внимание лишь историков, искусствоведов, архитекторов и этнографов. Соответственно, источниками информации для них являлись описания из документальных источников, графические материалы и архаичные постройки XIX–XX веков.

Археологическое изучение русских жилищ и усадеб началось в европейской части России в конце XIX века, но широкие масштабы приобрело, начиная с 20–30-х годов XX века (Старая Ладога, Старая Рязань, Новгород, Москва; раскопки В. И. Равдоникаса, А. В. Арциховского, А. Ф. Дубынина, П. И. Засурцева, М. Г. Рабиновича, А. Л. Монгайта, Б. А. Колчина и др.) [*Раппопорт, Колчин, Борисевич, 1985. — С. 14*]. Примечательно, что в археологических исследованиях преобладали объекты X–XV веков. Остатки деревянных построек XVI–XVII веков изучались значительно реже из-за плохой сохранности, так как большинство из них находилось на территории поздних застроек. Сельские же поселения XVII века почти не раскапывались. До сих пор обследовано лишь несколько усадеб в Москве, Новгороде Великом и некоторых северных городах. Среди исследований последних десятилетий прошлого века необходимо отметить раскопки Пустозерска, предпринятые в 1987–1996 годах О. В. Овсянниковым. В промерзшем культурном слое раскопа № 1 им были вскрыты постройки трех строительных горизонтов — XVI–XVII веков, XVIII века и XIX–XX веков [*Ясински, Овсянников, 2003. — С. 105*].

Количество раскопанных русских построек на Урале и в Сибири, к сожалению, невелико. Раскопки русских поселений на этой территории были начаты в 1935 году А. В. Шмидтом (разведочное обследование строгановского Орла — городка в Верхнем Прикамье) и продолжены О. Н. Бадером (1946 г. — Ермаково городище на реке Тагил; 1947–1950 гг. — городище Чердынь, Осинское городище) и В. А. Обориным (1952–1965 гг. — Чердынь,

Соликамск, Орел-городок, Канкор, Очерский острожек, Старый Кунгур; 1967 г. — разведочные раскопки Верхотурья и Лозьвинского городка; 1972 г. — разведочные раскопки Пельма) [Оборин, 1951; 1954; 1975]. Работы на всех перечисленных памятниках, за исключением Орла-городка (XVI век), характеризуются небольшими объемами и акцентом на изучение оборонительных сооружений. В Орле-городке была раскопана усадьба Строгановых и несколько жилых и производственных построек на посаде.

Исследования большинства этих памятников широкими площадями были затруднены из-за того, что слои XVI–XVII веков оказались перекрыты современной городской застройкой. Археологические материалы, полученные в Орле-городке, удачно дополнялись описаниями из документальных источников. Реконструкции построек, тем не менее, осуществлены не были. Признанный перспективным из-за хорошей сохранности дерева в слое и отсутствия современных построек Пельм до сих пор не подвергался сколько-нибудь основательным раскопкам.

На Лозьвинском городке были исследованы раскопками фрагменты оборонительной системы (стена из городен, ров и жилые угловые башни) и остатки пяти срубных построек (в том числе одна трехчастная, окруженная частоколом) с ямами-кладовками и печами из кирпича [Пархимович, И-1982; И-1983; 1986. — С. 138–143; Кернер, Пархимович, 1986. — С. 101–115]. Сложность для реконструкции состоит в том, что постройки были разобраны по царскому указу, а бревна сплавлены для ремонта построек Пельма. Письменные источники не сохранили сведений о планировке поселения и устройстве жилищ.

В 1982–1984 годах С. Г. Пархимович раскопал остатки трех построек — двух землянок и срубной наземной избы — на русском поселении на Карачинском острове близ Тобольска, предварительно датированном концом XVI — началом XVII века. Однако пока опубликованы лишь предварительные результаты раскопок [Пархимович, 1986. — С. 142–143].

В Верхотурье в 80-х годах XX века пермские и свердловские археологи вскрыли в 23 раскопах культурный слой на площади более 2000 кв. м. Большая часть раскопок закладывалась на территории кремля, где под слоями строительного мусора XIX–XX веков были вскрыты остатки деревянных и каменных жилых, хозяйственных, производственных и оборонительных сооружений [Святов, Старков, Чаиркин, 1998. — С. 144–157; Корчагин, 1999; 2001; Корчагин, Оборин, Соколова, 1991. — С. 174–176; Корчагин, Оборин, 1994]. Обобщение результатов многолетних раскопок и, соответственно, анализ и интерпретация данных о деревянной архитектуре города конца XVI–XVII веков до сих пор не производились. Из опубликованных материалов известно, что единственной усадьбой XVII века, которая изучена сколько-нибудь подробно, является двор служилого человека, располагавшийся в северо-восточном углу кремля в раскопе IV [Корчагин, 1998. — С. 72–73]. При этом главное здание усадьбы, перекрывавшееся каменной воеводской избой XVIII века, было исследовано лишь частично. Вскрыты остатки деревянной избы с остатками глинобитной печи, срубного погреба-ледника, двухчастной хозяйственной постройки (чулана и конюшни), бревенчатой ограды и примыкавшего к усадьбе фрагмента бревенчатой мостовой. По материалам раскопок выполнена графическая реконструкция усадьбы.

При аварийно-спасательных раскопках в Тюмени В. И. Семенова вскрыла несколько срубных построек XVII–XVIII веков; материалы раскопок не опубликованы. Так же обстоит дело и с двумя полуземлянками конца XVI–XVII веков, раскопанными А. А. Адамовым в Тобольске.

В 1999–2001 годах в Среднем Прииртышье на поселении Изюк I Л. В. Татаурова исследовала группу из девяти построек — жилых и хозяйственных, относящихся к XVIII веку [Татаурова, 2004. — С. 412–415]. При раскопках Томской крепости М. П. Черной был раскопан жилищно-хозяйственный комплекс, соотнесенный ею с постройками воеводского двора, существовавшего с середины XVII по середину XVIII века [Черная, 2002. — С. 36–40].

Интересные материалы по русскому домостроительству получены А. Н. Алексеевым в Якутии, при раскопках Алазейского и Стадухинского острогов, начатых в 1986 году. В Алазейском остроге были исследованы остатки 15, а на Стадухинском — четырех построек, относящихся к разным строительным горизонтам с середины XVII до конца XVIII веков. По мнению автора раскопок, культуру жителей этих острогов, в том числе строительные традиции, следует рассматривать как «логическое историческое продолжение культуры, представленной в Мангазее, а, следовательно, вообще в Сибири и на Руси» [Алексеев, 1996. — С. 54]. Он также отметил влияние культуры аборигенного населения на архитектуру русских построек.

Мы перечислили почти все археологические материалы, которые можно использовать для изучения русского домостроения XVII века в Сибири и на Урале. В связи с этим, большое значение для решения данной

проблемы имеют результаты раскопок Мангазеи, где исследовано наибольшее количество построек, пригодных для реконструкции жилищных комплексов первой половины XVII века.

3.2. ПОСТРОЙКИ МАНГАЗЕЙСКОГО ПОСАДА

Из 86 построек, исследовавшихся экспедицией ААНИИ, 19, включая церковь, две кремлевские башни и постройки воеводского двора, располагались в крепости, еще три, интерпретируемые как культовые — на пустыре между кремлем и посадом, остальные 64, жилые, хозяйственные и производственные — на посаде. Постройки фиксировались на нескольких строительных горизонтах и представляли собой одно-, двух- и трехчастные комплексы.

Один из авторов раскопок археолог О. В. Овсянников ограничился квалифицированной, но обобщенной характеристикой строительных приемов и встреченных в раскопах элементов и деталей построек, приведенной в главе «Русское сибирское жилище XVII в.» [Белов и др., 1981. – С. 12–23; рис. 1–5]. Предложенная им краткая описательная реконструкция воеводского двора как многоэтажного двухэтажного комплекса представляется достаточно обоснованной, однако его вывод о двухэтажности большинства трехчастных построек Мангазеи не подкреплен конкретными реконструкциями, в связи с чем, на наш взгляд, является необоснованным.

Предпринятая М. И. Беловым интерпретация конструкций, назначения и принадлежности посадских построек, в том числе и конкретным историческим персонажам, известным по документальным источникам [Белов и др., 1980. – С. 33–92], выглядит крайне неубедительно и необоснованно, в связи с чем, его описательные варианты реконструкций нельзя считать приемлемыми. В этом убеждают не только анализ предложенных им интерпретаций вскрытых остатков построек, но и конкретные примеры несоответствия планов и описаний построек раскопа № 22 экспедиции ААНИИ [Белов и др., 1980. – С. 18–21, 51, 68, 70–72, 80–82. – Прил. XIV] реальной ситуации, зафиксированной нами в том же раскопе в ходе повторных раскопок (см. ниже).

В раскопах нашей экспедиции 2001–2004 годов, расположенных внутри старого раскопа № 22 экспедиции ААНИИ, на площади 362 кв. м были вскрыты остатки 14 построек, из них шесть — частично, так как их большая часть оказалась за пределами раскопа (Отд. прил. – Лист 9. Чертеж 6).

В целом в раскопе зафиксированы четыре строительных горизонта, выраженные в стратиграфии чередованием четко выраженных слоев (Отд. прил. – Лист 11. Чертеж 8) (рис. 18–23):

- постройки *первого (нижнего) строительного горизонта* сооружались на тонкой (2,5–3,0 см) прослойке полуобугленной растительной массы (трава, мох) — остатках сожженного растительного покрова, лежавшего на материковой серо-желтой глине;

- постройки *второго строительного горизонта* подстилались слоем темно-серой строительной щепы с примесью гумусированного песчано-глинистого грунта, перекрытым практически стерильным плотным слоем желтой строительной щепы, на верхней обугленной поверхности которого и возводились собственно постройки;

- аналогичное сочетание слоев («триад») из темно-серой, желтой и обугленной щепы в той же последовательности повторялось выше еще дважды, при этом постройки *третьего и четвертого строительных горизонтов*, так же, как и второго горизонта, возводились на прослойках обугленной щепы.

На отдельных участках раскопа, например, у северной стены постройки № 2, вместо обугленной щепы фиксируются стерильные прослойки песка или серой материковой глины.

Нами полностью раскопаны остатки восьми построек (№ 1а, 1–3, 5–8, 13). Наиболее полные сведения, представляющие ценность для архитектурной реконструкции, получены по пяти из них: двух (№ 2 и 13) — из первого (нижнего) строительного горизонта, трех (№ 1а, 1 и 3) — из второго горизонта.

Материалы новых раскопок позволяют реконструировать историю застройки исследованной нами части посада. Планиграфические и стратиграфические данные из новых раскопок дают основание выделить два этапа застройки: на первом этапе она происходила в три стадии, которым стратиграфически соответствовали три нижних строительных горизонта; второй этап связан с постройками верхнего (четвертого) строительного горизонта.

Первый строительный горизонт соответствует уровню погребенной дневной поверхности, лежавшей на материке. Второй, третий и четвертый строительные горизонты четко выражены в стратиграфии в виде «триад» из слоев (снизу вверх) темно-серой, желтой и обугленной щепы (на последнем возводились постройки).

ПЕРВЫЙ (НИЖНИЙ) СТРОИТЕЛЬНЫЙ ГОРИЗОНТ

К нижнему строительному горизонту относятся постройки № 2 и 13 («кочевая»), почти примыкающие смежными углами друг к другу. Они были построены прямо на древней дневной поверхности, которая фиксируется по тонкому слою обугленного мха и торфа на серо-желтой материковой глине.

Постройка № 13 — «кочевая» (участки Г, Д, Е, Ж, 3/2–5) — была полностью раскопана в 2001 году. При раскопках экспедиции ААНИИ в 1973 году эта постройка, названная М. И. Беловым «необыкновенной клетью», исследовалась траншеей по контуру. Необычность постройки состояла в том, что она была срублена из «килей коча» (на самом деле — из обрубков одного кия). По мнению авторов раскопок, она входила в состав трехкамерной постройки верхнего горизонта, вытянутой перпендикулярно руслу реки и возникшей, по данным дендрохронологического анализа, в 1628 году. В юго-восточном углу постройки, по словам авторов монографии, были найдены остатки глинобитной печи. Однако на плане эта печь не обозначена. Над клетью, как отметили исследователи, был «зачищен почти развалившийся сруб», которого тоже нет на плане [Белов и др., 1980. — С. 18, 71; прил. XIV]. М. И. Белов интерпретировал «необыкновенную клеть» как амбар, на котором находилась повалуша [Белов и др., 1980. — С. 71].

В ходе наших раскопок выяснилось, что культурный слой был вскрыт экспедицией ААНИИ поверхностно и лишь по контуру сруба, а в центральной его части сохранился нетронутый останец слоя размерами около 2,8×2,6 м (Отд. прил. — Лист 12. Чертеж 9) (рис. 26, 27).

Стороны сруба были ориентированы в направлениях, близких к сторонам света. Венцы постройки (3,94×3,68 м) были срублены в обло с остатком из распиленных на части бортовых досок и обрубков кия коча, составлявших окладной венец (рис. 24, 26–29). Массивные (29–38×16–27 см) брусья из кия коча укладывались узкой гранью на материк и соединялись между собой следующим образом: в глубокие (наполовину высоты) пазы (шириной 15–28 см, глубиной 10–14 см), вырубленные сверху в двух противолежащих брусьях, укладывались два других бруса, у которых аналогичные пазы были выбраны с нижней стороны. Таким образом, все брусья окладного венца плотно прилегали друг к другу, а их нижние грани лежали на материке. Сверху в брусьях, у торцов, были пропилены узкие вертикальные пазы, в которые укладывались ребром две нижние доски стен. Остальные доски стен крепились между собой при помощи узких вертикальных пазов, вырезанных в обоих ребрах, что позволяло достичь их плотного прилегания друг к другу (рис. 29). Вероятно, поэтому снаружи не были обнаружены завалинки или подсыпки основания окладного венца глиной, хотя такие подсыпки могли быть убраны при прокладке траншей вдоль стен сруба в 1973 году.

В неглубокие пазы, вырубленные в верхних ребрах средней части брусьев окладного венца, была уложена лага (переводина), представляющая собой бревно диаметром 10–12 см. Центральная часть лаги опиралась на пень, хорошо сохранившийся на материке (Отд. прил. — Лист 12. Чертеж 9) (рис. 26, 27, 30). С внешних сторон в брусьях окладного венца, на одной оси с лагой, были вырублены вертикальные пазы «ласточкин хвост», в которых сохранились обломки трапециевидных в сечении столбов. Столбы сохранились фрагментарно — до 1 м в высоту (рис. 28).

Пол постройки фиксировался под развалом печи в виде горизонтального слоя полуистлевших досок. Под восточным концом лаги зафиксирована подкладка из двух крупных камней. Еще один валун лежал у основания северной стены сруба, на нижнем слое щепы.

В центре постройки было расчищено основание печи в виде прямоугольной монолитной линзы обожженной глины, имевшей форму прямоугольника, вытянутого в направлении север–юг. Линза лежала на настиле из досок и жердей, обмазанных сверху слоем глины, смешанной со мхом (Отд. прил. — Листы 12, 15. Чертежи 9, 12) (рис. 25). С севера и юга контур печи был ограничен обрубками бревен опечка. В южной части развала печи было отмечено несколько крупных камней.

Под основанием печи залегал слой щепы, насыщенный обломками досок, жердей, деревянных изделий, кожаной обуви, горизонтальными прослойками бересты.

При раскопках 2001 года в этой постройке, считавшейся ранее полностью раскопанной, была собрана богатая (более 3000 единиц) коллекция разнообразных находок из металла, кости, керамики, стекла, кожи и дерева. На небольшой площади, внутри постройки и рядом с ней, были найдены 42 серебряные монеты и восемь нательных крестов из меди и серебра. Из звеньев окладного венца был собран полностью киль коча (длина — 16,5 м) (Отд. прил. — Лист 16. Чертеж 13) (рис. 105 – 1).

При сравнении конструкции постройки с ее описанием и интерпретацией, приведенными в монографии «Мангазея», выявились принципиальные расхождения:

- в описании и на плане раскопа № 22 «кочевая» постройка расположена на верхнем строительном горизонте, перекрывая юго-западный угол сеней двухкамерной постройки нижнего строительного горизонта, являвшейся, по мнению М. И. Белова, домом таможенных чиновников. В реальности углы этих построек расположены рядом, на уровне материка (Отд. прил. – Лист 10. *Чертеж 7*) (рис. 26);

- упомянутая в описании глинобитная печь в юго-восточном углу постройки (на прежнем плане не отмечена), как выяснилось, находилась в центральной части постройки; соответственно, это отразилось и на прежней интерпретации постройки как амбара;

- авторы раскопок 1973 года не зафиксировали ни лаг, ни остатков пола, ни нижнего венца дощатых стен, ни врезанных в них вертикальных столбов, укреплявших западную и восточную стены постройки.

В целом постройка № 13 реконструируется нами как небольшой дощатый сруб, перекрытый двускатной крышей. Так как сруб из досок, положенных на ребра, — конструкция неустойчивая, две его стены с внешней стороны, как отмечалось выше, были дополнительно укреплены вертикальными брусками-стойками. Дощатый пол настился вдоль по входу на центральную лагу, положенную в пазы окладного венца, при этом концы досок укладывались на выступы фрагментов кия. Конструкция пола по прочности превышала норму, необходимую для жилого помещения.

Подобное сооружение вряд ли могло планироваться под жилое помещение. Его первоначальное хозяйственное, складское назначение подтверждается широким (160 см) дверным проемом, направленным в сторону реки, а также отсутствием в пороге пазов для дверных косяков. Такой дверной проем предназначался для перемещения и складирования крупногабаритных предметов (мешков, бочек и т. п.). Как показали материалы раскопок экспедиции ААНИИ [Белов и др., 1981. – С. 15] и наших раскопок, ширина проемов для дверей в жилых срубах Мангазеи не превышала 82–83 см.

Очевидно, что изначально это действительно был дощатый «кочевый» амбар, наличие которых в Мангазее подтверждается сведениями из письменных источников Сибирского приказа, выявленных В. А. Александровым [1964. – С. 168]. Например, в описании 1639 года двора на посаде, где жил второй воевода, говорится: «... да противу горницы вместо клетки анбаришко, ис кочевых досок делан»; и дальше: «...да онбаришко ж, дельван ис кочевых же досок, двериска выломлены» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 88. Л. 387]. Впоследствии амбар был приспособлен под поварню, для чего в нем и соорудили глинобитную печь, топившуюся по-черному. Зимовать в постройке из дощатых стен, пусть и с печью, было невозможно. Вероятно, в ней приготавливали пищу и выпекали хлеб в летнее время. Лето на северо-востоке Западной Сибири хоть и короткое, но бывает очень жарким. Этим можно объяснить расположение печи в центре постройки, а не в углу, как обычно. Подобная летняя кухня, или поварня, из корабельных досок упоминается в вышеназванном описании воеводского двора на посаде — «...да поварнишко гнилое, дельвана ис кочевых досок».

Нельзя согласиться с утверждением М. И. Белова, что на амбаре находился второй ярус — повалуша. Постройка № 13 нам представляется одноэтажной (Отд. прил. – Листы 20–22. *Чертежи 17–19*) потому, что не были зафиксированы дополнительные столбовые опоры, необходимые для поддержки конструкции второго этажа. Потолок в хозяйственной постройке, скорее всего, отсутствовал. Наличие глинобитной печи, которая, как и большинство печей того времени, не имела трубы, предполагает двускатную кровлю, при которой дым скапливался вверху под коньком и выходил через волоковые окошки во фронтонах. Кровля из тесовых досок держалась на самцовых слгах.

Подобные амбары из корабельных досок дожили до нашего времени, например, в Салехарде — бывшем Обдорске — у русских старожилов, а также у обских коми в Нижнем Приобье. Жилые постройки в виде сруба из досок с укрепляющими стены вертикальными брусками и самцовой кровлей сохранились до наших дней как летне-осенние дома с центральным очагом у обдорских ханты в пос. Горнокнязевск и в Шурышкарском районе ЯНАО (рис. 30, 31). Срубные дома, в том числе дощатые, ханты заимствовали у русских: до прихода русского населения у них были распространены каркасные жилые постройки.

Постройка № 2 в монографии «Мангазея» охарактеризована как двухкамерная постройка нижнего горизонта (участки Б-В/2-4 раскопа № 22), которая внутри имела «мощный коридор» и была разделена на четыре части [Белов и др., 1980. – С. 70. – Прил. XXIV]. В южной стене были обнаружены остатки дверного проема. Дверь выходила в сени [Белов и др., 1980. – С. 18]. Постройка была датирована 1617 годом. По мнению

М. И. Белова, это был «дом таможенных чиновников, что, в общем, согласуется с анализом заключенного в нем культурного слоя» [Белов и др., 1980. – С. 71].

В результате новых раскопок выяснено, что постройка возводилась непосредственно на материковой поверхности, после того как растительный покров был сожжен (на материке остался тонкий (1–2 см) углистый слой). Она состояла из двух срубных камер: жилой (избы) и хозяйственной (сеней), от которых сохранились два венца у сеней и три — у избы (Отд. прил. – Листы 12, 13, 17, 19. *Чертежи* 9, 10 14, 16; Листы 20–24. *Чертежи* 17–21) (рис. 33–35).

На большей части сруба культурный слой после раскопок 1973 года остался нетронутым. Он представлял собой темную серо-коричневую супесь со щепой, обломками досок и большим количеством находок. В восточной половине сруба этот слой перекрывался линзой сырой серой глины — грунтовой насыпкой с потолка (рис. 38). На остальной части избы остатки деревянных конструкций были перекрыты тонким (1–2 см) слоем переотложенного грунта, проросшего плотной корневой системой травянистой растительности.

Сруб избы имел почти квадратную в плане форму (внутренние размеры — 4,78–4,85×4,70–4,62 м). Стены, ориентированные в направлениях, близких сторонам света, срублены в обло с остатком из бревен диаметром 24–29 см (Отд. прил. – Листы 12, 17. *Чертежи* 9, 14) (рис. 36). Полностью сохранились два нижних венца, а в третьем отсутствует бревно западной стены. Во всех бревнах сверху имеются продольные пазы.

В бревнах третьего венца с внутренней стороны южной и северной стен были вырублены по три глухих поперечных паза (глубиной 7–14 см, шириной 14–18 см) для лаг: двух крайних и одной центральной. Пазы для двух крайних лаг находились рядом с восточной и западной стенами, при этом собственно лага сохранилась *in situ* в пазах только у восточной стены (рис. 34). Пазы от центральной лаги располагались в 1,4–1,5 м от восточной стены, сама лага была найдена в переотложенном состоянии (очевидно в ходе раскопок экспедиции ААНИИ), рядом с пазами. Роль второй центральной лаги выполняла перегородка из трех бревен, находившаяся в 1,8 м от западной стены. Общая высота перегородки — 0,5 м. Нижнее ее бревно лежало почти на материке, а верхнее, как и упомянутые выше лаги, — на уровне верха третьего венца. Торцы бревен перегородки были врезаны в глухие пазы, выбранные в бревнах северной и южной стен.

В юго-западном углу сруба, за перегородкой, зафиксированы остатки конструкции опечка в виде двух столбов и двух фрагментов судовой доски. Один столб — прямоугольный в сечении брус (16×14 см) — был врублен в сквозной вертикальный паз с западной стороны перегородки, в 1,55 м от южной стены. Вторым — обрубок бревна диаметром 18 см — стоял напротив первого, на материке, у западной стены. Высота столбов — около 50 см. Найденные у оснований столбов два фрагмента досок, вероятно, использовались в качестве стенок опечка. Собственно печь полностью не сохранилась. Не исключено, что она была большей частью уничтожена в ходе раскопок 1973 года. Остатки печи в виде двух скоплений небольших обожженных валунов (всего 12) и линзы слабообожженной глины диаметром около 1 м и толщиной 10–15 см зафиксированы между столбами (Отд. прил. – Лист 12. *Чертеж* 9) (рис. 37). Полные размеры и конструкцию печи установить не удалось. Судя по остаткам, она была глиняно-каменная.

По всей видимости, отделенная перегородкой восточная часть сруба представляла собой кухню. В пользу такого предположения говорит и характер находок в юго-западном углу: берестяная коробочка, деревянные лопаточки, чаши, ковш из капа, топор и прочая кухонная и хозяйственная утварь (рис. 41).

С востока к перегородке примыкал настил из лежащих в направлении север–юг, на длину сруба, четырех узких плах, толстой судовой доски и трех обломков жердей. Ширина настила — 0,8–0,9 м. Под настилом, практически на материке, лежали две бревенчатые лаги — у южной стены и в центре. У северной стены лага отсутствовала. По всей вероятности, здесь находился небольшой подпол, использовавшийся для хранения скоропортящихся продуктов. Пространство между полом и настилом, судя по уровням залегания половых лаг, достигало около 0,4 м. При раскопках 1973 года этот настил ошибочно трактовался как мощный коридор.

В юго-восточном углу избы, на материке, была расчищена яма глубиной 0,52 м подпрямоугольной формы, заполненная щепой. Из ямы, очевидно, бралась земля для забутовки щелей между бревнами окладного венца и материком. В ней был найден ствол елочки высотой 1 м с корой, корнем и ветками — свидетельство совершения строительного обряда.

С юга к срубам избы примыкали сени, имевшие форму, близкую к трапеции. Размеры сеней — 4,76–5,02×2,60–2,80 м. Юго-западный и юго-восточный углы сеней были срублены в обло с остатком, северные торцы бревен западной и восточной стен, стесанные вертикально с боков, вставлялись в пазы столбов, стоявших вплотную к юго-западному и юго-восточному углам избы (Отд. прил. – Лист 17. *Чертеж* 14) (рис. 36).

Диаметр столбов — 24–26 см, диаметр бревен стен сеней — 18–29 см. В профиле два венца достигали высоты 72 см.

Сени сооружались некоторое время спустя после строительства избы, о чем свидетельствует наличие слоя строительной щепы толщиной от 9 до 32 см под бревнами окладного венца, и, вероятно, в холодное время года (поздней осенью или ранней весной). Позднее юго-восточный и юго-западный срубные углы сеней оползли вниз в результате оттаивания промерзшей щепы. Для их выравнивания под бревна окладного венца, в углы, были подложены короткие плахи.

У южной стены сеней было расчищено очажное пятно, лежавшее на песчаной подушке. Пятно в плане имело неправильную форму и скругленные края. Его размеры — 1,26×1,20 м. В центре пятна — прокаленный песок. Верхний слой — углисто-сажистый (1–3 см). В южной части пятна — четыре небольших камня. Бревна стены над пятном частично обуглены. Вероятно, это остатки глиняного очага типа летнего камина.

Пол сеней был вымощен короткими плахами и досками, лежавшими в направлениях, близких к линии запад–восток (Отд. прил. – Лист 12. *Чертеж 9*). На полу найдено большое количество деревянных изделий (фрагменты бочек, лопаточки, весло), несколько десятков целых экземпляров и фрагментов кожаной обуви, деревянные поплавки и грузила-кибасы от сетей. Ниже залегал слой строительной щепы с гумусом толщиной до 8–12 см, который подстилался серо-желтой материковой глиной, покрытой тонкими углисто-сажистыми пятнами (древняя поверхность). В слое строительной щепы было найдено около 50 предметов: кожаная обувь, кибасы, поплавок от сети, кусок войлока, детали нарт, древко стрелы, ножны, сверла и т. д.

Снаружи к восточной стене примыкала легкая пристройка размерами 3,26×0,78–0,83 м. Она простиралась от юго-восточного угла сруба на расстояние 3,26 м к северу. Основание пристройки представляло собой прямоугольную загородку из обрубков бревен диаметром 9–12 см и досок (толщиной 5–8 см, шириной 18 см), поставленных на ребро и закрепленных с обеих сторон кольями, вбитыми в слой щепы толщиной около 20 см до материка. Внутреннее пространство пристройки было разделено двумя поставленными на ребро брусками на три отсека длиной 0,90, 0,82 и 1,20 м (рис. 40). Судя по размерам, конструкции и расположению с юго-восточной (теплой) стороны сруба, она могла использоваться в качестве летнего курятника.

Таким образом, постройка № 2 была двухкамерной (изба-сени), рубленной из толстых и относительно ровных бревен (Отд. прил. – Листы 19–24. *Чертежи 16–21*). Изба и сени были срублены в обло с остатком, сени соединялись со срубом в технике заплота. Продольные пазы в бревнах сделаны сверху. Вход в избу располагался с южной стороны, а в сени — с восточной. Во втором венце северной стены избы было вырублено отверстие — продух. Половые доски, судя по расположению лаг, настилались поперек входа в избу. Посредине избы, под полом на материке, был устроен неуглубленный в землю подпол, от которого сохранился настил из плах и досок. Мерзлота под полом дома оттаивала летом очень медленно, так что настил на материке под полом мог вполне использоваться как холодильник в летнее время.

Дом имел потолок, о чем свидетельствуют обнаруженные в срубе остатки глиняной засыпки потолка у северо-восточной стены и обломки потолочных досок под ней (рис. 38). С левой стороны от входа, за перегородкой, находилась глиняно-каменная печь, которая, скорее всего, топилась по-черному, без трубы. В западной стене у печи, под потолком находилось волоковое окно, от которого здесь была найдена деревянная рамка. Кроме того, в избе были еще одно или два слюдяных окна: в заполнении найдено шесть планок оконниц и пластинки слюды с отверстиями для сшивания их между собой. Наличие потолка с глиняной засыпкой дает основание предполагать, что в избе мог быть и дымник (деревянная труба-вытяжка для дыма, не соединенная с печкой).

В сенях находился глиняный очаг типа камина. Подобные летние глиняные очаги с дымоходом из каркаса, обмазанного глиной, известны у восточнославянских народов по этнографическим материалам [Зеленин, 1991. – С. 309], а также бытуют у ханты до настоящего времени под названием «чувал». В недавнем прошлом чувал был распространен также у манси, южных селькупов и сибирских татар. Интересно, что сейчас, когда у ханты распространены срубные избы с железными и кирпичными печками, чувал располагается тоже в сенях. Происхождение чувала у ханты пока не выяснено, но известно, что появился он в Сибири после появления там русского населения в XVII веке [Кардаш, 2003. – С. 88–90].

Севернее избы, в нижнем слое строительной щепы, образовавшемся после ее строительства, найдены два обломка резной крашеной причелины (рис. 100 – 2, 3, 3а). Вполне вероятно, что она украшала фасад.

На наш взгляд, постройка № 2 была одноэтажной, с двускатной кровлей над избой и односкатной — над сенями. Судя по добротности пристройки, ее кровля вполне могла быть тесовой в два ряда. Одноэтажность

подтверждается наличием следов глиняной засыпки потолка и отсутствием каких-либо столбов от крылец и лестниц второго этажа.

Остается неясным, что имел в виду М. И. Белов, говоря о разделении избы на четыре части. Вызывает сомнение и его утверждение о том, что постройка являлась домом таможенных чиновников. Состав находок, собранных в избе (59 деревянных шахматных фигурок, две игральные кости и две их заготовки, деревянные фишки, фрагмент шахматной доски, сапожная колодка и т. д.), сенах (кибасы, поплавков от сети, детали нарт, древко стрелы) и в щепе у восточной стены, рядом с «курытником» (более 2000 мелких обрезков кожи) свидетельствует о специализации ее обитателей — охота, рыболовство, изготовление и ремонт обуви, активные занятия азартными играми. Если принять точку зрения М. И. Белова, то следует признать и то, что таможенные чиновники в свободное время подрабатывали охотой, рыболовством, сапожным делом и чрезмерно увлекались азартными играми.

О времени возведения постройки можно судить по дендрохронологическим датам, полученным с шести образцов 2002–2003 годов и образца № 208 1973 года (табл. V). Бревна окладного венца западной (образец № 06, 2003 г.) и восточной (образец № 08, 2003 г.) стен избы датированы 1606 и 1604 годом (соответственно), бревно второго венца северной стены (образец № 05, 2003 г.) — 1607 годом, западное окладное бревно сеней — 1608 годом (образец № 08, 2002 г.). Эти даты позволяют отнести возведение избы к 1607 году, а сеней — к 1608 году. Из этой хронологии выпадают три даты. Две из них получены с окладного (образец № 01, 2003 г.) и третьего (образец № 208, 1973 г.) венцов южной стены сруба: соответственно — 1617 и 1618 годом. Они могут свидетельствовать о ремонте южной стены в указанное время. Бревенчатая лага под настилом в подполе избы (образец № 04, 2003 г.) датирована 1613 годом, что указывает на время сооружения постройки 2.

ВТОРОЙ СТРОИТЕЛЬНЫЙ ГОРИЗОНТ

На втором строительном горизонте не позднее 1628 года были возведены постройки № 1а и 3, нижние венцы которых лежали на слое щепы, образовавшейся при строительстве построек № 2 и 13. Толщина этого слоя достигала 16–35 см. Кроме того, к этому горизонту, вероятно, следует отнести и постройку № 1, появившуюся в результате перестройки постройки № 1а и воздвигнутую непосредственно на окладном венце нижней постройки.

Постройка № 1а экспедицией ААНИИ не была выявлена, так как постройка № 1, перекрывавшая ее, оказалась недокопанной до основания (возможно, В. Ф. Старков, руководивший раскопками 1973 года, ошибочно принял за основание мощный слой стерильного речного песка под полом постройки). Как выяснилось в ходе новых раскопок, окладной венец постройки № 1а залегал непосредственно под окладным венцом постройки № 1. Следует все же отметить, что южное бревно постройки № 1а и часть пола, примыкавшего к нему, на плане раскопа отмечены, но в описании сказано, что «в квадратах АБ–3 обнаружены остатки построек, основные конструкции которых найдены в раскопе комплекса А» [Белов и др., 1980. – С. 18].

Постройка была двухчастной (изба-сени), вытянутой в направлении, близком к линии север–юг; при этом сени примыкали к избе с юга, где находился вход в избу. Сруб избы, сохранившийся в окладном венце (у западной стены — два бревна), был срублен из бревен диаметром 15–25 см в обло с остатком. Сени, вероятно, были разобраны при перестройке. Об их существовании свидетельствует лишь один столб у юго-западного угла сруба.

Сруб имел квадратную в плане форму (3,50–3,66×3,40 м) (Отд. прил. – Лист 12. Чертеж 9) (рис. 42–44). В северном и южном бревнах окладного венца в 0,42–0,44 м от западной стенки сруба зафиксированы по одному чашевидному пазу. Эти пазы-перерубы были сделаны при возведении постройки № 1. С внешней стороны в восточном бревне, у северо-восточного угла постройки, имелся сквозной вертикальный паз «ласточкин хвост», в котором сохранился обломок брусчатого столба (7×10–15 см).

Пол избы, расчищенный под слоем чистого речного песка толщиной 5–12 см (следы позднейшей перестройки), состоял из десяти кочевых досок (шириной 17–27 см, толщиной 4,0–4,5 см), настланных в направлении север–юг на три лаги. Доски пола лежали на уровне середины северного бревна и верха южного бревна окладного венца. Две лаги — бревно и брус — лежали у северной и южной стен, третья — брус — в центральной части. Они укладывались, как и бревна окладного венца, на слой строительной щепы с гумусом,

отложившийся к началу строительства и содержавший большое количество находок (Отд. прил. – Лист 12, Чертеж 9) (рис. 42–44, 48, 49).

В юго-восточном углу постройки, справа от входа располагалась печь, сохранившаяся в виде подпрямоугольного развала (глина, кирпичная крошка, камни) размерами 188×78–75 см, ориентированного в направлении досок пола (рис. 42–45). В полу имелся проем для печи размерами 0,86×0,74 м, что соответствовало ее горизонтальным размерам (рис. 46). На плане раскопа № 22 эта печь отмечена у середины южной стены постройки № 1 (по нашей нумерации) в виде квадратного контура, заполненного камнями и ограниченного с севера бревном-лагой, а с запада и востока — двумя обрубками бревен.

В глиняном массиве развала было найдено более 30 крупных и мелких камней, мелкая кирпичная крошка, восемь фрагментов слабо обожженных рыхлых кирпичей (размерами 21–26×16×3–4 см) и кусочки обожженной глиняной обмазки. Камни и кирпичи залегали в виде двух скоплений в ЮЮЗ и ССВ частях развала, не образуя упорядоченной кладки.

После разборки развала выявилось глинобитное основание печи размерами 100×80–84 см. Остатки пода, ограниченного с севера и юга обломками камней и кирпичей, фиксировались в виде прямоугольного пятна тонкого слоя обмазки, перекрытого слоем углисто-сажистой массы (1–3 см). Под, в свою очередь, лежал на ровной, плоской в центре и покатой у краев глинобитной подушке толщиной 20 см. При расчистке южного края глинобитного основания на его поверхности были обнаружены располагавшиеся рядом деревянная фигурка крылатого коня, череп и кости конечностей зайчонка и длинная прямоугольная пластина слюды. Очевидно, это свидетельства строительного обряда, совершенного при возведении печи (рис. 173 – 2, 2а).

Остатки опечка фиксировались в виде двух обрубок бревен, ограничивавших основание печи с востока и юга. Один из них (длиной 1,8 м, диаметром 24 см) лежал вдоль восточной стены, примыкая к южному и восточному бревнам сруба, а второй (длиной 0,74 м, диаметром 14 см) примыкал к основанию с юга. С севера основание печи было ограничено фрагментом доски длиной 0,86 м, шириной 18 см. Западное бревно опечка не сохранилось, но, похоже, оно зафиксировано на плане раскопа № 22 (кв. А/3). Под восточным бревном опечка лежали короткие подкладки-плашки толщиной 12–15 см. К югу и востоку от печи доски пола отсутствовали.

Снаружи основание сруба утеплялось завалинками, забутованными речным песком, обломками кирпичей и глиной из каких-то разобранных печей (рис. 44, 47). Толщина слоев забутовки достигала 20–40 см. Ширина завалинок достигала 0,3–0,8 м. С внешней стороны завалинки ограничивались бревнами диаметром 15–22 см. От развалившейся загородки восточной завалинки найдены два небольших бревна и положенная на ребро доска, крепившиеся снаружи колышками. С южной стороны сруба завалинка была частично разобрана при строительстве сеней постройки № 1: ее выброшенное заполнение зафиксировано у южной стены этих сеней в виде аморфной линзы обожженной и сырой глины. От завалинки сохранилось *in situ* бревно (длина — 3,4 м, диаметр — 15 см), лежавшее параллельно южной стене. Восточный торец этого бревна упирался в окладной венец постройки № 2, а западный находился в 1 м к востоку от юго-западного угла сруба, что, возможно, связано с устройством в этой части стены входа в избу. Щель под южным бревном окладного венца закрывалась снаружи тремя обрубками бревен.

В юго-восточном углу избы, как и в соседней избе № 2, на уровне материка расчищена яма глубиной 0,4 м прямоугольной формы размерами 1,45×1,00 м, заполненная щепой. Вероятно, из нее бралась глина для забутовки щелей под окладными венцами. На дне ямы была найдена массивная, грубо вытесанная деревянная лопатка с короткой заостренной рукояткой, которой, возможно, и выбирался грунт. Заостренная рукоять, видимо, служила для разрыхления глины.

От сеней постройки, разобранных при возведении на этом месте сеней постройки № 1, сохранился только бревенчатый столб диаметром 19 см с подтреугольным вертикальным пазом, примыкавший с востока к юго-западному углу сруба. Паз, предназначавшийся для закрепления бревен западной стены сеней (техника заплота), был обращен на юг. Примечательно, что такой же опорный столб для стены сеней был обнаружен и экспедицией ААНИИ у юго-западного угла постройки № 1.

Под полом избы, в слое строительной щепы, было найдено 143 предмета: 16 деревянных шахматных фигурок, 18 обрывков тканей, 31 фрагмент керамики, пять бусин, четыре кибаса, четыре деревянных ножа, фрагменты двух лыж, шесть гвоздей, два сторожка от ловушки или капкана, две деревянные лопатки, деревянный вертлюг, деревянные клинья и стержни, фрагменты поршня, небольшое кольцо, сплетенное из волокон китового уса, игрушечное древко стрелы и два шарика, выточенные из песчаника. Отдельно следует

отметить предметы, связанные со строительной обрядностью: это деревянная фигурка коня и полоса слюды в основании печи, развал горшка, половина деревянного блюда, топор (рис. 52), медный нательный крест — под полом, в юго-западном углу, железный нож — у западной стены, еще один медный нательный крест — в центре постройки. Под восточным бревном окладного венца лежал кожаный туфель.

Под сенями и южной завалинкой, в слое строительной щепы, было найдено 47 предметов: десять фрагментов башмаков, девять — тканей, два венчика горшков, кусок железного шлака, три точеных шарика из песчаника, шаблон для вязания сетей, бондарная клепка, деревянные поплавки, кочедык, лопатка, ложка, фрагмент лыжи, две деревянные шахматные фигурки и костяной игральный кубик.

В слое забутовки северной завалинки было найдено 29 предметов, в том числе — фрагменты нескольких башмаков, кованый гвоздь, оселок, деревянный нож и лопаточка. Под забутовкой завалинки, в строительной щепе было собрано 159 предметов: 35 обрывков тканей, 26 обрывков веревок и канатов из пеньки, семь венчиков горшков, 34 фрагмента башмаков, один поршень, фрагмент железного замка, бондарная клепка и часть дна бочки, две шахматные фигурки и игральная фишка из дерева, фрагменты деревянной посуды — чаши и блюда, два поплавка от сетей, три сторожка от охотничьих ловушек и четыре фрагмента орнаментированных берестяных полос.

В щепе под восточной завалинкой и рядом с ней было обнаружено 17 предметов, в том числе — пять фрагментов башмаков, три — тканей, один — прошитой бересты, один — копыла, ложка, две костяные и одна деревянная шахматные фигурки, крышка тусса, нагель и точеный шарик из песчаника.

В верхней части кирпичной забутовки западной завалинки были найдены свидетельства совершения строительного обряда: деревянная фигурка двуглавого коня с лежащей рядом нижней челюстью собаки, а под забутовкой, в северном конце завалинки — восковая свеча (рис. 173 – 1, 1а). В слое строительной щепы под забутовкой завалинки было найдено 38 предметов, среди которых — дно западноевропейского оловянного бокала или кубка с барельефной литой композицией, ружейный кремль, три деревянные шахматные фигурки, три целых и два фрагментированных туфля, фрагменты бочки, тканей, поплавки, железный шлак, стекло и фрагменты неопознанных изделий из дерева.

Таким образом, постройка № 1а может быть реконструирована как двухчастная одноэтажная, состоящая из срубной избы и рубленых (?) сеней, примыкавших к южной стене избы, где они крепились в технике заплота к столбам (Отд. прил. – Листы 19, 21. *Чертежи* 16, 18). Одноэтажность постройки подтверждается отсутствием снаружи дома остатков столбов крыльца и лестницы для второго этажа. Внутри дома лестница, из-за его малых размеров, вряд ли могла поместиться. В сенях также не обнаружено никаких следов стационарной лестницы. Вход в избу находился в южной стене, со стороны сеней. Окладной венец утеплялся снаружи солидными завалинками, забутованными глиной, кирпичом и песком.

Пол в избе настился вдоль по входу. Справа от входа стояла курная печь с бревенчатым опечком, которая была сложена на глинобитном основании из слабообожженного кирпича-сырца и камней.

Окон в избе должно было быть не менее двух: одно — волоковое, другое — слюдяное (были найдены его фрагменты). Из-за небольших размеров изба могла не иметь дымохода — достаточно было волокового окна. Кровля могла быть тесовая или крытая слоем дранки, держалась на самцовых слегах. Скат кровли мог быть более покатым, как это делается сейчас в охотничьих промысловых избах Севера Сибири и бревенчатых домах ханты и манси для снегозадержания, что значительно утепляет крышу в сильные морозы.

Для датировки постройки дендрохронологическим методом были сделаны спилы с двух бревен опечка, двух судовых досок из настила пола и двух бревен из-под пола сеней (табл. V). Спилы с бревен опечка (образцы № 05 и 06, 2002 г.) датированы 1613 и 1615 годами. Одно из бревен, которыми закрывалась щель под южной стеной сруба, частично ошкуренное и с плохо обрубленными сучками (явно местного происхождения) также датируется 1615 годом (образец № 02, 2002 г.). По заключению С. Г. Шиятова, практически все бревна, использовавшиеся в Мангазее для строительства, заготавливались зимой [Белов и др., 1980. – Табл. 4], поэтому постройка № 1а может быть датирована не ранее 1615 года, а вероятнее всего — 1616 годом.

На фоне этих датировок анахроничными выглядят даты трех образцов — досок из настила пола (образцы № 03, 04, 2002 г.) — 1530 и 1606 год, а также одного бревна из-под пола сеней (образец № 02, 2003 г.) — 1596 год. Доски были взяты из разобранных кочей, которые строились, главным образом, на плотбищах Верхотурья и Поморья, а дендрохронологические шкалы для бассейна Таза, Северной Двины и Урала различаются. Что касается бревна, датированного 1596 годом, то оно также не может быть использовано для датировки строительства постройки № 1а: вероятнее всего, это бревно тоже происходит из разобранных коча — его

поверхность идеально ровная, без сучков (мачта). Перестройка постройки № 1а произошла не ранее 1628 года (образец № 207 экспедиции ААНИИ, взятый со второго венца ЗСЗ стены постройки № 1) [Белов и др., 1980. – Табл. 4. – С. 104].

Постройка № 3 располагалась в 3,3 м к востоку от постройки № 2. При раскопках 1973 года она исследовалась траншеями, опоясывавшими стены сруба изнутри и снаружи. Центральная часть постройки не вскрывалась. На плане раскопа № 22 она выглядит в виде небольшого сруба, лежащего на каком-то более раннем срубе, при этом в западной половине нижнего сруба отмечен дощатый пол. Печь в срубе не зафиксирована [Белов и др., 1980. – Прил. XIV]. В описании раскопа оба сруба не упоминаются.

В результате новых раскопок выяснилось, что на этом месте располагалась одна, а не две постройки, при этом нижний сруб отсутствовал, за него были приняты бревна завалинок.

От постройки полностью сохранился срубленный в обло с остатком окладной венец, стены которого были ориентированы в направлениях, близких сторонам света (Отд. прил. – Листы 13, 19, 22. *Чертежи 10, 16, 19*) (рис. 54–56). Размеры сруба — 3,48–3,68×3,38–3,48 м. Западное и восточное бревна окладного венца отличались значительной толщиной — 28–34 см и были обращены комлевыми концами на север. Они лежали на слое строительной щепы толщиной от 13 до 39 см. Северное и южное бревна были меньшего диаметра — 20–26 см, они врубались в пазы нижних бревен окладного венца (Отд. прил. – Лист 25. *Чертеж 22*) Непосредственно под срубом имелась тонкая прослойка обугленной щепы, свидетельствующая о том, что постройка возводилась на месте пожарища.

Дощатый пол избы настилался по ходу от входа на три лаги: северная и центральная лаги представляли собой бревна диаметром 12–16 см, южная была выполнена из бруса (14×9 см). Лаги укладывались на слой щепы, а пространство под полом перед укладкой досок было засыпано слоем речного песка толщиной до 16 см. Сохранились лишь пять досок в западной половине завалинки, остальные доски, видимо, были вытаснены из пола вскоре после того, как постройка была заброшена (рис. 55, 58). Оставшиеся доски избежали этой участи благодаря тому, что их разборке помешала стоявшая на них печь.

Кирпично-каменная печь располагалась слева от входа, в юго-западном углу сруба. Ее основанием являлась сооруженная на полу песчаная подушка толщиной 16 см, окруженная бревенчатым опечком (рис. 55, 57, 59). Аморфный развал печи занимал больше половины площади сруба. Он состоял из 25 крупных кусков слабообожженных кирпичей, кирпичной крошки, глиняной массы и крупных (до 30×20 см) камней. После разборки развала выявился фундамент печи, представлявший собой подпрямоугольную линзу серой сырой глины толщиной 8–12 см размерами 1,7×1,2 м. В юго-восточном углу основания печи на линзе глины зафиксирован под — прямоугольное пятно плотной прокаленной глины толщиной 3–5 см размерами 0,70×0,55 м. Между печью и стенами сруба имелось свободное пространство шириной около 0,4 м — от южной стены и около 0,9 м — от западной. С севера основание печи было ограничено плахой опечка длиной 0,8 м, остальные стенки опечка не сохранились. На полу под основанием печи лежала берестяная коробочка. Вероятно, это принадлежность ритуального приклада.

Снаружи по периметру сруба, на расстоянии 14–34 см от стен, лежали бревна завалинок диаметром 14–24 см, длиной 3,60–4,10 м. С внешней стороны они закреплялись от раскатывания кольшками диаметром 4–5 см, а пространство между ними и бревнами окладного венца засыпалось речным песком. Их разомкнутые торцы примыкали к выпускам бревен окладного венца. Уровни залегания окладного венца и бревен завалинок совпадали. В северо-западном углу северное бревно завалинки упиралось в выемку, выбранную сбoku в выпуске западного бревна окладного венца. Кроме того, у западного торца бревна северной завалинки, с его внешней стороны был выбран паз «ласточкин хвост» (рис. 55, 58). Столб в нем отсутствовал, поэтому нельзя уверенно утверждать, что паз был выбран для фиксации бревна завалинки. Не исключен вторичный характер его использования.

Ввиду плохой сохранности бревен сруба, следы дверного проема зафиксировать не удалось. Видимо, вход в избу находился в южной стене, где были обнаружены остатки сеней.

Конструкция сеней остается не совсем ясной, так как остатки столбов от заплота не зафиксированы. Западная стена сеней фиксировалась по фрагментам трухлявого бревна, лежавшего на уровне основания сруба на одной линии с его западной стеной. Бревно было частично уничтожено траншеей экспедиции ААНИИ, но, судя по профилю южной стенки раскопа 2004 года (линия 9, участка Н–У), оно продолжалось и далее на юг. От восточной стены сеней сохранился фрагмент бревна длиной около 0,8 м, примыкающий к юго-восточному

углу сруба. Его положение совпадало с линией восточной стены сруба, что подтверждается и границей дощатого пола, остатки которого были обнаружены в северо-восточном углу сеней (рис. 57). Следовательно, длина сеней соответствовала длине южной стены сруба, а ширина, судя по положению южного края фрагмента пола, достигала 1,6 м, что вполне соответствует сеням других построек (ширина сеней постройки № 1 — около 1,4 м, постройки № 2 — около 2,7 м).

Сохранившиеся четыре доски пола сеней лежали вплотную друг к другу, в 0,6 м от юго-восточного угла избы, в направлении запад–восток, то есть перпендикулярно направлению досок пола в избе. Длина одной из них — 1,5 м, трех других — 0,80–0,84 м, ширина настила — около 0,9 м. Рядом с настилом и под ним лежали пять березовых веников. Вероятно, они использовались как голики для очистки обуви от грязи и снега.

Аналогичный пол из коротких обрезков досок, без лаг, настланный прямо на грунт, прослежен в сенях постройки № 2. Сени постройки № 3 обнаруживают и еще одно сходство с сенями постройки № 2: у их предполагаемой южной стены была расчищена линза прокаленной глины диаметром около 0,9 м и толщиной до 7 см, лежавшая на грунте со щепой. На поверхности линзы и рядом с ней отмечены скопления раскрошенных кальцинированных костей и угольков. Не исключено, что здесь тоже находился очаг каминного типа. Судя по тому, что доски пола частично лежали прямо на поверхности линзы, этот очаг просуществовал недолго.

На нижние обрезки досок через некоторое время были уложены аналогичные обрезки, образовавшие, как и в сенях постройки № 2, второй ярус пола (рис. 56, 57). В данном случае он был представлен тремя плотно подогнанными друг к другу досками (длиной 2,08 м, общей шириной 0,70 м), лежавшими в 8–10 см выше досок нижнего яруса. При этом восточный край верхнего настила находился на одной линии с восточной стеной постройки, то есть примыкал к несохранившейся восточной стене сеней.

С юга к фрагменту пола примыкал другой настил, доски которого лежали перпендикулярно доскам сеней (в раскопе 2004 г. зафиксированы три доски северного края этого настила). Учитывая приведенный выше факт продолжения на юг и нижнего бревна западной стены сеней, можно предположить, что с юга к сеням примыкала еще одна постройка. Возможно, она входила вместе с избой и сенями постройки № 3 в трехчастный комплекс типа «изба – сени – изба» или «изба – сени – амбар». Это предположение можно подтвердить или опровергнуть только после раскопок этого участка.

В 0,8 м к северу от середины северной завалинки, чуть выше основания сруба, отмечен прямоугольный контур из обрезков досок (около 0,80×0,75 м). Внутри контура, в углублении плотного слоя щепы, найдена человеческая копромасса с включениями семян морозики. Здесь же лежали пучки сфагнума, которые и сейчас используют многие народности Севера в качестве полотенец, ветоши, подтирки. Очевидно, это остатки отхожего места, одновременного постройке № 3. Оно, вероятно, было недолговременным, поскольку объем копромаксы небольшой (рис. 60).

На наш взгляд, постройка № 3 была небольшой двухчастной одноэтажной, без потолка, с курной кирпично-каменной печкой на песчаной подушке, заключенной в брусчатый опечек и расположенной в углу, слева от входа (Отд. прил. – Листы 19–22. Чертежи 16–19). Отличие конструкции этой печи от других состоит в том, что она стояла не на грунте, а на полу. Основание постройки было утеплено завалинками. С задней стороны избы находилось отхожее место.

В культурном слое в пределах постройки № 3 было обнаружено 115 предметов. Из них 21 найден в ее северо-западной четверти, в слое, перекрывавшем доски пола: валёк, два гребня, пинцет, ружейный кремь, бондарная клёпка и фрагменты кожаной обуви. В развале печи были обнаружены фрагменты кожаных ножен и сапожная подковка. Обнаружены свидетельства проведения строительного обряда: под основанием печи — железный наконечник, под южным бревном окладного венца, на слое щепы — втульчатая железная пешня с обломком древка (рис. 172), а под восточным — нож. В восточной половине постройки, где настил пола не сохранился, было найдено 53 предмета, из них 30 — в слое щепы, лежавшей на песчаной засыпке, а остальные — под ней. Среди находок верхнего слоя щепы — фрагмент оконной рамы, три монеты — копейки (одна — Бориса Федоровича, две — Михаила Федоровича), две подковки, вяз от нарты, деревянный гарпун, судовые скобки, фрагменты обуви. В нижнем слое щепы были обнаружены фрагмент пинцета, ружейный кремь, резная деревянная голова медведя, бусины, поплавки, свинцовое грузило и фрагменты кожаной обуви.

Еще 13 предметов лежали в щепе, заполнявшей завалинку: детали кожаной обуви, костяной гребень, ружейный кремь и серебряная копейка. В районе предполагаемых сеней, на уровне дощатого настила было найдено 25 предметов: фрагменты керамики, скобки, гвозди, шило, кресало, дверной пробой, фрагмент лыжи с подволокой, фрагмент блюда с резной надписью.

Набор находок — небольшой и «стандартный» для раскопа в целом. При этом надо иметь в виду, что он далеко не полный, так как часть предметов была изъята из слоя при раскопках экспедиции ААНИИ. Специфику занятий обитателей постройки отражают такие находки, как вяз от нарты, поплавки, ружейные кремни и пинцеты.

Постройка № 1, по мнению М. И. Белова и В. Ф. Старкова, являлась «северной клетью... большого трехкамерного строения», в состав которого входили: изба (постройка № 1, по нашей нумерации), сени, дощатый амбар («кочевая» постройка № 13, по нашей нумерации). Размеры «северной клетки» достигали 5,4×5,2 м, сеней — 3,5–4,9×2,7 м [Белов и др., 1980. — С. 18; прил. XIV]. По результатам дендрохронологического анализа, исследователи сначала пришли к выводу, что сруб датируется 1621 годом (образец № 206, взятый из окладного венца западной стены сруба), а его перестройка — 1628 годом (образец № 207, взятый верхнего венца западной стены) [Белов и др., 1980. — С. 18]. Затем М. И. Белов, интерпретируя постройку как «избу таможенного головы, где жили Михаил Футин и Иван Кокорин», несколько изменил мнение, отметив, что она была построена в 1628 году вместо прежней «избы таможенных чиновников» (постройка № 2 по нашей нумерации) [Белов и др., 1980. — С. 71]. При этом на плане раскопа было показано, что сруб постройки № 1 перекрывает западный край постройки № 2, печь расположена у середины южной стены сруба, а с юга к сруб примыкают «трапециевидные сени» с дощатым полом, стены которых были выполнены в технике заплота [Белов и др., 1980. — Прил. XXIV]. К 1969 году, когда была вскрыта западная часть постройки, от нее сохранилось три венца и две лаги, врубленные в пазы стен между первым и вторым венцами. От двух северных лаг сохранились лишь пазы [Белов и др., 1980. — С. 18].

В результате новых раскопок выявились принципиальные несоответствия реальной конфигурации, особенностей устройства деталей избы и сеней, а также стратиграфического положения постройки варианту, представленному в монографии. Причина этих несоответствий неясна, но можно предположить, что она обусловлена, прежде всего, выборочным характером раскопок, при котором остатки построек вскрывались поверхностно и не полностью. Поэтому при интерпретации часть важной информации об истинной планировке постройки оказалась вне поля зрения исследователей (в 1969 г. западную часть постройки вскрыл О. В. Овсянников, а завершал раскопки в 1973 г. В. Ф. Старков).

В ходе новых раскопок установлено следующее:

- сруб избы в действительности имел меньшие размеры — 5,34×4,40 м (против 5,40×5,20 м). Судя по плану раскопа, за северное бревно постройки № 1 было ошибочно принято бревно северной завалинки постройки № 1, которое не связано со срубом и не имеет чашевидных пазов (Отд. прил. — Лист 13. *Чертеж 10*);
- сруб не перекрывал западный край постройки № 2, а примыкал к ней;
- перестройка действительно имела место, но перестраивалась не изба № 1 (датировка двух образцов 1621 г. и 1628 г. объясняется, очевидно, использованием в окладном венце бревна из более ранней постройки — см. табл. V). Постройка № 1, как показали наши раскопки, возводилась на окладном венце разобранный постройки № 1а (см. ниже), о существовании которой авторы раскопок 1969–1973 годов не подозревали;
- иной оказалась конструкция сеней. Они располагались в южной части нового сруба. В технике заплота была выполнена лишь западная стена крытого двора, находившегося между постройками № 1 и 13 и сенями постройки № 2.

От стены постройки № 1 к началу новых раскопок сохранились: в сильно обветшавшем состоянии — бревна окладного венца западной и северной стен, фрагментарно — бревна второго венца западной стены и бревна окладного венца восточной и южной стен.

При перестройке в качестве основания новой постройки использовался окладный венец постройки № 1а. При этом западная стена была перенесена восточнее на 60–80 см: западное бревно окладного венца постройки № 1 было уложено в чаши, вырубленные в северном и южном бревнах окладного венца постройки № 1а (Отд. прил. — Лист 13. *Чертеж 10*) (рис. 43, 47–49). Северо-западный и юго-западный углы новой постройки были срублены в обло, восточные торцы северного и южного бревен упирались в западную стену постройки № 2. Восточное бревно окладного венца не сохранилось, северное было наклонено к востоку, поэтому для нивелировки сруба в его восточном конце чашу не делали, ее, видимо, вырубали в несохранившемся следующем венце. От южного бревна сохранился лишь фрагмент западного конца, остальная часть была отпилена и убрана из раскопа в 1973 году. Вероятнее всего, восточные торцы бревен этой стены крепились в технике заплота (набирки) к столбу, основание которого найдено у северо-западного угла сеней постройки № 2.

Вплотную к этому столбу стоял другой, к которому, видимо, способом заплота крепились бревна восточной стены постройки № 1. При этом продольный паз в столбе отсутствовал, а бревна восточной стены крепились к нему полукруглой выемкой в их торцах.

Подобный комбинированный способ строительства стен сохранился у русского населения Урала и Сибири до современности, правда, только в хозяйственных, а не жилых постройках.

При перестройке была сохранена не только печь постройки № 1а, но и ее пол. Были убраны лишь две-три доски в западной части нижнего сруба, оказавшиеся за пределами западной стены постройки № 1. Однако этот пол был подвергнут реконструкции: на него для термо- и гидроизоляции был насыпан слой речного песка толщиной 5–12 см. От лаг для нового пола, зафиксированных экспедицией ААНИИ «на уровне первого и второго венца», сохранился глухой паз в западном бревне окладного венца (9×13×10 см), рядом с северо-западным углом (в этом же бревне имелся еще один паз — вертикальный сквозной (13×10 см) с внутренней стороны, но он не имел отношения к конструкции пола, а служил для крепления четырехгранного брусчатого столба). Доски нового пола не сохранились. Возможно, они были разобраны мангазейскими жителями после того, как постройка была заброшена или разрушена. На плане раскопа № 22 доски пола отсутствуют. Судя по установленному положению лаг, пол в избе № 1 был постелен по ходу от входа.

При реконструкции пола был совершен строительный обряд: на старый настил, рядом с северной стеной, была поставлена медная чашечка, на дне которой лежали мелкие раковины моллюсков, птичье перышко и зерна проса (рис. 90 – 5, 5а). Затем этот приклад был засыпан речным песком, на котором и возводился новый пол.

Печь осталась на прежнем месте и серьезной реконструкции не подвергалась, но, в связи с переносом восточной стены вплотную к срубу постройки № 2, она оказалась расположенной почти у середины южной стены новой избы, что нехарактерно для изб Русского Севера.

Сени постройки № 1 были устроены на месте сеней постройки № 1а, но, в отличие от них, а также от сеней всех других двухкамерных построек, они не пристраивались к избе способом заплота, а находились внутри сруба, в его южной части. Непонятно, почему этот факт не был зафиксирован экспедицией ААНИИ: на плане раскопа № 22 зафиксирован дощатый настил из семи досок, но он занимает все пространство между постройками № 1 и 13, будучи включен в состав заплотных «трапециевидных сеней». На самом деле пол сеней состоял из шести кочевых досок (сохранились пять), уложенных поперек входа в избу прямо на толстый слой строительной щепы с гумусированным грунтом. Длина дощатого настила сеней — 2,9 м, ширина — 1,7 м. При этом были полностью разобраны прежние сени (от них остался один угловой столб) и разбросано кирпично-глинистое заполнение южной завалинки постройки № 1а.

Судя по отсутствию чашевидного паза в бревне окладного венца западной стены, там, где пол сеней примыкал к полу избы, ее южная стена не была срубной. Вероятно, бревна этой стены укладывались в глухие пазы, выбранные с внутренней стороны в бревнах западной и восточной стен. Нижнее бревно перегородки отмечено на плане раскопа № 22, где оно расположено вплотную к печи и лежит прямо на южном бревне окладного венца сруба постройки № 1а. Необходимость устройства стены, отделяющей холодные сени от отапливаемой избы, очевидна, а следы какой-то иной ее конструкции не зафиксированы. Таким образом, жилое пространство постройки № 1 — собственно изба — было меньше размеров сруба и составляло 4,40×3,64 м.

После реконструкции постройки № 1а сохранилась и даже была увеличена северная завалинка (рис. 50): с севера ее прикрыли длинным бревном, закрывающим даже северо-западный угол постройки № 2; кроме того, пристроенная восточная часть этой завалинки была забутована сырой глиной. Восточная завалинка постройки № 1а оказалась под новым полом, кирпично-глиняная забутовка южной завалинки, как уже отмечалось, была разобрана и разбросана во дворе. Западная завалинка постройки № 1а оказалась в стороне от нового сруба, а пространство между нею и новым срубом было заполнено слоем щепы, перемешанной с грунтом.

В результате реконструкции постройки № 1а на ее месте появилась постройка № 1, а в пространстве между стенами построек № 1 и 13 и сенями постройки № 2 образовался почти квадратный дворик, который был огорожен с восточной стороны заплотной стеной, от которой сохранилось два столба у восточных углов построек № 1 и 13. Двор, вероятно, был мощеным. По крайней мере, на это могут указывать лежавшие вплотную друг к другу семь досок, отмеченные на плане раскопа № 22 экспедиции ААНИИ. К началу новых раскопок на этом месте досок не было. Остается неясным, имеют ли эти доски отношение к настилу, зафиксированному нами в сенях внутри сруба. Дворик, скорее всего, был крытым. Вход в него находился в заплотной стене.

Находки внутри сруба были полностью выбраны в ходе работ экспедиции ААНИИ. Исключение составляет упоминавшаяся выше медная чашечка, помещенная под новый пол при совершении строительного

обряда. Находки, собранные в постройке в ходе работ экспедиции ААНИИ, представленные чернильницей, футлярами для печатей, рифленной линейкой, фрагментами штофа, бронзовыми изделиями, шахматными фигурками, ложками и мисками, рукавицами, лыжей и копылом от нарт, позволили М. И. Белову выдвинуть предположение о том, что эта постройка принадлежала таможенному голове М. Футину. На наш взгляд, вероятность интерпретации данной постройки как дома какого-то чиновника или просто грамотного человека вполне допустима, но факт ее принадлежности М. Футину нуждается в более основательной аргументации на основе анализа сведений из документальных источников и археологических материалов.

В целом имеющиеся материалы позволяют представить постройку № 1 как курную одноэтажную избу, без потолка, с сенями внутри сруба. Кровли сомкнувшихся в результате реконструкции построек № 1 и 2 должны были совмещаться. Скорее всего, кровля постройки № 2, как более высокой, перекрывала с торца края кровли постройки № 1.

В результате перестройки образовался комплекс зданий, состоявший из двух изб с сенями, амбара и крытого дворика (Отд. прил. – Листы 19, 22. *Чертежи* 16, 19). На небольшом удалении от него стояла постройка № 3, возведенная одновременно с постройкой № 1а.

ТРЕТИЙ СТРОИТЕЛЬНЫЙ ГОРИЗОНТ

Третий строительный горизонт выделяется на основании четко фиксирующейся триады слоев (темно-серая щепка, желтая щепка, обугленная щепка) (Отд. прил. – Лист 11. *Чертеж* 8). Какие-либо остатки построек, возведенных на ней, в раскопе 2001–2004 годов найдены не были. Вероятно, постройки этого уровня сгорели и (или) были разобраны до возведения построек четвертого строительного горизонта.

ЧЕТВЕРТЫЙ СТРОИТЕЛЬНЫЙ ГОРИЗОНТ

На четвертом (верхнем) строительном горизонте были поставлены постройки № 4–7, что подтверждается данными стратиграфии и планиграфии: основания этих построек лежат на верхней триаде слоев (темно-серая щепка, желтая щепка, обугленная щепка); кроме того, восточный угол постройки № 4 перекрывал завалинку постройки № 3, а юго-западный угол постройки № 5 — северо-восточный угол постройки № 2.

Постройка № 5 в описании раскопа 1973 года не упоминается, но ее остатки отмечены на плане [Белов и др., 1980. – Прил. XIV]. В интерпретации М. И. Белова она была «двухкамерным срубом – избой». Анализируя планиграфические данные, он пришел к выводу, что с востока к избе примыкали сени. На плане раскопа отмечен сруб избы размерами около 4,25×4,20 м и сени шириной около 2,2 м и длиной 3,7 м, в избе — восемь фрагментов половых досок, уложенных в направлении запад–восток на бревенчатые лаги (две из них лежали у западной и восточной стен, две другие, примыкавшие друг к другу, проходили через центр сруба). Остатки печи зафиксированы не были. От сеней сохранились бревно северной стены и шесть половых досок, лежавших в направлении север–юг.

В культурном слое были «обнаружены... ковши, железный замок, половик из грубой ткани, стелька от сапог, металлический грузик, формочка из песчаника» и седельная лука. Кроме того, «обнаруженный по соседству с избой на мощеной улице толстый слой конского навоза», по мнению М. И. Белова, свидетельствовал о том, что в ней «жили оброчники — люди, главным занятием которых являлся извоз, следовательно, они содержали лошадей». Используя данные документальных источников, он сделал вывод о том, что эта изба входила в состав двора Футина и «не случайно носила название Кобылкиной избы» [Белов и др., 1980. – С. 71–72].

Оставляя пока в стороне вопрос об обоснованности предположения о хозяине этой постройки, отметим, что материалы раскопок 1973 года не дают основания считать постройку избой, так как в ней не была обнаружена печь.

В ходе новых раскопок остатки постройки были исследованы заново и полностью. К началу наших работ не сохранились большая часть западного и западный конец южного бревен, убранных в 1973 году при расчистке остатков сруба постройки № 2, которые они перекрывали (Отд. прил. – Лист 14. *Чертеж* 11).

Сруб был сложен в обло с остатком. Его внешние габариты достигали 4,20 (С-Ю)×3,84 (З-В) м. Южная стена сруба сохранилась в окладном венце, остальные — в двух венцах (рис 66, 67). Диаметр бревен окладного венца — 18–22 см. Достаточно хорошо фиксировались отверстия двух продухов (8–9×8–9 см), вырубленные в верхней части окладного бревна северной стены на расстояниях 1,24 м от западной и 0,64 м от восточной стен. Под восточное и северное бревна окладного венца были подложены обрубки бревен и досок для нивелировки уровня сруба (Отд. прил. – Лист 26. Чертеж 23).

Пол сохранился на всей площади сруба в виде фрагментов досок шириной 14–29 см и толщиной 3–4 см, положенных в направлении запад–восток. Он настился на четыре лаги, из них средняя была из двух прилегающих друг к другу бревен, а крайние располагались рядом со стенами (рис. 67). Восточная лага (плаха толщиной 5,5 см и шириной 18–19 см) лежала на слое щепы, на одном уровне с восточным бревном сруба. Остальные лаги укладывались концами в сквозные вертикальные пазы (шириной 23 см, глубиной 10 см), прорубленные с внутренней стороны бревен окладного венца. Западная лага сохранилась в виде обломка бревна диаметром 22–23 см, а центральные — в виде плах шириной 22–23 см и толщиной 7,5 см. Между лагами, под полом, зафиксирована песчаная засыпка толщиной 2–6 см.

У восточной стены сруба были расчищены основания двух печей: кирпично-глиняной и примыкавшей к ней с юга каменной.

Первоначально в избе была сооружена каменная печь (рис. 62). Ее аморфный развал размерами 2,2×1,8 м был обнаружен в юго-восточном углу сруба. Под печи фиксировался в виде плотного прямоугольного (1,10×0,92 м) в плане скопления небольших (8–10×6–8×5–6 см) валунов и галек. Расстояние от основания печи до южной стены — 1,32 м, до восточной — 0,24 м. Камни пода были забутованы в фундамент печи — «подушку» толщиной 6–8 см, сбитую из сырой глины. На забутованном слое отмечена тонкая (до 1,5 см) углисто-сажистая прослойка. С северной стороны основание печи было ограничено брусом опечка (12×8 см) длиной 1,02 м, лежавшим на полу. Боковая грань бруска, обращенная к печи, была по всей длине изолирована плотным ровным слоем сырой глины толщиной 9–10 см и шириной 10–13 см. У юго-западного угла печи зафиксировано основание припечного столба диаметром 21 см.

Кирпично-глиняная печь была пристроена к каменной с севера, вплотную примыкая к глиняному бортику, ограничивавшему ее основание (рис. 63). Остатки этой печи фиксировались в виде подпрямоугольного глиняного массива размерами 1,7 (З-В)×1,2 (С-Ю) м и толщиной до 20 см, лежавшего на досках пола. Глинобитные стенки печи находились в 0,3 м от восточной и северной стен сруба. В центральной части основания находился под печи, фиксировавшийся в виде подпрямоугольного (0,76×0,68 м) углубления, заполненного слоем прокаленной глины, с линзами углисто-сажистой массы на нем и окаймленного бортиком из обожженной глины. Высота бортиков над уровнем пода — 8–12 см, ширина — 18–33 см. На северном бортике, у края пода зафиксирован небольшой овально-уплощенный валун (0,40×0,19×0,07 м), растрескавшийся под воздействием высокой температуры.

Сруб был окружен завалинками, лежавшими на одном уровне с основанием окладного венца. Западная завалинка и северная половина восточной не сохранились, так как были разобраны в ходе раскопок 1973 года. Хорошо сохранились северная и южная завалинки.

Южная завалинка была ограничена бревном диаметром 10–14 см, лежавшим вдоль южной стены, на расстоянии 0,7–0,8 м от нее. Оно располагалось на одной линии с северной стеной постройки № 3, почти примыкая к ее северо-западному углу, но при этом находилось на 19 см выше окладного венца этой постройки. Западный конец этого бревна был обрублен при раскопках 1973 года, так как он мешал расчистке восточной стены постройки № 2. Длина сохранившегося фрагмента бревна — 2,98 м. Пространство между южной стеной и бревном завалинки было забутовано сырыми и слабообожженными кирпичами из какой-то разобранной печи. Толщина слоя забутовки — 20–30 см. Сверху завалинка была перекрыта продольным настилом из пяти досок (рис. 61, 62, 66).

Ширина северной завалинки — 0,76–0,80 м. Она была ограничена лежавшей на ребре широкой (28–30 см) судовой доской толщиной около 4 см. С внешней стороны доска фиксировалась тремя столбиками диаметром 7–8 см и высотой 0,40–0,75 м. С востока эта завалинка была замкнута небольшой бревенчатой перегородкой, выполненной в технике заплота (рис. 63–65). Сохранились (к сожалению, в плохом состоянии) два бревна этой перегородки длиной 0,72 м. Уплощенные торцы бревен вставлялись в вертикальные пазы двух столбов диаметром по 19–20 см (эта перегородка была зафиксирована и на плане раскопа № 22). У восточного торца завалинки аналогичная перегородка не была зафиксирована. Забутовка — песок, перемешанный с кирпичной крошкой.

От восточной завалинки осталась ее южная половина: два обрубка бревен плохой сохранности, общей длиной 2,58 м диаметром около 13 см (рис. 61, 62). Южная часть бревна частично замыкала торец южной завалинки. Сохранился незначительный слой забутовки в виде линз песка и мелких обломков кирпича общей толщиной до 10 см. Ширина забутовки — 0,3–0,5 м. Вероятно, большая часть этой завалинки была уничтожена при расчистке сруба в 1973 году.

При раскопках 1973 года завалинки не были замечены и, соответственно, не приведены на плане раскопа № 22, где, однако, отмечена торцевая перегородка северной завалинки, которая имеет почему-то большую длину (1,2 м) и ошибочно названа калиткой в «большое подворье» городской бани [Белов и др., 1980. – С. 72].

Набор находок, связанных со строительством и временем функционирования постройки, небольшой — 62 предмета, залежавшие выше уровня пола и основания окладного венца: внутри постройки собраны фрагменты кожаной обуви, ножны для ножа, футляр для восковой печати, кусочки ткани и деревянная шахматная фигурка; среди печных камней обнаружены фрагменты четырех горшков и керамической сковороды, гвозди, судовые скобки, втулка от ключа, сундучная накладка, деревянные лопаточка и нож, стеклянная пуговица. В нижней части забутовки завалинок и непосредственно под ней найдены предметы, часть которых, вероятно, была положена туда намеренно и представляет собой материальные свидетельства проведения строительного обряда: медный нательный крестик, железный наконечник стрелы, фрагменты башмака, оселок. Под восточный конец северного бревна окладного венца был положен целый туфель. В целом состав находок — достаточно ординарный, поэтому не позволяет говорить о конкретной специализации обитателей этой избы, хотя стоит отметить отсутствие предметов, связанных с охотой, рыболовством и ремеслами.

Остатки сеней нами обнаружены не были, но, вероятно, они примыкали к избе с востока, где в 1973 году были обнаружены шесть досок пола, лежавших в направлении север–юг, основание столба, располагавшееся вплотную к восточной стене сруба в 0,9 м к югу от его северо-восточного угла, а также бревно, северной стены, примыкавшее к этому столбу. Таким образом, можно предположить, что постройка № 5 была двухчастной; при этом сени примыкали к восточной стене сруба, что довольно необычно для исследованных построек этой части посада: у всех раскопанных нами построек сени примыкали к избам с юга.

При таком расположении сеней место для входа в избу могло быть только в южной части восточной стены, в таком случае печи располагались справа от входа. Довольно необычно наличие двух печей в небольшой избе. Очевидно, построенная вначале небольшая каменная печь использовалась, в основном, для отопления помещения и была не совсем удобна для приготовления пищи, поэтому хозяева решили пристроить к ней для этой цели глиняно-кирпичную. Подобные ситуации зафиксированы в этнографии. Д. К. Зеленин сообщал, что «белорусы и русские также пристраивали к своим не имеющим дымохода печам недалеко от устья небольшие печки — *печурки*» [Зеленин, 1991. – С. 229].

Не вполне ясно, зачем с северо-восточного угла завалинка подпиралась такой основательной конструкцией, как пара столбов с досками в технике замета. Возможно, они несли еще какую-нибудь нагрузку. Небольшие размеры постройки, на наш взгляд, свидетельствуют об ее одноэтажности.

Постройки № 6 и 7 М. И. Белов интерпретировал как городскую торговую откупную баню [Белов и др., 1980. – С. 72]. По их поводу в описании верхнего горизонта раскопа сказано следующее: «Было зачищено странное в планиметрическом отношении строение из трех клеток, рубленных в чашу. В восточной клетке обнаружена большая печь из булыжников. Сохранилась дощатая обводка ее. Все три клетки, соединенные друг с другом, образовали внутренний двор, выход из которого найден в восточной части комплекса» [Белов и др., 1980. – С. 18]. Проанализировав данные раскопок и сопоставив их с информацией из челобитной А. Палицины, где сказано о том, что городская баня стояла в 60 саженьях от кремля, М. И. Белов пришел к выводу, что это «необычное в плане сооружение» — трехкамерная постройка, которая и являлась «городской мангазейской баней с тремя отделениями. В одном из них помещался предбанник, в другом — игральные столы» [Белов и др., 1980. – С. 72].

Ни в описании раскопа, ни в интерпретации строения размеры этих построек М. И. Белов не указывает. Судя по плану раскопа № 22 [Белов и др., 1980. – Прил. XIV], центральный сруб (собственно баня) примыкал юго-восточным углом к северо-западному углу постройки № 5, его размеры составляли 3,85×2,15 м (восточное бревно окладного венца не было зафиксировано), а печи — 1,8×1,5 м (около 1/2 площади помещения, хотя, по словам М. И. Белова, печь занимала 2/3 его). С юга к бане, согласно плану раскопа № 22, примыкал сруб предбанника размерами 3,15×1,80 м. В восточной половине предбанника был отмечен небольшой

настил из пяти досок, лежавших в направлении север–юг на двух бревенчатых лагах, а у середины северной стены — основание столба диаметром около 25–30 см. Третий сруб этого «необычного» сооружения размерами около 2,1×2,0 м примыкал юго-западным углом к северо-восточному углу сруба бани. Внутри этого сруба отмечен пол из шести досок, лежавших в направлении север–юг.

Новые раскопки, в ходе которых эти постройки были исследованы полностью, до основания, позволили уточнить их характеристики и несколько иначе реконструировать.

Сруб постройки № 7 к началу новых раскопок сохранился частично: северная стена — на два венца, восточная — на один венец, южная и западная были убраны в ходе раскопок 1973 года, от них сохранился древесный тлен. После полной расчистки постройки выяснилось, что на самом деле «баня» не состояла из двух самостоятельных «клетей» (центральной и южной), а представляла собой один сруб, разделенный перегородкой (аналогично постройке № 2) (Отд. прил. — Лист 14. *Чертеж 11*). Сруб был возведен вплотную к северной половине западной стены постройки № 5, чуть позже нее: основание восточного бревна окладного венца постройки № 7 лежало на 13 см выше, чем основание западного бревна окладного венца постройки № 5.

Сруб был сложен в обло с остатком, из бревен толщиной 20–28 см. Его размеры — около 3,25 (З–В)×2,95 (С–Ю) м. Бревенчатая перегородка, от которой осталось нижнее бревно, делила сруб на северную и южную половины. Западный конец этого бревна, оказавшийся в трухлявом состоянии, почти примыкал к убранному в 1973 году окладному бревну западной стены сруба, от которого сохранилась канавка с корой и древесным тленом на дне (рис. 22, 69), поэтому способ его крепления к стене нами не был зафиксирован (на плане раскопа № 22 эти бревна соединены в обло с выпуском). Другой конец бревна перегородки, почти примыкавший к восточной стене сруба, сохранился лучше — на нем имелся прямоугольный шип шириной 7,0–8,5 см, длиной 9 см, оформленный прямоугольным вырубом с северной стороны. Это позволяет предположить, что торцы бревен перегородки укладывались в вертикальные пазы, выбранные с внутренней стороны бревен западной и восточной стен. Сама перегородка укреплялась с южной стороны столбами, вставленными в вертикальные сквозные пазы. Один паз был зафиксирован у середины бревна перегородки, два других — рядом с торцами, в 0,3–0,4 м от западной и восточной стен. Центральный паз был полукруглым, в нем сохранился обломок столба диаметром 15 см, остальные — подпрямоугольные (14×10 см). Очевидно, между центральным и западными столбами располагался дверной проем входа в «парильное отделение», при этом они выполняли и функцию дверных стояков. Ширина дверного проема — 86 см, что вполне соответствует строительным нормам, зафиксированным на Мангазейском городище.

Судя по сохранившимся трухлявым фрагментам досок, пол постройки был двойным: нижний, черновой, настился прямо на грунт, на уровне основания окладного венца, затем он перекрывался слоем чистого речного песка толщиной до 8–10 см, на который укладывались доски верхнего, чистового, пола. Верхний пол, видимо, был почти полностью разобран еще мангазейскими жителями на хозяйственные нужды после того, как постройка была заброшена. Судя по положению сохранившихся четырех трухлявых фрагментов, доски верхнего пола настились в направлении, близком к меридиональному, то есть по ходу от входа. В предбаннике, который располагался в южной половине сруба, доски пола лежали в широтном направлении (рис. 71).

В восточной половине «парилки» находилась печь, развал которой расчищался экспедицией ААНИИ. В ходе новых раскопок удалось полностью выявить размеры собственно печи и ее конструктивные особенности. Первоначально остатки печи фиксировались в виде большого (1,83×1,75 м) подпрямоугольного развала камней (до 40×30 см) и обломков обожженного кирпича (рис. 69). Развал примыкал к северо-восточному углу сруба и возвышался над окладным венцом на 0,55–0,60 м. С запада к этому развалу, ниже его уровня на 15–20 см, почти примыкало аморфное в плане скопление мелких камней, покрытых сажей, беспорядочно залежавших в линзе обожженной глины и кирпичной крошки. Толщина линзы — 40–47 см. Вероятно, это скопление образовалось в результате обрушения верхней части печи. Сверху на нем были зафиксированы несколько беспорядочно лежавших обломков трухлявых досок обрушившейся кровли постройки.

После разборки развала печи выяснилось, что фундаментом для нее служила мощная (до 20 см) песчаная подушка, насыпанная в пространстве, ограниченном с севера и востока бревнами окладного венца, с юга — бревном перегородки, а с запада — брусом, положенным на ребро (Отд. прил. — Лист 27. *Чертеж 24*). Торцы бруса упирались в северное бревно окладного венца и бревно перегородки. Песчаный фундамент лежал на настиле из досок (север–юг), перекрывавшем слой строительной щепы.

На песчаной подушке был зафиксирован один настил из трех широких досок, лежавших в направлении север–юг, на котором возводилась собственно печь, основание которой было оконтурено бревенчатым опечком (рис. 70). Внутреннее пространство опечка было забутовано слоем плотной серой глины толщиной до 22 см. Опечек сохранился в виде трех трухлявых обрубков бревен (диаметром 8,5–12,0 см), ограничивавших глиняную забутовку с севера, запада и востока. С юга контур замыкался бревном перегородки. В северо-западном углу опечка стоял припечный столб диаметром 13 см. В него упирались торцы северного и западного бревен опечка. Пространство между северным и восточным бревнами сруба и опечком шириной 25–36 см было засыпано речным песком, вероятно, для пожарной безопасности и большей теплоемкости.

Размеры глинобитного основания — 0,86×0,63 м. В его центральной части хорошо фиксировался под печи (размерами около 0,5×0,4 м), представлявший собой плотный слой гальки, покрытый тонким (около 1 см) углисто-сажистым слоем. По периметру под был окружен основанием стенок печи, составленных из крупных камней и обломков кирпичей, вбитых в глину на 10–15 см ниже уровня пода. Ширина стенок — 14–20 см. Особенно хорошо сохранилось основание северной стенки из пяти крупных плоских камней, поставленных на ребро.

Под печи возвышался над уровнем пола на 35–38 см. Судя по объему развалившихся камней эта печь-каменка достигала высоты не менее 1 м.

Внутри постройки № 7 найдено 29 предметов, из них 18 — в верхнем перемешанном слое, отработанном в 1973 году (стекла штофов, скобки, керамика, бусины, две подковки, фрагменты кожаной обуви, фрагмент ткани, обломок железного ножа, шило, железный наконечник стрелы, сапожный гвоздь, два туфля), три — в верхней части развала печи (фрагмент ножа, кожаная рукавица и копейка Михаила Федоровича); один — на полу (сапожный гвоздь). Кроме того, ко времени функционирования постройки относятся еще несколько предметов, найденных снаружи, у ее стен, в слое строительной щепы, залегавшей выше уровня окладного венца: лезвие бритвы, ружейный кремь, фрагменты двух железных совков, костяной наконечник остроги, деревянная лопатка, детская игрушка — фигурка рыбки из коры лиственницы, фрагменты штофа.

При возведении печи был совершен строительный обряд, свидетельством чего являются деревянная фигурка лошадки (рис. 70; 173 – 3), положенная у основания припечного столба, а на северном краю основания печи — медный нательный крест.

Постройка № 6 (третья «клеть» бани, по М. И. Белову) примыкала юго-западным углом к северо-восточному углу постройки № 7, но не была с ней связана конструктивно. Нами были зафиксированы остатки небольшого (внешние размеры — 2,36×2,02 м) сруба с дощатым настилом внутри (Отд. прил. – Лист 14. *Чертеж 11*) (рис. 72), перекрытые слоем отработанного грунта, находки из которого нельзя уверенно увязать с самой постройкой. Отсутствие внутри сруба остатков печи и малые размеры свидетельствуют о ее подсобном характере.

Таким образом, в результате новых исследований выяснилось, что «городская баня» представляла собой не «странное в планиметрическом отношении строение из трех клеток», а квадратный сруб, разделенный бревенчатой перегородкой на две равные половины — предбанник и парильное отделение. Бревна перегородки, вероятно, крепились в пазах западной и восточной стен сруба и дополнительно укреплялись со стороны предбанника тремя столбами, врезанными в них. Очевидно, вход в предбанник располагался аналогично входам в сени жилых построек, найденных в раскопе, — с одной из коротких сторон. В таком случае он мог находиться только с его западной стороны, так как с востока к бане примыкала постройка № 5. Пол в предбаннике настился по ходу. Слева от входа в предбанник, в западной части бревенчатой перегородки находилась дверь в парную, где полы настились тоже по ходу, перпендикулярно направлению досок пола предбанника. Печь-каменка с бревенчатым опечком и припечным столбом располагалась справа от входа в парильное отделение, занимая около половины его площади.

Полученные материалы убеждают в правомерности предложенной авторами монографии «Мангазея» интерпретации этой постройки как бани. Однако ее малые размеры (в «парильном отделении» пространство для посетителей было крайне небольшое — 1,53×1,17 м) не позволяют вслед за М. И. Беловым и его коллегами отнести эту баню с городской «торговой откупной». К тому же не соответствуют действительности и расчеты места расположения последней, произведенные М. И. Беловым на основании данных, приведенных в отписке А. Палицина, где сказано, что торговая откупная баня находилась в 60 саженях от кремля. По нашим подсчетам, постройка № 7 находится в 95 м от кремля, что составляет 44,6 сажени. В таком случае совершенно ясно,

что остатки откупной бани следует искать в 30 м к востоку от постройки № 7, которая, вероятно, была частью бани, входившей в состав одного из подворий, и далеко не единственной на посаде.

Аналогичная баня («мыльнишко») известна из описания мангазейского воеводского двора 1639 года: «Мыльнишко гнило с сенишками. Стены и потолок и мост погнил и печь розвалилась» [РГАДА. – Ф. 214. Стб. 88. Л. 386].

Как нам представляется, постройка № 7 по размерам и конструкции была очень близка к простейшему типу северных русских бань [Ополовников, 1983. – С. 167, 169; илл. 186, 189; Бломквист, 1956. – Рис. 76].

Нельзя также согласиться и с предположением М. И. Белова о том, что в «третьем отделении» бани (постройка № 6) находились «игральные столы» и оно использовалось для игры в зернь [Белов и др., 1980. – С. 72]. Полагаем, что этот неотопливаемый (печь не обнаружена) сруб с мизерным внутренним пространством (около 2,0×1,6 м), не мог быть игорным домом при бане. К тому же среди немногочисленных находок в переотложенном слое и рядом с постройкой № 6 нет ни одной шахматной фигурки или игральной кости. Можно предположить, что расположенная на задах бани столь небольшая постройка могла использоваться для нужд, связанных с ее эксплуатацией (хранения дров, веников).

Постройка № 8 располагалась в 1 м к северу от постройки № 7 и возводилась приблизительно в одно время с постройкой № 5. Нами была вскрыта ее южная часть, от которой сохранились свободно лежащие и не связанные конструктивно западное и южное бревна, использовавшиеся, видимо, в качестве подкладок под окладной венец. К началу строительства бани постройка № 8 была разобрана, на восточный конец южного бревна были уложены бревна сруба постройки № 6 (Отд. прил. – Лист 14. *Чертеж 11*) (рис. 69, 73–74). Очевидно, постройка № 8 являлась большим хлевом: внутреннее пространство, от середины бревен подкладок, было перекрыто сплошным слоем плотной массы навоза толщиной до 20 см с тонкими прослойками щепы. Кроме того, тонкий слой навоза был обнаружен и за пределами постройки, под основаниями построек № 5–7.

В пределах контура вскрытой части хлева найдено 175 предметов, из них 11 — в переотложенном отработанном слое (каблук, фрагменты штофа, пуля, оселок, обрывок войлока), 61 предмет — в лежащем ниже слое навоза с прослойками щепы (остатки полуистлевшей заячьей шубки с соболиной оторочкой, фрагменты кожаной обуви, обрывки ткани и вязаных изделий, два веника, кожаная рукавица), остальные — в верхней части слоя строительной щепы под навозом (бусины, фрагменты башмаков, берестяные коробочки, фрагменты штофа, судовые скобки и гвозди, шаблон для вязания сетей, фрагменты керамической посуды и нащечная пластина оленьей упряжи, крышка от корневатика).

Ниже уровня бревен постройки № 8, под слоем строительной щепы, был зафиксирован еще один слой навоза толщиной до 3–5 см. В нем было обнаружено скопление утиных перьев и черепов куропаток и уток. Возможно, здесь находился еще один, более ранний, хлев.

О постройке № 4 в монографии «Мангазея» сказано следующее: «В квадратах ВГ/2–3 ...обнаружена жилая постройка, сохранившаяся в два венца. Она срублена в обло с остатком и имеет размеры 5,2×5,0 м» [Белов и др., 1980. – С. 18] (на плане раскопа размеры сруба — около 5,5×5,5 м). При интерпретации постройки М. И. Белов пояснил, что «сруб в квадратах ВГ–1,2 не изучен полностью. Он пришелся на широкую бровку и оконтурен по окладному венцу. Соседняя площадка не раскапывалась вообще, но вблизи нее в 1970 году прошла широкая траншея, соединившая раскоп № 21 и раскоп «комплекс А». В траншее (квадраты ВГ–1,2...) в верхнем горизонте замечена вымостка. С нее взят спил и определены даты — 1629 и 1630 годы (спил 186). ...Бесспорно, в развернутом плане вымостка — это вымощенные сени. Дополнительное изучение показало, что в прибрежной части раскопа 22 (квадрат ВГ–1,2) стояла двухкамерная изба с клетью и сенями» [Белов и др., 1980. – С. 71].

В этом пояснении наглядно продемонстрирован очень своеобразный метод осуществления описательных реконструкций построек, применявшийся М. И. Беловым: при минимальной фактической информации (контур окладного венца с обрубком бревна внутри, как показано на плане) о недокопанной постройке, он, ссылаясь на дополнительное изучение (остается неясным, в чем оно заключалось и что являлось предметом этого изучения), уверенно интерпретировал ее как двухкамерную избу. На плане раскопа нет ни печи, ни пола, ни сеней, не упоминаются они и в описании.

Ничего не сказано и о датировке сруба, хотя дата образца № 202, взятого с бревна восточной стены, — «зима 1637–1638 г.», приведена в таблице характеристики спилов, сделанных С. Г. Шиятовым [Белов и др., 1980. – Табл. 4. – С. 104].

В ходе новых раскопок этой постройки выяснилось, что зафиксированные раскопками 1970 года (траншея) и 1973 года контуры сруба сохранились частично, в виде восточного и фрагмента северного бревен окладного венца (Отд. прил. – Лист 14. *Чертеж 11*) (рис. 75–77). Остальные остатки сруба были убраны при раскопках ААНИИ, так как они мешали расчистке нижних построек. За прошедшие с тех пор три десятилетия остатки деревянных конструкций пришли в неудовлетворительное состояние. Восточное бревно диаметром 24–34 см сохранилось на всю длину — 5,95 м. Следы пазов из-за трухлявого состояния древесины не фиксировались. Длина сохранившейся восточной части северного бревна — 2,1 м, его диаметр — 17–23 см. Уровень поверхности, на которой лежал сруб — 534–560 см.

Перед укладкой окладного венца покрытая обугленным слоем щепы поверхность участка, занятого непосредственно постройкой, была засыпана тонким слоем речного песка (внутри сруба и под бревнами он достигала толщины 8 см). Верхняя часть этого слоя, вероятно, была снята при раскопках 1973 года, так как в юго-восточном углу постройки, где он сохранился полностью, толщина его достигала 20–25 см. За пределами сруба песок не зафиксирован. При этом северо-восточный угол сруба перекрыл небольшой, квадратный в плане (3,4×3,2 м), развал глиняно-каменной печи какой-то более ранней постройки, а юго-восточный угол — западный край более ранней постройки № 11.

В юго-восточном углу сруба были обнаружены остатки кирпично-каменной печи, верхняя часть которой первоначально фиксировалась в виде большого (3,3×2,2 м) развала кирпично-глиняной массы толщиной 0,2–0,6 м, перекрывавшего восточное бревно окладного венца. При этом большая часть развала находилась к востоку от сруба. На поверхности развала отмечены 17 небольших (10–20×10–15 см) камней. Кирпично-глиняный массив был прорезан неровными канавками (старые траншеи 1973 г., ооконтуривавшие сруб) глубиной до 20–48 см от поверхности. Не исключено, что часть этого массива сформировалась в результате выкида из канавок.

После разборки развала и переотложенного слоя раскопа 1973 года, перекрывавшего нетронутые остатки постройки, в юго-восточном углу сруба были расчищены остатки основания печи, окруженного толстым (до 20–25 см) слоем чистого речного песка. Под песчаной засыпкой был расчищен дощатый настил, состоявший из трех лежащих вплотную друг к другу досок шириной 23–26 см и длиной 1,7–2,0 м, лежавших вдоль бревна у его основания. Толщина досок достигала 3–4 см.

Основание печи фиксировалось в виде подквадратного в плане (0,84×0,82 м) кирпичного массива высотой от 14 см (толщина пода) до 37 см (высота стенок). Стенки печи частично сохранились с южной и восточной сторон. Они располагались в 0,20–0,26 м от южного (несохранившегося) и восточного бревен окладного венца. Основание печи лежало на дощатом настиле, уровень залегания которого совпадал с основанием окладного венца. Под настилом располагалась овальная в плане «подушка» из серой сырой глины, размеры которой соответствовали размерам основания печи. Ее толщина — 7–9 см. У северной стенки основания печи отмечен обрезок доски от опечка.

Пол в избе, вероятно, настился на лаги, уложенные на песчаную засыпку на уровне верха окладного венца. К сожалению, ни лаги, ни доски пола к началу новых раскопок не сохранились.

Очевидно, печь достигала значительной высоты, о чем свидетельствует большой объем кирпично-каменной массы, оказавшейся за пределами сруба после разрушения постройки.

В пределах сохранившейся части сруба, выше уровня залегания окладного венца, было найдено 24 предмета: фрагменты кожаной обуви, стеклянной посуды, керамики, дверной пробой, шило, костяной наконечник стрелы, роговая налобная пластина оленьей упряжи.

На дощатом настиле у печи было найдено 12 предметов: венчик горшка, две серебряные копейки Михаила Федоровича, игральный кубик, башмак, сапожный гвоздь, футляр кибаса, два куса берестяной стельки, фрагмент мутовки и кожаный мячик, набитый шерстью.

За пределами сруба постройки № 4 нам удалось обнаружить остатки кирпичной печи, примыкавшей к его северо-восточному углу с севера (рис. 76). Первоначально они фиксировались в виде большого (около 2,3×1,7 м) развала, состоящего из массива обожженной глины с вкраплениями кирпичной крошки и мелких обломков кирпича, а также линзы серой сырой глины и нескольких мелких валунов и обломков камней сверху. Массив имел покатые края и достигал максимальной высоты 22 см в центральной части.

После разборки развала была расчищена нижняя часть печи, которая фиксировалась в виде подпрямоугольной платформы прокаленной глины размерами 1,50×0,68 м и толщиной 8 см (под печи), перекрытой углесто-сажистой линзой толщиной 4 см. Она лежала на одном уровне с основанием окладного венца постройки № 4.

Печь возводилась на глинобитном основании с дощатым настилом: под платформой отмечены пять плохо сохранившихся досок, лежавших в направлении запад–восток на расплывшейся линзе сырой глины толщиной 8–14 см. Размеры глинобитного основания соответствуют размерам нижней части печи. Под ним были найдены две деревянные фигурки: коня и рыбки — еще одно свидетельство совершения строительного обряда при возведении мангазейских печей.

Деревянные конструкции постройки, связанной с этой печью, не сохранились. Учитывая, что основание печи вплотную примыкало к северному бревну окладного венца постройки № 4, находясь на одном уровне с ним, можно предположить, что с севера к этой стене было пристроено еще одно жилое помещение.

Данные новых раскопок, несмотря на то что после раскопок 1970 и 1973 годов постройка была сильно разрушена, позволяют дополнить и скорректировать ее прежнюю характеристику. Размеры сруба, зафиксированного на плане раскопа № 22, вероятно, соответствуют действительности. Постройка на самом деле являлась избой, хотя остатки большой кирпично-каменной печи были обнаружены лишь в ходе новых раскопок. Выяснилось, что пол настился на толстую песчаную засыпку. Вероятно, с севера к избе было пристроено еще одно помещение с печью, имевшее общую с ней стену.

Довольно запутанной выглядит ситуация с сенями, о которых писал М. И. Белов. Доказательством наличия сеней в южной части сруба он считал вымостку, представленную на плане единственным обрубком бревна длиной 1,5 м, лежавшим вдоль южной стены (в 1 м к северу от нее), и примыкавшим торцом к восточной стене. Это бревно было обнаружено в траншее 1970 года, которая, как выяснилось в ходе новых раскопок, проходила по южной стене сруба (контур траншеи на плане раскопа № 22 не отмечен). На том месте, где показано бревно вымостки, нами обнаружена печь, нетронутая траншеей, поэтому там оно находиться не могло. Где на самом деле лежало это бревно и какое оно имеет отношение к постройке № 4 — непонятно, но совершенно ясно, что говорить о расположении в этой части постройки сеней оснований нет.

Северо-восточный угол постройки № 4 перекрывал остатки какой-то более ранней постройки этого же строительного горизонта, от которой сохранился лишь развал печи. Развал фиксировался в виде подпрямоугольной (0,6×0,5 м) в плане линзы обожженной глины толщиной 5–8 см и скопления (0,6×0,5 м) на ней булыжников размерами 9–15×7–9 см. У северо-восточного угла основания печи отмечена ямка от столба опечка диаметром 0,4–0,8 м. У северного края развала отмечены плохо сохранившиеся остатки бревна опечка диаметром около 18 см. Печь возводилась на фундаменте из сырой глины толщиной 2–8 см. Под камнями и между камнями отмечена углисто-сажистая линза толщиной 1–2 см. Сверху развал был перекрыт слоем чистого речного песка толщиной до 9–10 см, на котором возводился сруб постройки № 4. Рядом с печью и в ее развале были найдены: боек киянки, нагель, мутовка, кочедык, фрагменты тканей, стеклянной посуды, бусины, поплавок от сетей.

Остальные постройки (№ 9–12) исследованы раскопками 2001–2004 годов частично, поэтому в данной работе не представлены.

* * *

Подведем итоги исследований построек, вскрытых нами полностью в 2001–2004 годах в раскопе № 22 экспедиции ААНИИ. Напомним, что по результатам раскопок 1968–1970 и 1973 годов в истории застройки этого участка посада М. И. Беловым были выделены два строительных горизонта. На первом, который он датировал 1617 годом, возникла двухкамерная постройка, которая, по его мнению, являлась домом таможенных чиновников (постройка № 2, по нашей нумерации). К этому же времени, судя по отмеченным на плане раскопа черным цветом остаткам построек, относились располагавшиеся в 3–4 м южнее три небольших сруба, вытянутых вдоль берега («лаги-колодцы» мостовой, по М. И. Белову), большой сруб в северной части раскопа, бревно и фрагмент пола постройки № 1а.

На втором строительном горизонте, по М. И. Белову, появились трехкамерная постройка, интрепретированная им как дом таможенного головы М. Футина (постройки № 1 и 13, по нашей нумерации), две постройки «ремесленников-промысловиков» (постройки № 4 и 5, по нашей нумерации), баня (постройки № 6 и 7, по нашей нумерации) и большой трехчастный амбар гостиного двора в северной части раскопа.

Постройки нижнего горизонта просуществовали недолго, и, по данным дендрохронологического анализа, в 1628–1638 годах на месте их развалин возникли постройки верхнего горизонта (образцы № 207–208). При этом ранний дом таможенных чиновников (постройка № 2), якобы, был перекрыт срубами дома Футина (постройки № 1 и 13) и постройками № 4–5.

Отметим, что М. И. Белов проигнорировал дату образца № 206, взятого с окладного венца постройки № 1 верхнего строительного горизонта — 1621 год, видимо, потому, что время бытования построек нижнего горизонта определялось 1617–1621 годами. Причина, по которой через 3–10 лет после возведения постройки нижнего горизонта превратились в руины, ставшие фундаментом для построек второго горизонта, осталась неясной.

Таким образом, картина первого этапа застройки реконструируется нами следующим образом. На первом (нижнем) строительном горизонте были возведены срубы построек № 2 и 13, затем к ним добавились срубы построек № 1а, 1 и 3 (второй строительный горизонт). Остатки построек третьего строительного горизонта не сохранились, так как впоследствии, видимо, были разобраны полностью.

Первые три строительных горизонта отражают последовательность застройки данного участка в период с 1608 года (время основания постройки № 2 и, вероятно, постройки № 13) по 1628 год (время перестройки постройки № 1а в № 1), когда там сформировался единый архитектурно-планировочный комплекс, состоявший из трех жилых построек (№ 1а (1), 2, 3) и одной хозяйственной (№ 13) — амбара, переделанного в поварню.

Этот комплекс, вероятно, просуществовал до 1630 года, когда в ходе междоусобной войны воевод А. Палицына и Г. Кокорева посад был razoren. М. И. Белов привел выдержки из их челобитных. Палицын сообщал, что люди Кокорева «у изб и у клетей окна выломали, печи розбили. И, которые, государь, хоромы и амбары розобраны были и ими ставлены по улицам и переулкам. От его воровской стрельбы защиты и в избах и в клетешках убиваны стены, и то все велел он, Григорий, пересечь и на огне сжечь. И razорил до конца». Кокорев, в свою очередь, тоже жаловался царю на Палицына: «Избы и амбары разломал до основания... И всего иссечено и разломано изб и амбаров больше сорока» [Белов и др., 1980. — С. 51, 53]. Эти события явились конечным рубежом первого этапа истории застройки посада. В культурном слое сохранились основания построек двух нижних строительных горизонтов, а постройки третьего горизонта после пожара были полностью разобраны.

Начало второго этапа застройки этого участка связано с возрождением активной жизни на посаде, что выразилось в появлении на нем нового комплекса построек четвертого строительного горизонта (жилые постройки № 4 и 5, хлев — постройка № 8, баня с подсобным помещением — постройки № 6 и 7). Постройки этого горизонта возводились на руинах построек первого этапа застройки.

Судя по дендрохронологическим датам, полученным с окладного венца постройки № 4 (образец № 202, 1973 г.) — 1638 год, — и бревна (лага, опечек?) из этой же постройки (образец № 186, 1973 г.) — 1630 год, — новая застройка происходила в конце 1630-х годов (табл. V). Плохая сохранность бревен построек четвертого горизонта, лишь частично законсервированных после раскопок 1973 года, не позволила взять новые образцы, которые могли бы помочь в уточнении их датировки. Комплекс построек этого этапа был последним на исследованном нами участке посада. Он просуществовал до начала 1640-х годов, о чем свидетельствует отсутствие в культурном слое этих построек монет, чеканенных при Алексее Михайловиче (1645–1676 гг.).

Новые материалы по домостроительству, полученные на полностью исследованном участке посада, дают основание для корректировки ряда выводов авторов монографии «Мангазея», в частности, относительно планировки построек. О. В. Овсянников в главе «Русское сибирское жилище XVII в.», опираясь, главным образом, на материалы собственных раскопок 1968–1969 годов, пришел к заключению, что «трехчастный дом, соединенный сенями с другими дворовыми постройками, составлял преобладающий компонент застройки мангазейского поселения — многочастное жилище» [Белов и др., 1981. — С. 18], проигнорировав при этом факт наличия одно- и двухчастных построек. Примечательно, что в раскопах этих лет зафиксированы, в основном, трехчастные и многочастные постройки, представлявшие собой, по мнению О. В. Овсянникова, «единые мощные архитектурные комплексы» [Белов и др., 1980. — С. 16]. В раскопах 1970 и 1973 годов, вскрытых В. Ф. Старковым, количество трехчастных построек оказалось заметно меньше; преобладали двухчастные, изредка встречались и одночастные. М. И. Белов, интерпретируя вскрытые сооружения, в отличие от О. В. Овсянникова, утверждал: «По мангазейским представлениям в каждой избе должны быть, по крайней мере, клеть и сени» [Белов и др., 1980. — С. 71].

Последняя точка зрения нашла подтверждение в материалах новых раскопок: среди построек, повторно исследованных в раскопе № 22, не оказалось ни одной трехчастной: за исключением одночастных построек № 4, 6 и 13, все остальные (№ 1а, 1, 2, 3, 5, 7) — двухчастные, состоящие из избы и сеней. Постройка № 4, вероятно, тоже имела сени с речной стороны, незамеченные и разобранные при раскопках 1973 года. Постройка

№ 6 — подсобная при бане, а постройка № 13 первоначально являлась отдельным амбаром, перестроенным впоследствии в поварню. Это обстоятельство позволяет усомниться в правомерности распространения столь однозначного вывода О. В. Овсянникова на всю территорию города.

Все вновь изученные постройки были срублены в обло с остатком из бревен диаметром 15–29 см. Исключением явилась постройка № 13 (амбар), срубленная из судовых досок на окладном венце из брусьев кия коча. Размеры построек небольшие: от 3,5–4,2×3,4–3,8 м до 5,3–5,5×4,4–5,5 м. Срубы всех построек сделаны добротны, все сохранившиеся чаши очень технично вырублены, бревна хорошо подогнаны друг к другу продольными пазами. Если бревно было неровное (в лесотундровой зоне сложно найти большие прямоствольные деревья), то венцы выравнивались за счет различной ширины продольного паза и противоположной направленности комлевой части бревен в разных венцах. Продольный паз, в который укладывался мох, и чашевидные пазы для поперечных бревен сруба вырубались в их верхней части.

О размерах дверей и дверных проемов к данным прежних раскопок можно добавить немного. Найдены лишь две двери, одна из которых очень мала по размерам (0,65×0,55 м) и могла быть дверью в подпол постройки № 2. Вторая дверь размерами 0,95×0,65 м, хоть и небольшая, но вполне соответствует размерам дверей, найденных в 1968–1973 годах. Их ширина составляла от 0,65 до 0,83 м, высота — от 0,95 до 1,50 м [Белов и др., 1980. — С. 17]. Ширина проемов в постройке № 2 составляла на входе в избу — 0,81 м, на входе в сени — 0,80 м.

Сени представлены двумя типами: срубные, пристроенные к избе в технике заплота (сени построек № 1а, 2, 3, 5) и устроенные внутри сруба избы за бревенчатой перегородкой, врезанной в пазы стен сруба (постройка № 1). Второй тип сеней встречен и в бане, где перегородка разделяет предбанник и парильное отделение.

Срубы ставились на грунт, а при возведении построек верхнего горизонта, обугленная после пожара 1630 года поверхность пересыпалась слоем чистого речного песка.

Полы (исключительно из судовых досок) в избах настилались на лаги, положенные в пазы бревен, на уровне первого-третьего венцов (постройки № 1, 2, 5, 13) или уложенные на грунт (постройки № 1а, 3, 7); в сенях — прямо на грунт, иногда — с подкладками. Пространство между полом и дневной поверхностью в избах засыпалось для гидроизоляции толстым (до 20 см) слоем речного песка, так как летом под домом из-за оттаивания мерзлоты скапливалась сырость (постройки № 1, 3, 4).

Печам — неперемому атрибуту жилых построек — при раскопках экспедиции ААНИИ не было уделено должного внимания; как правило, если о наличии печей мимоходом упоминалось в описании раскопок, то на планах они отмечены гораздо реже. О конструкции собственно печей обобщенные сведения содержатся лишь в главе «Русское сибирское жилище XVII в.» [Белов и др., 1981. — С. 15]. На плане раскопа № 22 отмечены всего две печи — в постройках № 1 и 7.

В ходе новых раскопок остатки печей были выявлены во всех постройках, кроме построек № 8 (вскрыта частично, интерпретируется как хлев) и № 6 (подсобное помещение при бане). Печи располагались справа (постройки № 1а, 1, 4, 5, 7) или слева (постройки № 2, 3) от входа. Единственный случай, когда печь находилась в центре постройки, напротив входа — постройка № 13 (амбар, перестроенный в поварню). Все печи топились по-черному, остатки глиняных дымоходов не найдены. Во всех избах и в бане встречены однотипные печи-каменки размерами в плане 0,84–1,10×0,63–1,00 м. Высота печей, судя по объему кирпично-каменных развалов, достигала 0,6–1,0 м. Они различались соотношением сыробитных кирпичей и камней. Основания печей, как правило, сбивались из глины и складывались из сыробитных кирпичей. Стенки и своды возводились из кирпичей с камнями или из камней, скрепленных глиной. Подпрямоугольные глинобитные поды размерами около 0,70–0,80×0,55–0,70 м забутовывались мелкими камнями. Основания печей окружались бревенчатыми опечками. В двух случаях зафиксированы припечные столбы — в бане и в постройке № 5. Практически все печи возводились на массивных глинобитных фундаментах, лежавших на грунте и не связанных с деревянными конструкциями избы. Поверхность фундаментов, как правило, перекрывалась дощатыми настилами. Лишь в двух случаях фундаменты печей возводились на полу: в постройке № 3 и в постройке № 5, в которой глиняно-кирпичная печурка была пристроена к существовавшей каменке.

Впервые на Мангазейском городище были обнаружены остатки глинобитного летнего камина в сенях (постройка № 2) в виде основания размерами 1,26×1,20 м, примыкавшего к южной стене сеней напротив входа в избу. Возможно, именно такие каминные послужили прототипом для чувалов у ханты и манси.

Характерной чертой северорусских построек, как известно, являются завалинки. По материалам раскопок Новгорода известно, что завалины, ограниченные не просто бревнами, а венцом, срубленным

в чашу с остатком, появились с XI века [Раппопорт, Колчин, Борисевич, 1985. – С. 148–149]. В суровом климате сибирского Заполярья утепление изб завалинками было жизненно необходимо. В 1973 году в раскопе № 22 завалинки обнаружены не были. Бревенчатые контуры завалинок отмечены на планах других раскопов, в частности, соседнего раскопа № 21, но они почему-то интерпретировались как «ограды» изб [Белов и др., 1981. – С. 12, 20] или внешние стены двойных (?) срубов [Белов и др., 1980. – С. 12–13].

В ходе новых раскопок завалинки были найдены у четырех построек (№ 1а, 1, 3, 5). Они достаточно большие (шириной 0,6–1,0 м, высотой 0,3–0,5 м), огорожены свободно лежащими досками и бревнами, удерживаемыми снаружи кольями, и забутованы толстым слоем речного песка или кирпичей из разобранных печей. У самой ранней на участке постройки № 2 щели между бревнами окладного венца и поверхностью участка были прикрыты снаружи небольшими (до 20 см высотой и 25 см шириной) подтреугольными в поперечном сечении валиками утрамбованной сырой глины. Не было завалинок у самых ранних построек — № 13 и № 2. Не обнаружены следы завалинок у построек № 4, 13 и 7 (бани), где они могли быть уничтожены канавками, которыми оконтуривались срубы в 1973 году.

Относительно этажности зданий мнения авторов монографии также разделились. О. В. Овсянников пришел к выводу, что «преобладающее большинство трехчастных построек... относится к двухэтажным зданиям». При этом в качестве аргументов, подтверждающих наличие второго этажа, он привел остатки рундуков крылец и лестничного марша в многочастных воеводских жилищах, обнаруженные в кремле на нижнем и верхнем горизонтах. Распространение двухэтажных построек ему казалось «логичным и радикальным». Достаточно спорным выглядит его утверждение о том, что «в тех случаях, когда в нижнем этаже были обнаружены следы печи (т. е. подклеть была жилой), можно определенно говорить о двухэтажности постройки» [Белов и др., 1981. – С. 18–19].

Кроме приведенных выше аргументов в пользу двухэтажности воеводских построек, других археологических доказательств у исследователя нет, в том числе и фактов обнаружения в раскопах остатков рухнувших печей второго этажа. Учитывая упоминавшееся выше мнение о том, что трехчастный дом «составлял преобладающий компонент застройки мангазейского поселения», вполне очевидно, что в представлении О. В. Овсянникова Мангазея состояла преимущественно из двухэтажных зданий.

Совершенно иначе представлял себе архитектурный облик Мангазеи М. И. Белов, который, ничуть не смущаясь отсутствием археологических доказательств двухэтажности построек мангазейского посада, рассуждал следующим образом: «Гостиный двор и таможенная изба по своей экономической значимости являлись ведущими комплексами Мангазеи. Естественно, им принадлежала большая часть строений на торговой стороне, главным образом, амбаров разных типов — от частных, находившихся в собственности торговых людей, до государственных. По своей строительной планировке и, надо полагать, исполнению, а также необычности замысла они выделялись из массы одноэтажных построек.

Двух- или трехэтажные сооружения с часовыми и смотровой башнями, высоко поднимавшиеся над кровлями мелких жилых и складских строений, вместе с двухэтажным домом таможенного головы, резко доминировали над большинством городских построек. Под стать им были только некоторые соседние здания, известные нам лишь по названиям. Это торговая откупная баня (на северо-восточной окраине была еще одна торговая баня), двор влиятельного толмача Жука Борисова, игравшего важную роль во время местнического столкновения воевод, двор стрельца Ивана Тотьмы, заказчиков изба, горностайкова изба, зерновой двор с питейным домом — кабаком» [Белов и др., 1980. – С. 72].

В целом, за исключением двухэтажности (как следует из контекста) бани, с этой картиной можно было бы согласиться, но беда в том, что связь всех упомянутых построек, известных из документов, с остатками конкретных построек из раскопов «комплекса А», № 21 и 22 обоснована М. И. Беловым крайне неубедительно. Для локализации на местности упоминающихся в документах построек он, во-первых, использовал данные о расстояниях между ними и кремлем, указанные в отписке А. Палицына [Белов и др., 1980. – С. 69], не отнесясь критически к слишком круглым цифрам (40, 60, 70, 100 и т. д. саженей), которые, видимо, были даны приблизительно. Во-вторых, проверка этих расстояний, осуществленная нами на основании данных новой топосъемки, показала, что места расположения городских комплексов и построек на самом деле не совпадают с результатами вычислений М. И. Белова. В частности, гостиный двор, торговая откупная баня и таможня должны были находиться восточнее мест, определенных М. И. Беловым, соответственно на 12, 32 и 47 м.

Возвращаясь к постройкам раскопа № 22, отметим, что М. И. Белов, как видно из приведенной выше цитаты, двухэтажным считал дом таможенного головы Футина (Кокорина), который он связал с постройкой № 1.

Однако эта привязка не обоснована данными письменных источников, на что обратил внимание и сам автор: «Ни в одном из документов нет никакого упоминания о местоположении двора. Можно предполагать, что двор располагался где-то между гостиным двором и таможенной, но где именно — неизвестно» [Белов и др., 1980. – С. 70]. В связи с этим М. И. Белов попытался подкрепить свою точку зрения анализом культурного слоя: «Обнаруженные в доме Футина предметы, подтверждают высказанное мнение, что это была постройка торгово-административного типа. Здесь найдена и чернильница красивой формы, один из важнейших атрибутов деятельности таможенного чиновника, и футляры для печатей, ...и рифленая линейка. Сохранилось также много бытовых предметов, характерных для богатого владельца — фрагменты рисованного штофа, изделия из бронзы, стрелка часов, шахматные фигуры, ...ложки и миски, ...рукавицы, скребки для очистки мездры, ...копылы от нарт и лыжи...» [Белов и др., 1980. – С. 71]. Однако, как показали материалы новых раскопок, почти все перечисленные предметы в большом количестве встречались в других постройках раскопа.

Нам представляется, что все здания, раскопанные нами в 2001–2004 годах, вероятнее всего, были одноэтажными: наличие второго этажа археологическими материалами не подтверждается — при раскопках не обнаружено ни остатков оснований крылец снаружи построек, ни обломков лестниц внутри сеней (в теплой части избы их вряд ли разместили бы из-за малогабаритности построек). Учитывая, что большинство исследованных нами построек имели завалинки, уместно привести мнение авторитетного специалиста по русской средневековой археологии М. Г. Рабиновича, отмечавшего, что, в отличие от домов с подклетами, «у домов без подклета прослежена археологически в XVI–XVII вв. завалинка» [Рабинович, 1975. – С. 183].

Входивший в состав «дома Футина» амбар из кочевых досок и фрагментов кия, на котором М. И. Белов поместил повалушу, вообще не мог выдержать нагрузки второго этажа, так как сруб из досок сам по себе — очень непрочная конструкция. Мощные опорные столбы, которые могли бы удерживать конструкции второго этажа, рядом с амбаром не зафиксированы. Остатки зданий четвертого строительного горизонта сохранились очень плохо, слой повсеместно потревожен предыдущими раскопками, поэтому оснований для определения этажности этих построек у нас нет.

Важным источником для реконструкции русских строений Сибири конца XVI–XVIII веков, безусловно, являются материалы по русской деревянной архитектуре Русского Севера, так как из письменных источников хорошо известно, что заселение сибирского Севера шло с этой территории. Кроме того, деревянная архитектура Русского Севера конца XIX – начала XX веков изучена наиболее полно и детально. Однако говорить о полной идентичности строительных традиций Русского Севера и Мангазеи вряд ли правомерно, учитывая разницу в природно-климатических условиях: европейские зимы значительно мягче сибирских. Даже в самой Западной Сибири на широте Полярного круга климат существенно различается в Салехарде и районе Мангазеи. Но главное — наличие строевого леса: из-за сильной заболоченности хвойные деревья Крайнего Севера в Западной Сибири значительно уступают в бонитетности деревьям лесов в бассейнах Северной Двины, Печоры и даже Енисея. В. А. Александров справедливо полагал, что город испытывал недостаток в лесу: «Даже местная администрация строила там для себя небольшие жилища, часто используя доски, снятые с пришедших в негодность судов» [Александров, 1964. – С. 168]. Правда, он ошибочно отнес место расположения города к зоне тундры. О. В. Овсянников, наоборот, утверждает, что «строители не были стеснены в материале: город возводился в районе, граничащем с лесотундрой, в так называемой северной части северной тайги» [Овсянников, 1973. – С. 41].

Биологи сегодня по-разному зонировуют эту территорию: одни относят ее к южной подзоне лесотундры, другие — к переходной от северной тайги к лесотундре зоне предлесотундровых лиственничных редколесий [Бакулин и др., 2000. – С. 38–39]. Для нас важно то, что в окрестностях Мангазеи располагаются не густые таежные леса с высокоствольными деревьями, а узкие (до 50 м) полосы невысоких (не более 8 м) деревьев, протянувшиеся вдоль высокого правого берега реки Таз, с очень небольшим запасом древесины, пригодной для строительства (20 куб. м на 1 га). Причем относительно прямоствольной здесь является только лиственница, а ель и редкий кедр имеют конусовидные стволы. Поэтому следует признать, что строительного материала вокруг Мангазеи было очень немного. Несложно подсчитать количество кубометров строевых бревен, необходимое для строительства сотни даже одноэтажных домов типа изба-сени, чтобы понять, что в таком случае весь прибрежный лес по Тазу, Мангазейке и Панче будет вырублен на многие километры. А сколько леса потребовалось для строительства кремля?

Необходимо учесть также, что для отопления жилищ в течение девяти месяцев требовалось большое количество дров, хотя для этого можно было использовать и нестроевую древесину березово-еловых

лесов левобережной поймы Таза. К тому же надо учитывать поправку на климатические условия XVII века. К настоящему времени в ряде районов Субарктики (Полярный Урал, Ямал, Таймыр) проведены дендрохронологические и дендроклиматические исследования, которые показали, что за последние 1000 лет самые холодные кратковременные периоды отмечались в середине XV и в начале XIX веков, а самые теплые — в XIV и XX веках [Ваганов, Шиятов, Мазена, 1992. – С. 226]. Сегодня известно, что с XIV до начала XX века в Европе и Сибири происходило затяжное похолодание, названное специалистами малым ледниковым периодом. А изменение климатических условий неминуемо вызывает передвижение северной границы распространения древесной растительности и формируемых ею сообществ [Хантемиров, Шиятов, 1999. – С. 3–22]. Так, для южного Ямала установлено, что масштабы перемещения границы распространения редколесий за последние 2000 лет составляют около 10 км [Хантемиров, 1999. – С. 185–191]. На основании этих выводов можно заключить, что в первой половине XVII века древесная растительность в районе Мангазеи по своему составу и качеству была пригодна для строительства никак не более, чем сейчас, а скорее всего — даже менее.

Таким образом, очевидно, что население Мангазеи явно испытывало недостаток в строевом лесе. Сплавать по реке лиственницу невозможно из-за ее тяжести, а ближайший сосново-кедровый лес растет не менее чем за 150–200 км. Вообще сплав леса — предприятие дорогостоящее. Положение Мангазеи осложнялось еще и тем, что в городе была проблема с тягловыми животными. Лошадей здесь, скорее всего, было очень мало, а оленей сложно использовать для тягловых работ, так как их стада необходимо периодически перемещать по пастбищам лесотундры. При этом оленеводством, скорее всего, занимались не русские, а живущие рядом энцы.

Все эти факторы, несомненно, затрудняли строительство больших и высоких построек в Мангазее, и печи с целью экономии тепла и дров здесь топили преимущественно по-черному. Сходство северорусского и сибирского жилищ лучше всего прослеживается в более южных городах Сибири — Верхотурье, Пелыме, Тюмени, Тобольске, Томске, Енисейске, где было хорошо развито коневодство и в изобилии имелся отличный строевой лес. Если в Енисейске, по письменным источникам, строились усадьбы и дворы, по размерам большие, чем в европейской России, и печи делались «кирпичные с трубою выводною» [Александров, 1964. – С. 158–167], то это вовсе не означает, что в Мангазее ситуация была аналогичная, так как она располагалась на 1200 км севернее Енисейска, что почти равнозначно расстоянию между богатой лесом Тюменью и приполярным Салехардом.

По размерам и сложности конструкции хоромы в приполярной зоне Сибири всегда были скромными. Даже в недалеком прошлом, судя по иллюстрациям конца XIX – начала XX веков, постройки сел Обдорского, Кондинского на Оби и даже города Сургута значительно уступают по размерам и сложности домам Тюмени, Тобольска, Томска и даже поселениям в окрестностях этих городов.

Безусловно, в Мангазее были и трехчастные, и двухэтажные жилые комплексы, принадлежавшие, в основном, представителям городской администрации — воеводам, дьякам, таможенным головам. Сведения о них содержатся в письменных источниках, в частности, в опубликованных В. А. Александровым документах о дворах дьяков Пятого Спиридонова, Богдана Обобурова и воеводских хоромах, где говорится о горницах на подклетах, сенях на подсенях, «чердачишках» над сенями и хоромами и повалуше [Александров, 1964. – С. 168]. Он же отметил, что «рядовые горожане в Мангазее строились... более скромно» [Александров, 1964. – С. 168]. Странно, что М. И. Белов, уделивший большое внимание использованию данных письменных источников в интерпретации мангазейских построек, не обратился к этим документам.

В целом обращение к письменным документам при реконструкции облика Мангазеи, быта и хозяйства жителей города, представляется весьма продуктивным и перспективным направлением, тем более что их информационный потенциал до сих пор не исчерпан. Однако практика применения М. И. Беловым данных этих источников для интерпретации археологических построек показала, что в этом деле необходима тщательность сопоставлений и вычислений, взвешенность и аргументированность выводов. На сегодняшнем уровне археологической изученности города «историко-топографическая» реконструкция, предложенная М. И. Беловым, представляется нам недостаточно обоснованной и, в связи с этим, преждевременной. Как показали результаты новых раскопок, для достижения этой цели необходимо проведение тщательных и полных исследований культурного слоя на всей площади города.

ГЛАВА 4. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЖИТЕЛЕЙ МАНГАЗЕИ

Раскопки Мангазеи предоставили самый разнообразный археологический материал, позволяющий достаточно полно охарактеризовать материальную культуру населения города. К сожалению, мы не имеем полной статистики вещей, найденных при раскопках 1968–1970 и 1973 годов. Судя по сводному описанию в двухтомной монографии различных категорий находок со всех 24-х раскопов экспедиции ААНИИ (площадью 15 000 кв. м), общее количество артефактов, полученных при раскопках Мангазейского городища в эти годы, составило около 5000 единиц [Белов и др., 1980; 1981].

Раскопки 2001–2004 годов дали еще более массовый материал: на площади 362 кв. м (из них культурный слой полностью исследован на 259 кв. м) было найдено 10 083 предмета (без учета около 2000 фрагментов стенок керамической посуды и обрезков кожи, численность которых превысила 16 000 единиц) [Визгалов, И-2002; И-2003; И-2004; И-2005].

Как показали новые раскопки, истинный информационный потенциал памятника, в том числе комплекса находок, содержащихся в его культурном слое, оказался значительно выше, чем он представлен в монографии М. И. Белова, О. В. Овсянникова и В. Ф. Старкова. Речь идет не только о количественном показателе, но и о качественном составе.

В коллекции раскопок 2001–2004 годов изделия образуют довольно представительные серии, в которых представлены разнообразные категории вещей, их типы и варианты. По материалу, из которого они изготовлены, предметы можно разделить на 14 групп. Это изделия из дерева — 895, кожи — 2270, бересты — 464, ткани — 892, шерсти (вязаные) — 52, войлока — 29, кости и рога — 235, воска — 11, китового уса — 6, цветных и драгоценных металлов — 332, стекла — 507, керамики — 2460, камня — 252, железа — 1675. Для количественных подсчетов использованы только артефакты, выявленные при археологических раскопках 2001–2004 годов.

4.1. ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ОХОТЫ

ЛОВУШКИ И ПРИМАНКИ

Сторожки в новой коллекции представлены 91 экземпляром. Столь массовый характер этих находок дает основание предполагать, что они встречались и при раскопках экспедиции ААНИИ, но в монографии М. И. Белова и его коллег эти предметы не упоминаются.

Большая часть сторожков является деталями петельных самоловов (рис. 84 – 1–3). Они представляют собой короткие, округлые в сечении (66 шт.) или плоские стержни (длиной — 2,7–4,5 см, диаметром — 0,4–1,2 см; размеры плоских в сечении — от 0,1×0,9 см до 0,6×1,3 см), на одном конце которых вырезалась поперечная канавка для крепления нити, а в середине другого — выемка-упор для нити (шнура, жилы). На боковой поверхности стержней, от головки к выемке, делались один или два косых среза, в результате чего конец с выемкой приобретал форму лопаточки. На двух круглых в сечении сторожках сбоку вырезаны знаки в виде

* Структура главы обусловлена составом и характером находок, обнаруженных нами в 2001–2004 годах. Предлагаемая группировка материала не ставит своей целью исчерпывающую классификацию. Во-первых, количество находок ежегодно увеличивается и появляются ранее не встречавшиеся изделия. Во-вторых, многие предметы мангазейской коллекции производственной и бытовой сферы многофункциональны или универсальны. В-третьих, один и тот же вид изделий нередко изготовлен из разных материалов. В данной ситуации мы сочли целесообразным описывать предметы, исходя из их функциональности, а не по месту и способу их производства или материалу из которого они изготовлены.

косого креста и линзы. На некоторых сторожках от выемки к головке прорезаны продольные желобки.

Аналогичные сторожки относятся к деталям петельных самоловов на норных животных — лисиц, песцов [Руденко, Семашко, Черенков и др., 2005. — С. 398; рис. 345] или заячьих петель [Алексеев, 1996. — С. 43; табл. 68].

Остальные предметы (рис. 84 — 4–9) являются различными деталями сторожевых луков [Мартин, 2004. — С. 54; табл. 2].

Деталь давящей ловушки типа *порожкового черкана* (рис. 85 — 2) представляет собой деревянную пластину прямоугольной формы (25×10 см) с прямоугольным выступом (10,0×3,5 см). На пластине прорезано изображение, возможно, являвшееся знаком собственности (рис. 85 — 2а). Детали таких ловушек были найдены экспедицией ААНИИ. На одной из них также имелся знак владельца [Белов и др. 1981. — С. 78; табл. 68 — 1–5]. Судя по размерам, такие ловушки предназначались для добычи среднего и мелкого пушного зверя — соболя, колонка, горноста — и широко использовались русскими промысловиками. Есть основания полагать, что аборигенное население Западной Сибири познакомилось с такими ловушками через русских. Судя по находкам пастей при раскопках Надымского городка [Кардаш, И-2005. — Фото 95], аборигенное население Крайнего Севера Западной Сибири уже в XVII веке применяло это средство пассивной охоты.

Фрагмент составной фигуры — *приманки* для водоплавающей дичи при охоте из скрада был найден на полу постройки № 1а (рис. 85 — 1). Он представляет собой рельефное изображение головы утки или гагары с длинной шеей. Нижний заостренный конец вставлялся в отверстие тулова.

ОРУЖИЕ

Метательное оружие

Метательное оружие в коллекции 2001–2004 годов представлено фрагментами составного и сторожевого луков, деревянными, костяными и железными наконечниками, а также фрагментами древков стрел.

Составной лук представлен деревянной пластиной луковища. Один фрагмент от средней части лука с пережимом (длина — 103 см, ширина — до 6,3 см, в пережиме толщина — 1,7 см) изготовлен с помощью пилы, предположительно из лиственницы (рис. 85 — 4). С одного конца фрагмент пластины отпилен, с другого — обломан. По фрагменту можно определить, что лук был большой — длиной около 1,5 м — и, соответственно, мощный. Четыре небольших (длиной до 63 см) фрагмента фронтальных частей, выполненных из кедра, были обнаружены в 1968–1970, 1973 годах [Белов и др., 1981. — С. 74; табл. 64].

Простые составные луки длиной 1,5 м и более, склеенные из двух пластин разных пород деревьев, с концевыми вкладышами (рожками) были известны с глубокой древности и использовались таежными народами Западной Сибири (ханты, манси, селькупы) до второй половины XX века [Мартин, 2004. — С. 51–52; табл. 1 — 1, 2]. Сложносоставные луки, склеенные из многих деревянных и костяных пластин и укрепленные сухожилиями, северные народы Западной Сибири не изготавливали, по мнению А. И. Соловьева, потому, что такие луки теряли свойства из-за низких температур [Соловьев, 2003. — С. 179–180]. Однако северные селькупы были хорошо с ними знакомы [Пелих, 1972. — С. 19–20].

По письменным и изобразительным источникам известно, что сложносоставные луки были на вооружении в средневековой Руси [Кирпичников, Медведев, 1985. — С. 312]. Пластины из можжевельника, по форме, пропорциям и размерам подобные мангазейской, имелись на трех составных луках, найденных при раскопках в Новгороде в слоях XI, XII и XIV веков [Кирпичников, Медведев, 1985. — С. 312–313; табл. 132].

Составной лук, подобный мангазейскому, находится в фондах Красноселькупского краеведческого музея (инв. № 1129 основного фонда). Он был найден в 1998 году директором музея В. В. Суминым в заброшенном лабазе во время поездки на реку Ратта (левый приток реки Таз). Дуга лука состоит из двух склеенных осетровым клеем пластин — березовой и лиственничной, обмотанных берестяной пленкой. Длина сохранившейся части лука — 157 см. Лиственничная пластина имеет фигурную форму: сужается в середине до 3 см и расширяется от середины к концам до 6 см. Детали концов лука, к которым крепилась тетива, отсутствуют. В 1990 году нами получена устная информация о том, что селькупские луки ценились соседними народами, а ненцы

до XX века покупали их, так как сами умели делать только простые луки (информаторы — Г. Н. Мороков, проживавший близ поселка Кикки-аки, и И. Е. Баякин, проживавший близ пос. Ратта).

Вероятно, способ изготовления составных луков был заимствован селькупками у русских или у эвенков в XVII веке и был сохранен ими до XX века.

Планка сторожевого лука представлена единственным экземпляром (рис. 85 – 3). Изделие представляет собой пластину (длиной 67,2 см, шириной до 3,6 см, толщиной 1,2 см), на ребрах которой сделаны глубокие косоугольные вырезы для тетивы: на одном ребре у конца — пять вырезов, на другом, у противоположного конца — еще два длинных резных уступа. По-разному оформлены и торцы: один — в виде лопаточки с дуговидным выступом, в другом — вырезана широкая дугообразная выемка, которой планка упиралась в центральную часть дуги сторожевого лука. Подобные сторожевые луки были широко распространены у русского населения севера Европы и Сибири [Шокарев, 2002. – С. 132–133]. До недавнего времени точно такие же планки для сторожевых луков изготавливались сибирскими народами — манси, селькупками, ханты, ненцами [Сирелиус, 2001. – С. 166; рис. 155; Мартин, 2004. – С. 54; табл. 2 – 1, 2].

О том, что сторожевой лук был хорошо известен жителям Мангазеи, свидетельствуют и найденные в раскопе насторожки различных форм (рис. 84). Подобные насторожки от сторожевых луков сохранились у ханты до начала XX века [Мартин, 2004. – С. 54; табл. 2 – 1, 2].

Стрелы. В культурном слое Мангазеи найдены наконечники стрел, древки и балансиры (утяжелители) наконечников.

В коллекции 2001–2004 годов имеются 18 экземпляров относительно целых и фрагментированных древков стрел, в том числе семь цельных *деревянных томаров*. Их массивные тупые наконечники вырезаны вместе с древком (рис. 86 – 1–4).

Одно древко очень короткое, по форме и тщательности изготовления напоминает болт арбалета — стрелу ручного самострела. В XVI–XVII веках в России арбалеты были известны как оружие охоты знати [Шокарев, 2002. – С. 132]. Сведений о применении арбалетов в Сибири нет, кроме полученной нами устной информации от тазовских селькупов. В связи с этим интересны находки экспедицией П. В. Боярского деревянного ложа и дуги арбалета начала XIX века на острове Вайгач [Шокарев, 2002. – С. 135–136].

Древки диаметром 0,9–1,2 см (в зависимости от длины стрелы) имеют почти идеально ровную прямую поверхность, благодаря использованию при их изготовлении специальных стружков. В поперечном сечении — округлые или овальные. Ушки для тетивы уплощены с двух сторон косыми короткими срезами, в их основании иногда имеется небольшое утолщение, а на торце — дуговидная выемка для тетивы (рис. 86 – 5–7).

Костяные наконечники стрел являются находкой, необычной для позднесредневекового русского поселения. Всего найдено 19 экземпляров, девять из которых сохранились полностью, остальные фрагментарно.

Пять наконечников, сделанных из кости мамонта, относятся к типу *томаров*. Для них характерно массивное эллипсоидное тулово. По форме выделяются два варианта томаров:

1) один из целых наконечников (рис. 87 – 6) отличается оригинальной формой: его основание имеет форму усеченного снизу конуса; в верхней части вырезаны три дуговидных уступа с острыми ребрами; боевая часть представляет собой вытянутую трехгранную пирамиду; с противоположного конца — конусовидная втулка диаметром 1,3 см, глубиной 3,3 см. Длина наконечника — 7 см, в том числе острия — 2,8 см. Наибольший диаметр — 2,2 см. Нижняя треть наконечника украшена пятью горизонтальными поясками так называемого циркульного (кружкового) орнамента;

2) массивный вытянуто-конусовидный наконечник (рис. 87 – 7); в узком основании сделан глубокий продольный пропил для насаживания на древко, а в утолщенной боевой части вырезаны четыре ребра в виде креста. Длина — 8,7 см, диаметр головки — 2,3 см;

Полные аналоги таким наконечникам нам неизвестны. Однако среди новгородских древностей XII–XIII веков встречаются принципиально сходные экземпляры, которые можно рассматривать как прототипы мангазейских [Древняя Русь..., 1985. – Табл. 88 – 9, 10, 12]. Близкие по форме костяные и деревянные наконечники — томары были найдены и во время предыдущих раскопок Мангазеи [Белов и др., 1981. – С. 75, 76; табл. 65 – 5–13; табл. 66 – 7–21].

Остальные наконечники из мамонтовой кости по типу насада относятся к черешковым (рис. 87 – 1–4). У четырех из них — вытянуто-треугольное перо, в поперечном сечении — приостренная линза и уплощенный

шестигранник. Один наконечник имеет карандашевидное многогранное тулово, уплощенный насад и вытянутое трехгранное перо. Такие наконечники архаичны, известны с эпохи мезолита.

Найдены четыре *балансира-утяжелителя* наконечников, имеющие усеченно-грушевидную форму (рис. 87–8–11). Они выточены на токарном станке из кости мамонта и имеют сквозное отверстие для наделения на древко стрелы. Сбоку в передней части, по оси наконечника, просверлены два сквозных канала, скошенные внутрь. Боковая поверхность у краев и посередине опоясана тонкими поперечными резными линиями (две у переднего среза и по три в центре и у нижнего среза).

Аналогичные изделия известны из раскопок в Пскове, Новгороде, Старой Ладоге и Мангазее (1968–1973 гг.). По мнению М. И. Белова и его коллег, они являлись основой составных наконечников, в которую вставлялся железный наконечник, и служили балансирами [Белов и др., 1981. – С. 77; рис. 15].

Найден *оригинальный наконечник* с плоским черешком в виде лопаточки и коротким острием с острым жалом в основании, отделенном от черешка дугообразным продольным вырезом. Его длина — 7,2 см, ширина — 1,3 см (рис. 87 – 5). Подобные наконечники известны у ханты и применялись для добычи выдры.

Железные наконечники стрел — 23 экз. Имеют черешковые насады и чрезвычайно разнообразные по форме перья. По классификации А. И. Соловьева [Соловьев, 1987. – С. 37–45], они относятся к двум группам: граненым (3 экз.) и плоским (18 экз.).

Граненые бронебойные наконечники не находят полных аналогов в схеме А. И. Соловьева.

Один из них по ряду признаков близок к ланцетовидным. Длина его пера — 7,2 см, четырехгранный черешок короткий — 2,7 см. Аналогичные наконечники датируются серединой II тыс. н. э.

Второй наконечник близок к варианту гвоздевидных типа 58. Он имеет четырехгранное перо длиной 10,7 см с пирамидальной головкой и четырехгранный черешок длиной 2,5 см.

Третий наконечник по форме условно можно отнести к шиловидным с упором. У него — четырехгранные перо длиной 10,6 см (сечение в основании — 0,45×0,45 см) и черешок длиной 2 см (рис. 88 – 6).

Плоские наконечники представлены семью типами:

Тип 1. Срезни вильчатые — 5 экз. Каждый наконечник этого типа представляет собственный подтип:

а) широкий лопатковидный, с полулунной режущей частью, уплощенно-ромбическим сечением, плавным переходом к короткому заостренному черешку. Длина — 10,8 см (рис. 88 – 7);

б) широкий лопатковидный, укороченных пропорций, с треугольным вырезом на конце пера и уплощенно-прямоугольным сечением. Длина — 7,8 см;

в) с прямыми боковыми и режущими сторонами, уплощенно-овальным в сечении черешком. Длина — 13,3 см;

г) узкий длинный с треугольным вырезом на конце пера, прямоугольный в сечении. Длина — 11,8 см (рис. 88 – 5);

д) с широкой развилкой режущей части, длинным, острым, округлым в сечении черешком; на переходе к перу — крутой уступ. Длина с черешком — 9,2 см (рис. 88 – 2).

Тип 2. С треугольным пером — 4 экз. Выделяются два подтипа:

а) с крутыми уступами в основании пера (3 экз.). Длина одного — 12,5 см, другого — 5,8 см, от третьего сохранился фрагмент пера. Ширина пера в основании — 1,8 см и 2,5 см, длина — 2,5 см и 8,0 см. В сечении — уплощенно-ромбические (рис. 89 – 1, 7);

б) с вытянутым пером и плавным переходом к черешку. Общая длина — 9,8 см, в том числе пера — 4,5 см. В сечении — уплощенный ромб (рис. 89 – 5).

Тип 3. Боеголовые — 2 экз. (рис. 88 – 9, 89 – 2). Имеют небольшое треугольно-вытянутое перо с крутыми уступами и длинный подпрямоугольный в сечении черешок с упором в нижней части. На плоской грани пера одного из них заметны насечки — длинная продольная по оси, почти до основания пера, и три пары поперечных. Общая длина — 9 и 14 см, в том числе пера — 2,7 и 5,0 см.

Тип 4. Двушипные — 3 экз. (рис. 88 – 3; 89 – 3, 4). Имеют широкое вытянуто-треугольное перо и острые короткие шипы в основании ребер. Различаются в пропорциях и по форме черешков. Первый наконечник имеет относительно широкое перо длиной 5,0 см и широкий черешок длиной 7,2 см, плавно сужающийся как к собственному основанию, так и к основанию пера. У второго наконечника — небольшое плоское перо длиной 4,7 см, с крутыми узкими гранями на режущих краях, и плоский, плавно сужающийся книзу черешок. Общая длина — 12 см. У третьего — длинное (8,8 см) перо и уплощенный черешок, вытянуто-треугольный, с крутым уступом-упором внизу (длиной 6,5 см). Особенная деталь — конец пера резко сужается

и уплощается, образуя в сечении ромб. В нижней части черешка, на широких гранях — три пары поперечных насечек, от которых вверх по оси проходит длинная прямая насечка.

Аналогичные последнему наконечники и поперечные пары насечек на черешках известны по этнографическим селькупским материалам [Соловьев, 1987. — С. 43; табл. VII–IX].

Тип 5. Ромбические — 4 экз. Имеют перо длиной 5,2–6,3 см в виде асимметричного вытянутого ромба (1,75×0,70 см), с расширением в нижней части, без упора и плоский вытянуто-треугольный черешок ромбического сечения длиной 4,8–6,3 см (рис. 88 – 8; 89 – 6).

Один наконечник выделяется размерами и оформлением. У него уплощенно-ромбическое в сечении перо с четкой продольной гранью на плоскостях. Черешок заостренный, вытянуто-треугольный (в сечении — прямоугольный). При общей длине 15,3 см длина пера — 6,8 см. На широкой плоскости черешка одного наконечника заметны две пары поперечных насечек и проходящая от них к середине основания пера длинная осевая насечка. Аналогичная длинная насечка есть и на другой плоскости, поперечные — не видны (возможно, из-за коррозии) (рис. 88 – 4).

Тип 6. Листовидный — 1 экз. (рис. 88 – 1). Имеет вытянутое перо длиной 4,8 см с расширением у основания и дуговидные ребра; сечение — плоский ромб, который плавно переходит в массивный прямоугольный (со сторонами 0,35–0,45 см и 0,6–0,8 см) в сечении черешок длиной 6,2 см, с упором и заостренным стержнем на конце.

Тип 7. Асимметрично-ромбический — 1 экз. Имеет короткое (3,8 см) перо с расширением у основания, короткий и прямоугольный (со сторонами 0,35–0,50×0,30 см) в сечении черешок.

Огнестрельное оружие

От *ручных пищалей* с кремневыми замками найдено пять винтов от ударного механизма (с их помощью кремни зажимались между губками курка), 60 кремней (большая часть фрагментированных) и 15 свинцовых пуль.

Один из *винтов* (рис. 90 – 1) имеет массивную цилиндрическую головку (диаметром 1,0 см и высотой 0,9 см) с глубокой (0,5 см) прорезью для отвертки, длинный (6,2 см), округлый, заостренный на конце стержень с винтовой нарезкой в нижней половине. У второго винта стержень короче (3,8 см), возможно, обломан, высокая параллелепипедная головка (ширина граней — 0,85–1,0 см) с глубокой (0,65 см) прорезью для отвертки (рис. 90 – 2). Третий винт (длиной 5,2 см) имеет массивную полусферическую головку (диаметром 1,2 см, высотой 0,65 см) с прорезью (рис. 90 – 3). От двух других винтов сохранились пирамидальные головки (высотой до 0,6 см, диаметром 0,5–0,6 см) и обломанные стержни. Аналогичный винт был найден при раскопках экспедиции ААНИИ [Белов и др. 1981. — С. 79; табл. 69 – 3].

Кремни — 60 экз. (рис. 90 – 4–10) — изготовлены из серого кремня, халцедона, яшмы и горного хрусталя (1 экз.). Формы и размеры кремней различны. Преобладающими являются прямоугольные формы, несколько кремней — овальные и подтреугольные.

В подавляющем большинстве случаев кремни изготовлены на высоких отщепках. Брюшко кремней уплощенное, иногда с небольшим ударным бугорком у основания. Одно ребро на спинке от предыдущих сколов встречается в 26 случаях, два ребра — в четырех. Ретушь крупная, разнофасеточная. По периметру брюшка имеются явные следы сработанности — выщербленный край. Кроме того, на 18 экземплярах кремней зафиксированы характерные выемки, свидетельствующие об их интенсивном использовании.

Судя по отсутствию в местном галечнике пород, идентичных тем, из которых изготовлены ружейные кремни, все они были привозными. О завозе в Мангазею большого количества кремней свидетельствуют и данные таможенных книг. Только в 1635 году туда поступило 900 кремней [Белов и др., 1981. — С. 91; табл. XVIII]. Возможно, кремни привозились в виде полуфабрикатов и окончательно оформлялись или подгонялись под размеры конкретных замков на месте, на что указывают многочисленные отходы из такого же сырья — 42 мелких отщепки и два нуклеуса из горного хрусталя. Кроме того, мангазейские жители пытались использовать и местные породы камней: найдено несколько отщепов и расколотых галек кварцита, сердолика и агата.

Пули для ручных пищалей отливались мангазейцами в песчаниковых пулелейках. У многих пуль из коллекции 2001–2004 годов сохранились необработанные литники. Диаметр пуль варьируется от 0,9 см до 1,3 см (рис. 90 – 13, 14).

Сохранился небольшой фрагмент (длина 3,5 см) конца *ствола пицали*. В поперечном сечении он имеет дуговидную форму. Толщина стенок — 0,7 см, внутренний диаметр ствола (1,5 см) почти соответствует диаметрам пуль, найденных на памятнике.

Спусковые скобы (2 экз.) принадлежат огнестрельному оружию иной конструкции — колесцовой *аркебузе*. Один экземпляр (рис. 90 – 11) представляет собой узкую медную, дуговидно изогнутую пластину (толщиной 0,4 см, шириной 1 см) с тремя полукруглыми углублениями (диаметр 2,1–2,3 см) для пальцев. С одного края дуга ограничена перпендикулярным длинным (7 см) стержнем с заостренным концом и винтовой нарезкой для крепления в теле ложа. Второй край дуги загнут плавно наружу, также под углом 90°. Окончание этого края уплощено и отогнуто: здесь скоба не крепилась к ложу. Длина скобы — 14,2 см, высота загнутых концов — 4,7 см и 3,0 см. Второй экземпляр аналогичен первому, откован из железа (рис. 90 – 12).

Аналогичные скобы известны как детали аркебуз — ружей с наружным кольцевым замком «гинка», представлявших собой переходный тип от фитильных ружей к кремневым. Ружья этого типа датируются первой половиной XVII века [БИЭД, 1986. – С. 451, 453; илл. LXV–LXVI, 615–616, 624].

4.2. ПРИНАДЛЕЖНОСТИ РЫБОЛОВСТВА

ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КРЮЧКОВЫХ СНАСТЕЙ

Найдено 14 крючков, из них десять — крупные: для самоловных снастей типа переметов, ставившихся на крупную белую рыбу и осетра; остальные — меньших размеров: для удочек.

Крючки для самолова-перемета — 10 экз. (рис. 91 – 2–6). Имеют дуговидную форму и большие размеры (высоту — 7,5–11,3 см, ширину дуги — 4,4–4,2 см), откованы из четырехгранного стального прута толщиной 0,3–0,4 см и шириной 0,5–0,6 см. Ушки оформлены кольцевым гибом с проемом диаметром 0,35–0,60 см; заостренные жала имеют длинную (0,35–0,55 см) бородку.

Крючки для удочки или жерлицы — 4 экз. (рис. 91 – 9–14). Откованы из железной проволоки диаметром 0,3 см и 0,4 см, имеют прямое и немного наклоненное внутрь цевье с расклепанным верхним концом и дугообразную нижнюю часть, причем в одном случае жало с бородкой расположено под острым углом к оси цевья, а в другом — параллельно ей. Высота крючков — 4,4–5,6 см.

Эти два вида крючков широко известны по материалам раскопок средневековых русских городов X–XIV веков [Чернецов, Куза, Кирьянова, 1995. – С. 228, 241; табл. 89 – 1, 2, 4, 5]. Крючки больших размеров (длинной около 9 см) найдены в русских промысловых поселениях XVI–XVIII веков на архипелаге Шпицберген [Завьялов, 1999. – С. 146; табл. I], два больших самоловных крючка обнаружены на поселении Изюк I XVII–XVIII веков в Среднем Прииртышье [Зиняков 2005. – С. 279; рис. 1 – 20, 27].

Грузила свинцовые для удочек — 2 экз.

Первое (рис. 91 – 8) отлито в виде маленького зубильца (4,3×1,1×0,7 см). Нижний конец линзовидного в сечении стержня имеет клиновидный срез, верхний — оформлен в виде овальной в плане «шляпки». Под «шляпкой» сквозь широкую грань просверлено отверстие диаметром 0,2 см; над ним в краях шляпки имеются узкие (0,1 см) вертикальные пропилены для лесы.

Второе грузило представляет собой слиток грибовидной формы (2,0×1,9×1,1 см), под «шляпкой» которого прорезана узкая и глубокая (до 0,25 см) кольцевая канавка.

Блесны — 2 экз.

Одна блесна (рис. 91 – 7) отлита из свинца, имеет форму длинной рыбки с отверстием для подвешивания. Крючок отсутствует. С обеих сторон украшена рельефным литым орнаментом: голова оформлена тремя поперечными и одним продольным валиками, а чешуя показана стилизованным сетчатым рельефом. Длина — 12,1 см, ширина — 3,15 см, толщина — 0,25 см.

Вторая блесна (рис. 91 – 1) представляет собой узкую, дуговидно изогнутую пластину из меди длиной 6,7 см и толщиной 0,1 см. Ребра пластины плавно сужаются к концам. Ширина пластины у нижнего

конца — 1,7 см, у верхнего — 1 см. Концы обрезаны: верхний имеет прямоугольный срез, нижний — трапециевидный. У верхнего конца — круглое отверстие для крепления лесы или поводка (диаметром 0,4 см), у нижнего — четыре отверстия, расположенные прямоугольником: верхние — в виде продольно вытянутых овалов (0,30×0,15 см), нижние — округлые (0,3 см).

Обе блесны выполнены очень качественно. Первая достаточно реалистично, в деталях, передает форму рыбы. В раскопах ААНИИ были найдены две блесны, которые «по форме напоминают контур рыбы» [Белов и др., 1981. — С. 85].

ПРИНАДЛЕЖНОСТИ СЕТНЫХ СНАСТЕЙ

Представлены поплавками и грузилами.

Из 137 *поплавок* 24 вырезаны из коры лиственницы (рис. 92 — 1–5). Остальные изготовлены из деревянных дощечек (рис. 92 — 6–8; 93). Их форма имеет семь вариантов (см. табл. II).

Подобные полавки обнаружены при первых раскопках Мангазеи [Белов и др., 1981. — С. 143; табл. 75, 76]. Поплавки 3-го варианта были найдены при раскопках Пустозерска [Ясински, Овсянников, 2003. — С. 137; рис. 26]. Поплавки вариантов 1–5 соответствуют поплавкам от одной сети из раскопок на острове Фаддея [Окладников, 1951. — С. 17, 236; табл. VI — 7, 8, 9, 10, 11]. По этнографическим данным XIX–XX веков, русские поморы использовали сетевые полавки в виде овальных или продолговатых дощечек из ели и сосны [Бернштам, 1972. — С. 76].

Грузила для сетей (143 экз.) разделяются на два типа.

Тип 1 — 140 экз. К нему относятся так называемые кибасы, представляющие собой берестяные футляры в виде сложенных вдвое овальных или вытянутых прямоугольных полос, прошитых по дуге, внутри которых помещали груз (рис. 94 — 1–5). Грузила имеют форму сегмента, усеченного снизу. Нижний край — прямой, дуговидный и подтреугольный, верхний — в виде высокой дуги. Большая часть футляров имеет с одной или двух сторон разрезы, идущие к середине основания, которые делались для того, чтобы сузить верхний край. Кроме отверстий от сшивания футляра, под верхним краем прорезалось одно-два отверстия для их подвешивания к нижней тетиве сети, а в ряде случаев — и дополнительный ряд поперечных отверстий для более жесткой фиксации камня. В шести случаях в отверстиях сохранились тонкие полоски лыка или тонкие (1–2 мм) ивовые прутья. Размеры грузил — от 9×8 см до 14,2×12,0 см, толщина — 2,5–4,8 см. Толщина их зависела от размеров и формы помещенного внутрь груза (одна-три гальки, обломки камней различных пород, в двух случаях — расколотый точильный брусок, в одном — два обломка кирпича).

Тип 2 — 3 экз. Грузила представляли собой ивовый обруч с камнем, оплетенным и закрепленным внутри обруча лыковыми полосками (рис. 94 — 6–7). Эти грузила наиболее удобны для ставных сетей, так как не путаются в ячее, но очень неудобны при сплаве и неводьбе, потому что зацепляются за коряги.

Подобные грузила и грузила других типов были собраны во время предыдущих исследований Мангазеи [Белов и др., 1981. — С. 86; табл. 77, 9–11]. Грузила обоих описанных типов, судя по материалам раскопок средневековых русских городов, известны русским с давних времен [Древняя Русь..., 1985. — С. 229, 242; табл. 90], а также хорошо известны многим народам Севера Сибири [Федорова, 2001. — С. 39; рис. 8].

Из прочих принадлежностей рыболовства отметим находку *пешни* (рис. 172). Втульчатый железный наконечник, выкованный из полосы толщиной 3 мм, имеет вытянутую конусовидную форму. Длина — 13,4 см, диаметр втулки — 4 см. Подобные пешни известны на древнерусских поселениях с конца X века [Чернецов, Куза, Кирьянова, 1985. — С. 229; табл. 90 — 9].

4.3. ПРИНАДЛЕЖНОСТИ МЕТАЛЛООБРАБОТКИ

Пинцеты ювелирные медные — 3 экз. Один сохранился полностью. Это сложносоставной пинцет, с поперечной цилиндрической втулкой, внутри которой находится штифт. Концы пластины пинцета загнуты под прямым углом, образуя Г-образные губы. Захват пинцета зафиксирован кольцом. Длина рабочей пластины — 6,4 см, толщина — 0,15 см, ширина губ — 1,3 см, длина втулки — 0,45 см, внутренний диаметр — 0,45 см.

Диаметр петли — 1,8 см. Внешние стороны пластины покрыты тонким чеканным орнаментом: на небольшом участке ниже втулки — в виде вертикальной елочки, ниже — косой гладкий крест, ограниченный с двух сторон двойными поперечными линиями; остальная поверхность занята вертикальным зигзагом, заключенным в рамку. Зигзаг и рамка отчеканены пуансоном с тонким мелкозубым торцом в технике «шагающей гребенки». Одна лопасть пинцета обломана в верхней части. Зажимное кольцо утрачено.

Два экземпляра сохранились фрагментарно: обломан один из зажимов. У одного пинцета осталось кольцо, на котором крепились зажимы (рис. 95 – 1). Его длина — 6,5 см, толщина зажима — 0,1 см, ширина в основании — 0,4 см, внизу — 1,1 см. На лицевой поверхности в основании зажима — гравированный узор: косой крест, ограниченный двумя поперечными линиями сверху и тремя снизу.

От второго пинцета сохранилась половинка зажима (рис. 95 – 2). Его длина — 6,5 см. Ширина у основания — 0,78 см, в нижней части — 1,15 см. Лицевая поверхность покрыта орнаментом: в верхней трети, по краям от оси — по пять тонких канавок, расположенных симметрично веером; ниже, по оси — семь мелких циркульных кружков, расположенных вертикальной цепочкой и по два кружка в верхней и нижней части по краям цепочки. Толщина пластины зажима — 0,13–0,18 см, длина загиба в нижней части — 0,44 см.

Зажимные пинцеты широко использовались древнерусскими ювелирами с X века. Мангазейские экземпляры наиболее близки новгородским пинцетам XI–XIII веков, которые тоже украшались орнаментом из насечек [Колчин, 1985. – С. 264; табл. 107 – 11].

Связка железных ювелирных инструментов. Состоит из шестиугольной основы, на которой подвешены S-видные звенья с тремя инструментами (рис. 95 – 3). Инструменты представляют собой два длинных (14,7 см и 15,0 см) четырехгранных стержня (0,48×0,40 см), расклепанные на концах в заостренные лопаточки шириной 1,9 см и 0,6 см, и пинцет длиной 15,8 см. Полные аналоги этим наборам инструментов не выявлены, но схожая связка из двух предметов — лопаточки и пинцета — найдена при раскопках в Пустозерске. Пустозерские инструменты атрибутированы исследователями как «набор инструментов мастера-ювелира» [Ясински, Овсянников, 2003. – С. 125; рис. 15 – 2]. Кроме того, похожие лопаточки использовались мастерами-косторезами в Архангельске [Ясински, Овсянников, 1998. – С. 74; рис. 12]. В Новгороде Великом в слое начала XIV века найдена зооморфная привеска с набором из четырех инструментов: пинцета, проколки, лощила и приспособления для изготовления зерни, при этом два инструмента утрачены [Колчин, Рыбина, 1982. – С. 222; рис. 35].

В 2003 году были найдены фрагменты двух *тиглей*, которые представляли собой миниатюрные стаканчики высотой не менее 1,6 см и диаметром до 3,3 см. Поверхность фрагментов была покрыта стекловидной ошлакованной коркой.

4.4. ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ДЕРЕВООБРАБОТКИ

Топоры в материалах новых раскопок представлены четырьмя экземплярами. Три из них найдены в раскопе, один — под обрывом берега. Относятся к двум типам:

Тип 1 — плоскообушные с бородкой — представлен двумя экземплярами, незначительно различающимися в размерах. Имеют уплощенный подпрямоугольный обух с выступом с внутренней стороны, вытянуто-треугольный проух и асимметричное лезвие (рис. 96 – 1). В нижней части проуха с внутренней стороны — подтреугольная бородка. Пятка лезвия приподнята на 1,2–1,4 см относительно носка и выступает внутрь на 1–2 см относительно внутреннего выступа обуха. Длина топоров — 14,2 и 14,3 см, в том числе лезвий, соответственно, — 7,4 и 7,6 см. Ширина спинок обухов — 3,6 см, длина — 6,9 и 6,7 см. Длина выступов обуха — 1,7 и 1,6 см. Длина бородок — 1,2 и 1,3 см. Длина лезвий — 9,0 и 10,4 см. Размеры проухов — 5,3×2,1 и 5,3×2,6 см. У первого топора в проухе остался обломок топорщища, у второго — прямое топорщище длиной 61,3 см сохранилось полностью. Форма проухов — вытянутый равнобедренный треугольник. Сечение основной части рукояти — овальное. К концу она плавно уплощается (2,8×2,2 см).

Тип 2 — плоскообушные без бородки — представлен двумя топорами, из которых полностью сохранился один. Он имеет массивный плоский обух с выступом в сторону топорщища (7,0×3,6 см), подтреугольную проушину и клиновидный боек (рис. 96 – 2). Длина лезвия — 8 см. По классификации А. И. Соловьева, относится

к типу 3 группы II. Аналогичные топоры имели распространение на Руси и в Западной Сибири в XII–XVII веках. У второго топора этого типа обломано лезвие.

При раскопках ААНИИ было найдено девять топоров и около десятка обломков, отнесенных исследователями к трем группам [Белов и др., 1981. – С. 81]. Топоры 1-го типа близки топорам первой группы (по Белову и др.), которые выглядят архаично [Белов и др., 1981. – Табл. 72 – 1, 2, 3], топоры 2-го типа идентичны топорам второй группы [Белов и др., 1981. – Табл. 72 – 4, 5, 6] и топорам, найденным на стоянках в заливе Симса и на острове Фаддея [Станкевич, 1951. – С. 167; табл. VIII – 123; IX – 1].

Клинья для топоров имеют традиционную трапециевидную форму, сужающуюся к низу (рис. 96 – 3, 4).

Молоток-гвоздодер высотой 8,8 см имеет в нижней части цилиндрический боек (3,0×1,3 см), расширяющийся внизу до 1,8 см, в средней части — утолщение в виде параллелепипеда (1,8×1,2×1,8 см), в верхней — расклепан в изогнутую пластину с клиновидным проемом по оси (рис. 98 – 1). Глубина проема — 2,7 см, ширина в верхней части — 0,6 см. Толщина губок на торцах — 0,15 см. В центральной части молотка имеется подпрямоугольная (0,48×1,00 см) выемка глубиной 0,6 см.

Колодки стружков (5 экз. — четыре деревянные, одна костяная) впервые найдены на памятнике. Они представляют собой вытянутые прямоугольные или усеченно-овальные пластины с массивным выступом-бортиком вдоль внутренней стороны одного из ребер и узкой (0,3–0,5 см) поперечной прорезью длиной 1–2 см для ножа, расположенной под центральной частью бортика (рис. 96 – 5–7).

Аналогичные костяные и деревянные колодки стружков встречены на средневековых (X–XIII вв.) памятниках Северо-Западной Сибири [Чернецов, 1957. – Табл. XXVI – 2, 5, 14; Морозов, Пархимович, 1985. – С. 150; рис. 3 – 7, 8]. По мнению В. Н. Чернецова, такие инструменты служили «своего рода рубанками, в которых роль железки выполнял обыкновенный нож». Он же отметил, что такие стружки «широко известны по этнографии Приобья» [Чернецов, 1957. – С. 196]. В материалах древнерусских памятников единичные экземпляры таких инструментов из кости найдены в слоях X–XII веков в Киеве и Саркеле (Белой Веже) [Кирпичников, Медведев, 1985. – С. 314, 346; табл. 134 – 12, 13]. Встречаются они и на русских памятниках XVII–XVIII веков — в Алазейском и Стадухинском острогах их найдено 20 экземпляров [Алексеев, 1996. – С. 42; табл. 60]. С помощью таких стружков, в частности, изготавливали идеально прямые, словно точеные, древки стрел.

Сверла в новой коллекции представлены железными наконечниками двух типов — перовидными (13 шт.) и спиралевидными (10 шт.), а также двумя рукоятками-катушками.

Перовидные наконечники (рис. 97 – 1–2, 5–7) представляют собой круглые и уплощенные стержни с заостренными, вытянуто-треугольными, плоскими черенками (длина — 5–6 см, ширина в основании — 1,1–1,7 см, толщина — 0,25–0,50 см), плавно или уступами переходящими в рабочую часть. Перо имеет ложковидную форму, длину 2,3–4,6 см, максимальную ширину 0,60–0,95 см. Перовидные наконечники использовались в лучковых сверлах с катушкой.

Целые лучковые сверла с катушками были обнаружены в Мангазее в 1968–1970, 1973 годах [Белов и др., 1981. – С. 82–83; табл. 74], на стоянке промышленников начала XVII века на острове Фаддея у северо-восточного побережья Таймыра [Станкевич, 1951. – С. 168], на поселениях XVI–XIX веков на архипелаге Шпицберген [Завьялов, 1999. – С. 137; рис. 2 – 2], на месте зимовки экспедиции В. Баренца (1596–1597 гг.) на архипелаге Новая Земля [Старков, Державин, 2003. – С. 126; табл. VIII – 4]. Такие сверла хорошо известны в этнографии как инструмент северных народов Сибири — ханты, манси, ненцев, селькупов и долган, что побудило Я. В. Станкевича назвать находку на стоянке русских промышленников «местным инструментом». Однако ни одного такого сверла с катушкой или отдельно катушки не известно среди находок в раскопках позднесредневековых памятников аборигенного населения Сибири. Например, при раскопках Надымского, Обдорского, Войкарского городков, имеющих такой же, как в Мангазее, мерзлотный культурный слой, остатки такого инструмента не обнаружены. Зато известна находка лучкового сверла с катушкой в средневековом Новгороде [Колчин, 1968. – Рис. 53 – 5]. Отдельно перовидные сверла без рукояток были найдены на аборигенных памятниках: в городке Эмдер — 1 экз. [Зыков, Кокшаров, 2001. – С. 94], в Надымском городке [Кардаш, И-2003. Т. 1. – С. 54; Т. 2. – Фото 121] и, скорее всего, использовались для простого просверливания отверстий вручную (в Надымском городке эти сверла вставляли в старые костяные рукояти ножей).

Эти факты дают основание предполагать русское происхождение инструмента. Русские применяли лучковые сверла с катушкой в строительстве судов, шитых корнями, при изготовлении долбленых лодок-обласов и т. п.

Спиралевидные сверла (буравы) сохранились во фрагментированном состоянии (рис. 97 – 4). В верхней части буравов имелись петли, в которые вставлялись деревянные рукояти. От двух экземпляров сохранились петли с верхней частью стержня. Первый бурав откован из круглого прута, замкнутая петля (внутренний диаметр — 2,5 см) — четырехгранная в сечении (1,4×0,6 см); верхняя часть стержня — гладкая, овальная в сечении (1,25×1,10 см). Второй бурав откован из четырехгранной (0,8×0,4 см) полосы с овальной в плане (2,6×2,2 см) петлей и спиралевидным стержнем, в котором два конца полосы свернуты в спираль влево. Другие экземпляры представлены фрагментами средней и нижней частей сверел. Спиралевидные сверла на Руси известны с глубокой древности [Колчин, 1985. – С. 257]. В Мангазее они использовались для просверливания отверстий больших диаметров, чем это можно сделать лучковым сверлом, например, под деревянные гвозди-нагели при строительстве и ремонте судов. Спиралевидные буравы найдены на стоянке русских промысловиков на архипелаге Шпицберген [Завьялов, 1999. – С. 37–38; рис. 2 – 3].

4.5. ДЕТАЛИ АРХИТЕКТУРНЫХ КОНСТРУКЦИЙ И ИХ КРЕПЛЕНИЯ

Детали архитектурных конструкций (24 экз.), обнаруженные при раскопках Мангазее 2001–2004 годов, представлены 17 фрагментами оконниц, двумя внешними рамами для оконниц, четырьмя экземплярами фигурных деталей предметов интерьера и одной причелиной.

Рамы косячатых оконниц состояли из четырех планок шириной 2,0–5,7 см, толщиной 0,9–1,8 см, длиной 23–31 см, крепившихся в пазах (шириной 1,6–2,8 см) деревянными шпильками или железными гвоздями. В сторонах планок, обращенных внутрь оконного проема, пропиливались узкие (0,10–0,15 см) глубокие (0,5–1,7 см) продольные пазы для вставки слюдяных пластин. Одна рама сохранилась полностью (рис. 99 – 1). Ее внешние размеры: 25,5×22,5 см, толщина планок — 1,3–1,5 см, размеры оконного проема — 17×14 см.

Внешняя рама для оконницы изготовлена из доски толщиной 2,1–2,6 см (рис. 100 – 1). Сохранились две цельнорезных половины. Внешние размеры рамы — 38–40×29–32 см. Внутренний проем, в который вставлялись рамки оконниц, имел прямоугольную форму размерами 17–19×15–16 см. В месте соединения половин имеются два сверленных углубления для шпунтов диаметром 1,6 см и глубиной 4,6 см. С одной из сторон проем окаймлен валиком шириной 1,7–2,8 см и высотой до 0,8 см.

Оконницы были найдены и в 1968–1970 и 1973 годах [Белов и др., 1980. – С. 17, 99; табл. 5].

Причелина (подзор?) представляла собой доску длиной 204 см, шириной 11 см и толщиной около 2 см. Одно ребро было украшено пропиленной резьбой, а вся лицевая поверхность покрыта крашеными узорами — продольной цепочкой дуговидных элементов, покрытых желтой и синей красками; фон — красновато-коричневый, по верхнему краю — полоса синего цвета (рис. 100 – 2, 3, 3а). Пропиленные и крашеные узоры образуют единый стилизованный растительный мотив. Кроме того, по всей длине доски проходит продольный зигзаг, образованный циркульными окружностями диаметром 1,5 см (шаг около 7 см). Возможно, доска крепилась нагелями (рис. 98 – 2–7) через округлые отверстия диаметром 1,5 см, просверленные вдоль нижнего края причелины через 15,5 см. Аналогичные пропиленные узоры встречаются на подзорах при раскопках Новгорода в постройках X–XIV веков [Борисевич, 1982. – С. 278; рис. 2], а также в этнографических материалах — избах и церквях Русского Севера [Пруцын, 2002. – С. 99, 146, 198, 270, 336].

Гвозди строительные кованые (236 экз.) (рис. 98 – 8–14) четырехгранные, представлены обломками, в основном больших и средних строительных размеров (длина — 6,7–14 см). Реже встречаются фрагменты костылей (длиной 21–23 см) с массивными шляпками (3,0×2,2×2,0 см). Интересно, что гвозди встречены в культурном слое отдельно и ни разу не обнаружены ни в досках пола, ни в отдельно лежащих досках. Вероятно, они использовались для крепления верхних и наружных конструкций, которые со временем сгнили, например — кровли.

Мангазейская коллекция гвоздей — самая большая из известных. Например, при раскопках Алазейского и Стадухинского острогов собрано всего 46 гвоздей [Алексеев, 1996. — С. 40]. К сожалению, далеко не все исследователи приводят статистику гвоздей, найденных при раскопках. Неизвестно, в частности, сколько их было обнаружено и при раскопках Мангазеи в 1968–1970 и 1973 годах. Вполне возможно, что гвозди применялись и в судостроении, например, для скрепления массивных деревянных деталей в надпалубных постройках кочей.

4.6. СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

НАЗЕМНЫЙ ТРАНСПОРТ

Нарты были широко распространенным в Мангазее транспортным средством. Экспедицией ААНИИ был получен достаточно представительный материал, характеризующий этот вид транспорта: 16 целых копыльев, один целый и восемь крупных фрагментов полозьев и 11 вязов. О. В. Овсянников и В. Ф. Старков, анализирувавшие коллекцию, пришли к выводу о том, что эти детали принадлежат легким низким прямокопыльным нартам типа ручных охотничьих [Белов и др., 1980. — С. 70–72, 132; табл. 63 – 1].

В коллекции 2001–2004 годов имеются один полоз (передняя половина длиной 117 см), 29 копыльев и десять вязов. Копылья, как правило, имеют худшую сохранность, так как изготавливались, главным образом, из березы, которая не отличается долговечностью. В то же время часть копыльев, вязов и полозьев, выделанных из хвойных пород, сохранились достаточно хорошо. Тем не менее почти все детали нарт в той или иной степени фрагментированы, поэтому размеры и особенности конструкций собственно нарт пока не поддаются точному определению. Представленные в коллекции детали могли принадлежать нешироким нартам: судя по вязам (такие обычно используются в лесной зоне) и копыльям, кузов крепился низко. Это позволяет предположить, что нарты, скорее всего, могли быть ручными, собачьими, и лишь единицы, возможно, оленьими. Это следует из размеров их основных конструктивных элементов.

Копылья (29 экз.) относятся к типу прямых, предусматривающих полужесткое крепление к полозу и нащепу — с помощью цилиндрических шипов и ремешка (рис. 101 – 1–5). Форма их — стандартная и достаточно сложная: нижняя половина представляла собой уплощенный равнобедренный треугольник, обращенный вершиной вверх и плавно переходящий в высокий приостренный, как правило, цилиндрический (диаметр — 2,0–2,5 см), реже линзовидный (2,5–5,0×1,0–2,0 см), квадратный (1,7–2,7×1,2–1,7 см) или уплощенный прямоугольный (3,2–5,7×1,5–2,6 см) стержень. В центре уплощенной поверхности обязательно имелось сверленное или резное округлое или овальное (вытянутое) отверстие диаметром 2,1–3,2 см, чуть скошенное по отношению к плоскости. Как правило, на месте этого отверстия имелось рельефно выделенное подпрямоугольное или овальное утолщение. Нижний широкий конец в центре имел цилиндрический шип диаметром 1,0–1,7 см и длиной 1,6–2,2 см; верхний конец приострялся с двух противоположных сторон широкими срезами. В 3–7 см выше основания и в 3–4 см ниже вершины копыла имелись небольшие (0,5–0,9 см) округлые или квадратные отверстия для кожаных ремешков, расположенные в одной плоскости с центральным отверстием.

Расстояние между основанием и верхним уровнем центрального отверстия, в котором крепился шип вяза (перемычки, соединяющей пару полозьев), показывающее высоту кузова над поверхностью, варьировалось в пределах 13,4–18,8 см. Расстояние от верхнего края этого же отверстия до вершины копыла, показывающее высоту бортиков нарты, варьировалось от 10,5 до 16,0 см; лишь в четырех случаях бортики возвышались над основанием кузова на 18–20 см и в одном — на 27 см. Кроме готовых копыльев, найдены две заготовки.

Вязы (10 экз.) представляют собой стержни цилиндрической формы, иногда чуть уплощенные и слегка расширяющиеся у концов (рис. 101 – 6–8). На торцах небольшими уступами по окружности оформлены мощные шипы, с помощью которых вязы крепились к парам копыльев. Длина вязов, соответствующая ширине нарт, варьируется от 38,0 до 42,7 см, диаметр их достигает 2,2–3,3 см. Длина шипов — 3,4–5,0 см, диаметр — 2,2–2,6 см.

Полоз (рис. 101 – 9) представляет собой узкую (8,9–9,2 см), линзовидную в сечении пластину с уплощенной нижней стороной и выпуклой верхней. Сохранилась передняя половина полоза длиной 117 см и толщиной

0,5–1,2 см. Массивный утолщенный носок плавно загнут вверх, в поперечном сечении — подпрямоугольный (3,4×2,0 см); сбоку в носке имеется овальное отверстие (2,8×1,3 см), для крепления шипа переднего вяза. В основании носка просверлено другое отверстие (диаметром 1,3 см) для крепления нащепы. На сохранившемся фрагменте видны отверстия для крепления двух копыльев. Каково было их количество на полозе — остается неясным, но очевидно, что это были низкие нарты с прямопоставленными копыльями.

Судя по размерам, мангазейские нарты с тонкими полозьями и короткими копыльями могли быть собачьими или ручными. Современные олени нарты у народов Северо-Западной Сибири имеют более мощные по толщине полозья, на которых, как правило, устанавливается от трех до пяти пар копыльев. Копылья ставятся косо вдоль полозьев с наклоном внутрь и имеют длину до 1 м [Василевич, Левин, 1961. — С. 11–12, 23–24]. Собачьи нарты у ханты, манси и ненцев XIX–XX веков очень похожи на олени и отличаются только размерами. Однако — на основании сохранившихся изображений — считается, что ранее они были прямокопыльными и более низкими [Антропова, Левин, 1961. — С. 57, 59].

В настоящее время собачьи нарты являются большой редкостью и сохранились лишь у некоторых семей ханты (например, в юртах Пунси в Нефтеюганском р-не ХМАО), зырян (например, в пос. Нори Надымского р-на ЯНАО) и ненцев (например, в пос. Кутопьюган Надымского р-на ЯНАО). У русского старожильского населения они известны по этнографическим материалам с реки Пясины — правого притока Енисея. Они имеют тонкие полозья, короткие вязы, три пары коротких копыльев, поставленных перпендикулярно и прикрепленных к полозьям ремешками или прутьями через два отверстия в полозьях [Антропова, Левин, 1961. — С. 57–58]. Именно им наиболее близки мангазейские нарты.

Кроме этого, подобные по форме и пропорциям фрагменты полозьев и копылья были обнаружены при исследовании стоянки мореплавателей на побережье залива Симса. Однако, в отличие от местных нартов, нарты с залива Симса имели узкие (4,5–5,0 см) полозья. Исследователи реконструируют их как двухкопыльные ручные нарты [Травин, 1951. — С. 103–104].

Лыжи. Экспедицией под руководством М. И. Белова была собрана весьма солидная коллекция лыж — 17 относительно полно сохранившихся экземпляров и несколько фрагментов. В основу классификации лыж этой коллекции исследователи положили устройство ступательной площадки [Белов и др., 1981. — С. 64]. Было выделено два типа: 1) с высокой площадкой, вырезанной вместе с остальной частью лыжи из цельного куска дерева; 2) без явно выраженной ступательной площадки. Все лыжи были отнесены к типу скользящих, распространенных в Древней Руси с XI века.

Отметим, что лишь в двух случаях исследователями были замечены следы крепления подволоки (меховой обивки нижней поверхности) — «небольшие пазы» вдоль краев. Остальные 15 относительно целых экземпляров не были однозначно отнесены к голицам, так как подволоки к ним, по мнению авторов, могли и подклеиваться.

Новая коллекция лыж, состоящая из одного целого и 26 фрагментированных экземпляров, а также пяти отдельных ступательных площадок, уступает прежней по сохранности, но их анализ выявил ряд деталей, существенно дополняющих известные характеристики мангазейских лыж.

Лыжи-голицы представлены двумя крупными и тремя мелкими фрагментами. Один из крупных фрагментов длиной 128 см имеет высокую ступательную площадку и узкий выступ-стабилизатор сзади; носок обломан (рис. 102 – 1). Стабилизатор пламевидной формы (длиной 23 см) отделен от основной части лыжной пластины плавными уступами на ребрах. Ступательная площадка (30×8 см) высотой около 4 см расположена в 60 см от заднего конца лыжи. Беговые лыжи-голицы со стабилизатором встречены впервые и не имеют аналогов ни среди русских лыж, ни среди лыж аборигенов Сибири. Они могли использоваться для ходьбы по жесткому весеннему насту и по льду. Из трех других фрагментов один — длиной 62 см и шириной 12,6 см — является, очевидно, передней половиной лыжи, а два других — расколотые по оси обломки носков. Носки плавно приострены, ширина целого — 12,6 см, а расколотых — около 10 см. Примечательной чертой является утолщение пластины в носке до 0,5–0,6 см при толщине основной части пластины 0,15–0,20 см.

Лыжи с подволоками составляют большую часть коллекции — 22 экземпляра, из них одна сохранилась полностью. Впервые было выявлено, что подволока крепилась к лыжной пластине мелкими гвоздиками

(скорее всего — железными). По всему периметру на расстоянии до 1,5 см от края, отмечены одинарные ряды отверстий от них (не более 0,15 см). Шаг между гвоздиками варьировал от 3 до 6 см.

Характерные для этого типа лыж особенности в полной мере демонстрирует целый экземпляр: его длина — 166 см, ширина пластины — 19–22 см, толщина — 0,4 см; носок плавно приострен и подрезан; сзади имеется стабилизатор в виде узкого (4,2–5,0 см) листовидного выступа длиной 10,5 см, отделенного от основной части пластины плавно скругленными тупоугольными уступами (рис. 103 – 1, 2). В носке и стабилизаторе пластина утолщена соответственно до 0,5 см и 0,7 см. Судя по отверстиям от гвоздиков, подволока подбивалась по всей поверхности, за исключением стабилизатора. Ступательная площадка расположена почти в центре лыжи (смещена к стабилизатору от центра на 4 см). Она имеет форму вытянутого овала (33×10 см), приподнятого над пластиной на 4,3 см (в поперечном разрезе — равнобедренная трапеция, обращенная широкой основой вверх).

Вдоль оси лыжи площадки проходят длинные (15–16 см) наклонные ребра, сужающиеся книзу (от 7,8–8,0 см сверху до 2,5 см внизу). Сбоку, в 8,5 см от переднего края площадки, вырезано прямоугольное (3×2 см) сквозное отверстие, в которое продевалось кольцо из узких деревянных пластин (для фиксации носка ноги лыжника). Кроме того, сбоку, в переднем ребре, у основания площадки имелось еще одно округлое (1 см) сквозное отверстие. Собственно площадка для ноги была обита идентичной по форме и размерам берестяной прокладкой. Она крепилась небольшими деревянными гвоздиками-шпильками по периметру, причем шаг между ними в передней и задней четвертях площадки был частым (0,3–1,0 см), а в центральной — более редким (4–5 см).

Лыжи иволистной формы с выступом-стабилизатором и со следами крепления подволоки не встречались ни при предыдущих раскопках Мангазеи, ни при раскопках других русских городов. Подобные лыжи, но без выступа-стабилизатора, известны по этнографическим материалам у таяжских народов Западной Сибири — ханты [Антропова, 1961. — С. 88; табл. 1–2]. Такие выступы обычно имеются на ступательных лыжах (коротких и широких, с округлым носком) у восточно-сибирских народов [Антропова, 1961. — С. 91; табл. 4 – 1, 92; табл. 5 – 3].

Целая мангазейская лыжа по форме не ступательная, а беговая. Нам представляется, что относительно короткие лыжи с большим стабилизатором наиболее удобны для ходьбы по плотному снегу. Они наиболее удобны в тундровой зоне на открытых пространствах, где снег очень плотный от ветров и не нужна большая площадь для опоры (поэтому лыжа короткая), но необходим стабилизатор, направляющий лыжи.

Остальные подволочные лыжи, судя по сохранившимся фрагментам, имели аналогичную конструкцию, с некоторыми незначительными различиями. Так, в двух случаях стабилизаторы имели вытянутую листовидную форму (длина — 14,5 см и 23,0 см, ширина — до 7 и 8 см, толщина — 0,9–1,0 см) и короткие крутые уступы на переходе к основной части лыжной пластины. Кроме того, по периметру стабилизаторы также подбивались подволоками.

У пяти обломанных в основании *ступательных площадок* длина достигает 28–32 см; ширина сверху — 6,2–9,0 см, в основании — 3–4 см; высота над пластиной — 3,0–4,6 см (рис. 104 – 2–4). Концы площадок — овальные и треугольные. Размеры прямоугольных отверстий для крепежной петли — 2,0–2,6×1,6–1,8 см.

Сама крепежная петля представляет собой обруч из узкой (1,0–1,3 см) тонкой (0,3–0,4 см) деревянной пластины, свернутой в три оборота и скреплявшейся обоями из узких (3–4 см) полосок кожи.

Впервые отмечен принципиально иной вариант ступательных площадок — отдельно вырезанные накладные овально-вытянутые пластины толщиной около 1,5 см — 2 экз. (рис. 104 – 1). Они крепились к лыже посредством пяти коротких нагелей диаметром 0,8 см, забивавшихся в сверленные отверстия по продольной оси лыжной пластины. На этих площадках не зафиксированы следы крепления берестяных накладок и боковые отверстия для петли. Возможно, последние делались в утолщенной центральной части лыжных пластин. Появление такого варианта ступательных площадок, вероятно, объясняется непрочностью цельнорезных, которые часто обламывались в узком основании. Этот дефект, отмеченный еще в первой мангазейской коллекции, подтверждается и новыми материалами.

В новой коллекции имеются три *упора от лыжных палок*, аналогичные предметам, найденным нашими предшественниками (рис. 102 – 2, 3). Они имеют усеченно-коническую и колоколовидную форму; для насаживания на конец шеста высверливалось отверстие диаметром 2,3–3,0 см сверху и около 1,5 см внизу. Высота упоров — 4–11 см, диаметр верхнего торца — 2,3–4,0 см, нижнего — 8–11 см.

ВОДНЫЙ ТРАНСПОРТ

Представлен деталями кочей, карбасов и лодок (доски обшивки и кили использовались в строительстве изб и амбаров, рули и шпангоуты — для мощения дворов и в качестве подкладок под срубы) и небольшими лодочными веслами.

Доски кочей (рис. 105 – 2; 106 – 1) шириной 20–30 см и толщиной 4,0–5,3 см по краям имели отверстия, через которые они сшивались друг с другом скрученными ивовыми вицами и нагелями диаметром около 2 см. Толстые (до 7,5 см) доски, найденные экспедицией М. И. Белова, в новых раскопках не встречены. Обнаружено несколько фрагментов бортового набора, на которых отчетливо виден способ крепления бортовой обшивки внахлест (рис. 105 – 2).

Фрагменты **килей кочей** (6 экз.), изготовленных из толстых (около 25×30 см) брусьев, имели сложную профилировку: продольные пазы с краев и сверху и пазы для крепления шпангоутов и штевней (рис. 105 – 1). Их длина — от 1,8 м до 4,3 м. Из шести фрагментов четыре являлись частями одного килиа и были положены в качестве окладного венца «кочевой» постройки № 13. По ним можно определить один из главных параметров судна — общую длину килиа, которая составляла около 17 м.

Найдена часть фигурной детали **соединения килиа со штевнем**, по которой хорошо реконструируется сложная система крепления. Для обеспечения наибольшей прочности штевни и килиа изготавливались из дерева, у которого сохранялся изогнутый корень. Сохранившейся части корня придавалась сложная ступенчатая форма — так, чтобы загнутые концы килиа и штевня соединялись (рис. 106 – 2). Скреплялись они несколькими нагелями и скрученными вицами.

Фрагменты шпангоутов кочей (3 экз.) представляют собой дугообразные брусья, сделанные из изогнутой комлевой части дерева. В них вырублены ступенчатые пазы под бортовые доски для крепления внахлест. Имеются отверстия от нагелей для крепления бортовых досок, по которым видно, что не все доски бортовой обшивки крепились к шпангоуту. Один из фрагментов вообще не имеет отверстий для крепления с обшивкой — возможно, это дополнительный шпангоут, который использовался для придания формы корпусу и работал только на сжатие. Один из шпангоутов, судя по найденному фрагменту, вероятно, был составным. К сожалению, до сих пор на памятнике не обнаружено ни одного целого шпангоута, по которому можно было бы вычислить ширину коча.

Румпель (рукоятка руля) представляет собой стержень изогнутой формы длиной 95,5 см. Собственно рукоять румпеля уплощена к торцу: 4,5×5,0 см в середине и 4,2–5,3×1,9 см у торца. У торца рукоятки, на одном из ребер, вырезаны рельефные выступы (высотой — 1,1–1,3 см): два скошенных по краям и один — подтреугольной формы в центре. Общая длина участка с выступами — 13,4 см (рис. 107 – 2).

Найдено **перо руля** прямоугольной формы (44,0×30,0×1,8 см) с лопастью шириной 27 см. На одном боковом ребре пера сделан вертикальный вырез в виде вытянутого полуовала (высота 32 см, глубина выреза – 7 см). На одной из широких сторон пера вдоль обоих краев имеются продольные углубления (до 0,5 см), противоположная широкая сторона – гладкая. Ручка обломана, сохранившаяся часть имеет длину 11 см (рис. 107 – 1). Судя по размерам, обе детали принадлежали большим лодкам, возможно, карбасам.

С корабельной оснасткой, возможно, связаны и **блочные колеса** и их заготовки, изготовленные из березового капа, с характерным кольцевым пазом для каната (рис. 107 – 3, 4). Такие колеса были найдены экспедицией ААНИИ (6 экз.) [Белов и др., 1981. – С. 33; табл. 30 – 2]. В Новгороде аналогичные блочные колеса найдены в слоях X–XIV веков [Колчин, 1968. – С. 78; табл. 72 – 1–5].

Среди находок 2001–2004 годов встречены и такие детали корабельной оснастки, как **канаты** (рис. 108 – 3, 5) и **ракс-клоты** (рис. 107 – 5) (в документах XVII века — «ксарки», или «шарки») [Филин, 2004. – С. 45; рис. 12 – 1].

Обрывки пеньковых канатов найдены в большом количестве в нижней промерзшей части культурных напластований. Их диаметр — от 1,0 до 4,0–4,5 см. Ракс-клоты — детали приспособления для управления парусами. Они представляли собой короткие деревянные цилиндры с закругленными ребрами, вдоль центральной оси которых имелись сверленные отверстия для продевания канатов. Размеры ракс-клов — 8–10×8–10 см, диаметр отверстий — 4–5 см. Ракс-клоты являлись составной частью ракс-бугеля — устройства для поднятия и опускания реи, обеспечивая скольжение последней по мачте.

Скобы судовые (644 экз.) представляют собой узкие (0,5–1,2 см) заостренные на концах железные пластины толщиной 0,2–0,3 см (рис. 108 – 6–11). Некоторые из них выпрямлены, другие сохранили изгибы, соответствующие, вероятно, ширине планок (2–4 см), которыми закрывались щели между досками бортов кочей, и предназначенные для крепления планки, прижимающей жгут пакли в стыке между досками бортового набора. Подобные скобки и сегодня используются на рыбацких судах в Обской и Тазовской губах. Предполагается, что такие скобки стали применяться для крепления деревянных деталей раньше гвоздей [Татауров, 2001. – С. 125]. В раскопках 1968–1970 и 1973 годов скобки, безусловно, тоже встречались, но их описание в монографии отсутствует.

Весла лодочные (3 экз.). Найдены два фрагмента с лопастями и одна рукоять с утолщением на конце. Все весла — однолопастные. Лопаста прямоугольные, с плавным переходом к рукоятке (рис. 25 – 12–14).

4.7. ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КОЖЕВЕННОГО И ШВЕЙНОГО РЕМЕСЛА

Ножницы (2 экз.) из новой коллекции относятся к типу шарнирных, состоят из двух половин, скрепленных в основании лезвий шарнирной заклепкой. Ручки — кольцеобразной формы: овальные проемы размерами около 2×4 см — в одном случае и 5,0×2,0–2,5 см — в другом. Общая длина — 12,0–14,2 см. Каждый экземпляр ножниц можно отнести к отдельному варианту. Ножницы *варианта 1* имеют широкие ножи с округлыми концами, а в петлях у них — незначительный зазор (рис. 109 – 1). Ножницы *варианта 2* имеют узкие ножи с острым концом, кольца хорошо сомкнуты качественной проковкой (рис. 109 – 2).

При раскопках экспедиции ААНИИ ножницы встречены в раскопе № 18, но не опубликованы [Белов и др. 1980. – С. 73].

Судя по результатам раскопок в Новгороде, шарнирные ножницы известны в Древней Руси с X–XI веков. Они имели примерно такую же форму, что и современные ножницы [Хорошев, 1997. – С. 18, 19]. В XVII веке шарнирные ножницы входили в комплект снаряжения промысловиков на Крайнем Севере, что подтверждается находками на стоянках у восточного побережья Таймыра [Станкевич, 1951. – С. 169, табл. VIII – 15; табл. IX – 9], а также на двух русских памятниках архипелага Шпицберген [Завьялов, 1999. – С. 151; рис. 5 – 5]. Такие ножницы найдены в Алазейском (2 экз.) и Стадухинском (1 экз.) острогах [Алексеев, 1996. – С. 39; рис. 19]. Ножницы с этих памятников по морфологическим признакам ближе первому варианту мангазейских ножниц.

Шилья — 24 экз. (рис. 109 – 9–14). Вместе с деревянными рукоятками, сохранились шесть экземпляров (полная длина — 8,6–12,0 см). Они имели короткую усеченно-коническую ручку из капа длиной 6–8 см и ромбический в сечении (0,40×0,25 см) заостренный стержень. В предыдущих раскопках найдено четыре шила с рукоятками. Форма изделий близка современной. Аналогичные шилья с сохранившимися рукоятками обнаружены на поселении поморов на полуострове Скольтнесет архипелага Шпицберген [Завьялов, 1999. – С. 151, 149; рис. 5 – 10], на стоянке потерпевших кораблекрушение в заливе Симса [Станкевич, 1951. – С. 169; табл. VIII – 10, 11; табл. IX – 6].

Иглы швейные из новой коллекции (38 экз.) в основном обломаны, как правило, по проему ушка (рис. 109 – 3–6). Целые экземпляры единичны. Их длина — от 3,4 см до 5,8 см, диаметр — 0,10–0,15 см. Встречались ли швейные иглы в раскопках экспедиции ААНИИ — неизвестно.

* Подробнее об устройстве коча см. Боярский П. В., Визгалов Г. П., Ивасько Л. В., Кардаш О. В., Сумин В. В., Шульгин П. М., 2000.

4.8. ОДЕЖДА

РУКАВИЦЫ

Рукавицы изготавливались из кожи, сукна и шерсти.

Кожаные рукавицы (24 экз., в том числе 7 целых) изготавливались из дубленой кожи толщиной 0,08–0,20 см (рис. 110 – 1, 2). По способу раскроя делились на два типа: цельнокроенные (21 экз.) и детальнокроенные (3 экз.). Форма — вытянутая трапеция или усеченный овал; в основании — широкий скошенный проем, край переда — прямой, скругленный, реже — подтреугольный. Длина — 20–25 см, ширина рукавакраги — 14–21 см, ширина переднего края — 8,5–10,5 см. Цельнокроенные рукавицы сшивались на переднем крае и сбоку выворотным швом, при этом у сшиваемых элементов подгибался внутрь узкий (до 0,4 см) край. Детальнокроенные (из двух идентичных половин) прошивались аналогичным швом по всей дуге. В двух случаях отмечены подкроенные углы краг, сшивавшихся сквозным и тачным швами. Для подкроенных больших пальцев шлемовидной формы в одной из половин основы делался треугольный вырез, при этом оставался язычок, который вшивался клином в двух-трехчастный палец. Найдено 14 отдельных пришивных пальцев длиной 6–8 см и шириной в основании 6–7 см. Детали пальцев пришивались между собой и к основе тем же выворотным швом через узкие подвернутые внутрь края. С внутренней стороны ладони в ряде случаев отмечены заплатки.

Подобные рукавицы завозились в Мангазею в большом количестве, например, в 1633 году, по данным таможенных книг, — 245 пар [РГАДА. Ф. 214. Кн. 45. Л. 384–550: по Белову и др., 1981. – С. 92], что не исключает, однако, их местного изготовления. Такие же рукавицы и «заготовки к ним» (8 экз.) были найдены в Мангазее и экспедицией М. И. Белова [Белов и др., 1981. – С. 53; табл. 52 – 5]. Аналогичные рукавицы-голицы встречались при раскопках русских городов в слоях XIII–XVII веков — Новгорода Великого, Старой Ладogi, Пустозерска [Исюмова, 1959. – С. 220; рис. 220 – 3; Оятева, 1965. – С. 51; рис. 3.1; Курбатов, 2003. – С. 228; рис. 8, 6; 9, 5].

Суконные рукавицы (17 экз., в т. ч. девять целых, и пять пришивных пальцев) по форме и размерам повторяли кожаные. Это подпрямоугольные или трапециевидные рукавицы, с прямым или дуговидным краем; длина — 17–27 см, ширина — 10–15 см (рис. 110 – 3). Преобладали цельнокроенные изделия с пришивным пальцем, сшитые скрытым сквозным швом. Лишь два экземпляра — детальнокроенные — сшиты из двух симметричных половин, с пришивным пальцем. По документам XVI–XVII веков, такие рукавицы на Русском Севере называли «вачегами» и «исподками» [Власова, 2001. – С. 304]. Их носили отдельно и поддевали, судя по второму названию, под кожаные рукавицы-голицы для тепла. На других памятниках русского средневековья суконные рукавицы до сих пор не встречались. Не были найдены они и экспедицией М. И. Белова.

По данным таможенных книг, в 1633 году исподок было завезено в Мангазею 111 пар, а в 1635 — 18 [Белов и др., 1981. – С. 92]. Хотя это не означает, конечно, что все суконные рукавицы были привозными: учитывая регулярный завоз сукна, безотходный характер производства многих изделий в Мангазее и простую конструкцию рукавиц, можно предположить, что из остатков кроя, в числе прочих небольших изделий, шились и рукавицы.

Вязаные рукавицы в документах XVI–XVII веков называли варегами, варежками, варенгами или вязанцами [Власова, 2001. – С. 304]. По форме они повторяли кожаные и суконные рукавицы, но устье краг у них было более широким, а сами рукавицы — цельновязанными. Длина их достигала 20–25 см, ширина краг — 14–18 см, ширина переднего края (подпрямоугольного) — 6,5–10,0 см (рис. 111 – 1–3). Краги были более крупной вязки, из толстых нитей. В коллекции представлены десять целых и три фрагментированных экземпляра. По отдельности найдено десять пальцев. Одна такая рукавица была обнаружена экспедицией М. И. Белова [1981. – С. 52], отдельные экземпляры встречались в более ранних слоях древнерусских городов [Сабурова, 1997. – С. 102].

Из других вязаных изделий следует отметить шесть фрагментов **носков или чулок** (рис. 113 – 2), три **стельки**, один **пояс** и около 20 фрагментов неопознанных изделий. Все они вязаны крючком. Часть вязаных

изделий была привозной, но многие изготавливались на месте (в культурном слое встречались пучки шерстяного прядена, завозившегося в Мангазею, как известно из документов, в большом количестве).

ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КОСТЮМА

Пуговицы стеклянные в монографии, где представлены результаты раскопок 1968–1970, 1973 годов, не упоминаются. В раскопах 2001–2004 годов найдена 21 стеклянная пуговица, все они представляют собой уплощенные с одной стороны шары, с плоской стороны которых в стекло «впаяны» медные и железные петли (рис. 114 – 13–18). Все пуговицы черного цвета, их размеры варьируются от 0,73×0,63 см до 1,25×0,90 см. На лицевой стороне двух пуговиц имеется гравированный узор. У первой — инкрустированная серебром миниатюрная композиция: в центре — шестилучевая звезда, окруженная кольцом и шестью фигурными глазками в виде чередующихся «грибков» и «сердечек» (рис. 114 – 20). Узор второй — кружок с вписанной шестиконечной звездой с острыми лучами; от кружка в радиальных направлениях отходят три фигуры в виде узкого заостренного листа с частыми поперечными рубчиками внутри; между этими фигурами — три шестиконечных звезды с широкими, трех- и двузубыми лучами на концах (рис. 114 – 19).

Стеклянные пуговицы привозились не только для собственного потребления, но и для торговли с аборигенным населением, что подтверждается их присутствием в могильниках Западной Сибири позднего средневековья. Например, аналогичные стеклянные пуговицы черного цвета с металлическими петельками найдены в Кыштовском могильнике на реке Таре — правом притоке Иртыша [Молодин, 1979. – С. 95; табл. XLVII – 7, 8–13, 18–21, 23, 30, 31, 35], в Томском Приобье [Плетнева, 1990. – С. 97; рис. 38 – 9], где, вероятно, использовались как подвески.

Пуговицы шаровидные полые (4 экз.) спаяны из двух полусферических половинок. Две из них медные, две — из свинцово-оловянистого сплава. Диаметр — 1,0–1,3 см. Сверху напаяны проволочные (0,15–0,20 см) круглые петли диаметром 0,6–0,7 см (рис. 114 – 9). В нижней части одной из медных пуговиц — узор: семь концентрических резных кругов, рассеченных пятью узкими лепестками (рис. 114 – 8).

Пуговицы цельнолитые (14 экз.) из свинцово-оловянистого сплава (9 шт.) и меди (5 шт.). У одной пуговицы биконическое тулово и мелкие радиальные валики по лицевой поверхности (рис. 114 – 12). Остальные — шаровидные, с туловом диаметром 0,50–0,95 см. Петли — округлые, одна из них — на длинной ножке (рис. 114 – 10, 11).

Накладка ременная бронзовая (1 экз.) представляет собой овальную в плане пластину (2,0×1,9 см) с круглым отверстием в центре и двумя концентрическими валиками (0,20×0,05 см и 0,20×0,15 см) на внешней стороне. С нижней стороны пластины на диаметрально противоположных краях — два заостренных четырехгранных шипа длиной 1,65 и 1,80 см (рис. 114 – 1).

Пряжки ременные (8 экз.), в том числе семь медных, одна бронзовая. По форме пряжки подразделяются на пять типов.

Тип 1 (2 экз.) — прямоугольные пряжки с язычком. Рамка одной из них (2,9–3,0×2,5 см) украшена поперечными вырезами, образующими треугольные зубцы. Сторона, на которой закреплен язычок, — гладкая, овальная в сечении (рис. 114 – 2). Вторая пряжка, размерами 1,8×1,4 см, предназначена для узкого ремешка.

Тип 2 (3 экз.) — пряжки с пятиугольной рамкой. Внешний край рамки — уплощенный, с волнистым краем, украшен рельефными виньетками или кружками (рис. 114 – 3, 4). Размеры одной — 1,9×2,2 см, другой — 2,7×2,5 см. У третьей пряжки три стороны образованы плоским четырехгранным прутком, а четвертая представляет собой треугольный выступ с двумя круглыми (диаметром 0,15–0,20 см) отверстиями. Размеры пряжки — 2,40×1,65×0,35 см.

Тип 3 (1 экз.) — пряжка лировидной формы, плоская (0,40–0,50×0,25 см) в поперечном сечении — овальная дуга, на одном ребре которой в центре длинной стороны — плавно заостренный выступ, с противоположной стороны — прямой округлый стержень с цилиндрическими утолщениями на концах. Размеры пряжки в плане — 3,8×3,0 см. Язычок отсутствует (рис. 114 – 5).

Тип 4 (1 экз.) — пряжка ажурная (рис. 114 – 7), состоит из грушевидной в плане рамки с V-образной перегородкой, разделяющей внутреннее пространство на три проема (овал с выступом — в передней части и два симметричных семиугольника со скругленными углами — в основании), и подпрямоугольного выступа со стержнем — держателем ремешка в основании рамки. Размеры пряжки в плане — 2,70×1,84 см, ширина стержня-держателя — 0,58 см.

Тип 5 (1 экз.) — пряжка в форме буквы «Ф». Отличается не только формой рамки, но и способом крепления — продеванием ремешков через среднюю планку (рис. 114 – 6).

4.9. УКРАШЕНИЯ

Серьга серебряная (1 экз.) сложносоставная, состоит из эллипсоидной основы (1,55×1,55×0,95 см) с шестью мелкими (0,7 см) полусферами по бокам, откованной из тонкого (0,05 см) листа, двух стерженьков-пальцев (шарниров), закрепленных в ушках, напаянных сверху и снизу основы, и грушевидной подвески, закрепленной на шарнире (рис. 115 – 1). На концах шарниров и стерженьке-отростке внизу подвески сохранились насаженные белые жемчужины с раскрошенным верхним слоем. В центре основы имеется прямоугольный (0,65–0,73×0,50–0,60 см) проем, в который, очевидно, вставлялся утраченный граненый камень (возможно, цветное стекло). С обеих сторон по периметру основы на полусферические выступы напаяны кольцевидные обоймы (внешний диаметр — 0,35 см), образующие гнезда для вставок — по два гнезда сверху и снизу и по одному с боков. Такие же гнезда имеются и на подвеске — по одному на лицевой и оборотной сторонах. В гнезда вставлялись мелкие кусочки цветного (зеленого, голубого и красного) стекла, крепившиеся к основе каким-то клеем (в некоторых гнездах, где вставки выпали, сохранилась серая клеевая масса). Остальная поверхность основы и подвески украшена тончайшими узорами: узкими полосками с косой штриховкой вокруг полусфер и заштрихованными ромбиками между ними. На верхнем стерженьке-пальце, между ушками, в которые он был продет, сохранился фрагмент тонкой (диаметром около 0,05 см) проволоочки, обернутой вокруг него петлей. Другой конец проволоочки, который продевался в ушко, обломан. Аналоги этому изделию пока не известны.

Бусы. При раскопках экспедиции ААНИИ было найдено «около 400 светло-синих», несколько белых и цветных (опоясанных полосками) бусин и «немного белого бисера» [Белов и др., 1981. – С. 50].

В новой коллекции — 339 экземпляров бусин, в большинстве — многоцветные. Преобладают зонные, встречаются эллипсоидная (1 экз.) и уплощенно-эллипсоидные (6 экз.).

Зонные различны по цвету; преобладают бусины голубых и синих оттенков (они встречаются как отдельно, так и на двух низках), встречаются черные, зеленые и полихромные (рис. 115 – 4–19). По размерам голубые и синие зонные бусины делятся на очень крупные — от 1,42×1,32 см до 1,9×1,6 см, крупные — 1,20×0,90–0,95 см, средние — 0,60–0,82×0,45–0,75 см, мелкие — 0,40–0,60×0,38–0,42 см. Найдены две целые низки: на одной — 39 зонных бусин из голубого непрозрачного стекла (диаметром от 0,5 до 0,7 см), пять из них орнаментированы четырьмя вертикальными тонкими белыми полосками; на второй низке (18 шт.) — более мелкие (диаметром 0,6–0,7 см) бусины, аналогичной формы и цвета, однотонные.

Найдены эллипсоидная (ярко-зеленая) и уплощенно-эллипсоидные (5 экз.) полихромные бусины, с чередующимися вертикальными тонкими (около 1 мм) полосками белого, красного и синего цветов, с преобладанием белых (рис. 115 – 8, 9, 15). Края отверстий у последних окантованы пятью зубчатыми кольцами синего, белого и красного цветов.

Бусы привозились в Сибирь из городов европейской части России. В XIII–XV веках одним из главных центров их производства был Новгород [Щапова, 1997. – С. 81, 84, 86]. В основном бусы (одекуй) предназначались для торговли с аборигенным населением, у которого они пользовались повышенным спросом. Это подтверждается находками на памятниках позднего средневековья Северо-Западной Сибири: городище Эмдер [Зыков, Кокшаров, 2001. – С. 120–121], Надымском городке [Кардаш, И–2002. – С. 40; фото 152; 2003. – С. 64; фото 169; И–2004. – С. 50, 54; фото 83], Обдорском городке [Кардаш, И–2005. Т. I. – С. 62; фото 172], могильнике Усть-Балык [Семенова, И–2001. – С. 94] и других.

Перстни серебряные (2 экз.).

Первый перстень имеет плоский толстый (0,5 см) восьмигранный в плане (1,45×1,35 см) щиток. В щитке — овальное углубление, в которое вклеена плоская вставка (1,3×1,1 см) из темно-синего камня (рис. 115 – 2). На вставке — изображение, выполненное углубленной сплошной гравировкой (инталия): стоящая птица с распластанными крыльями и изогнутой в виде вопросительного знака шеей; у ее ног — два крошечных птенца с вытянутыми вверх головами и распахнутыми крыльями.

Второй перстень диаметром 2,2 см имеет округлый щиток с полужатертым гравированным изображением, напоминающим профильные фигуры барсов или львов на древнерусских монетах и перстнях. Сохранилось тулово с мощной шеей, ноги и фрагмент поднятого вверх хвоста (рис. 115 – 1).

В материалах предыдущих раскопок Мангазеи среди находок имеются золотой, серебряные и бронзовые перстни (всего 5 экз.). На округлом щитке одного из перстней тоже есть изображение хищного животного (льва или барса), но в иной иконографии. Перстни с печатками, аналогичными изображению льва или барса на нашем экземпляре, собраны на стоянках в заливе Симса и на острове Фаддея [Порфиридов, 1951. – С. 153–154; табл. XIV – 2, 3].

4.10. ОБУВЬ

Предметы обуви, найденные экспедицией ААНИИ, были проанализированы И. И. Барановой и Г. Н. Комлевой в составе коллекции кожаных изделий, которые отметили, что она на то время была единственной коллекцией русского населения Сибири XVII века [Белов и др. 1981. – С. 50–52]. По данным, приведенным в монографии, коллекция насчитывала около 200 предметов: 169 экземпляров целой и фрагментированной обуви, восемь рукавиц, 12 отдельных кусков кожи и заготовок. Кроме того, были найдены сапожные инструменты и колодки (12 предметов), а также 75 подковок на каблуки.

Позднее А. В. Курбатов более основательно обработал и описал кожаные предметы из раскопок О. В. Овсянникова 1968–1969 годов. Всего в этой коллекции представлено 318 кожаных изделий, из них 289 деталей обуви, а также 83 железных подковки, 16 обувных колодок, пять шильев, один кроильный нож [Курбатов, Овсянников 1999. – С. 249].

Обувь — самая распространенная разновидность кожаных изделий Мангазеи — представлена 867 предметами. Ее описание и формальная типология осуществлялись по принципиальной схеме, разработанной на семинаре «Морфология древностей» (кафедра археологии МГУ) под руководством Ю. Л. Щаповой и дополненной Д. О. Осиповым и Ю. А. Лихтер [Осипов, Лихтер, 2004] с учетом специфики мангазейской коллекции. Уникальность коллекции состоит не только в ее массовости и разнообразии, но и в исключительно хорошей сохранности изделий: на деталях обуви, как правило, фиксируются швы (иногда с нитками), более 20 процентов экземпляров представлены практически полностью.

Материал для изготовления обуви — кожа крупного рогатого скота, хорошо выделанная и продубленная, большей частью, видимо, привозная.

Приходится констатировать, что в современной научной литературе наблюдается явный разноречивостью в наименованиях одних и тех же типов средневековой русской кожаной обуви, что, вероятно, обусловлено различным пониманием значения терминов, известных из письменных источников X–XVII веков и поздних этнографических источников. Так, термином «уледи» именуют классические поршни [Белов и др., 1981. – С. 51; Рабинович, 1988. – С. 174], туфли без каблуков, аналогичные мангазейским туфлям [Курбатов, 2003. – С. 228], обувь «типа калош» и «меховые сапоги» [Власова, 2001. – С. 303, 331].

По классификации Е. И. Ояевой [1965. – С. 42–59], в мангазейской коллекции кожаной обуви (2001–2004 гг.) выделяются две группы: *первая* — мягких форм, *вторая* — жестких форм.

Обувь мягких форм

Первая группа включает обувь одного типа — *поршни* (79 экз.). Этот простейший фасон, распространенный в Древней Руси, сохранился в крестьянском быту до XX века. Поршни сшиты, в основном, из толстой (0,25–0,50 см) кожи; лишь четыре экземпляра — из кожи толщиной 0,2 см, при этом один — из двух слоев; два экземпляра — из кожи толщиной 0,13–0,15 см.

В Мангазее встречены поршни двух подтипов, различающиеся по форме и технологии изготовления:

подтип 1 — цельнокроенные (представлены в монографии 1981 г.);

подтип 2 — детальнокроенные (по материалам раскопок 1968–1973 гг. не выделялись).

Поршни подтипа 1 (33 экз.) сделаны из прямоугольных кусков дубленой (реже — сыромятной) кожи, на которых сзади, на пятке, делались два продольных разреза длиной 3–4 см, а спереди — подтреугольный разрез посередине, формирующий небольшой язычок (иногда спереди разрез не делался) (рис. 116 – 1–3). Затем углы куска загибались внутрь. При этом сзади два боковых крыла разреза соединялись встык и сшивались переметочным швом, а центральный язычок накрывал линию их соединения, после чего эти детали скреплялись сквозным швом. Спереди загнутые края и треугольный язычок сшивались тачным швом (причем отверстия не выходили на мереву), а на тех поршнях, где разрез спереди отсутствовал, передняя часть загибалась уголками внутрь, пришивалась вывернутыми внутренними поверхностями соединявшихся краев и прошивалась сквозным швом. Поршни этого типа обязательно снабжались оборками — узкими (4–6 мм) кожаными шнурками, которые продевались «змейкой» в поперечные прорезы длиной около 1 см, сделанные через 1,0–1,5 см вдоль верхнего края бортов и переднего обреза. Линии прорезей были разомкнуты на пятке, где выходили концы обор. Лишь на двух экземплярах вдоль верхнего края переда, закрывающего носок ступни, сделаны простые прорезы для оборо, аналогичные прорезям на бортах. У остальных поршней по переду проходит бахрома из частых (через 0,4–0,5 см) продольных разрезов, при этом каждый язычок бахромы (длиной 1,5–2,0 см) разворачивался по оси на 90°, а оборы продевались в короткие продольные прорезы (длиной 0,5–0,6 см), делавшиеся в центре язычков.

Орнамент, встреченный на шести экземплярах, выполнен в технике линования горячим металлическим предметом (ножом, шилом) по дубленой мереве. Он наносился по верху передней части и представлял собой следующее варианты:

– дуговидные одинарные или двойные поперечные линии шириной 3–4 мм, проходящие в основании бахромы (5 экз.), в трех случаях дополненные параллельными линиями линованных точек, а в одном еще и четырьмя расходящимися к носку лучами из точек;

– «елочка» из четырех прямых параллельных линий, проходящих продольно от центра переда к носку, и прямая поперечная строка из точек в основании бахромы.

Судя по размерам, основная часть поршней этого подтипа принадлежала взрослым (длина — 22 см, ширина в стопе — 8,50–13,5 см) и лишь один — подростку (длина — 18,5 см, ширина в стопе — 8,4 см). Высота бортиков достигала 2–4 см (на пятке, как правило, была больше, чем по краям на 1,0–1,5 см). Глубина переда варьировала, в зависимости от общих размеров, от 6,0 до 7,5 см. Более 60 процентов (13 из 21 полностью сохранившихся) экземпляров имели две подметки: под носком и пяткой.

Поршни подтипа 2 (46 экз., из них 22 имеют относительно полную сохранность, остальные — фрагментированы) изготовлены из продолговатых кусков дубленой кожи с зауженным передним и прямоугольным задним краями (рис. 117 – 1, 2). Толщина кожи, в основном, — 0,22–0,35 см, в одном случае — 0,1 см, а на четырех (двухслойных) — по 0,05–0,15 см. Задняя часть формировалась так же, как и у поршней 1-го подтипа, а передний край, без разреза, загибался внутрь на глубину 1,5–2,0 см.

Характерной чертой поршней этого подтипа является наличие подтреугольной вставки (рис. 117 – 3–5) в передней части, закрывающей ступню до середины подъема (глубина закрытого переда достигала 7–15 см). Вставка (нередко двухслойная) пришивалась к бортику переда выворотным швом. При этом края вставки и примыкающих к ней бортиков загибались вверх под прямым углом. Между вставкой и бортиком для большей жесткости прокладывались одна-две узкие (до 0,7 см) полосы толстой кожи.

Двухслойные вставки (дубленой поверхностью наружу), как правило, прошивались дополнительными сквозными швами по периметру и по оси, либо в виде нескольких лучей, расходящихся от острого носка к верхнему обрезу переда. Эти швы могли прошиваться цветными нитками, образуя, в этом случае, геометрические узоры.

Четыре вставки были украшены в технике линования: на трех из них встречен один мотив в виде трех лучей из трех-четырех тонких линий, расходящихся из одной точки в середине верхнего обреза (в одном случае через эту точку проходит еще одна аналогичная полоса, параллельная обрезу переда; в одном случае отмечена лишь одна поперечная полоса из двух линий, параллельная обрезу переда).

У 18 поршней этого подтипа на подошвах имеются следы подметок под носок и пятку или только под носок.

В отличие от цельнокроенных поршней, детальнокроенные не имеют обор. Вместо вертикальных прорезей

для обор вдоль края бортиков (высотой 2,0–4,8 см) и верхнего края вставки проходит сквозной шов-«змейка», в котором короткие (0,2 см) наружные стежки перемежаются с длинными (около 1,0–1,5 см), проходящими с внутренней стороны. По мнению А. В. Курбатова [2003. – С. 227], этот шов остается от стяжки бортиков сухожильной нитью, что обеспечивает ее «большую прочность и долговечность». Кроме того, он считает, что этим швом могли подшивать шерстяное, войлочное или меховое голенище. С такой интерпретацией этого шва солидарны и другие исследователи [Сабурова, 1997. – С. 105].

Однако новые мангазейские материалы дают основание усомниться в правомерности такой трактовки:

- во-первых, столь широкий шаг отверстий шва не мог обеспечить плотное прилегание голенища к бортику поршня, особенно войлочного или мехового, уступающего в пластичности тканям;
- во-вторых, встречены свидетельства иного назначения шва: внутри трех поршней были найдены сложенные вдвое подкладки из шерстяных тканей, прилежавшие к бортикам, а в одном случае закрывавшие снизу треугольную вставку. Очевидно, они предназначались для предохранения стопы от натирания жесткими бортиками. Судя по следам шва и остаткам нитей на тканых прокладках, они подшивались к верхнему краю бортика, где и сохранился шов-«змейка», то есть у этих поршней имелась опушка.

Представляется, что конструкция таких поршней сама по себе была достаточно жесткой, благодаря чему не нуждалась в стяжке. С другой стороны, у нескольких экземпляров сохранились достаточно высокие кожаные петли из свернутых вдвое полос кожи, пришивавшихся к заднему краю борта, над пяткой. У этих петель вверху имелся проем высотой около 1 см, возвышавшийся над бортиком. Подобные петли и следы их крепления у поршней 1-го подтипа отсутствуют. Наличие их у детальнокроенных поршней может объясняться не столько стремлением дополнительно укрепить соединение крыльев задника, сколько иным назначением — они могли служить для продевания шнура или кожаной оборы, с помощью которых поршни подвязывались к щиколотке. Все найденные детальнокроенные поршни, судя по размерам (длина — 22–30 см, ширина в стопе — 8–16 см), принадлежали взрослым.

Обувь жестких форм

Вторая группа представлена детальнокроенными экземплярами двух типов (фасонов): сапогами и туфлями.

Сапоги — обувь, состоящая из жестких пришивных подошв (толщиной 0,15–0,50 см), головок с короткими и средней длины цельнокроенными крыльями-боковинами, головок без боковин, отдельно выкроенных боковин, жестких (с берестяными или кожаными вкладышами) высоких задников, наборных кожаных или цельных деревянных каблуков, а также невысоких составных голенищ. В коллекции представлены остатки не менее чем 115 экземпляров сапог.

Относительно полно (без голенища) сохранился лишь один экземпляр; в 20 случаях встречены подошвы с закрепленными каблуками, задниками и головками; подошвы с каблуками или следами крепления каблуков представлены 94 экземплярами, отдельные наборные каблуки — 79 экземплярами, отдельные задники от обуви этого типа — 68 экземплярами, отдельные головки (переды верха) — 50 экземплярами, голенища — четырьмя фрагментами разных экземпляров.

По форме подошв, головок и каблуков среди сапог выделяются два подтипа:

подтип 1 — с низким наборным кожаным каблуком (рис. 118 – 1–7) и подошвой каплевидной или грушевидной формы с широкой геленочной частью и плавным абрисом (рис. 118 – 8; 119 – 3). Для головок этого подтипа (7 экз.) характерен вырез с подтреугольным язычком, образованным двумя симметричными дугами по краям (рис. 119 – 5, 6);

подтип 2 — со средневысокими и высокими наборными кожаными каблуками (рис. 119 – 2, 4), а также подошвами с крокулем — зигзагообразно изогнутой узкой геленочной частью — и крутым переходом к широкому заостренному носку (рис. 119 – 2, 7; 122 – 1–5). Форма выреза в верхней части головки на большинстве экземпляров — дуговидная (дуга — в сторону носка), с прямым поперечным срезом (1 экз.). Для головок этого подтипа (71 экз.) характерна большая глубина (до 22 см), то есть они полностью закрывали подъем ноги (рис. 124 – 1). Более половины головок (40 экз.) имели кожаные поднаряды, повторяющие форму собственно головок. Из них 15 экземпляров были цельными, а 25 — двучастными — из симметричных половин, сшитых между собой по продольной оси встык переметным швом. Все поднаряды гладкой дубленой стороной (мереей) были обращены вниз, к стопе. Наличие тачного шва на верхнем обресе головки (частые выходное отверстия на внутренней стороне головки) свидетельствуют о том, что в этом месте к ней встык пришивалось кожаное голенище.

Для обуви этого подтипа характерно отсутствие цельнокроенных длинных крыльев-боковин: из 76 экземпляров (как отдельных, так и в составе относительно целых экземпляров) 40 — с двумя короткими крыльями, 24 — со средними крыльями (до середины свода стопы), восемь — с одним коротким крылом и два — без крыльев. Очевидно, большая часть отдельно выкроенных боковин, найденных на памятнике, принадлежит сапогам.

Оба подтипа, судя по полным экземплярам, имели одинаковые задники (72 экз.) (рис. 118 – 5–7, 11; 119 – 1, 2). По форме выделяются четыре варианта задников: высокие прямоугольные (3 экз.); с дуговидным выступом сверху (6 экз.); с треугольным выступом сверху (30 экз.) и с подтреугольным язычком-выступом в центре верхнего среза (33 экз.). Размеры их варьируются в зависимости от размеров обуви от 7,5×4,5 см до 10×10 см. Задник был сложносоставным: между двумя идентичными кожаными пластинками для большей жесткости конструкции помещались вставки аналогичной формы, но чуть меньших размеров из одной-двух кожаных или одной-трех толстых берестяных пластин (рис. 118 – 9, 10; 125 – 3), после чего наружные кожаные пластины прошивались по периметру. Встречен деревянный пятиугольный вкладыш (рис. 119 – 1). Нижний край задника отгибался наружу под прямым углом, прибивался к каблуку деревянными шпильками через 0,4–0,6 см и дополнительно прижимался по дуге жгутом диаметром 0,3–0,4 см, скрученным из тонкой медной проволоки (рис. 118 – 6, 7).

С боков к заднику, как правило, тачным швом пришивались концы боковин-подкроев, а сверху — голенище. К голенищу задник пришивался, видимо, тоже встык посредством тачного шва. Во всяком случае, у 11 целых экземпляров сохранился тачной шов с выходом на бахтарму — внутреннюю сторону сапога. На остальных шов не сохранился, так как верхний край задников у старых сапог срезался вместе с голенищем, которое обычно использовалось вторично при ремонте или шитье новой обуви и других кожаных изделий.

Высокие задники с подтреугольным выступом-язычком для дополнительной жесткости снаружи укреплялись по вертикальной оси узкой кожаной или металлической полоской, часто пробитой мелкими гвоздиками с массивной шляпкой.

Из 79 целых экземпляров *наборных кожаных каблуков* к сапогам 1-го подтипа относятся 67 целых экземпляров и более 100 фрагментов. Эти каблуки — широкие (6–8×5–7 см) и низкие (1–2 см) — набирались из разных по толщине и длине пластин, имевших форму сегмента или сектора. За счет различных по величине пластин формировался объем, скошенный в передней части. Стопка пластин скреплялась и крепилась к подошве сверху с помощью деревянных шпилек. Снизу к подошве под каблук набивались железные подковки или три сапожных гвоздя с массивными шляпками (располагались по краям треугольником) (рис. 118 – 5–7).

Каблуки от сапог 2-го подтипа (12 экз.) были средние (2,5–3,0 см) и высокие (4–5 см), сужались книзу. Они крепились к подошве с крокулем (изогнутой в геленочной части в виде прямоугольного зигзага) сверху и подбивались гвоздями или подковками снизу и спереди через изогнутую геленочную часть подошвы (рис. 119 – 2). Сзади в каблуке делался глубокий вертикальный паз для толстой кожаной полосы, прибивавшейся плотным рядом железных гвоздиков к каблуку и заднику (рис. 119 – 4).

Подковки железные для сапог (130 экз.) по форме и способу крепления делятся на три типа: I — с шипами; II — с отверстиями; III — комбинированные.

Среди подковок типа I (33 экз.) встречены следующие варианты:

1) плоские, с тремя шипами (два по краям и один в центре); пластина широкая, в виде короткой дуги; ширина дуги — 5,5–7,0 см, высота дуги — 3,0–4,5 см, толщина пластины — 0,20–0,45 см, высота шипов — до 2 см (22 экз.) (рис. 120 – 6, 10);

2) плоская, широкая, с четырьмя шипами; ширина дуги — 4,55 см, высота — 3,2 см, толщина — 0,2 см, высота шипов — около 1 см (1 экз.);

3) трехшипные с узкой толстой (0,4–0,9 см) пластиной в виде высокой дуги; ширина дуги — 6,3–6,7 см, высота — 4,1–5,7 см, высота шипов — до 2,1 см (7 экз.) (рис. 120 – 5);

4) трехшипные, брусчатые; в сечении — 0,8×0,6 см (2 экз.) (рис. 120 – 4, 12);

5) двухшипная с пластиной шириной 4,3 см, высотой дуги 2,9 см, толщиной 0,10–0,15 см (1 экз.).

Среди подковок типа II (16 экз.) встречены следующие варианты:

1) плоские, с тремя отверстиями; размеры — 5,6–7,8×3,2–5,6 см, толщина — 0,10–0,15 см, некоторые в поперечном сечении клиновидные — плавно утолщаются к внешней стороне до 0,45 см (5 экз.) (рис. 120 – 8, 13);

2) плоские, широкие, с двумя отверстиями; ширина — 4,3 см, высота дуги — 2,9 см, толщина — 0,10–0,15 см (10 экз.) (рис. 120 – 11);

3) плоская широкая (2,1 см), толщиной 0,15–0,20 см пластина с пятью отверстиями; высота дуги 3,3 см (1 экз.).

Среди подковок типа III (59 экз.) встречены следующие варианты:

1) двухшипная, плоская, широкая, с четырьмя отверстиями для гвоздей; один конец обломан, по внешней дуге пластины — бортик высотой до 0,5 см (1 экз.);

2) трехшипные, плоские, с двумя отверстиями для гвоздей; ширина дуги — 6,8–7,4 см, высота — 3,7–4,1 см, диаметр отверстий — 0,25–0,45 см; толщина пластин — 0,15–0,35 см, у одной подковки на внешней дуге пластины — валик высотой 0,3 см (12 экз.) (рис. 120 – 1, 15);

3) плоские, широкие, двухшипные, с тремя отверстиями для гвоздей; ширина дуги — 4,1–6,9 см; высота — 3,1–4,9 см, толщина пластин — 0,1–0,2 см, высота шипов — до 1,1 см, диаметр отверстий — 0,25–0,50 см (38 экз.) (рис. 120 – 2, 3, 7, 9, 14);

4) плоские, широкие, двухшипные, с двумя отверстиями; большие (4,1–8,1 см) и маленькие (3,6–3,9×2,4 см) (7 экз.);

5) двухшипная, плоская, широкая с одним маленьким отверстием — 1 экз.

Остальные подковки (22 экз.) представлены фрагментами, что не позволяет их отнести к какому-либо типу.

Подковки получили распространение в Новгороде с XIV века. По мнению Б. А. Колчина, выделявшего два типа этих изделий — врезные с шипами и набивные с отверстиями для гвоздей, — первые использовались для низких каблуков, а вторые — для высоких [Колчин, 1959. – С. 108]. В конце XVI – середине XVII веков появились комбинированные подковки [Никитин, 1965. – С. 36, 42; табл. 6 – 7–10; Артемьев, 1999. – С. 82–83; табл. 79 – 13, 14, 20]. В XVIII веке комбинированные подковки как будто полностью вытеснили подковки первых двух типов [Осинов, Рихтер, 1997. – Табл. 3].

В коллекции из раскопок экспедиции ААНИИ — 67 подковок, из них 47 (70%) — комбинированные, 17 (25,4%) — врезные и три (4,5%) — набивные. По нашим материалам, подковки типа III (комбинированные) составляют 54,6%, типа II — 14,8%, а типа I — 30,6%. Таким образом, преобладание комбинированных подковок — налицо, но не столь значительно, как это виделось М. И. Белову и его коллегам.

Сверху подошва и наборный каблук перекрывались берестяными, войлочными, меховыми или матерчатыми стельками (рис. 125 – 1–2, 4–5; 127 – 1–3).

Помимо кожаных наборных каблуков найдено семь деревянных. Все они были скошены в передней части и принадлежали сапогам подтипа 2. Пять из них, высотой 2–4 см представляли собой скошенные низкие полуцилиндры. Два других, вырезанных вместе с высокими (4,7 см и 5,6 см) дуговидными задниками, представляли собой высокие (4,7–6,0 см) полуцилиндры, закрытые по периметру с боков цельной кожаной обшивкой, сшитой на одном из ребер сквозным швом толстой красной ниткой и вертикальной кожаной полоской, прибитой сзади частой строкой из мелких железных гвоздей. У одного из каблуков под кожаной обшивкой сзади на дуговидной поверхности сохранилась берестяная и тканая прокладки. Толщина деревянных задников — 0,5–1,0 см. На одном из них сохранилась кожаная обшивка, подшитая к обшивке каблука тачным швом (рис. 119 – 1).

Среди сапожных подошв встречены *детские*: три экземпляра с крокулем (длина — 13,3–17,0 см) от сапожек с высоким каблучком и один — от сапожка с низким каблучком (длина — 17,5 см).

Высоту голенищ установить не удалось, так как были обнаружены лишь три фрагмента, сохранность которых не позволяет реконструировать полную форму этого элемента обуви. Судя по ним, голенища сшивались из двух полос шириной около 15–20 см и толщиной 1,0–1,5 мм. На сохранившихся краях прослежены как тачные, так и сквозные швы.

Туфли — второй тип жесткой обуви с низким бортиком, жесткой пришивной подошвой, головкой с боковинами и без каблука — представлен 62 относительно целыми экземплярами, 102 отдельными головками с боковинами, 220 относительно целыми и целыми подошвами, 48 задниками, а также мелкими фрагментами, размеры которых не позволяют восстановить полную форму обуви.

Среди подошв *туфель* (178 целых экз.) по форме выделены два варианта:

вариант 1 — овальной формы с прямыми боками — 69 экз., в том числе 14 — в составе целых туфель без жесткого задника;

вариант 2 — каплевидной формы — 107 экз., в том числе 37 — в составе целых с жестким задником.

Подшвы варианта 1 характеризуются округлым или слегка приостренным носком и округлой или подквадратной пяткой, отсутствием рельефно выделенной геленочной части и прямыми линиями соединения носка и пятки (рис. 121 – 4). Носок иногда немного шире пятки. Подшвы кроились, в основном, из толстой (0,25–0,45 см) дубленой кожи, без разделения на правую и левую: 65 экземпляров — симметричные и лишь четыре — асимметричные.

Подшвы варианта 2 (рис. 121 – 1–3) отличались отсутствием четко выделенной геленочной части и плавным расширением носка (линия соединения задней половины с носком — чуть вогнута). Носок, как правило, заострен, иногда имеет подтреугольную форму и только в четырех случаях закруглен. Большая часть подошв — асимметричные, с разделением на правую и левую ноги. Головки и боковины подшивались к подошвам туфель обоих вариантов швом «впотаи», который оставил на их внутренней плоскости валик шириной 0,5–0,7 см, проходящий по всему контуру на расстоянии 0,5–1,0 см от края.

На большинстве подошв отмечены сквозные швы от пришивания отдельных (под носок и пятку), реже — цельных подметок. Встречены и отдельные подметки. Изредка фиксируются заплатки на протертых местах. Размеры подошв варьируются от 22×8 см до 30×15 см.

Головки туфель (234 целых экземпляра и фрагменты) — с цельнокроеными боковинами, опоясывающими всю заднюю часть ступней. Концы боковин сшивались между собой тачным швом. Иногда (23 экз.) между концами цельнокроенных боковин вставлялись подкроенные фрагменты. В месте соединения боковин снаружи сквозным швом нашивалась короткая полоска кожи (петля), дополнительно укрепляющая бортики туфель. По длине боковин выделено два варианта: равновеликие длинные (124 – 3) и разновеликие (рис. 123; 124 – 2). В соответствии с длиной боковин место их соединения находилось сзади, на пятке, или сбоку, у свода стопы. В любом случае сзади на бортик нашивалась выступающая вверх на 1 см кожаная петля шириной 2–3 см. Очевидно, в нее продевалась обора или шнурок для подвязывания туфель к голени или к лыжному креплению. Так, например, в мангазейских таможенных книгах упоминаются «уледи лыжные» [РГАДА. – Ф. 214. Кн. 45. Л. 384–550; по: Белову и др., 1981. – С. 91].

Глубина головок варьируется от 8 до 15 см, следовательно, они закрывали носок до начала или середины взъема. Форма среза верхней части — дуговидная. В одном случае по оси головки нанесен линованный орнамент из двух продольных прямых полосок.

Поднаряды зафиксированы на трех экземплярах — двух двухчастных кожаных (рис. 126 – 5, 6) и одном одночастном из шерстяной ткани. Вдоль бортиков (высотой 2–4 см) и по срезу головки изнутри сквозным швом (как и на поршнях 2-го подтипа) подшивались смягчающие подкладки из свернутых вдвое полос шерстяной ткани, соответствующих ширине бортиков. Они чуть выступали над бортиком, образуя своеобразную опушку. Большая часть берестяных (46 экз.) (рис. 126 – 3, 4), тканых (19 экз.), войлочных (3 экз.) стелек, а также поднаряды (4 экз.) и опушки бортиков (32 экз.) принадлежат, судя по их форме, туфлям.

Широкая в стопе, просторная обувь этого типа позволяла носить ее с толстыми вязаными шерстяными носками или онучами, фрагменты которых встречены в раскопе. Простая по конструкции и самая многочисленная обувь этого типа, несомненно, была, наряду с поршнями, повседневной, обыденной, рабочей, в то время как сапоги 2-го подтипа, — нарядной, выходной (в них удобно было ходить по ровной поверхности в городе — настилам, полам, мостовым).

Вероятно, в Мангазее бытовали и туфли на каблуках, но такие экземпляры пока не встречены.

Найдены *детские туфли*: подошвы трех экземпляров длиной 15,2–17,2 см и головка глубиной 6,6 см и один экземпляр — длиной 12 см (рис. 124 – 4, 5). Кроме того, есть отдельный верх от детской обуви (длиной около 11 см, с головкой глубиной 5,2 см) и подтреугольная вставка-головка поршня 2-го подтипа (ширина в раскрое — 6 см, глубина носка — 3 см).

Необходимо отметить, что в прежней (по раскопкам 1968–1970, 1973 гг.) мангазейской коллекции обуви были представлены поршни только подтипа 1, а обувь группы 2 жестких форм, определенная нами как сапоги и туфли, была интерпретирована ранее как, соответственно, «башмаки первой группы» и «башмаки второй группы» [Белов и др., 1981. – С. 51–52]. Сегодня с этим нельзя согласиться, так как, согласно принятой в настоящее время терминологии, башмак — это «обувь, закрывающая стопу выше лодыжки» [Сабурова, 1997. – С. 103].

Колодки для обуви деревянные (3 экз. — две прямые и одна косая). Различаются формой и размерами:

4,9–8,1×4,0×23,0 см; 7,0–11,5×6,0×32,5 см и 5,1–11,4×4,6–5,9×29,0 см (рис. 127 – 4). Подобные колодки были найдены в Мангазее и экспедицией под руководством М. И. Белова [Белов и др., 1981. – С. 50; табл. 53].

4.11. ИНСТРУМЕНТАРИЙ ДОМАШНЕГО ПРОИЗВОДСТВА

Ножи. В новой коллекции — 57 экз., среди которых выделены два типа:

Тип 1 (52 экз.) — ножи с узкими острыми черешками, на которые насаживались цельные и наборные деревянные и костяные рукояти (рис. 128 – 1–5; 129 – 1–4; 130 – 1–7; 131 – 2–4). Рукояти сохранились только у единичных экземпляров. Вероятно, по большей части, они изготавливались на месте. Все клинки, судя по качеству и однотипности, были привозные. Ножи этого типа, за исключением одного, столового, с короткой цилиндрической цельнокованой рукояткой и узким лезвием (рис. 130 – 5), — универсальные, употреблявшиеся как в быту, так и на промыслах.

Тип 2 (5 экз.) — ножи с плоским пластинчатым насадом. Все они относятся к столовым ножам. К плоскому черенку двумя-тремя медными штифтами прикреплялись с двух сторон, на всю длину, накладки из бивня мамонта (4 экз.), представляющие собой трапециевидные в сечении брусочки (рис. 132 – 11–13). На пятках имелись медные пластинчатые навершия листовидной или подовальной форм. У одного экземпляра накладки бронзовые. Они представляют собой треугольные в сечении пластины, покрытые мелким сплошным петлевым орнаментом. На пятке рукоятки сохранилось навершие, представляющее собой ромбовидную пластину с коротким (1 см) стержнем, на который надета четырехгранная фигурная насадка (рис. 131 – 1). В основания клинков напайвались медные пластины-ограничители. Спинки клинков — прямые, уступы у черешковых на переходе к ручке — прямоугольные. В одном случае конец спинки на переходе к острию клинка опущен.

По размерам клинка выделяются три группы:

- 1) большие — длиной 15,0–16,2 см; шириной в основании 2,4–2,5 см; толщиной спинки до 0,5–0,6 см;
- 2) средние — длиной 12,4–14,0 см; шириной в основании 2,15–2,40 см; толщиной спинки 0,5 см;
- 3) малые — длиной 10,0–12,1 см; шириной в основании 1,25–2,40 см; толщиной спинки до 0,30–0,45 см.

Аналогичные по формам ножи (не менее 9 экз.) были найдены и во время предыдущих раскопок [Белов и др., 1981. – С. 79–80; табл. 40 – 1, 3–8; 71 – 1–9]. Подобные ножи широко распространены на русских памятниках позднего средневековья. В частности, они имеются в материалах из раскопок стоянок в заливе Симса и острове Фаддея [Косинский, 1951. – С. 93–94; табл. II – 1–9], Алазейского и Стадухинского острогов [Алексеев, 1996. – С. 39; табл. 43].

Рукояти для железных ножей (57 экз.), вероятно, изготавливались на месте. Клинки, скорее всего, были привозными. В первую очередь, речь идет о простых вариантах рукоятей для черешковых ножей — цельных, линзовидных в сечении брусочках, в одном из концов которых высверливалось глубокое узкое отверстие для черешка. Такие рукояти вырезались, как правило, из березового капа (рис. 128 – 1, 2, 4; 129 – 1, 2; 130 – 1, 2; 131 – 4), витая структура волокон которого предотвращала случайное раскалывание. Лишь в двух случаях они выполнены из прямоствольной древесины (рис. 128 – 5). Большинство подобных рукоятей на концах защищались от раскалывания цельнолитыми насадками из свинцово-оловянистого сплава (рис. 128 – 2; 131 – 4) или из мамонтового бивня, украшенными по бокам резными линиями (пояском наклонных линий или зигзагом), а на конце рукоятки — циркульным орнаментом (рис. 129 – 2; 130 – 1; 132 – 1, 3, 5, 6). Концевая насадка иногда дополнялась железной петлей для подвешивания, вбитой в ее центр.

От наборных костяных рукоятей найдено несколько *обойм* (рис. 132 – 2, 4). Каповая рукоять одного из ножей отличается искусной инкрустацией пластинчатыми вставками из мамонтового бивня: шесть узких (0,4–0,5 см) длинных (на длину рукояти) пластин, украшенных гравированным узором — мелким двойным зигзагом с циркульными глазками или поперечными двойными перегородками с чередующимися косыми крестами и циркульными глазками между ними (рис. 129 – 2). Пространство между этими пластинами инкрустировано мелкими ромбическими или конусовидными вставками из мамонтового бивня, образующими одинарные прямые продольные линии (по пять деталей в каждой). Аналогичные гравированные пластины найдены и отдельно (рис. 132 – 8, 10).

Подобные рукояти, несомненно, были сделаны профессионалами-косторезами. Они могли быть привозными, либо среди жителей города оказался мастер-косторез из Северной Руси. Известно, что в XVI–XVII веках центром косторезного ремесла на Русском Севере стали Холмогоры, а в XVII веке поток изделий холмогорских косторезов хлынул в Сибирь [Ясински, Овсянников, 1998. Т II. – С. 65, 77].

Ножны (35 экз.) сохранились, в основном, фрагментарно.

Целые экземпляры (рис. 133) изготовлены из толстой (до 0,5 см) кожи и представляют собой согнутые вдоль полосы, прошитые сквозным швом с одной боковой стороны и по нижнему концу. Верхний срез прямой или чуть скошенный. Длина ножен — от 18,7 до 26,0 см. Сбоку в верхней части почти всегда имеются по два узких подпрямоугольных отверстия для крепления к ремню. Один экземпляр имеет более нарядный и сложный вид: на нижнем конце ножен — подтреугольный выступ, а сверху находится цельнокроеное двухслойное «ушко» пламевидной формы. Два круглых отверстия для крепления к ремню, расположены в основании «ушек» и под ним по центральной оси. Обе стороны украшены тисненными узорами: в верхней половине — по три поперечных полосы из двух, трех, четырех и пяти тонких прямых линий; на одной из плоскостей от нижней полосы к концу ножен опускаются три вертикальные линии. Тонкий резной орнамент имеется на двух ножнах: в одном случае — в виде поперечных поясков (рис. 133 – 2), в другом — в виде крупных и мелких косых крестов и восьмилучевых звезд, заключенных в квадратные рамки (рис. 133 – 1).

Все найденные нами ножны идентичны по форме экземплярам из раскопок 1968–1970, 1973 гг. [Белов и др., 1981. – С. 75; рис. 14 – 1–4, 79–80]. Деревянные вкладыши-футляры сохранились фрагментарно лишь в нескольких экземплярах (рис. 133 – 5).

Среди деревянных инструментов впервые встречены на городище кочедыки — орудия для плетения рогож и циновок, колодки миниатюрных стружков для выравнивания узких поверхностей (древков стрел, корзин, рыболовных ловушек и т. п.).

Кочедыки (5 экз.) представляют собой изогнутые под тупым углом деревянные стержни с овальной в сечении рукоятью (2,0–4,0×1,4–1,6 см) и приостренной лопаточкой рабочей частью (в сечении — сегмент) (рис. 134 – 3–5). Длина рукоятки — 7–8 см, длина рабочей части — 11–12 см. У одного кочедыка на рукояти вырезаны четыре выемки для пальцев.

В коллекции имеются также четыре **иглы для вязания сетей** и две иглы для их ремонта. Первые представляют собой узкие тонкие деревянные пластины с плавно вогнутыми ребрами и неглубокими подпрямоугольными и дуговидными вырезами на одном из концов, придающими им форму двузубой вилки. Длина этих челноков — 14,4–16,0 см, толщина — 0,4–0,5 см, ширина в центре — 1,3–1,5 см и на концах — 1,7–2,1 см. **Иглы для ремонта сетей** (10 экз., в том числе 5 целых и 5 фрагментированных) представляют собой тонкие костяные уплощенные стержни длиной 5,8–12,5 см. Один конец заострен, у другого вырезано овальное отверстие размерами 0,2–0,35×0,2–1,15 (рис. 134 – 7).

Шаблоны для вязания сетей (25 экз.) выполнены из дерева и представлены двумя типами.

Тип 1 — прямоугольные пластины с круглым отверстием для пальца у одного из краев (длина — 12,5–16,8 см, ширина — 3,2–4,0 см, толщина — 0,35–0,80 см, диаметр отверстий — 1,0–2,2 см) (рис. 134 – 1).

Тип 2 — пластины длиной от 13,8 см до 22,2 см, с узким выступом (ручкой) на одном конце длиной 1,7–3,0 см и шириной 1,0–3,0 см (рис. 134 – 2).

Такие же инструменты — иглы и шаблоны — были найдены при раскопках Мангазеи в 1968–1970, 1973 годах [Белов и др., 1981. – С. 143; табл. 76, 77, 144]. Происхождение этих инструментов уходит в древность; по крайней мере, при раскопках Новгорода в слоях XIII века были найдены точно такие же шаблоны и иглы для вязания и ремонта сетей [Чернецов, Куза, Кирьянова, 1985. – С. 228, 242; табл. 90 – 10]. Эти инструменты без изменения сохранились у русского населения европейского Севера и Сибири до XX века [Бернштам, 1972. – С. 74; рис. 2 – а].

С пушным промыслом, очевидно, связаны три деревянные **распялки** для сушки шкурок. Они представляли собой продолговатые дощечки, один конец которых закруглен, другой обрезан прямо. Длина — 26,0–35,5 см,

ширина у закругленного конца — 11–13 см, у прямого — 14–16 см, толщина — 1,0–1,4 см. Плоскости распялок покрыты беспорядочными порезами от ножа. На одной из распялок вырезаны мелкие геометрические фигуры и надпись «ПКАНП». В раскопах 1968–1970, 1973 годов тоже были найдены распялки с буквами, которые исследователи определили как знаки собственности [Белов и др., 1981. – С. 79].

4.12. ПРЕДМЕТЫ БЫТА

ПОСУДА

Стеклопосуда

В материалах экспедиции ААНИИ стеклопосуда представлена почти 300 фрагментами от «приблизительно 70 предметов». Большая часть их — осколки штофов разнообразной формы, цвета и величины; остальные — от бутылей, стоп и рюмок [Белов и др., 1981. – С. 49–50].

При новых раскопках найдено 147 фрагментов изделий, среди которых имеются как прозрачные одноцветные, так и украшенные. Среди одноцветных встречены фрагменты светло-зеленых, синих оттенков (рис. 135 – 4–10, 16). На раскрашенных фрагментах узоры представляют собой параллельные полосы разной ширины белого, желтого, зеленого и синего цветов, красные и белые лучи в виде паутины (рис. 135 – 3, 12–15, 17, 18). Встречены также узоры в виде полос «паутины» из тонких «нитей» вишневого, белого и салатового цветов. Два фрагмента прозрачного стекла со слабым светло-зеленым оттенком украшены рельефными узорами: в одном случае — высоким (0,5×0,3 см) прямым валиком с частыми поперечными ребрами, в другом — сеткой из крупных ромбов. На одном фрагменте полупрозрачного желтовато-белого стекла сохранилась часть изображения плода или бутона цветка, выполненного желтым, красным и синим цветами.

О форме сосудов можно судить лишь по двум фрагментам небольшого сосуда шаровидной формы с волнистыми стенками из прозрачного стекла, уплощенным дном и узким (около 2 см) обломанным горлышком (рис. 135 – 1, 2). По всей поверхности нанесен спиралевидный узор из широких белых и более тонких красных полос. Дно слегка вогнуто внутрь бутылки, его диаметр составляет чуть более 8 см.

Прозрачные тонкостенные сосуды с цветными полосками сделаны из качественного стекла, в отличие от сосудов зеленого цвета, среди которых встречаются фрагменты с пузырьками и свиллями.

Первые стекловаренные заводы в России появились не ранее 1635 года и первоначально производили немного изделий. Поэтому значительная масса стеклянных сосудов поступала в Россию из Украины и стран Западной Европы [Белов и др., 1981 – С. 48]. Судя по разнообразию собранных фрагментов стеклянных сосудов, в Мангазею завозилось большое количество европейской стеклопосуды (с вином).

Керамическая посуда

М. И. Белов и его коллеги на основании материалов своих раскопок пришли к выводу об отсутствии местного гончарного производства, аргументируя это малочисленностью мангазейской керамики: «несколько сот черепков примерно от 186 сосудов» [Белов и др., 1981. – С. 37].

Однако материалы раскопок 2001–2004 годов показали достаточно большую насыщенность культурного слоя керамикой — только на площади 259 кв. м был собран 4361 фрагмент, среди которых 561 венчик, 124 днища и 3676 стенок от 388 сосудов. Керамика находилась в очень фрагментированном виде, не найдено ни одного полного развала сосуда. Формально-типологическому анализу были подвергнуты венчики и днища, а также все фрагменты поливной и лощеной посуды.

В основу анализа керамики были положены технологический и морфологический принципы. При описании керамики нами не использовалась классификация по цвету глиняных сосудов, связанному с характером обжига, предложенная М. Г. Рабиновичем [Рабинович, 1949. – С. 59], так как еще И. А. Бойцовым достаточно аргументировано было доказано, что цвет керамики является слишком относительным признаком и отражает лишь температуру обжига. Тем более что при дальнейшем использовании сосудов их цвет может изменяться [Бойцов, 1991. – С. 34–35].

По способу обжига и обработки, отраженному в характере поверхности керамики, выделены три группы.

1. Серо-красная (цвет поверхности — темно-серый, темный серо-коричневый, красновато-серый, черный) — 99,4% стенок, 100% днищ и 99,2% венчиков.

2. Серолощенная со сплошным лощением и с рядами лощеных узких полос, образующими, как правило, косую сетку — 13 стенок (0,35%).

3. Поливная (0,8% венчиков и 10 стенок — 0,25%) — бежевого цвета с прозрачной поливой (две стенки и три венчика), кирпично-красная в изломе с голубой поливой на внутренней поверхности и темно-зеленой — на наружной поверхности (две стенки), белая в изломе с серо-голубой поливой (четыре стенки); с золотистой поливой всей поверхности (один венчик и две стенки от одного сосуда).

Более показательны морфологические признаки и технология изготовления. При описании коллекции 1968–1973 годов исследователями было отмечено типологическое разнообразие форм венчиков горшков [Белов и др., 1981. — С. 37–39; табл. 35, 36, 38], но статистическая корреляция различных типов и вариантов форм венчиков не была проведена.

Посуда новой коллекции сильно фрагментирована: полностью не сохранился ни один сосуд, венчики и днища дают представление лишь о верхней и придонной частях сосудов. Тем не менее, имеющийся материал пригоден для формально-типологического анализа, при проведении которого основное внимание уделялось формам венчиков.

По функциональному назначению новая коллекция мангазейской керамики представлена тремя категориями: кухонной, столовой и канцелярской.

Кухонная посуда представлена двумя формами — горшками и сковородами.

По оформлению краев венчиков горшков выделено 12 вариантов (рис. 139 — II: 1–12):

- 1) с закругленным краем — 21,0%;
- 2) с округлым воротничком снаружи — 16,6%;
- 3) с прямым горизонтальным или скошенным наружу срезом — 17,6%;
- 4) с приостренным краем — 10,2%;
- 5) с раздвоенным краем (с кольцевой канавкой) — 9,8%;
- 6) с подтреугольным краем и наружным воротничком — 9,4%;
- 7) с подтреугольным наружным воротничком — 6,8%;
- 8) с округло-приостренным краем и наружным валиком — 3,2%;
- 9) с трапециевидным краем — 3,2%;
- 10) с прямоугольным наружным воротничком — 1,1%;
- 11) с прямым расплюснутым краем, образующим двусторонний карнизик — 0,7%;
- 12) с овальным воротничком, загнутым наружу и внутрь — 0,4%.

Таким образом, преобладают венчики 1–7 вариантов, а варианты 10–12 выглядят исключениями.

Полностью размеры сосудов не реконструируются, но у большинства горшков удалось определить диаметры по срезу венчиков, которые по размерам условно делятся на четыре группы:

- 1) очень большие (диаметром от 21 до 32 см) — 47%;
- 2) большие (диаметром от 16 см до 20 см) — 34%;
- 3) средние (диаметром от 11 см до 15 см) — 14%;
- 4) малые (диаметром 6–10 см) — 5%.

Днища разделены по размерам на три группы: большие (16–23 см) — 13%; средние (10–15 см) — 80%; малые (6–8 см) — 7%.

В целом результаты типологического анализа новой коллекции мангазейской керамической посуды показали преобладание горшков. Сопоставление форм наиболее полно сохранившихся экземпляров с данными о диаметрах венчиков и днищ позволяет характеризовать мангазейские горшки как приземистые, преимущественно широкогорлые, с короткими венчиками, едва намеченными шейками, высокими плечиками и раздутыми туловами. Диаметр днищ меньше диаметра венчиков.

Аналогичные формы встречены на памятниках XVI–XVII веков в Новгороде, Москве, Подмоскowie, Приуралье и Западной Сибири, как правило, в смешанных комплексах, имеющих широкие даты. Новая мангазейская коллекция, в отличие от этих комплексов, характеризует очень короткий временной интервал (с 1608 г. по начало 1640-х гг.). Учитывая тот факт, что типология форм отражает принятые в традиционной культуре

нормы, характеризующиеся стабильностью для определенного и достаточно короткого (в пределах века) периода, мангазейская коллекция может использоваться в качестве эталонной при датировке смешанных и широко датирующихся коллекций, зачастую представленных, в основном, фрагментами венчиков и днищ.

Судя по форме и диаметру венчиков, в коллекции — не менее 364 горшков. Из них около 73 процентов принадлежало кухонной посуде, в которой приготавливалась пища.

Горшки по форме венчика и верхней части тулова делятся на три типа.

Тип 1 — 9,3% (рис. 138 – I: 1–5). Венчики короткие, высотой 1–2 см, прямые, слегка наклоненные внутрь или наружу, тулово сильно раздутое, плечики высокие, почти горизонтальные.

Тип 2 — 73,0% (рис. 138 – II: 1–13). Венчики короткие (1–2 см), наклоненные внутрь или наружу (иногда круто отогнуты), плавно (под углом около 45°) переходят в сильно раздутое тулово. Плечики покатые, высокие.

Тип 3 — 17,7% (рис. 139 – I: 1–5). Венчики короткие, прямые, вертикальные или слегка отогнутые наружу и внутрь, тулово слабо раздутое.

К кухонной посуде, судя по наличию нагара, относится подавляющая часть горшков 1-го и 2-го типов и лишь несколько экземпляров 3-го типа. В каждом из этих типов можно выделить по два подтипа: 1 — с закругленным плечом; 2 — с ребром или уступом на плече. Ребро или уступ на плечиках наиболее часто встречаются на горшках 1-го типа (54%), реже — среди горшков 2-го типа (22%) и крайне редко — среди горшков 3-го типа (около 9%).

Сковороды представлены фрагментами 20 экз., покрытыми плотным слоем нагара. Их венчики прямые, резко отогнутые наружу или слегка вогнутые внутрь (рис. 139 – IV: 1–5). По форме срезов венчиков сковороды делятся на четыре варианта: 1) округлые; 2) раздвоенные кольцевой канавкой; 3) с округлым воротничком с внутренней стороны; 4) с уступом с внутренней стороны. Высота стенок — 3,5–5,3 см, толщина — 0,8–1,0 см, толщина днищ — 0,7–1,6 см. Диаметр сковород по венчикам составляет 23–32 см, по днищам — 19–26 см.

Столовая посуда составляет около 27% всех сосудов, которые по форме делятся на две группы: горшки (без следов нагара) и миски. К столовой посуде отнесены почти все горшки 3-го типа и небольшое количество горшков 1-го и 2-го типов.

Миски представлены фрагментами венчиков от 14 экземпляров, которые, при сходстве некоторых параметров со сковородами, отличаются отсутствием следов нагара и большей глубиной. Плохая сохранность не позволяет полностью реконструировать этот вид столовой посуды. Удалось установить частично форму верхней части и диаметр устьев (рис. 139 – III: 1–5).

Выделяются два типа мисок:

1) чашевидной открытой формы — 13 экз. (рис. 139 – III: 1–4);

2) баночной формы (с прямыми стенками) — 1 экз. (рис. 139 – III: 5).

У мисок первого типа — прямые и дугообразно выгнутые наружу венчики высотой не менее 6 см, а толщина стенок — от 0,6 см до 0,9 см. Диаметр устья этих мисок варьируется в пределах 12–32 см. По форме среза венчиков выделяются пять подтипов:

1) с закругленным краем;

2) с приостренным краем;

3) с прямоугольным краем;

4) с округлым утолщением;

5) с уступом с внутренней стороны.

Кроме того, в одном случае снаружи под венчиком отмечено ребро и в трех случаях — подтреугольный валик (рис. 139 – III: 3, 4). Незначительное, в сравнении с горшками, число керамических мисок, вероятно, объясняется широким использованием деревянной посуды.

Деревянная посуда

Местные умельцы вырезали и вытачивали из дерева кухонную и хозяйственную утварь: коробочки, пенылы, шкатулки, чаши, черпаки и блюда, цельные и наборные рукоятки ножей и шильев и т. п.

Ложки (14 экз.), за исключением одной, вырезаны из капа (рис. 141 – 2–4, 6). Они относятся к архаичному типу так называемых дорожных ложек, выделенному на новгородских материалах [Колчин, 1971. – С. 44]. Они характеризуются короткой (4–5 см) ручкой и неглубоким (0,5–1,2 см) черпалом линзовидной или каплевидной формы (8,4–8,6×4,7–5,3 см). Соотношение длины ручки и черпала — 1:2 и 2:5. Переход от черпала к ручке — тупоугольный, в его основании — рельефный поясок, уплощенный с двух или четырех сторон. Ось ручки находится чуть выше плоскости черпала и параллельна ей. Дно черпала — уплощенное, носок приподнят над ребрами краев. Толщина стенок черпала — до 0,5 см у дна и около 0,1 см — на ребрах. Ручки в сечении — округлые и овальные (уплощены с боков). На конце одной из ручек вырезан прямой крест. Найдена также одна заготовка подобной ложки, при изготовлении которой ручка обломилась. Одна ложка была вырезана из прямослойного обрезка березы. У нее обломаны край черпала и ручка. Дно уплощенное, черпало глубокое (2,6 см), округлое, стенки тонкие — до 0,4 см.

Дорожная ложка с короткой ручкой найдена при раскопках Пустозерска в слое, датируемом XVIII веком [Ясински, Овсянников, 2003. – С. 137; рис. 25]. На памятниках Западной Сибири подобная ложка найдена в Надымском городке в слое XVII века [Кардаш, И–2003. Т. 1. Кн. 2. – Фото 137 – 2], а в Якутии в слоях середины XVII–XVIII веков Алазейского и Стадухинского острогов — 25 экземпляров [Алексеев, 1996. – С. 34–35; табл. 29–30].

Ковши (6 экз.) вырезаны из прямослойных кусков березы (рис. 140 – 4, 5) и капа (рис. 140 – 1, 2). У них полусферические или полуэллипсоидные глубокие (3,4–4,9 см) черпала; размеры устьев — 8,8×8,8 см, 9,5×9,3 см, 7,5×6,9 см, 10×10 см, 9,7×9,4 см и 8,2×7,6 см. Длина ручек — 9,5–13,2 см. Толщина стенок черпала — 0,5–1,3 см. При раскопках экспедиции ААНИИ было собрано семь ковшей разных форм и размеров [Белов и др., 1981. – С. 27–28]. Найденные нами ковши наиболее близки маленьким ковшикам простой формы без носика из раскопок предшественников [Белов и др., 1981. – Табл. 14 – 1].

Подобные изделия известны по материалам Новгорода из слоев XII–XIII веков [Розенфельдт, 1997б. – С. 46, 281; табл. 35 – 11, 13]. В Западной Сибири глубокие ковшики небольших размеров с короткой ручкой известны по материалам этнографических сборов конца XIX – начала XX веков у ханты [Сибирские реликвии, 2000. – С. 82].

Черпак вырезан из березы, сохранился не полностью: обломаны края черпала (рис. 140 – 3). Ручка сохранилась полностью, ее длина — 13,2 см, в сечении — овал. Ручка прямая, переход в полость черпала — крутой, под прямым углом. Полость глубокая, полукруглая, диаметр устья — около 9,5 см, глубина — 4,6 см. Толщина стенок — 0,6–0,7 см. Общая длина — около 23,4 см.

Деревянная посуда с вырезанными глубокими емкостями (чаши, ковши, ложки) появилась у народов Северо-Западной Сибири после прихода русского населения, так как специальных инструментов — резцов для выборки сферических поверхностей — местное население не знало.

Блюда (4 экз.) сохранились фрагментарно. Два из них — точеные и раскрашенные, явно ремесленного производства, скорее всего, привозные, а два долбленых самодельных — местного изготовления. У последних — плоское дно диаметром около 30 см, отогнутая под тупым углом невысокая (1,5–2,0 см) стенка и широкий горизонтальный бортик (более 3 см). Эти блюда выдолблены грубо, наспех, снизу на дне одного частично сохранилась резная надпись «...юдо» (вероятно, «блюдо») (рис. 175 – 1)

Фрагментарно сохранились долбленая **сельница** — сосуд для просеивания муки вытянутых пропорций, с овальной емкостью для муки и трапециевидными выступами-ручками на узких краях, две точеные **чарки** диаметром около 10 см и высотой 5–6 см.

Корыта долбленые (2 экз.) изготовлены из цельных кусков бревен, имеют прямоугольную форму, полукруглое, чуть уплощенное дно, а с торцов — короткие горизонтальные бортики-выступы шириной 6,0–10,5 см. Длина одного — 99,3 см, ширина — 43 см, высота — 17 см. Толщина стенок — 1,8–3,2 см (рис. 142 – 2).

Длина второго — 82 см, ширина — 27 см, высота — 12 см (рис. 142 – 1). Вероятно, использовались для стирки, так как внутренняя поверхность — гладкая.

Бондарные изделия представлены фрагментами днищ и клёпок от кадок, бочек, шаек, ведер, а также пробками. Всего найдено 14 фрагментов днищ и 19 клёпок. Крупные клёпки (8 целых) высотой 62–80 см и шириной 9–10 см, имеющие по два уторных паза, вероятно, принадлежат бочкам (рис. 143 – 5, 6) и кадке (рис. 143 – 4). На трех клёпках имеются отверстия для пробок, в двух случаях — круглые, в одном — прямоугольное. Одна клёпка принадлежит маленькому бочонку высотой 20,2 см (рис. 143 – 2). Остальные, высотой 26–43 см и шириной 5,0–7,5 см, с одним уторным пазом, — ведрам и шайкам (рис. 143 – 3, 7–10).

Днища сохранились фрагментарно. Крупные, диаметром 46–54 см, принадлежат бочкам и кадкам (рис. 144 – 2, 4, 5), более мелкие, диаметром 26–40 см, — шайкам и ведрам (рис. 144 – 1, 3). На двух днищах бочек — кусочки вара, на одном — резной знак (рис. 144 – 4).

Пробки (6 экз.) цилиндрической формы, с небольшим утолщением с внешней стороны (рис. 143 – 1). Их диаметр 0,7–3,4 см, высота – 3,8–12,6 см.

Берестяная посуда

Берестяная посуда была широко распространена в домашнем обиходе мангазейцев. Она представлена тусами и невысокими коробками.

От *тусов* найдены округлые деревянные (4 экз.) и берестяные (2 экз.) днища, а также крышка. Крышка — диаметром 25 см, имеет дугообразную ручку из прута диаметром около 1 см, концы которого пропущены через отверстия в крышке и заклинены снизу через отверстия круглым стержнем. Деревянные донца имеют диаметр 8,3–9,7 см и толщину около 1 см (рис. 145 – 1, 2). На наружной плоскости одного — резной знак в виде восьмилучевой звезды, заключенной в окружность (рис. 157 – 3), на другом — буква «М» (рис. 145 – 3). На одном из берестяных днищ был выскоблен орнамент из трех концентрических полос. Найдены также три фрагмента боковин, на одном из которых прорезан шестиконечный крест.

В коллекциях из раскопок экспедиции ААНИИ тоже имеются тусы с подобными крышками и круглыми деревянными донцами [Белов и др., 1981. – С. 26, 103; табл. 11]. Крышки с аналогичной системой крепления ручки хорошо известны по материалам русской этнографии [Воронина, 2001. – С. 388; рис. Г; Чагин, 2002. – С. 70; *Культура русских...*, 1997. – С. 159; табл. XXIX; *Сибирские реликвии*, 2000. – С. 254, 255]. Обращает на себя внимание факт отсутствия цилиндрических тусов с деревянными крышками и донцами в слое XVII века Надымского городка, в котором проживало хантыйское и ненецкое население. Однако в настоящее время хантыйское население знакомо с этим типом посуды [Сибирские реликвии, 2000. – С. 100].

Прямоугольные **коробки** (40 целых и фрагментированных экземпляров) с низкими бортиками (рис. 146 – 1–4). Изготавливались из прямоугольных кусков бересты, в которых по углам делались продольные разрезы (глубина разреза соответствовала высоте будущего бортика), затем края загибались перпендикулярно плоскости пластины, надрезанные язычки заворачивались внутрь образованного объема и пришивались к прилегающим бортикам растительными нитями или тонкими побегами ивы.

По размерам коробки делятся на три группы:

- малые (размеры дна — 10–13×4–10 см; высота бортиков — 1,6–2,2 см) — 18 экз.;
- средние (размеры дна — 14,3–16,2×11,6–13,0 см; высота бортиков — 47 см) — 3 экз.;
- крупные (размеры дна — 17–27×15–18 см; высота бортиков — 6–8 см) — 19 экз.

Большие коробки видимо служили блюдами; малые, вероятно, солонками.

«**Крашенина травчатая**». Оригинальной разновидностью берестяных изделий, аналоги которым ни в археологических, ни в этнографических материалах пока не известны, являются обкладки (для тусов и коробок?), украшенные способом набойки: «травчатый» (растительный) орнамент набивался киянкой по деревянным трафаретам, на которых рельефный орнамент предварительно покрывался черной краской (рис. 147 – 1, 2; 148 – 1–4). В результате на светлом естественном фоне отпечатывались рельефно и в цвете

единообразные композиции узоров. При каждом накладывании трафарета (ориентировочные размеры — около 10×10 см) происходило небольшое смещение или перекрывание орнаментированных зон, что хорошо заметно на некоторых экземплярах. Всего в коллекции представлен 41 фрагмент набойчатой бересты, из них лишь два сохранились на всю ширину — около 15–18 см. На последних вдоль краев отмечены отверстия от мелких гвоздиков, которыми они крепились к деревянной основе. Известно, что деревянные трафареты, применялись обычно в ремесленных мастерских-красильнях для набивки орнамента на тканях [Власова, 2001. — С. 305, рис. 2 – д].

Судя по встреченным мотивам, у мангазейских набойщиков было не менее 15 набивных досочек с различными растительными орнаментами. Тонкость резьбы и разнообразие мотивов могут свидетельствовать об их профессиональном изготовлении.

КУХОННЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Крюк очажный (рис. 149 – 1), вырезанный из ствола березки, представляет собой уплощенный стержень длиной 47,5 см, на одном конце которого имеется цилиндрическое утолщение диаметром около 2,5 см и длиной 3,2 см и прямоугольное (1,9×1,5 см) отверстие под ним, на другом конце оставлен собственно крюк — обрезанный сучок длиной 10 см. На сучке сохранилась береста.

Дужка котла железная — изогнутая пластина с приостренным загнутым концом. Другой конец обломан. Ширина — 1,0–1,4 см, толщина — 0,35–0,60 см. Длина сохранившейся части — 30 см, высота дуги — 6 см. Длина загнутой петли — 3,2 см, ширина проема — 1,1 см.

Мутовки — инструменты для взбивания сливок и замешивания жидкого теста представлены пятью экземплярами двух типов.

Тип 1 — цельная мутовка, изготовленная из обрезка ствола елочки, в нижней части которого были оставлены шесть сучков с закругленными концами (длина этих лопастей — 4,2–4,4 см). Длина изделия — 42 см (рис. 149 – 4);

Тип 2 — составные мутовки. Представлены фрагментами четырех изделий. Две взаимоперпендикулярные дуговидные пластины-лопасти вставлялись в перекрестные продольные пазы, вырезанные в одном из концов ручки (рис. 149 – 2, 3).

Две составные мутовки имеются в материалах экспедиции ААНИИ [Белов и др., 1981. — С. 27–29; табл. 16]. Два экземпляра найдены при раскопках Алазейского острога [Алексеев, 1996. — С. 34, табл. 28 – 1–2]. Подобную утварь нередко находят в слоях древнерусских городов [Хорошев, 1997а. — С. 13–14; табл. 4 – 6; Розенфельдт, 1997б. — С. 45–46].

Простейшие мутовки типа 1 известны из раскопок в Новгороде [Колчин, 1968. — Табл. 75]. У русского старожильческого населения Западной Сибири они сохранились до XX века [Томилов, 2001. — С. 39–40; *Культура русских...*, 1997. — С. 165; табл. XXXV – 5].

Весёлки (46 экз.) кухонные, служившие для замешивания теста. Представляют собой узкие с длинной ручкой и узкой лопастью (длина — 22–34 см, длина лопасти — 7–9 см, ширина — 1,9–2,8 см, толщина — 0,4–0,5 см, на конце — 0,10–0,25 см) (рис. 150 – 1, 2, 5).

Лопатки кухонные (7 экз.), использовались, очевидно, при жарке пищи (рис. 150 – 3, 4).

Доски разделочные (16 экз.) — лопатки с широкой массивной подпрямоугольной или овальной лопастью (3,9–5,0×6,9–13,0×0,5–0,8 см) и короткой клиновидной уплощенной ручкой; общая длина — 15,8–23,2 см. Иногда на ручке встречаются отверстия для подвешивания прямоугольной формы (рис. 150 – 6, 7).

Фрагмент большого **совка** длиной 40,5 см. Сохранилась ручка длиной 20,2 см, диаметром 3,1 см и узкий фрагмент лопасти. Плоскость лопасти скошена под углом 24° по отношению к ручке. Полость совка имела длину около 16,5 см и глубину не менее 2,4 см. Подобный совок, но несколько меньших размеров имеется в коллекции экспедиции ААНИИ [Белов и др., 1981. — С. 30; табл. 20 – 2]. Такие совки, употреблявшиеся для

черпания зерна, муки и прочих сыпучих продуктов, известны в материалах древнерусских памятников [Хорошев, 1997а. – С. 13; табл. 4 – 8].

Ножи для чистки рыбы (95 экз.). Встречены на городище впервые. Несмотря на простую форму, они образуют четыре группы, различающиеся конфигурацией:

- 1) простые «пластинчатые». Изготовлены из широких (до 4,6 см) прямоугольных тонких (до 0,4–0,6 см в обушке) пластин путем минимальной подработки — косой срез одного из краев становился после «затачивания» лезвием длиной 5–7 см (рис. 152 – 1);
- 2) пластинчатые с выступающим снизу треугольным «клинком»; спинка прямая (рис. 152 – 3–6);
- 3) с прямой спинкой, общей для клинка и ручки, с выступающим дуговидным лезвием, узким прямым клинком, плавно закругленным на переходе к ручке и концу клинка (рис. 152 – 2; 153 – 1–3);
- 4) с тупоугольной коленчатой спинкой клинка, лезвия — длинные узкие, прямые или широкие дуговидные (рис. 153 – 4–6).

На концах ручек иногда встречаются округлые отверстия для подвешивания. Преобладает правосторонняя «заточка» лезвий, реже встречается левосторонняя и, как исключение, — двусторонняя. Наиболее распространенными вариантами являются ножи групп 2 и 3. Примечательно, что при раскопках Надымского городка (памятника аборигенного населения Севера Западной Сибири) все ножи для чистки рыбы изготавливались исключительно из лопатки северного оленя и имели отличную от мангазейских ножей форму [Кардаш, И-2002. Т. I. Кн. 2. – Фото 128 – 7, 8, 9; И-2003. Т. I. – С. 54]. При раскопках Мангазеи костяные ножи для чистки рыбы не найдены, что позволяет считать деревянные ножи русским инструментом.

ПРЕДМЕТЫ ИНТЕРЬЕРА И ДОМАШНЕГО ОБИХОДА

Светцы (2 экз.) представляют собой длинные, четырехгранные, плавно заостренные штыри, верхние утолщенные концы которых увенчаны двумя-тремя плоскими «пружинами» для крепления лучин. Найденные экземпляры представляют два типа.

Тип 1 — светец с двумя боковыми стержнями, которые разогнуты, образуя лирообразную фигуру, их концы свернуты в кольца отогнутые наружу (рис. 154 – 2). В основании «пружин» — отверстие. Конец основания светца, которым он крепился в деревянную подставку, имеет форму спиралевидного бурава. Длина — 15,6 см, ширина граней штыря у основания — 1,4 см и 1,5 см.

Тип 2 — светец с тремя «пружинами», крайние отогнуты наружу, а центральная — прямая, соосная со штырем. Длина — 15,6–21,1 см. Ширина граней штыря в основании — 1,7–1,9 см (рис. 154 – 1).

Светцы известны по раскопках средневековых русских памятников с XIII века, а по некоторым данным — с XI века [Розенфельдт, 1997а. – С. 12]. При раскопках Мангазеи в 1968–1970, 1973 годах было найдено семь экземпляров с двумя и тремя пружинами, из них шесть — близки светцам 1-го и 2-го типов, найденным нами [Белов и др., 1991. – Табл. 7 – 1–6]. Кроме того, в коллекции раскопок ААНИИ имеется светец 3-го типа, у которого концы пружин (их четыре) не загнуты фигурно, а сами пружины находятся в разных плоскостях, их концы расположены четырехугольником [Белов и др., 1991. – Табл. 7 – 7]. Подобные светцы в Западной Сибири найдены на поселении XVII–XVIII веков Изюк I [Зиняков, 2005. – С. 283; рис. 1 – 2064; 2 – 2061]. Вариант с прямыми пружинами и с буровом на конце в Сибири использовался русскими и в конце XIX века [Культура русских в коллекциях..., 1997. – С. 114, 115; табл. XXXIII – 5, 6]. Светцы, аналогичные мангазейским 2-го типа с тремя фигурными пружинами, известны по материалам раскопок Холмогорских посадов XVII века [Ясински, Овсянников, 1998. – С. 28; рис. 16]. Сложный светец, сочетавший в себе функции светца и подсвечника, был обнаружен в Верхотурье при раскопках усадьбы XVII века [Корчагин, 1998. – С. 73; рис. 2 – 7].

Сундуки, привозившиеся в Мангазею в качестве товаров и тары, в новой коллекции представлены отдельными деталями — железными замочными личинами, ручками и нутряным замком. Судя по монографии М. И. Белова и его коллег, такие детали ранее на памятнике не встречались.

Ручки сундучные (3 экз.) представляют собой дугообразно изогнутые стержни с загнутыми под тупым углом к его плоскости петлеобразными концами диаметром 0,5–0,8 см (рис. 154 – 9). Диаметр стержней —

0,6–0,8 см. Длина ручек — 7,0–9,5 см. Идентичная ручка происходит с поселения Изюк I XVII–XVIII веков [Зиняков, 2005. – С. 277; рис. 2 – 2160].

Личины замочные с узкими прорезями для ключа (5 экз.) представляют собой пластины (толщина 0,13–0,17 см) в форме трапеции, боковые ребра которых вогнуты (рис. 154 – 3, 4, 10; 155 – 2). Лицевая сторона одной из них покрыта орнаментом из напаянных шариков диаметром 0,3 см (три из них образуют в центре фигуру в виде равнобедренного треугольника, обращенного вершиной вниз, остальные пять — вытянуты в линию вдоль нижнего края) и пуансонным декором (двойная волна — вдоль верхнего края и одинарная — вдоль нижнего, по четыре «луча» вниз от двух верхних напаянных шариков).

Накладка на петлю сундучного замка имеет сложную форму и состоит из трех зон (рис. 155 – 4). Верхняя имеет форму полуовала с чуть выгнутым и уплощенным верхним краем, под которым расположено горизонтальное прямоугольное (1,5×0,5 см) отверстие, в которое продета пластина шириной 0,7 см. Плавным утолщенным переходом с желобком (0,7×0,5×0,2 см) в центре лицевой поверхности верхняя зона соединяется со средней, которая представляет собой окружность (диаметром 2,9 см) с вертикальным прямоугольным (1,8×0,5 см) отверстием по центру. Нижняя зона имеет вытянутую трапециевидную форму длиной 7 см и шириной 1,35 см в верхней зауженной части и 3 см — в нижней. Широкий конец трапеции загнут на лицевую сторону накладки, образуя скругленное (диаметром 0,35 см) утолщение. По всей лицевой поверхности накладки нанесен точечный орнамент. Кроме того, вдоль боковых граней нижней зоны нанесена двойная линия зигзага. Помимо этого, в средней зоне, с обеих сторон от вертикальной прорези и внизу нижней зоны вертикально, друг над другом, имеются выпуклые полусферы высотой около 0,1–0,2 см и диаметром 0,5–0,7 см.

Замок сундучный нутряной (1 экз.) представляет собой тонкую (0,1 см) пластину в форме высокой трапеции, узкий конец которой загнут под прямым углом на 0,9 см. Загнутый конец сохранился наполовину: в месте слома частично сохранился проем для ключа. К внутренней плоскости пластины прикреплена пластинчатая пружина в виде буквы «V» со скобкой. Внутренний проем скобы — подпрямоугольный (1,9–2,2×0,8 см), ширина скобы — 0,7 см (рис. 156 – 5).

Такие замки появились в Древней Руси в IX–X веках, и со временем их конструкция изменялась. Мангазейский экземпляр конструктивно близок к нутряным замкам третьего типа — цельнометаллическим [Хорошев, 1997а. – С. 16; табл. 7 – 38].

В коллекции из раскопок экспедиции ААНИИ имелись «замки различных размеров» [Белов и др., 1980. – С. 41, 71], но они остались неопубликованными.

Замки навесные (5 экз.) сохранились фрагментарно. Один из них имеет шаровидное полое тулово, состоящее из двух половинок — полусферической крышки с грушевидным проемом для ключа и основы со штифтом для ключа в центре и прямоугольной планкой с двумя парами ушек с отверстиями для дужки (рис. 156 – 1). Дужка утрачена. Диаметр тулова — 4,95 см, толщина стенок — 0,25 см. Размеры прямоугольного в сечении штифта для втульчатого ключа — 4,15×0,60×0,55 см. Длина планки — 6,1 см, высота ушек — 1,4 см. Ширина проема между парными ушками — 1,8 см.

От второго замка сохранился корпус (3,6×2,3×2,0 см) в виде горизонтально расположенного цилиндра с плоским срезом верхней части, где с торцов имеются цельнокованные подтреугольные дужки высотой 1,8 см. С боков цилиндра находятся продольные прямоугольные валики шириной 0,4 см и толщиной 0,2 см. Узкие (0,25 см) валики опоясывают ребра дужек. В нижней части боковой поверхности цилиндра, под валиком, проходят по пять вертикальных прямоугольных канавок. Снизу к цилиндру наварена продольная вертикальная пластина (толщина — 0,25 см, длина — 5 см, ширина — 0,5–1,2 см) с подпрямоугольными выступами внизу на торцах. В донце цилиндра — три прямоугольные (0,7×0,6 см) прорези для ключа, расположенные треугольником.

Аналогичной формы замки (без нижней пластины), по типологии Б. А. Колчина, относятся к типу Е, распространенному в Новгороде с конца XIV по XVI век.

Остальные замки представлены двумя дужками (рис. 156 – 3) и половиной цилиндрического замка. От последнего сохранилась верхняя часть корпуса каплевидной в поперечнике формы с четырьмя стержнями, к которым припаяны пластинчатые пружины (рис. 156 – 2). Подобные замки, по классификации Б. А. Колчина, относятся к типу Е, бытовавшему в XV–XVI веках [Хорошев, 1997а. – С. 15; табл. 6 – 21–22].

Аналоги этому замку имеются и в материалах раскопок стоянки экспедиции В. Баренца (1596–1597 гг.) на архипелаге Новая Земля [Старков, Державин, 2003. – С. 166; табл. XX – 2], а также городища Халезец XVI–XVII веков на реке Юг Вологодской области [Никитин, 1965. – С. 141].

Ключи из новой коллекции представлены 11 экземплярами. Среди них выделяется два типа.

Тип 1 — с трубчатым стержнем с петлеобразной ручкой — 10 экз. (рис. 155 – 5–6, 8–10).

Тип 2 — с пластинчатым стержнем и узкой бородкой — 1 экз. (рис. 155 – 7).

У ключей 1-го типа в основании петель — рельефные пояски. Проемы ручек различны: встречаются овальные, подтреугольные, дугообразные. У некоторых ключей сохранились бородки двух вариантов — узкие длинные (рис. 155 – 6, 8) и широкие короткие (рис. 155 – 9, 10). Длина ключей варьируется от 4,60 до 8,25 см. Один ключик миниатюрный: длина стержня — 2,3 см, диаметр — 0,3 см. Все найденные ключи (целые экземпляры) — от навесных замков.

Ключ 2-го типа представляет собой узкий (0,2×0,4 см) стержень длиной 7,2 см, с округлой петлей на одном конце и прямоугольной бородкой (0,4×0,8 см), расположенной чуть выше переднего конца.

Ключи 1-го типа встречены в Стадухинском остроге [Алексеев, 1996. – Табл. 30 – 2–3]. Аналогии ключу 2-го типа неизвестны.

В монографии М. И. Белова и его коллег о находках ключей не сообщается.

Кресала в материалах новых раскопок представлены шестью экземплярами двух типов: пластинчатыми двулезвийными (2 экз.) и калачевидными однолезвийными (4 экз.). В раскопах 1968–1970, 1973 годов были найдены два кресала обоих типов [Белов и др., 1981. – С. 83].

Пластинчатые двулезвийные кресала представляют собой пластины подпрямоугольной в плане формы: длинные ребра чуть выгнуты, края прямые, уплощенные (рис. 156 – 7–9). Размеры: 6,65×3,10–3,70 см и 6,30×2,00–2,25 см.

На русских памятниках Сибири пластинчатые двулезвийные кресала найдены в Лозьвинском городке, существовавшем с 1589 по 1598 год [Пархимович, И–1982. – Рис. 12 – 1, 3], на стоянке промысловиков, потерпевших кораблекрушение в начале XVII века на восточном побережье Таймыра [Долгих, 1951. – С. 189; табл. X – 12]. Кроме того, они обнаружены на памятниках аборигенного населения: на городище Эмдер в северо-таежном Приобье в слоях XV–XVI веков [Зыков, Кокшаров, 2001. – С. 89; рис. 45 – 26], могильнике Перегребное 9 в погребениях XVIII–XIX веков, могильнике Усть-Балык в Юганском Приобье в погребении XIX века [Семенова, 2001. – С. 97; рис. 21 – 4].

Калачевидные кресала различаются в размерах и деталях, что позволяет выделить два типа.

Тип 1 (рис. 156 – 6) — с разомкнутыми концами, петлеобразно загнутыми наружу, и длинным, низким (0,2 см) трапециевидным язычком на верхнем (внутреннем) срезе пластины-бойка. Толщина пластины — 0,3–0,4 см, центральная часть с язычком в поперечном сечении имеет форму клинка, зауженного вверх до 0,1 см;

Тип 2 — с вогнутыми внутрь сомкнутыми петлеобразными концами и высоким узким язычком дугообразной в плане формы. В петлеобразных концах — округлые проемы диаметром 0,45 см. Язычок клинообразно приострен, его длина в основании — 2 см, высота — 0,65 см. Внутренний проем — восьмеркообразной формы. Толщина пластины — 0,5 см, язычка — 0,05–0,30 см. В раскопах 1968–1970 и 1973 годов было обнаружено калачевидное кресало с загнутыми наружу концами, как у кресала 1-го типа, но сомкнутыми, как у кресала 2-го типа. В отличие от найденных нами, это кресало не имело язычка [Белов и др., 1981. – С. 138; табл. 69 – 7].

Калачевидные кресала широко известны по памятникам русского средневековья в слоях X–XII веков и были распространены в Новгороде до середины XIII века [Колчин, 1959. – С. 101; 1982. – Рис. 4]. Однако в Сибири и в Арктике калачевидные кресала встречаются на памятниках и более позднего времени, например, в аборигенном городке Эмдер в слоях XV–XVI веков [Зыков, Кокшаров, 2001. – С. 106–107; рис. 36 – 15, 19, 22], врусском Алазейском остроге, датируемом второй половиной XVII – первой половиной XVIII веков. [Алексеев, 1996. – С. 40; рис. 36 – 1], в Верхотурье (раскоп II, слой XVII–XVIII вв.) [Святлов, Старков, Чауркин, 1998. – С. 154, 155; рис. 7 – 5]. Кресало, близкое первому типу, найдено на поселении русских поморов XVI–XVII веков на архипелаге Шпицберген [Завьялов, 1990. – С. 150; рис. 5 – 7], а близкое второму типу — в погребении могильника Пам-Пухол-халас недалеко от Салехарда, датируемом XIX веком (!) [Мурашко, Кренке, 2001. – С. 91; рис. 101 – 2].

Крышки коробок (4 экз.): три прямоугольные (12,2–21×10,6–11×3,4–3,8 см) от коробок (рис. 157 – 1; 158 – 1, 2) и одна овальная в плане размерами 3,3×11,7–10,6 см от туеса (рис. 157 – 2). Верхняя часть прямоугольных крышек — плоская, покатая к краям, в виде усеченной плоской пирамиды с четырьмя боковыми гранями. В нижней части — прямоугольные выступы высотой 1,2–2,4 см. У круглой крышки высота выступа — 1,7 см. Все крышки вырезаны грубовато.

Ручки разновесов (3 экз.). Одна представляет собой узкую пластину с плавно выгнутыми ребрами, верхний конец имеет клиновидную форму с треугольным в плане выступом, в нижней части на ребрах — тупоугольные уступы и продольный цилиндрический стержень диаметром 0,5 см и длиной 2,5 см, на конце которого — поперечная втулка со штифтом, с помощью которого закреплена подвижная пластинчатая стремявидная петля (рис. 159 – 2). Длина петли — 2,2 см, ширина — до 1,3 см. Ширина пластины, из которой изготовлена петля — 0,3 см, толщина — 0,1 см. Длина — 14,3 см, толщина в центральной части — 0,5 см. На широкой плоскости ручки — узкая продольная прорезь шириной 0,35 см и длиной 4,2 см.

Две другие ручки имеют несколько иную — фигурную форму: вытянутая рамка из четырехгранного 0,60×0,35 см прута с небольшим плоским выступом в верхней части плавно сужается книзу. В нижней части ручки имеют форму фигурного стержня с поперечным отверстием, в котором на шарнире закреплена маленькая обойма с двумя обломанными петлями (рис. 159 – 1). Длина одной ручки — 15,5 см, ширина — 1,6 см сверху и 0,4 см внизу; у второй длина — 10,5 см, ширина — 0,35–1,85 см.

Гирьки (2 экз.) имеют шаровидные тулова с низкой дужкой (в сечении — прямоугольник размерами 4–5×4–5 см). В основании дужки — прямоугольные выступы: у одной — шириной 0,7 см, длиной 0,3 см и толщиной 0,3 см, у другой — 0,6×0,2×0,2 см. В нижней части дужки с лицевой и обратной сторон — прямоугольные утолщения (рис. 159 – 3, 4).

КАНЦЕЛЯРСКИЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Чернильницы (3 экз.). Две из них — керамические, представлены фрагментами стенки и донца, одна — бронзовая. Донце диаметром 3,5 см и толщиной 0,5 см имеет белесую ангобированную поверхность. Фрагмент стенки толщиной 0,35 см покрыт голубой и темно-зеленой поливой. Бронзовая чернильница имеет эллипсоидное тулово, раздутое в нижней трети, резко отогнутый венчик, короткую шейку и невысокий (0,5 см) поддон (рис. 160 – 1). Высота чернильницы — 3,6 см, диаметр тулова — 4,4–4,5 см. Внешний диаметр по венчику — 2,8 см, отверстие диаметром 1,15 см окружено плоским бортиком («непроливайка»). Под венчиком сбоку по диаметральной оси имеются два круглых отверстия для подвешивания диаметром 0,4 см. На дне (диаметром 3,4 см) в нижней части тулова — по одному отверстию с рваными краями. Поддон припаян. Поверхность украшена литым рельефным орнаментом: в верхней трети изделие опоясано двумя уступчатыми желобами. В нижней части тулова — наклонные желобки, создающие псевдовитой узор.

Пеналы использовавшиеся для хранения мелких вещей, имели форму небольших параллелепипедов (размеры — 9,4–12,2×5,5–6,0 см), с прорезями для задвигающейся крышки на боковых стенках. Глубина емкости — 1,7–4,2 см, толщина стенок — 0,6–1,0 см, дна — 0,2–1,0 см (рис. 160 – 2–4).

Футляры для печатей (24 экз.) изготовлены из обрезков веток диаметром 1,5–3,2 см, расколотых повдоль; с внешней стороны у коротких концов — поперечные канавки; на плоской стороне — овальная или прямоугольная выемка для печати (рис. 160 – 5–7). Длина — 2,3–7,1 см.

4.13. ПРЕДМЕТЫ ГИГИЕНЫ

Предметы личной гигиены представлены **гребнями**. Из раскопок 1968–1970 и 1973 годов происходят 13 двусторонних гребней прямоугольной и трапециевидной формы, выполненные из бивня мамонта или рога [Белов и др., 1981. – С. 41–42; рис. 7; табл. 42].

В новой коллекции — 38 гребней. Все, кроме одного медного, изготовлены из бивня мамонта. Составные гребни и гребни с накладками отсутствуют. Костяные гребни выполнены из монолитных пластин толщиной 0,3–0,4 см. Выделяются два типа.

Тип 1 — двусторонние гребни (35 экз.): с одной стороны имеют узкие зубья, с другой — более широкие. Украшения отсутствуют. По форме пластины двусторонние гребни подразделяются на два подтипа: подтип 1 — гребни прямоугольной формы (рис. 161 – 1–6, 10) и подтип 2 — трапециевидные (рис. 161 – 7, 9). На одном экземпляре боковые грани слегка вогнуты.

Подобные гребни найдены при раскопках аборигенного Надымского городка в слоях XVII века [Кардаш, И–2003а. Т. 1. – С. 41; фото 89; И–2003. Т. 1. Кн. 1. – С. 51; Кн. 2. – Фото 169]. Среди находок на стоянках русских мореходов в заливе Симса и на острове Фаддея имеются четыре гребня, из которых три — прямоугольные, а один имеет вогнутые боковые грани. Двусторонние трапециевидные гребни известны со стоянок поморов на архипелаге Шпицберген [Ясински, Овсянников, 2003. – С. 41; рис. 35], из раскопок в Архангельске [Ясински, Овсянников, 1998. Т. II. – С. 82, 83, 84; рис. 19, 20, 21]. При раскопках Пустозерска в слоях XVII века найден двусторонний широкий гребень с накладными пластинами посередине [Ясински, Овсянников, 2003. – С. 131; рис. 19].

А. Р. Артемьевым отмечено, что большинство разновидностей двусторонних гребней (по классификации Б. А. Колчина), найденных при раскопках русских поселений Сибири XVII–XVIII веков, в Европейской Руси вышли из употребления уже в XIII веке [Артемьев, 2005. – С. 260–261]. Очевидно, хронологическая типология гребней (и не только их), разработанная, в основном, по материалам Новгорода, не вполне адекватно отражает реальную картину. Вряд ли исчезнувшие в конце XIII века формы могли возродиться в Сибири в XVII веке. Вероятно, они бытовали на Руси и в XIV–XVI веках (на периферии, до сих пор неисследованной), перекочевав за Урал с волнами первых русских переселенцев, преимущественно поморов. Двусторонние гребни русского производства прямоугольной и трапециевидной формы из рога обнаружены в погребениях XIX века на кладбищах Юмбар, Халай Воде-нял и на кладбище Похронхоевских юрт близ Салехарда [Мурашко, Кренке, 2001. – С. 47; рис. 97 – 2, 4, 5, 6]. Известно, что в XIX веке в Тюменском округе Тобольской губернии существовало ремесленное производство гребней из рога и меди [Скалозубов, 1895. – С. 29]. Вполне вероятно, что ремесленники могли использовать для образцов архаичные формы гребней.

Тип 2 — односторонние гребни (4 экз. — три костяных и один медный): имеют зубья только с одной стороны. Спинки увенчаны двумя стилизованными головами коньков (рис. 161 – 8, 11–13), обращенными в разные стороны, выполненными пропиленной резьбой. Обе стороны спинок покрыты циркульным узором. Размеры гребней — 4,5×4,0×0,2 и 2,50×2,80×0,25 см.

Облик таких гребней очень архаичен: аналогичные мотивы встречаются на новгородских гребнях XII–XIV веков [Рыбина, Розенфельдт, 1997. – С. 21–22; табл. 13]. В Сибири гребни таких форм сохранились вплоть до конца XIX века. Изображение конских голов имеется на одностороннем медном гребне XIX века из могильника Халас-Пугор близ Салехарда. По мнению О. А. Мурашко и Н. А. Кренке, такие гребни русские косторезы изготавливали как амулеты, специально для торговли с аборигенным населением, используя «древние языческие образцы» [Мурашко, Кренке, 2001. – С. 47; рис. 97 – 1].

Валёк представляет собой массивный брусок толщиной 1,6–3,0 см с прямой спинкой и слегка выгнутым брюшком, на одном конце которого косыми срезами на ребрах оформлена овальная в сечении ручка длиной 10,1 см. Длина валька — 43 см. Этот инструмент использовался для выколачивания белья и одежды, при полоскании или для катания его на скалке. Аналогичные плоские вальки известны по древнерусским памятникам [Хорошев, 1997а. – С. 13].

4.14. ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ИГР

В пределах раскопанной нами площади принадлежности популярных игр — шахматные фигурки, фрагменты шахматных досок, кубики и фишки — были распределены неравномерно. Лидирует постройка № 2; при этом почти все находки сосредоточены в жилой части избы, в дальней половине от входа, вдоль стен. Много деталей игр найдено в постройках № 1а и 5, несколько находок сделаны в постройке № 3

и ни одной — внутри «кочевой» постройки и в сенях. Вне построек такие находки сосредоточены, в основном, вокруг постройки № 2.

ШАХМАТЫ

Всего в Мангазее за все годы раскопок (1968–1970 и 1973; 2000–2004) собраны 261 шахматная фигурка и восемь «шахматниц» — шахматных досок. На сегодняшний день это одна из самых больших археологических коллекций, превышающая собранную в Новгороде в слоях XIII–XV веков.

ШАХМАТНЫЕ ФИГУРЫ

Из 181 фигуры, найденной при новых раскопках, 12 — костяных и 169 — деревянных. Кроме того, в новых раскопах были обнаружены четыре фрагмента резных шахматных досок. Полная характеристика типологического разнообразия всего комплекса пока затруднена, так как из 80 фигур из раскопок 1968–1970 и 1973 годов опубликовано лишь около половины. Тем не менее, формально-типологический анализ новой коллекции позволил выделить присущие ей типы и варианты форм, выяснить их принадлежность к тому или иному рангу шахматного «войска» и, в итоге, выявить отличительные черты финального этапа эволюции древнерусских шахматных форм.

Прежде всего, следует отметить подавляющее преобладание фигур-самоделок, вырезанных на скорую руку, «для себя», над высококачественной токарной продукцией ремесленного производства, привезенной в Мангазею среди прочих товаров: последние представлены 44 костяными и приблизительно 30 деревянными. Примечательно, что в новой мангазейской коллекции имеются лишь 12 костяных и три деревянные фигуры, выточенные на токарном станке (рис. 162 – 1–8; 164 – 5–9, 12). Таким образом, прежний вывод О. В. Овсянникова, повторенный известным специалистом И. М. Линдером, о том, что лишь около 30 процентов мангазейских фигур вырезаны вручную [Линдер, 1975], не подтверждается новыми материалами: токарные фигурки из дерева и кости составляют около 9 процентов от всего набора, а деревянные — около 2 процентов. Отражает ли такое соотношение привозных токарных (если среди них не было экземпляров, изготовленных местными токарями) и местных самодельных фигур реальную ситуацию того времени — неясно, так как культурный слой полностью исследован лишь в раскопе 2001–2004 годов. и, возможно, в раскопах 1969–1970 годов на территории кремля.

Заслуживает внимания чрезвычайно высокая концентрация фигур и шахматных досок на мангазейском посаде: в раскопе 2001–2004 годов они найдены на площади 259 кв. м (в основном, под полом трех построек). Таким образом, одна фигурка приходится не более чем на 1,4 кв. м. Фактически плотность их залегания здесь была еще выше, так как верхняя часть слоя была выбрана предыдущими раскопками. Для сравнения: средняя плотность по всем раскопам экспедиции ААНИИ — одна фигурка на 1900 кв. м.

Большинство фигурок из коллекции 1968–1970 и 1973 годов были найдены в кремле: на воеводском дворе — девять костяных, в съезжей избе — десять костяных и 23 деревянные. В посадской части города фигурки найдены: в раскопе № 1, на месте предполагаемого гостиного двора — две костяные и значительная часть деревянных, число которых в публикациях, к сожалению, не указано; в раскопе № 8 — одна (?) деревянная фигурка. Шахматные доски (4 экз.) были обнаружены в кремле и на предполагаемом месте таможни, в том числе одна — в раскопе № 22, на месте раскопок 2001–2004 годов, откуда впоследствии наша экспедиция получила новую коллекцию из 181 фигуры и еще четыре фрагмента разных «шахматниц».

Авторы раскопок 1968–1970 и 1973 годов подробно описали и атрибутировали лишь 18 костяных (короли, ферзи, ладьи, кони) и семь деревянных (короли или ферзи и ладьи) фигур. Остальные фигуры, по их мнению, не поддавались атрибуции из-за их чрезвычайно разнообразных и оригинальных форм. Среди атрибутированных фигур встречены экземпляры как архаического (XII–XV вв.) облика, так и новых модификаций.

По типологии древнерусских шахматных фигур, разработанной И. М. Линдером [1975. – С. 161–169], в мангазейской коллекции из раскопок 1968–1970, 1973 годов представлены три модификации абстрактно-геометрических форм: 1) с восточной символикой (ладья, конь и, возможно, король); 2) московская, для которой характерны многоярусность и шаровидность тулова и наверхия; 3) традиционного древнерусского типа XVI–XVII веков, характеризующегося многоярусным чередованием цилиндрических и усеченно-конических объемов.

Примечательно, что архаичные фигуры с восточной символикой в других русских коллекциях XVI–XVII веков до сих пор не встречены. Это обстоятельство И. М. Линдер объяснил присутствием в Мангазее выходцев из Новгорода, где, по его мнению, подобные формы могли еще бытовать (отметим однако, что наиболее поздние новгородские экземпляры датируются серединой XV в.). Этот исследователь отметил, что в мангазейских фигурках, выполненных на токарном станке или вырезанных по их подобию вручную, проявились тенденции к упрощению конфигурации и унификации форм (как будет показано ниже, этот вывод не подтверждается новыми материалами: ситуация оказалась диаметрально противоположной). Кроме того, И. М. Линдер обратил внимание на присутствие форм, сочетающих признаки двух модификаций — традиционной древнерусской и московской. Характеризуя фигуры-самоделки, вырезанные вручную, он ограничился лишь замечанием о том, что они, демонстрируя знакомство любителей с традициями древнерусской абстракции, представляют собой своеобразные их интерпретации, в которых фантазия изготовителей определяла довольно разнообразные сочетания [Линдер, 1975. — С. 167–168].

Многочисленность новой мангазейской коллекции шахматных фигур, их компактное залегание и хорошая сохранность обуславливают достаточную объективность выводов относительно их морфологических и параметрических характеристик, атрибуции, а также распространенности игры в шахматы и ее значения в жизни мангазейцев.

По размерам мы выделили, согласно градации И. М. Линдера, три условные группы.

Группа 1 — миниатюрные (115 деревянных и десять костяных) — высота от 1,2 до 2,3 см; диаметр оснований цилиндрических фигур — 0,5–1,0 см, размеры прямоугольных оснований ладей — от 1,2×0,4 см до 1,5×2,2 см;

Группа 2 — средней величины (49 деревянных и две костяные) — высота от 3,2 до 3,7 см, диаметр оснований — 0,9–1,7 см;

Группа 3 — большие (деревянные, четыре целые и один фрагмент) — высота от 4,0 до 5,3 см, диаметр оснований — от 1,8 см до 3,0 см.

Таким образом, вполне очевидно, что заметное преобладание миниатюрных фигурок (около 68% от общего числа, 70% среди деревянных и 83% среди костяных). Фигуры средней величины составляют 28 процентов от общего числа, среди деревянных — 23, среди костяных — 17 процентов. Большие фигуры встречены только среди деревянных (7%). Морфологический анализ новой мангазейской коллекции позволил существенно расширить характеристику разнообразных типов и вариантов форм фигур, особенно деревянных самоделок.

Примечательно, что в Мангазее, судя по формам, среди миниатюрных встречаются фигуры различных рангов, в то время как в синхронных и более ранних комплексах к ним относятся, как правило, пешки и традиционно приземистые ладьи. Большие фигуры (высотой 4–5 см) в древнерусских шахматах всегда были исключением.

По морфологическим признакам, определенным И. М. Линдером, в новой мангазейской коллекции выделяются две группы — абстрактные геометрические и изобразительные.

Группа абстрактных фигур включает три типа.

Тип 1. Многоярусные стереометрические фигуры, выточенные на токарном станке и вырезанные вручную в подражание им.

Тип 2. Фигуры новгородской модификации восточной символики.

Тип 3. Фигуры оригинальных форм.

Тип 1. Многоярусные стереометрические фигуры (14 экз.), по типологии И. М. Линдера, относятся к московской и традиционной древнерусской модификациям, которые, по мнению И. А. Рыбиной, восходят к западноевропейским образцам [Рыбина, 1997. — С. 114]. Они изготавливались из высоких, округлых в сечении стержней. Характерная черта стиля — многоярусное расположение шаровидных, эллипсоидных и цилиндрических объемов, чередующихся с кольцевыми перехватами и рельефными поясками. Цоколи — цилиндрические и усеченно-конические.

К этому типу отнесены 12 из 13 костяных фигурок (рис. 162 – 2, б): два короля или ферзя, отличающиеся обилием ярусов, перехватов и кольцевых резных линий; две фигуры с лаконичным декором — эллипсоидное тулово с одним воротничком сверху — в одном случае и с воротничками сверху и снизу — в другом (вероятно, пешка и слон) (рис. 162 – 3, 5); фигура коня с характерными поперечными выступами («якорьком») сбоку

на головке (рис. 162 – 4), имеющая полную аналогию в коллекции с острова Фаддея; пять цилиндрических и усеченно-конических деталей составных фигурок (рис. 164 – 5–9), из которых одна — явный цоколь с отверстием для стержня вставки, а остальные, судя по сквозным отверстиям для вставки и стержню-выступу на одной из плоских граней, являются центральными (?) элементами составных конструкций (вероятно, утраченные вставки представляли собой вырезанные вручную изображения коня и ладей).

Из деревянных фигур в подгруппу включены два экземпляра, выточенные на токарном станке (рис. 162 – 1, 8), и 14 экземпляров, вырезанных из отрезков веточек в подражание первым (рис. 162 – 9, 10, 12–15). Для них характерны низкий цилиндрический цоколь, отделенный от тулова глубоким уступом, высокое вытянутое тулово, в оформлении которого использованы усеченно-конические, усеченно-биконические и цилиндрические объемы и кольцевые перехваты, и разнообразные головки — конические, шаровидные с заостренным навершием, цилиндрические, в том числе с резными зубчиками сверху. По общей конфигурации и деталям оформления выделяются восемь вариантов, которые имеют аналоги среди костяных и деревянных фигур, трактуемых исследователями как пешки, слоны, ферзи и короли.

Одна из фигур резко выделяется своей четырехгранностью, хотя по профилировке и пропорциям она идентична другим экземплярам (рис. 162 – 11). В коллекции 1968–1973 гг., судя по описанию, тоже имелась четырехгранная пирамидальная фигура, аналог которой авторы раскопок нашли в коллекции долганских шахмат, опубликованной С. Н. Замятиным [Белов и др., 1981. – С. 45]. Действительно, одна из долганских фигурок [Замятин, 1951. – С. 151; рис. 2 – 3] отдаленно напоминает мангазейский экземпляр, который, однако, в отличие от приземистого долганского, характеризуется вытянутыми пропорциями, изящной высокой шейкой.

Тип 2. Фигуры новгородской модификации восточной символики в новой коллекции представлены 20 экземплярами: одним конем (кость), королем (ферзем?), тремя слонами и 15 ладьями из дерева.

Ладьи новгородской модификации (3 экз.) представляют собой высокие прямоугольные и трапециевидные призмы или усеченные пирамидки с прямоугольным основанием, в верхней части которых имеются разнообразной формы боковые выступы, разделенные полукруглыми или подтреугольными вырезами. В двух случаях выступы украшены сверху тремя зубчиками, в одном на широких боковых плоскостях вырезаны косые кресты (рис. 162 – 17, 18).

Остальные двенадцать фигурок представляют собой еще более упрощенные стилизованные интерпретации прототипа — восточного «руха». Среди них выделяются четыре варианта.

Вариант 1 (2 экз.) — плоские фигурки с прямоугольным основанием и широким дуговидным вырезом сверху, встречаются боковые отростки (рис. 162 – 19, 20).

Вариант 2 (6 экз.) — высокие и низкие цилиндры, на верхних торцах которых косыми срезами оформлено поперечное ребро. В двух случаях ребро — прямое, без дополнительных деталей (рис. 162 – 21), в четырех в нем сделаны дуговидные или трапециевидные вырезы, формирующие приостренные углы (рис. 162 – 22, 23). Подобные фигуры встречены как исключение в Минске и Новгороде, в слоях XII–XIV вв.; по мнению И. М. Линдера, они «напоминают обыкновенную лодку» [Линдер, 1975. – С. 81, 85–86]. На двух экземплярах в центральной части ребра вырезаны еще по два треугольных зубца (рис. 162 – 24, 25). Ладья с подобным гребешком, но на четко выраженном цоколе имеется и в старой мангазейской коллекции [Белов и др. 1981. – С. 145]. Прямые аналогии таким ладьям среди древнерусских шахмат неизвестны, но в скандинавских коллекциях встречен экземпляр с плоским фигурным туловом, увенчанным «гребешком» из восьми зубцов [Линдер, 1975. – С. 88]. Среди новгородских ладей имеется экземпляр восточного облика с плоским «гофрированным» вырезом [Рыбина, 1997. – Табл. 79 – 57]. У одной ладьи в верхней части ребра вырезаны два коротких выступа по бокам и прямоугольный стержень в центре — явное подражание ладьям древнерусского типа, но без перехвата над круглым цоколем (рис. 162 – 26).

Вариант 3 представлен одним экземпляром, изготовленным из прямоугольного в сечении брусочка. У него — восьмигранное тулово и ребристая вершина с пятью зубцами; квадратный цоколь оформлен полукруглыми вырезами на боковых ребрах (рис. 163 – 1).

Вариант 4 представлен двумя стилизованными изображениями корабликов с «рубкой» в центре. Обе фигурки — плоские, вырезаны из тонких планок, цоколи отсутствуют. В одном случае корпус кораблика имеет форму трапеции, увенчанной шестигранным стержнем (рис. 163 – 2), а в другом — нос и корма оформлены длинными прямыми выступами, идущими от основания вверх под острым углом к вертикальной оси, а между

ними находится восьмигранный в сечении стержень (рис. 163 – 3). Внизу ребра кормы и носа косо срезаны до основания.

Фигурки слонов этой подгруппы (3 экз.) изготовлены из прямых обрезков веток и имеют различные конфигурации. Общий признак — скошенный срез вершины, имеющийся у некоторых новгородских слонов, где раздвоенный боковой выступ перекрывает узким «языком» округлую верхнюю площадку. При этом на ребре «языка» встречаются поперечные зубцы. Зубчатая нарезка появляется также на скошенных вершинах боковых выступов некоторых новгородских коней, но у них зубцы не заходят на верхнюю площадку цилиндра.

Один из слонов имеет форму высокого усеченного конуса с плавным выступом вверху, а на скошенной площадке вырезан прямой крест, один конец которого разделяет выступ на два дуговидных «ушка», характерных для слонов новгородской модификации (рис. 163 – 4).

У двух других слонов скошенный конец оформлен в виде ребра с помощью двух боковых срезов. В одном случае ребро гладкое (у этой фигурки выделены цилиндрические цоколь и головка) (рис. 163 – 5), в другом — на ребре вырезаны четыре зубца (рис. 163 – 6).

Тип 3. Фигуры оригинальных форм, вырезанные вручную из обрезков веток. Этот тип — самый многочисленный: в новой мангазейской коллекции таких фигурок — 114, в старой — около 30 (подсчет сделан приблизительно, так как опубликованы лишь 28 из 48 деревянных фигур). Для него характерно многообразие форм, предельная лаконичность форм и минимальная детализация. Большая часть фигур характеризуется миниатюрностью (высота — 1–2 см, диаметр основания — 0,5–1,2 см). В этом типе выделяются 17 морфологических вариантов:

1. Вытянутые конусы — 6 экз.
2. Конические на цилиндрическом основании — 1 экз. (рис. 163 – 7).
3. Вытянутые усеченные конусы — 3 экз. (рис. 163 – 8, 9).
4. Усеченный конус на цилиндрическом основании — 11 экз. (рис. 163 – 10).
5. Подконические усеченные (с вогнутой боковой поверхностью) на цилиндрическом основании — 11 экз. На вершинах пяти экземпляров имеется точечное углубление (рис. 163 – 11–14).
6. Усеченно-конические с цилиндрической головкой — 3 экз. (рис. 163 – 15–17).
7. Усеченно-конические со шлемовидной головкой — 4 экз. (рис. 163 – 18).
8. Цилиндрические — 4 экз.
9. Бутылчатые (рис. 163 – 19–21) — с низким или высоким цилиндрическим цоколем, плавно переходящем в усеченно-коническое тулово (иногда с вогнутой боковой поверхностью) и увенчанные рельефной головкой. На трех экземплярах цоколь декорирован одной или двумя кольцевыми канавками (29 экз.). По форме головки делятся на пять подвариантов: с низкой цилиндрической головкой (14 экз.); с полусферической (2 экз.); с конической на цилиндрическом основании (8 экз.); с шаровидной (1 экз.); с усеченно-конической на цилиндрическом основании (4 экз.).
10. Бутылчатая с цилиндрическим воротничком, без головки — 1 экз. (рис. 163 – 23).
11. С усеченным-коническим туловом на цилиндрическом цоколе, выделенном глубоким кольцевидным перехватом — 1 экз. На вершине — два точечных углубления (рис. 163 – 24).
12. С цилиндрическим туловом и усеченно-конической вершиной, стоящая на низком цилиндрическом цоколе — 1 экз. (рис. 163 – 25).
13. С высоким цилиндрическим туловом на низком, четко выраженном цоколе большего диаметра, увенчанном массивной цилиндрической головкой — 2 экз. По форме головки делится на два подварианта: с вершиной, украшенной шестью зубцами и с усеченно-конической вершиной (рис. 163 – 26, 27).
14. С высоким эллипсоидным туловом на цилиндрическом цоколе большего диаметра и массивной рельефной головкой — 2 экз. По форме головки делится на два подварианта: с шаровидной и усеченно-конической головками (рис. 163 – 28, 29).
15. Цилиндрическая с косо срезанной вершиной — 1 экз.
16. Цилиндрическая с двумя глубокими кольцевыми канавками вверху и внизу, обозначающими цоколь и головку — 1 экз. (рис. 163 – 30).
17. Ярусные усеченно-конические с головками — 4 экз. По количеству ярусов и формам головок делятся на три подварианта:

- с двумя усеченно-коническими ярусами, нижний из которых служит основанием и конической головкой — 2 экз. (рис. 163 – 31);
- с двумя ярусами и линзовидной головкой, на вершине которой вырезан глубокий прямой крест — 1 экз. (рис. 163 – 32);
- с тремя ярусами и низкой цилиндрической головкой — 1 экз. (рис. 163 – 33).

Серийный характер и лаконичность оформления фигурок (за исключением типа 17) позволяют отнести их к самой многочисленной и традиционно простой фигуре — пешке. Усложненная оригинальная трактовка формы фигурки варианта 17 свидетельствует о более высоком их ранге (слон, ферзь?).

К группе изобразительных фигур относятся четыре идентичных по форме экземпляра, три из которых найдены в одном скоплении, а одна — на удалении около 8 м, поэтому не исключена вероятность их принадлежности к двум комплектам (рис. 162 – 1–4). По высоте фигурки равновелики — 1,90–2,15 см, диаметр варьируется от 1,2–1,6 см у одиночной фигурки (с учетом возможной деформации — не менее 1,4 см) до 1,6–2,0 см у остальных. По форме фигурки идентичны — детализированные натуралистичные головки человеческого пениса в рельефе. Основание — прямой поперечный срез.

Фигурки столь фривольного характера среди русских шахмат до сих пор не встречались, но то, что эта «срамная» символика не результат случайного озорства безымянного мангазейского резчика — бесспорно. В этом убеждает факт, зафиксированный в полевом дневнике «Путешествие по Хантыйской земле» венгерского этнографа Яноша Янко, посетившего в 1898 году хантыйские Юрты Колсамовы на Большом Югане (дневник пока не опубликован, с текстом нам удалось ознакомиться, благодаря любезности венгерского ученого Габора Дьёни, который перевел оригинал на русский язык). Приведем отрывок из этого текста:

«Удивила меня шахматная доска в доме, это обычная шахматная доска с 64 клетками, ее название *terekpert*. Вместо белых и черных фигур — мужские (*kujter* – остря) и женские (*nintep* — вырезы) фигуры. Фигуры все одинаковые, нет короля и т. д. 13 мужчин и 13 женщин, игра идет только по черным клеткам, по белым — никогда; фигуры ставят на первые три линии (4 + 5 + 4). Каждая фигура может идти вперед или назад на один шаг, но если перед ней фигура противника, она имеет право, перепрыгнув, удалить ее, и таким образом пройти на две клетки вперед; если одна фигура доходит до конца доски, то она приобретает такие же права, как слон в шахматах».

К сожалению, у нас нет фотографий или рисунков этих фигурок, хотя из описания совершенно ясно, что мужские «острия» — *kujter* аналогичны мангазейским. Что собой представляют женские «вырезы» — *nintep* — неизвестно. Возможно, среди мангазейских оригинальных фигурок им тоже имеются соответствия. Нетрудно понять, что перед нами описание русских шашек, хотя удивляет присутствие 13, а не 12 фигур с каждой стороны. Нет сомнения, что шашки столь оригинальной формы имеют русское происхождение и уходят корнями, по крайней мере, в XVII век. Сегодня мы не можем утверждать, были ли подобные фигурки изначально шахматными или использовались только в шашках.

Судя по вышеизложенному, казалось бы, можно предположить, что столь обильный и разнообразный набор шахматных фигур не менее чем от 20 комплектов (учитывая типы костяных и деревянных ладей) свидетельствует о нахождении в этом месте посада игорного центра Мангазеи. Тем не менее, об истинных масштабах распространения игры в Мангазее можно будет судить после проведения раскопок на более широких площадях: во-первых, большой набор (42 фигуры) ранней мангазейской коллекции был встречен на территории кремля, а еще 38 фигур — в разных местах посада, во-вторых, необходимо выяснить, какова реальная концентрация таких находок в других недокопанных раскопах экспедиции ААНИИ.

Значение новой мангазейской коллекции шахмат — в том, что она может стать эталонной, так как является самой многочисленной и датируется узким хронологическим периодом — первой половиной XVII века, а также в том, что она позволяет по-иному взглянуть на типологию русских шахмат того времени. Прежде всего, потому что эта коллекция наглядно демонстрирует, как могли отличаться фигуры ремесленной «официальной» продукции от фигур самодельного «народного» изготовления. Наличие большого количества самодельных шахмат наглядно свидетельствует о популярности этой игры в то время, по крайней мере — в Мангазее.

* Редактирование перевода цитаты из дневника — А. Я. Труфанов.

Шахматные доски (4 экз.) найдены под полами построек № 1а, 2 и рядом с ними и представлены фрагментарно:

- первая представляет собой тонкую (0,50–0,65 см) дощечку размерами 30,5×7,0 см, на которой сохранились три неполных ряда клеток (по шесть целых и два наполовину обрезанных по краям). Сетка подпрямоугольных клеток размечена процарапанными линиями от руки (неровно), а затем раскрашена черной краской (рис. 165 – 1). Размеры клеток — 3,9–4,1×3,9–4,1 см;

- вторая, изготовленная из досочки толщиной 1,1 см, сохранилась в виде небольшого (15,3×5,4 см) фрагмента с пропиленным рядом крупных прямоугольных клеток (4,6–4,8×3,1–3,6 см). Полностью сохранились три клетки, а две частично обломаны. Раскраска клеток не уцелела (рис. 165 – 2);

- на фрагменте третьей доски, размерами 16,6×15,4×1,8 см, частично сохранились три резных ряда клеток и граница шахматного поля. Линии вырезаны небрежно, следы штриховки или раскраски клеток отсутствуют. Размеры клеток — 4,0–4,4×3,8–4,0 см;

- четвертая доска сохранилась наиболее полно. Ее фрагмент имеет подпрямоугольную форму (27,8–31,0×8,4–9,7 см). Сохранились два ряда по пять клеток в каждом (рис. 165 – 3). На коротком торце заметны отверстия от гвоздиков диаметром около 0,2 см. Размеры клеток — 5,3–5,7×3,6–4,3 см.

В целом следует отметить, что все доски сделаны непрофессионально, наспех, явно местными жителями. Изначальные размеры досок аналогичны найденным ранее экземплярам и близки к современным — около 40×34 см. Игровое поле состояло из 64 клеток. Вероятно, их изготовители ориентировались на какой-то стандарт размеров, в то время как большинство имеющихся в коллекции самодельных и костяных привозных фигурок были несоразмерно маленькими для таких шахматных полей. Примечателен факт намеренного уничтожения досок (все обломаны, одна еще и обуглена), что вряд ли можно объяснить как результат взрыва эмоций игроков. Скорее всего, это свидетельствует о гонениях на любителей поиграть без уплаты пошлины в казну, или о какой-нибудь очередной кампании по запрету азартных игр в Мангазее, как, например, это было в 1638 году [Бахрушин, 1987. – С. 126].

Кости игральные (34 экз.) представляют собой маленькие (от 0,70×0,65×0,60 см до 0,90×0,90×0,85 см) кубики с точечными надсверленными ямками (диаметром около 0,1 см), от одной до шести на всех гранях (рис. 164 – 10, 11). Расположение ямок — классическое, аналогичное тому, что имеется на современных кубиках. Кубики выпиливались из бивня мамонта: в раскопах найдено десять кубиков, на которых ямки еще не были нанесены, а также 46 прямоугольных и квадратных в сечении брусочков, от которых отпиливались кубики.

Фишки игральные. В культурном слое городища экспедицией ААНИИ и нами найдено около 20 небольших квадратных пластинок из бивня мамонта с гравированными знаками (узорами?) с двух сторон, в том числе две пластины — в новой коллекции. Размеры пластинок варьируются от 1,7×1,7 см до 2,2×2,2 см, толщина — 0,3–0,5 см. В ранней (1968–1970, 1973 гг.) коллекции по опубликованным гравировкам можно выделить несколько вариантов:

- на большинстве в центре имеется небольшой «циркульный» кружок из одной линии;
- в ряде случаев вместо него нанесен крупный кружок из двух концентрических линий;
- встречен вариант с большим кружком, дополненным четырьмя или восемью малыми кружками по периметру;
- в одном случае выгравированы только четыре малых кружка по углам.

Примечательно, что знаки на обеих сторонах были идентичны, за исключением одного экземпляра (из семи опубликованных), где на одной плоскости было четыре малых кружка по углам, а на другой — один малый в центре [Белов и др., 1981. – С. 120; табл. 43 – 1–7].

На двух экземплярах из новой коллекции с обеих сторон выгравировано по три больших концентрических кружка, а в углах — по одному малому (рис. 164 – 14). Особый интерес представляет еще один экземпляр, у которого на одной плоскости имеются четыре концентрические канавки, на другой — три. На нем имеются дополнительные знаки — по два глубоких накола в центре с обеих сторон (рис. 164 – 13). Подобные дополнительные отметки встречены впервые.

Аналоги таких пластин за пределами Мангазее не известны. Относительно их интерпретации у М. И. Белова и его коллег-соавторов однозначное мнение не сложилось: сначала они предполагали, что это кости домино [Белов и др., 1981. – С. 43], позднее изменили мнение в пользу карт.

В новой коллекции имеются еще несколько *костяных и деревянных фишек*, различающихся между собой по форме, размерам и деталям и кардинально отличающихся от описанных выше пластинок. Две из них представляют собой квадратную (1,5×1,5 см, толщина — 0,4 см) и прямоугольную (1,0×0,9 см, толщина — 0,55 см) пластины, вырезанные из костей животных голоценовой фауны. На одной из широких граней нанесены крупные резные знаки: в одном случае — прямой крест, в другом — косой. Самые разнообразные формы имеют деревянные фишки (9 экз.). Среди них всего одна дисковидная (рис. 164 – 20), остальные представляют собой многогранники с прямоугольными (в одном случае — семиугольным) основаниями (рис. 164 – 15–19). На верхней плоскости дисковидной фишки (диаметром 1,8–2,0 см, высотой 0,7 см) — глубокий резной узор в виде шести рельефных равнобедренных уголков, расположенных по окружности, вершинами к центру. Многогранные фигурки — высокие (0,80–1,35 см) с основанием от 1,2×1,2 см до 1,0×1,7 см. Лишь одна из таких фишек имеет на верхней площадке резной знак — глубокую поперечную канавку.

По причине отсутствия аналогов интерпретация фишек затруднена, можно лишь вслед за Е. А. Рыбиной [1997. – С. 111] предположить, что такие разнообразные фишки, а, возможно, и описанные выше пластины с концентрическими кружками, могли использоваться при игре в «мельницу». Добавим также, что дисковидная фишка отдаленно напоминает и древнерусские шашки.

ИГРУШКИ ДЕТСКИЕ

Рукоять деревянного меча имеет дисковидное навершие; прямоугольное перекрестье обломано в основании. Форма очень архаична: игрушечные мечи с таким навершием встречались в слоях XIII века на Староладожском городище и в Новгороде [Розefeldт, 1997в. – С. 115; табл. 80 – 7]. Игрушка принадлежала совсем маленькому ребенку — участок для перехвата имеет длину 5,2 см (рис. 166 – 5).

Сабельки с гардой (2 экз.) сделаны из березовых веток: тонкая верхняя часть их была заломана и загнута, а затем ею дважды был оплетен обломанный отросток-«клинок» (рис. 166 – 4). Таким образом был оформлен дугообразный «эфес». «Клинки» частично обломаны. Длина сабелек — около 30 см. Игрушки были изготовлены весной, так как на ветках хорошо сохранились почки.

Найдено несколько миниатюрных моделей оружия, средств передвижения и деталей костюма. Среди них — профильное изображение *башмачка* (2,4×6,0 см) из бересты с низким каблучком с косо срезанным назад верхом, в середине которого выступает подпрямоугольное ушко (рис. 167 – 1); деревянные *молоточки-киянка* (1,5×1,5 см) с цилиндрическим бойком и частично обломанной ручкой (рис. 166 – 2) и *топорик* с широким лезвием без бородки и прямой рукоятью (рис. 166 – 1). Транспортные средства представлены серией *лодочек*. Среди них — четыре монолитных фигурки длиной 12–16 см (рис. 167 – 3). Они представляют собой узкие прямоугольные брусочки, один конец которых заострен боковыми срезами (нос), а на другом — косым срезом ко дну оформлена широкая (2,6 см) корма. Борты лодочек также скошены ко дну. Плоские днища спеди приострены. Верхняя поверхность слегка вогнутая. Высота и ширина лодочек 2–3 см.

Уникальна *лодочка с веслом* (рис. 167 – 5). Она имеет вытянуто-линзовидную форму, закругленное дно и линзовидную полость в плоской верхней части. В бортиках высотой 0,5 см — две пары сверленных отверстий, в одном из которых сохранилось «весло» — палочка с широкой лопастью, от другого весла сохранилась только рукоять. Длина лодочки — 7,7 см, высота — 1,4 см, ширина в центре — 3 см. Длина весла — 1,4 см, ширина лопасти — 1 см.

«Вооружение» маленьких охотников представлено фрагментом грубо обработанного *древка стрелы* с ушком для тетивы (диаметр — 0,55–0,65 см), одной берестяной (рис. 166 – 3) и пятью деревянными моделями граненых и плоских черешковых железных *наконечников*.

К игрушкам, вероятно, относятся и семь зооморфных фигурок из новой коллекции.

Среди них — две *рыбки*. Одна из них, вырезанная из дощечки толщиной 1,5 см, имеет прямо срезанные горизонтальные спинку и брюшко; мордочку, приостренную косым длинным срезом снизу и плавным, еле заметным срезом сверху, и широкий прямоугольный хвост, отделенные от брюшка небольшим прямоугольным уступом. Прочие детали выделены косыми резными отрезками: пять параллельных косых отрезков в нижней части хвоста и на примыкающем к нему краю брюшка, один продольный отрезок в центральной части хвоста, один вырез, отделяющий хвост от спинки; голова подчеркнута зигзагом из двойных отрезков, опоясывающих ее со всех сторон. Длина фигурки — 7,20 см, ширина — 3,35 см. Другая фигурка вырезана из коры лиственницы (рис. 167 – 4). Она плоская (толщиной 1 см), с широким хвостом, заостренной

головой, плоским брюшком и высокой дугообразной спинкой. Форма напоминает представителя семейства карповых или окуня. На обоих боках фигурки имеются прямые поперечные, продольные и косые резные линии и три точечных углубления. Эти узоры не передают детали поверхности рыбы. Скорее всего, они наносились на кусок коры до изготовления фигурки.

Одна фигурка, изображающая *лебедя*, вырезана из дощечки или щепки толщиной 0,8 см. Ее размеры — 7,8×2,9 см. Фигурка имеет узкое длинное тулово с приостренным хвостом, длинную шею, наклоненную вперед под тупым углом к оси тулова и приостренную голову с обломанной передней частью.

Еще четыре фигурки имеют форму *бабочек*. Они вырезаны из тонких дощечек (щепок?). Плавными линиями передан почти симметричный контур, характерный для этого вида насекомых. Размах крыльев — до 12 см, ширина — около 6 см. В центре фигурок — перехват шириной до 3,6 см (рис. 167 – 2).

Одна из игрушек имеет вид миниатюрной кухонной разделочной доски (рис. 166 – 6).

Некоторые игрушки имеют аналогии в материалах из раскопок средневековых русских городов, например, меч, лодочки и стрелы [Розенфельдт, 1997в. – С. 114–119, 327; табл. 80 – 7, 10, 13–14; табл. 81 –1, 6, 11].

На первый взгляд, количество игрушек (24 экз.), найденных при раскопках 2001–2004 годов, — небольшое по сравнению с количеством находок в слоях древнерусских городов, но если учесть, что все они собраны на небольшой площади старого раскопа, в слое первой трети XVII века, то это не так уж и мало. Тем более что в начальные годы существования города у первых его жителей вряд ли было много детей.

4.15. ПРАВОСЛАВНЫЕ АТРИБУТЫ

Нательные кресты. Всего найдено 15 экземпляров, из них — два целых серебряных, остальные — медные (шесть целых и семь фрагментированных).

Наибольший интерес, благодаря хорошей сохранности текстов и изображений, представляют *серебряные кресты*.

Первый серебряный крест отлит в двусторонней форме (рис. 168 – 1).

Его размеры — 31,0×43,5 мм (верхняя ветвь — 9,5 мм; правая и левая — по 11,5 мм; нижняя — 26,0 мм; ширина ветвей — 8,0 мм). Крест плоский, с прямоугольными средокрестием и ветвями с прямоугольными вершинами. Изображения и тексты выполнены высоким рельефом. По периметру аверса и реверса проходят бортики в виде одинарной тонкой рамки. На оглави размещается граненое ушко с горизонтальным отверстием для крепления шнура, украшенное стилизованным изображением 12-конечного крестика.

На аверсе помещено позолоченное изображение восьмиконечного «голгофского» креста с орудиями страстей. Над ним — литеры «ІС ХС» (Исус Христос). На средокрестии поверх креста изображена круглая розетка с восемью орнаментальными отростками. Под крестом — череп («голова Адама»), рядом — лигатуры «МЛ» («место лобное») и «РБ» («распят бысть»).

Всю остальную поверхность аверса занимает текст, выполненный выпуклыми литерами (строки разделены линиями): «Ц[а]РЬ СЛ[авы] / КРЕС / ТЪ ХРА / НИТЕЛ / Ъ ВСЕЛ / ЕННЕИ / крест / ъ крас / ата це / еркови / да кре / сть ц / аремъ / держа / ВА КРЕ[с]Т / Ъ В.. РН / ЫМЪ У / твержени / е крестъ / ангеломъ / слава / крес / ТЪ БЕ / СОМЪ / ЯЗВА / [АМИНЬ ?]». Текст, помещенный на ветвях, заключен в квадратные рамки.

Реверс тоже имеет текст, выполненный выпуклыми литерами; строки разделены линиями: «да воск / ренеть / ібо Богъ / и разы / дутся / врази его и да бежать ..т лица е / го вси ж ненавида..щїи его яко / изачезаетъ дымъ да і исчезн / утъ помилуи мя Боже по велице / и милости [в]о и / мя г[ос] [по] / ди тот / носим / .ъ аще / а Бог и / мь т / воим / м..ч... / мь по[г]у[бит] / н..[в]ерн[ы]х / ъ xxx т / xxxxxx».

Особенности технологии отливки (отсутствие жестких зачисток аверса, реверса и краев), характерные строгие формы креста и распятия, «дореформенное» именование Христа «Царем Славы» (а не «Исус Назаретянин Царь Иудейский») позволяют утверждать, что данный экземпляр изготовлен не позже середины XVII века, но не ранее второй половины XVI века. Несколько сузить датировку помогают палеографические особенности надписей (в частности, использование «большого юса» для передачи буквы «ю»). Примечательно, что помещенная на реверсе молитва Кресту представляет более древний вариант, чем тот, который стал использоваться в России со второй половины XVII века. Ее неканонический текст является парафразом молитвы, напечатанной в христианских Молитвословах.

Отмеченные признаки дают возможность датировать (с известными оговорками) изготовление описываемого нательного креста концом XVI – первой четвертью XVII столетия. Заметим, что данный крест хотя и не является уникальным, все же достаточно редкий, благодаря прекрасной сохранности.

Второй серебряный крест также выполнен в технике двустороннего литья (рис. 168 – 2). Его размеры – 26,5×35,0 мм (верхняя ветвь — 10 мм; правая и левая — по 10,25 мм; нижняя — 19 мм; ширина ветвей — 6 мм). Крест плоский с прямоугольными средокрестием и ветвями; вершины имеют незначительную кривизну. На оглавии помещено граненое ушко с горизонтальным отверстием для крепления шнура. Между ветвями тельника размещены элементы декора, образующие в совокупности «андреевский» крест на фигурной орнаментальной розетке (размеры ветвей — 23,5 и 24,5 мм).

Текст и изображения выполнены высоким рельефом, строки разделены линиями. На аверсе изображен семиконечный крест с орудиями страстей. В основании креста литеры «М» (место лобное) и «Б» (бысть распят). На боковых ветвях имя Спасителя, помещенное в прямоугольные рамки: «ИСІ ХС». Характерной особенностью данного экземпляра является условность передачи текста: наряду с очевидными ошибками (например, оборотный «ъ» в слове «Царь»), большая часть слов тропаря Кресту дана либо в сокращении, либо обозначена только одной буквой. Все оформление аверса заключено в тонкую рамку: «Ц[а]р.. сл[авы] / кр[е]ст / ъ хранитель / все[лен]но[й] се / не кр[е]ст / ъ цар[е]ме / кр[ес]т / [кр]ас.. [та] / кр[е]с / ть / крест / сла..о / ніка п [?]».

На реверсе в средокрестии помещено стилизованное изображение четырехконечного креста, вписанного в ромб, который, в свою очередь, заключен в четырехконечный крест из растительного орнамента, имеющий килевидные концы. Сохранность экземпляра — хорошая.

Типологически описываемый экземпляр чрезвычайно близок к нательным крестам, обнаруженным при раскопках Албазинского острога, которые датируются второй половиной XVII века (до 1687 г.) [Артемов, 1999. – С. 290, 291, 294]. Однако заметим, что постройка № 13, в которой он найден, строилась в первые годы существования Мангазеи, и поэтому данный крест можно датировать не позднее первой трети XVII века.

Медные кресты. Из 13 экземпляров четыре сохранились полностью. Кресты выполнены в технике одностороннего литья. Они сильно окислены, поэтому прочтение легенд и изображений затруднено. Все они имеют прямоугольные средокрестия и ветви. На одном кресте концы ветвей завершаются фигурными украшениями. Этот крест был плотно обмотан красным шерстяным шнурком (рис. 168 – 7). Размеры крестов — 3,95–4,50×2,30–3,30 см, толщина — 0,10–0,15 см. На их оглавиях находятся поперечные ушки прямоугольной и овальной форм (0,45–0,50×0,50–0,70 см).

Приведем описания целых крестов с сохранившимися изображениями (4 экз.).

Первый крест — четырехконечный плоский с прямоугольным средокрестием, боковые ветви — прямоугольные, на верхней и нижней — прямоугольные выступы (0,20×0,65 см и 0,20×0,85 см) с боков, нижний конец — треугольный. На оглавии — четырехугольное (0,45×0,60 см) ушко с округлым проемом (0,3 см), развернутое перпендикулярно плоскости креста. Высота креста — 4,25 см, ширина — 2,4 см, толщина — 0,1 см. На аверсе — тонкая рельефная рамка по периметру, на концах ветвей внутри этой рамки — маленькие квадратные рамки с надписями: слева — «ІС», справа — «ХС», вверху и внизу надписи не читаются. В центре — тонкое рельефное изображение восьмиконечного «голгофского» креста с кругом на средокрестии. Реверс — гладкий.

Второй крест — четырехконечный плоский, с прямоугольным средокрестием и ветвями. На оглавии — восьмигранное ушко (0,50×0,55 см), плоскость с отверстием (диаметр — 0,18 см) для шнура развернута перпендикулярно плоскости всего креста (рис. 168 – 5). В углах между ветвями креста — четыре литых шарика диаметром 0,4 см. Высота креста — 3,95 см, ширина — 2,50 см, толщина — 0,18 см. Длина прямоугольных ветвей — 2,1 см (нижней), 0,95 см (верхней), 1,1 см (боковых).

На аверсе — рельефное изображение восьмиконечного «голгофского» креста на фоне мелкой косой сетки. Над крестом в прямоугольной рельефной рамке — надпись «Ц`рС`Л» («Царь славы»). У концов ветвей — надписи в прямоугольных рельефных рамках «ІС» и «ХС» («Иисус Христос»). В основании «голгофского» креста — надпись в прямоугольной рамке «НКА» («Ника»). Изображение креста и легенды помещены в рельефную рамку, проходящую по периметру ветвей. Реверс — гладкий.

Третий крест. На оглавии — прямоугольное ушко, расположенное под прямым углом к плоскости креста. На аверсе — тонкая рельефная рамка по периметру (рис. 168 – 6). На концах креста внутри рамки — маленькие рельефные рамки с рельефными надписями, из которых читается только нижняя: «НКА», остальные

из-за коррозии частично раскрошились. В центре — рельефное изображение восьмиконечного голгофского креста. Высота креста — 4,00 см, ширина — 2,50 см, толщина — 0,07–0,08 см. Реверс — гладкий.

Четвертый крест изготовлен из тонкой (0,10–0,15 см) пластины. Крест четырехугольный, с прямоугольным средокрестием, боковые ветви прямоугольные. На верхней ветви — прямоугольный выступ, на нижней — прямоугольный выступ с рельефным нижним краем (рис. 168 – 4). На оглавии креста имеется петелька подчетырёхугольной в плане формы с круглым (диаметром 0,3 см) отверстием для подвешивания. Высота креста (вместе с петлей) — 4,35 см, ширина — 2,30 см. На аверсе имеется сильно затертый узор. Лишь в средокрестии просматривается круг диаметром 0,4 см. Реверс гладкий.

Христианский мотив встречен и на одном из *серебряных перстней*: стоящая птица с распластанными крыльями и изогнутой в виде вопросительного знака шеей; у ее ног — два крошечных птенца с вытянутыми вверх головами, раскрытыми клювами и распластанными крыльями. Это изображение очень напоминает известный и распространенный в средневековой Европе сюжет: легенда о пеликане, кормящем собственной плотью птенцов и спасающем их жизнь от дикого зверя. В образе птицы-пеликана усматривался Христос, спасающий божью чада [Ле Руа Ладюри, 2001. – С. 367–368]. В Сибири аналогичное изображение имеется на перстне, найденном на Надымском городке в слое XVII века [Кардаш, И–2002. Т. 1. Кн. 1. – С. 68; Кн. 2. – Фото 191 – 2].

Возможно, что к категории церковной атрибутики относится бронзовое *крыло ангела* (?) с хорошо выраженным шарниром для крепления к фигуре (рис. 168 – 3).

4.16. ПРЕДМЕТЫ АБОРИГЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Ряд изделий из коллекции 2001–2004 годов имеет аборигенное происхождение, что свидетельствует о тесных контактах горожан с самодийским населением. Среди них — *весла* с лопастями листовидной формы и Т-образной рукоятью, *костяные наконечники стрел* архаичного облика, которые отсутствуют в русских средневековых памятниках, *некоторые железные наконечники стрел, орудия для выбивания снега из одежды*, сделанные из распиленного вдоль оленьего рога, *детали оленьей упряжи*. Перечисленные предметы имеют полные этнографические параллели в среде северных самодийских народов.

Особый интерес вызывают фрагменты *берестяных изделий с прорезными геометрическими узорами*. Одно из них, представленное двумя фрагментами, имело прямоугольную форму и использовалось, по видимому, как аппликация, наложенная на основу изделия (берестяной коробки или деревянной шкатулки) (рис. 171 – 2). В его центральной части находилась ажурная композиция, от которой почти полностью сохранилась стилизованная фигурка оленя. Композиция обрамлена однорядным бордюром из наклонных прямоугольных отрезков. Подобные фигурки оленей известны в искусстве коренных народов Сибири, начиная со скифской эпохи (образ «Оленя Золотые Рога»). От другого изделия сохранился фрагмент контурного резного бордюра (рис. 171 – 3). Орнамент представляет собой цепочку наклонных прямоугольных скобок с отростками на основании из мелких «сросшихся треугольников». Аналогичные бордюрные композиции характерны для тундровых ненцев [Рындина, 1995. – С. 448–449; рис. 36 – 8].

Выбивалка снега представляет собой распиленный вдоль изогнутый фрагмент оленьего рога. На торце ручки — Г-образное навершие. Длина — 47,5 см. Подобные инструменты известны в этнографии народов севера Сибири, использовались они для выбивания снега из меховой одежды (рис. 171 – 1).

Промысловые лопаточки (2 экз.) из лосиного рога имеют длинные уплощенные ручки с отверстием для подвешивания у торца и подтреугольно вытянутые широкие лопасти с прямым обрезом и скругленными углами (рис. 151 – 1, 2). Их длина — 22, 2 см и 25,5 см, максимальная ширина — 5 см и 8 см. Подобные изделия до недавнего времени использовались жителями тундры на зимней охоте при установке ловчих петель и очистке нартов и меховых «постелей» от налипшего снега.

Пясик представляет собой тонкую (0,2 см) прямоугольную пластинку, в которой просверлены два отверстия диаметром 0,4–0,5 см (рис. 169 – 3). На лицевой стороне (по периметру и в центре, между отверстиями) нанесен циркульный орнамент.

Детали оленьей упряжи представлены налобной (рис. 169 – 2) и двумя нащечными пластинами (рис. 170 – 1, 2).

Настоящим анахронизмом выглядит изготовленный из оленьего рога *клевец* с гравировкой (рис. 169 – 1). Он представляет собой Г-образную пластину с подпрямоугольной, сужающейся кверху основой и длинным вытянуто-треугольным шипом, расположенным перпендикулярно ее оси, чуть ниже торца. У верхнего торца в основе просверлено отверстие диаметром 0,45 см для крепления к древку. Нижняя часть основы обломана. Толщина основы — 0,4 см, ширина — 2,4 см, у торца — 1,5 см. Длина боевого шипа — 19,2 см, ширина в основании — 5,5 см, толщина — 0,5 см. Переход шипа к основе — плавный дугообразный. Плоскость шипа плавно изогнута по отношению к плоскости основы на 30° (естественный изгиб рога). У шипа — острые ребра, с одной стороны плоскости — широкие (до 0,7 см) скошенные грани. В верхней трети, у острия, шип трехгранный: на одной стороне по его оси проходит ребро (длина около 8 см). В поперечном сечении верхней трети — низкий равнобедренный треугольник, ниже — низкая трапеция.

На «лицевой» граненой части шипа процарапан знак в виде тонкого прямого отрезка, идущего по оси, от середины до основания, где от него ответвляются два симметричных отрезка («птичья лапка»). На этой же стороне в нижней части — прямая линия по оси плоскости с боковыми прямыми ответвлениями; с одной стороны — семь параллельных отрезков, с другой заметны лишь шесть. Возможно, часть линий не сохранилась, так как верхний слой местами выкрошился.

Наиболее близкий по форме и конструкции (черешковый насад) аналог — древнекитайский *клевец* «Гэ» с боевым выступом, напоминающим журавлиный клюв. Такие *клевцы*, изготовленные из бронзы и железа, были распространены во II–I тыс. до н. э. [Трубников, 1997. – С. 27]. Среди сибирских *клевцов* этого же времени известны только втульчатые [Соловьев, 2003. – С. 49, 57, 68–69, 78, 92, 115; рис. 49]. Более поздние *клевцы* нам неизвестны.

Следует отметить, что при раскопках экспедиции ААНИИ были найдены не менее архаичные панцири, изготовленные из лосиного рога [Белов и др., 1981. – С. 89, Табл. 79].

Эти находки, хотя и немногочисленные относительно общей массы вещей, не только свидетельствуют о посещениях самодийцами города, но и указывают на вероятность проживания в нем отдельных их представителей (женщин?).

ГЛАВА 5. ХОЗЯЙСТВО И БЫТОВАЯ КУЛЬТУРА

Город Мангазея первоначально представлялся исследователям как поселение, служившее для временного проживания промышленников и купцов, складирования товаров и размещения представителей власти — воеводы, таможенников, стрельцов и др. [Буцинский, 1999. — С. 23]. Однако уже после первых археологических исследований, проведенных В. Н. Чернецовым, стало ясно, что это был действительно большой для Сибири город, жители которого занимались различными видами хозяйства и промыслами [Чернецов, И-1946].

5.1. ОХОТА

Охотничий промысел характеризуется вещевым комплексом, охарактеризованным в главе 4, остеологическими материалами и находками фрагментов шкур животных.

Судя по составу остеологического материала, охотничий промысел горожан был направлен на добычу пищи в основном в окрестностях города. В большом количестве добывались заяц и куропатка, в меньшем — олень, глухарь, водоплавающая дичь, редко — лось, медведь, росомаха, волк. По количеству костей можно предположить, что охотой больше занимались в осенне-зимний период. Широко распространенная на севере охота на линного гуся в Мангазее не практиковалась, видимо, из-за отсутствия в окрестностях водоемов с местами скопления птицы во время линьки.

Обращает на себя внимание малочисленность находок костей животных, добываемых ради пушнины. Кости песца, белки, соболя, горностая, бобра, лисицы — единичны [Косинцев, Лобанова, Визгалов, 2004. — С. 37]. Можно предположить, что уже в первые годы существования города пушные промысловые виды в ближайших окрестностях были истреблены. Удивляет малочисленность костей белки и песца, которые периодически мигрируют большими группами, и уничтожить их надолго в одном месте невозможно. Они не имели в то время такого международного товарного значения, как соболь и черная лисица, но пользовались спросом на внутреннем рынке. Вероятно, население, постоянно проживавшее в городе, мало занималось специализированной пушной охотой. Об этом свидетельствует и небольшое количество распялок для шкурок. Так, в раскопах 2001–2004 годов найдены лишь три распялки. В материалах 1968–1970 и 1973 годов их пять экземпляров. Находки стрел с наконечниками для пушных зверей, а также деталей деревянных капканов, видимо, связаны с тем, что здесь их изготавливали и хранили до наступления охотничьего сезона.

Хорошо «документируются» пассивные способы охоты, представленные деталями сторожевого лука, деревянных капканов типа клепцов и черканов. При этом они в точности совпадают с изделиями, бытующими до настоящего времени у лесных ненцев, селькупов, восточных ханты. Стрелы широко применялись как в пассивной (для сторожевого лука), так и в активной охоте с обычным луком на белку, бобра, оленя, водоплавающую дичь. Особо отметим находки томаров — наконечников, предназначенных для охоты на пушного зверя. Найдены стрелы на разную добычу — оленя, выдру и бобра, водоплавающую птицу, пушного зверя. Уникальна находка стрелы от самострела-арбалета. Примечательно, что нами была получена устная информация от селькупов об их знакомстве в прошлом с самострелами (информаторы — М. Н. Паровых, проживающий в пос. Толька, и А. Н. Ириков, проживавший близ пос. Ратта).

* В настоящей работе использованы лишь некоторые результаты остеологических исследований. В целом работа, проведенная палеозоологами, достаточно масштабна и готовится к отдельной публикации.

Состав находок свидетельствует о том, что в городе было разнообразное и совершенное для того времени огнестрельное кремневое оружие, которое имелось не только у гарнизона, но и у посадских жителей и приезжих промысловиков и очевидно использовалось при охоте на крупного зверя.

Судя по находкам, в Мангазею привозили охотничье оружие и снасти, здесь же их подготавливали к промыслам, делали деревянные ловушки, изготовлением которых было некогда заниматься в промысловый сезон, а в безлесных местах и невозможно. Так, например, мангазейские промышленники, чей временный лагерь был раскопан на восточном побережье Таймыра, везли с собой деревянные ловушки — капканы типа черкана или пасти [Демме, 1951. — С. 105].

Из крупных животных жители Мангазеи больше других добывали северного оленя. Однако в пищу мог использоваться и домашний олень. Современная остеология пока не знает критериев для выделения по костным останкам его домашней и дикой разновидности. О том, что в городе употребляли в пищу и домашнего оленя, косвенно свидетельствует малое количество костей черепа, то есть в город могли доставлять уже разделанные туши. Голова оленя мало ценится русскими, и, наоборот, у аборигенов Севера (ненцев, селькупов, лесных ненцев) голова считается ценной пищей, прежде всего из-за мозга, а также очень почитаема в обрядах.

Таким образом, постоянные жители города добывали в больших количествах зайца и белую куропатку, которые на зиму мигрируют из тундры в лесотундру. Летом и осенью охотились на водоплавающую птицу, кости которой, собранные при раскопках, отличаются видовым разнообразием. Интересна находка детали составной приманки — муляжа гагары, свидетельствующая о засадном способе охоты с манщиком. Известно, что ненцы, энцы, ханты и другие народы Севера, в отличие от русских, не убивают гагару из-за ее мифологического значения.

5.2. РЫБОЛОВСТВО

Рыбные останки — чешуя и кости — находились в слое повсеместно и принадлежали семи видам рыб: семейства сиговых (до вида не определено), осетру, нельме, щуке, язю, карасю, чебаку, налиму, окуню. Такое разнообразие видов объясняется тем, что рыбу ловили в разных водоемах (на реке Таз, больших и малых притоках, озерах, старицах) и в разное время года. Большое количество останков полупроходных рыб — сиговых, осетровых, нельмы — свидетельствует о том, что их интенсивный лов проводился в августе–сентябре в период хода этих рыб в верховья Таза на нерест. Это косвенно подтверждается и тем, что в настоящее время на песке в 3 км ниже Мангазеи рыболовецкая бригада из поселка Тольки с начала августа по середину сентября большим неводом добывает более 60 тонн сиговых рыб (щекура или чира, муксуна, пыжьяна, сырка).

Осетр сегодня на Мангазее уже не ловится, но встречается в устье реки Таз и в Тазовской губе. Старое название реки Мангазейки — Осетровка, — возможно, указывает на то, что на этой речке была осетровая яма. Очень удобна для рыбной ловли река Панча. В устье она широкая, имеет много старичных озер, куда на кормежку заходят сиговые рыбы, щука и язь. Истоки реки соединяются с озерами, в которых водится карась, и в одно из них — Лаксато — уходят из Таза на зимовку щука, язь и щекур.

Рыболовство играло важную роль в обеспечении населения продуктами питания. Использовались как активные (невожение, ужение, лучение) способы ловли рыбы, так и пассивные (с помощью сетей, сетных и плетеных ловушек), о чем свидетельствуют археологические находки.

Рыболовство жителей Мангазеи документировано находками деревянных поплавок, грузил, железных крючков, блесен, а также игл и шаблонов для вязания сетей. Косвенно подтверждают распространенность рыболовства многочисленные деревянные ножи для снятия чешуи.

Полученные при раскопках материалы свидетельствуют о том, что население Мангазеи использовало все известные орудия лова — удилица с крючками и блеснами для ловли щук и нельмы, самоловы для осетров, жерлицы для щук, налимов, ставные сети для ловли в озерах и в устьях речек при впадении в Таз, сплавные сети и невода для ловли на песках, морды или верши для зимней ловли запорами на речках-живунах. Практиковался и подледный лов, о чем свидетельствует находка железной пешни.

Использование самых разных мест ловли рыбы в зависимости от времени года подтверждается большим видовым разнообразием пойманных рыб, судя по их останкам в культурном слое города. Анализы, проведенные сотрудником ИЭРЖ УрО РАН А. Е. Некрасовым, показали, что наибольшее количество рыбьих костей принадлежит сиговым и нельме, наиболее удачный лов которых приходится на август–сентябрь, когда

взрослые особи мигрируют из Тазовской губы до верховьев Таза и обратно для нереста. Вероятно, в этот период шел интенсивный промысел этой рыбы с целью заготовки впрок — засолки и вяления. Вполне возможно, что существовал профессиональный отлов осетровых, костных останков которых в слое найдено достаточно много. Найдены также орудия (крючки-самоловы) для ловли в ямах — местах зимнего скопления осетра. Добавим, что осетр в то время ценился не только за вкусовые качества, но и как сырье для качественного осетрового клея, который использовался при изготовлении сверхпрочных составных луков. В нижнем течении реки Таз и в Тазовской губе осетр до недавнего времени имел промысловое значение и заготавливался бригадами Тазовского рыбозавода. В конце XIX – начале XX веков здесь в год добывалось до 50 тонн осетровых [Гриценко, 2004. Т. II. – С. 206].

Авторы монографии о Мангазее обоснованно определили высокий уровень и значение рыбного промысла в Мангазее и в Сибири целом, подтвердив это данными таможенных книг о поступлении в 1633 и 1635 годах в Мангазею большого количества промысловых снастей для рыбной ловли [Белов и др., 1981. – С. 86–87, 91; табл. XVIII]. К этому можно добавить, что постоянное население Мангазеи рыболовством занималось гораздо больше, чем охотой.

Рыба добывалась не только для собственного питания, но, вероятно, шла и на корм свиньям, коровам и курам, которых разводили в городе, а также заготавливалась для корма промысловых и ездовых собак и даже оленей. И хотя промысловые зимовья должны были располагаться в местах, где рыбная ловля возможна зимой, необходимо было иметь с собой запас сухой рыбы в виде муки (порсы) и вялено-копченой рыбы без костей (юрка или позема). Подобный вид продуктов является лучшим кормом для собак в дальнем пути к промыслам, а также для приманки оленей. Он мало весит, компактен и прекрасно сохраняется. В экстремальных ситуациях такая рыба спасает от голода и человека.

В документах XVII века есть немало сведений о запасах у промышленников костной рыбной муки, которая так и называется — «корм собачий», сушеной рыбы — юколы, рыбьего жира [Бахрушин, 1951. – С. 86, 87, 90]. До настоящего времени северные ханты и лесные ненцы (например, на реках Пур и Надым) делают летом из сушеных рыбьих костей, голов и хвостов муку, а мелкую рыбу сушат и коптят целиком для кормления зимой собак и приманки оленей для упряжки. Необходимость этих кормов объясняется тем, что зимой во время пушной охоты нет времени для ловли рыбы, а оленей в этот период необходимо приманивать для упряжки ежедневно. Рыбий жир, как известно, является высококалорийным продуктом, поэтому даже сегодня ханты, ненцы, селькупы и русские старожилы берут с собой на промыслы рыбий жир как средство, хорошо поддерживающее силы человека в холодную погоду и в тяжелых условиях. И сегодня в северных поселениях, где добывается много рыбы, ею зимой при недостатке овощей подкармливают свиней. Как отмечают информаторы, «на рыбе» свиньи быстро растут и легко переносят зимний холод (информация получена нами в пос. Ратта Красноселькупского р-на ЯНАО, пос. Кама Ханты-Мансийского р-на и др.)

Суммируя все сказанное, можно с уверенностью утверждать, что одним из занятий постоянных жителей Мангазеи были профессиональная заготовка рыбы и изготовление продуктов из нее (порсы, юрка, рыбьего жира, осетрового клея) для продажи промышленникам. Природные ресурсы реки Таз вполне это позволяли.

5.3. ЖИВОТНОВОДСТВО

Несмотря на суровый климат Западно-Сибирского Заполярья, в Мангазее были представлены разные отрасли животноводства. На сегодня это самое северное поселение XVII века, жители которого занимались свиноводством, разведением крупного рогатого скота и птицеводством. Судя по остеологическим материалам, основным объектом разведения являлась свинья, которую вполне можно было прокормить рыбой. Разведение крупного рогатого скота тоже имело место в городе, но меньших объемах, так как оно требует гораздо больших трудовых затрат. В условиях Мангазеи крупный рогатый скот более половины года находился на стойловом содержании, и на это время был необходим запас кормов — сена. Пойма реки Таз в окрестностях Мангазеи бедна луговой растительностью. Сено могли заготавливать в ограниченном количестве на заливной пойме реки Панчи, в месте впадения ее в Таз. У реки Таз — широкая пойма, богатая травянистой растительностью, начинается она в 50 км ниже по течению от Мангазеи, где теоретически можно заготавливать сено, но бывают годы, когда эта пойма почти до осени затоплена. Вероятно, немалое значение имели и привозные корма — в культурном слое найдены зерна кормового овса и проса.

В верхнем горизонте располагался хлев (постройка № 8). К сожалению, реконструировать его невозможно, так как сохранилось всего несколько бревен и досок, но о его наличии свидетельствует мощный слой навоза, сохранившиеся подстилки из сена, старые рогожи и тряпки.

Свиноводство. Среди костных останков свиней обнаружено 1608 костей не менее чем от 36 особей. Как отмечалось выше, это самый распространенный вид среди домашних животных. Встречаются кости молодых животных (205 ед.) и кости молочных поросят (36 ед.), что свидетельствует о местном разведении свиней и указывает на стабильное состояние поголовья, когда нет необходимости сохранять всех родившихся особей.

По определению П. А. Косинцева и Т. В. Лобановой, размеры костей свиней из Мангазеи близки к аналогичным показателям из средневековых русских городов, определение которых сделано В. И. Цалкиным [Цалкин, 1956; 1971].

В теплое время года свиньи, вероятно, находились на свободном выпасе, а в остальное время содержались в закрытых помещениях. Как известно, свиньи — всеядные животные и могут питаться белковой пищей. В летнее время они могли кормиться внутренностями рыбы и птицы, добытой жителями, а также — пойменной растительностью в окрестностях города. Как писал Н. А. Абрамов в 1857 году о содержании свиней в поселениях Березовского края, «летом они питаются кишками» [Абрамов, 1993. – С. 84]. Зимой единственным кормом, который в достаточном количестве могли заготовить хозяева, была рыба, а также пищевые отходы.

По мнению палеозоологов, наличие множества костей от разных особей не означает большого количества животных, содержащихся в одно время [Косинцев, Лобанова, 2005. – С. 107–108]. Для определения численности поголовья свиньи необходимо делать поправку на ее высокую плодовитость и быстрый рост, в отличие, например, от крупного рогатого скота. От одной свиноматки рождается в среднем по 6–10 особей два раза в год [Свиноводство, 1974. – С. 544]. При такой плодовитости, по сравнению с другими домашними животными, в культурный слой попадает значительно больше костей свиньи, даже при одинаковом с другими домашними видами количестве особей в основном стаде. Следует отметить, что костные останки свиньи встречаются по всей толщине культурного слоя, с самого нижнего уровня. Это указывает на то, что свиньи были завезены в Мангазею вскоре после ее основания и разводились здесь на протяжении всего времени существования города.

Из культурного слоя были взяты на определение образцы навоза и копромаксы, среди которых есть и принадлежавшие свинье. По этим образцам можно предположить, что свиньи содержались в одном хлеву с коровами (постройка № 8).

Разведение крупного рогатого скота. В 2001–2004 годах собрано 387 костей не менее чем от восьми особей. Существование местного скотоводства подтверждается наличием костей молодых животных (24 экз.) и даже новорожденных телят (2 экз.), а также остатками всех отделов скелета, включая «мясные» части, такие как голова и концы ног с фалангами. Кроме того, найдено несколько крупных костей от взрослых быков. Остеологические материалы свидетельствуют, что в городе на месте разделялись целые туши животных, среди которых преобладали телята, коровы и, единично, взрослые быки. Все это указывает на разведение крупного рогатого скота населением города. Большую часть быков, видимо, забивали в молодом возрасте на мясо, а отдельных особей сохраняли для размножения. Коров выращивали до взрослого состояния для получения молока и с целью воспроизводства. Содержание скота в Мангазее на вольном выпасе возможно с конца мая – начала июня до середины октября. Для летнего пастбища подходит небольшая пойма реки Осетровки (Мангазейки) и противоположный низкий берег реки Таз, затапливаемые в пик половодья и относительно богатые травянистыми кормами. В остальное время года из-за суровой погоды и высокого снежного покрова крупный рогатый скот находился на стойловом содержании. Особи для разведения были, несомненно, привезены на кочах.

Судя по собранным костям, крупный рогатый скот Мангазеи был примерно тех же размеров, что и скот в средневековых городах европейской России [Косинцев, Лобанова, 2005. – С. 106].

Скотоводство было, прежде всего, молочным, так как выращивание коров ради мяса требует значительных затрат при явном дефиците качественных местных кормов. На мясо гораздо эффективнее выращивать свиней. Изготовление молочных продуктов подтверждается найденными мутовками — четыре экземпляра в 2001–2004 годах и два экземпляра в раскопах 1968–1970, 1973 годов [Белов и др., 1981. – С. 29].

Пока неизвестно, какова в зимнем рационе коров была доля привозных зерновых кормов, но в любом случае затраты на получение молока были очень велики из-за длительной и холодной зимы. Поэтому, чтобы оправдать затраты, постоянные жители Мангазеи, скорее всего, разводили коров не только для собственного обеспечения, но и для продажи молочной продукции промысловикам. Значение для русского человека на Крайнем Севере этих продуктов (масла и сливок) наглядно демонстрирует эпизод из статьи Ю. И. Кушелевского, где автор описывает наслаждение от замороженных сливок, преподнесенных ему в 1863 году хозяином зимовья Сидоровская пристань на реке Таз, расположенного в 9 км от Мангазеи [Кушелевский, 1864. – С. 53]. Можно только предполагать, сколько могли заплатить за молочную продукцию промысловика, приехавшие с дальних зимовий в Мангазею для продажи пушнины.

Оленеводство. По количеству собранных при раскопках в 2001–2004 годах и определенных костей (991 кость не менее чем от 12 особей) северный олень занимал в Мангазее третье место среди домашних животных. Оценить относительную долю костей домашнего оленя можно лишь на основании косвенных данных. Численность диких оленей в районе Мангазеи резко меняется в зависимости от сезонных миграций. Наибольшее количество диких оленей здесь бывает зимой, но они вряд ли подходили близко к большому шумному поселению, в котором было еще и немало собак. Насколько далеко могли уходить постоянные жители города на охоту за оленем — неизвестно. Но вполне ясно, что пушным промыслом они не утруждали себя, хотя при этом активно занимались охотой ради мяса на зайцев и белых куропаток, которые по количеству собранных в раскопе костей и особей лидируют среди млекопитающих и птиц. Следует учитывать, что куропатки и зайцы — менее пугливые животные, чем северные олени, и зимой подходят совсем близко к человеческому жилью.

Остеологические исследования показали, что туши разделявали на месте: в слое найдены остатки костей головы, то есть забой происходил в самом городе или поблизости от него. Скорее всего, оленей приводили на продажу коренные жители. Горожане не могли содержать около города большое собственное стадо, так как занятие оленеводством на Крайнем Севере требует постоянной смены пастбищ и, соответственно, кочевого образа жизни. Конечно, жители города знали олений транспорт и пользовались им. Вероятно, отдельные горожане могли быть даже собственниками какого-то числа оленей, но эти олени паслись в стадах, с которыми кочевали энецкие и ненецкие семьи. В случае необходимости дальней поездки или транспортировки грузов пастухи предоставляли упряжки собственнику оленей. Несколько оленей для упряжки могли содержаться в окрестностях, но разведение оленей в городе было невозможно.

Пример подобного оленеводства хорошо демонстрирует В. В. Бартенев, политический ссыльный села Обдорского в первой половине 90-х годов XIX века, который сообщает, что некоторые русские становились собственниками оленей, но «при этом никогда ни один русский сам в тундре оленей не пас, а нанимал пастуха-самоеда, а сам жил в Обдорске» [Бартенев, 1998. – С. 132]. По несколько оленей содержались, видимо, и в промысловых зимовьях. Так, в усадьбе зимовья В. В. Седельникова на реке Таз в 9 км выше Мангазеи в начале XX века был большой крытый двор для оленей [Кольс, 1930. – С. 29].

Однако следует учитывать, что в этих же местах обитал и обитает дикий северный олень. Как уже указывалось, зоологи пока не могут различать по костям дикую и домашнюю формы. То, что население города было знакомо с домашними оленями, подтверждается находками костяных деталей упряжи (три целых и три заготовки). Среди останков оленей есть кости очень крупных особей, которые, вероятно, относятся к лесному подвиду, обитающему гораздо южнее — в средней и южной тайге [Косинцев, Лобанова, 2005. – С. 111]. Возможно, их сюда приводили с верховьев Пура, Таза и Агана лесные ненцы.

Таким образом, оленеводства как самостоятельной отрасли у постоянных жителей Мангазеи не было, но потребность в оленьем транспорте явно существовала, и удовлетворялась она через установление отношений с кочевниками — ненцами и энцами. Отсутствие оленеводства подтверждается и небольшим количеством оленьей упряжи, и отсутствием находок деталей оленьей нарты. Все детали, найденные в наших раскопках и в раскопках экспедиции ААНИИ, относятся к собачьей или ручной нарте. Кости оленя, собранные в культурном слое города, принадлежат и дикой (трудно поверить, что жители не охотились на диких оленей в период осенней массовой миграции), и домашней формам. Вопрос о доле в мясном рационе той и другой формы остается открытым.

Коневодство. В 2001–2004 годах найдено лишь две кости лошади — фаланга и метаподия со следами обработки. Обе кости принадлежат вполне взрослым особям. Эти находки указывают на наличие лошадей

в Мангазее, но они не позволяют даже приблизительно оценить их численность. Для сравнения, при раскопках Верхотурского кремля в слоях XVII–XIX веков найдено всего семь костей лошади из более чем 8000 костных останков [Косинцев, Подопригора, 1998. – С. 81, 83; табл. 5], хотя в Верхотурье лошадей явно было немало количество. В отличие от других домашних животных, лошади по русской традиции употреблялись в пищу только под угрозой голода, они использовались до конца жизни как тягловая сила и транспорт и захоранивались на специальных скотомогильниках.

Факт использования лошади подтверждают находки конской сбруи, седла, луки седла и костяной пластины от седла из раскопов 1968–1970, 1973 годов. По материалам этих же раскопок исследователи указывают на наличие в культурном слое конского навоза [Белов и др., 1980. – С. 42, 72, 74, 82]. Таким образом, для верховой езды лошадь, несомненно, использовалась. Кроме того, существовала потребность в лошадях для гужевого транспорта и в качестве тягловой силы. Строительство крепости, храмов, жилых домов, зданий, их отопление и ремонт требуют значительного количества древесины. Пригодный для строительства редкий лес произрастает узкой полосой вдоль рек. Поэтому доставка лиственных и сосновых бревен с дальних участков без лошадей затруднительна. Олень для этих целей — слабое животное, а содержать большое оленье стадо рядом с городом продолжительное время, как уже говорилось выше, невозможно. Однако пока остатки специальной конной оснастки для транспортировки грузов (дуг, саней, оглобель) при раскопках не найдены.

На вопрос, могла ли лошадь выжить в условиях лесотундры, можно ответить утвердительно. Как известно, в Якутии для лошадей не заготавливают сена и не строят теплых конюшен, но там — и особая порода лошадей, и особый тип коневодства. Тем не менее, лошадь — это единственное домашнее копытное, кроме северного оленя, которое способно тебеневать — добывать корм из под достаточно глубокого снега. Для этого вполне пригодны поймы на левом берегу реки Таз. Интересно, что в конце XIX века лошади были в Обдорске [Бартенев, 1998. – С. 51]. Даже в низовьях Таза на зимовье Хальмер-седе Нижне-Обского товарищества имелась конюшня [Кольс, 1930. – С. 13]. На зимовьях лошади использовались для неводьбы.

В Мангазее лошади могли быть доставлены только на кочах. Для них привозили овес и ячмень, зерна которого были обнаружены в культурном слое. Количество лошадей в городе вряд ли было большим.

Птицеводство. В слое найдены кости, отрубленные головы и перья куриц не менее чем от десяти особей. Обнаружены части всех отделов скелета, включая лапы и головы. Среди них есть кости петухов и кур, как молодых, так и взрослых особей, что позволяет говорить о выращивании птиц в городе. К юго-восточной стене постройки № 2 было пристроено небольшое каркасное сооружение, возможно, это был летний курятник. Из-за большого количества собак в городе кур должны были держать на огороженных участках.

В зимнее время кур, видимо, содержали в избах. Прямых данных о зимнем кормовом рационе кур нет. Можно полагать, что он состоял большей частью из сушеной рыбы и мог включать давленный кедровый орех, сушеные и мороженые ягоды (голубику, бруснику, клюкву и пр.), зерно различных злаков. Численность кур в городе вряд ли была большой, и держали их исключительно для получения яиц, которые являются обязательным продуктом в питании русского человека, а также необходимы для приготовления культовой пищи — блинов, куличей, крашенных пасхальных яиц и пр. Скорее всего, желание жителей города — уездного центра и приезжавших издалека промышленников иметь привычную пищу, хотя бы по большим праздникам, оправдывало и окупало все затраты и трудности по содержанию кур.

Собаководство. Судя по найденным в раскопе костям, горожане держали собак и даже кошек. Собаки не шли в пищу, но в любом поселении были бесхозные особи, которых чаще всего прихоранивали прямо в жилой зоне. Собаки упоминаются в архивных документах как ловчие, то есть специализированные охотничьи. Находки деталей собачьей упряжи в 1968–1970, 1973 годах, а также деревянных копыльев (40 экз.), вязов (18 экз.) и полозьев нарт (2 экз.) в 2001–2004 годах, свидетельствуют об использовании собак в качестве тягловой силы. Полозья нарт (длиной всего 237 см), упомянутые во второй части монографии 1981 года, также принадлежат собачьим или ручным нартам. Широкое распространение езды на собаках у русских приполярной зоны Сибири отмечено этнографами [Каменецкая, 1986. – С. 76].

Как показали остеологические исследования, собаки в Мангазее были разных пород, в отличие, например, от собак Надымского городка, которые все были небольших размеров и одинаковых пропорций. Возможно, это объясняется тем, что собаки привозились из разных мест, но не исключено, что большая разница

в пропорциях и размерах костей свидетельствует о различной специализации пород собак, среди которых были ездовые, охотничьи, пастушьи и сторожевые.

Интересна находка почти полного скелета кошки, обнаруженного в межжилищном пространстве у нежилой постройки № 6. Животное, по-видимому, было захоронено людьми, так как скелет лежал в анатомическом порядке, и кости не имели следов погрызов собаками. Содержание кошек у горожан могло иметь два причины: во-первых, это привычное в русском доме домашнее животное «для души», во-вторых, учитывая, что в городе имелись значительные запасы зерна и муки, кошки могли быть пригодны для ловли мышей.

Таким образом, на основании полученных данных можно утверждать, что наиболее жизненно значимы-ми отраслями животноводства у постоянных жителей Мангазеи были свиноводство, разведение крупного рогатого скота и собаководство. Птицеводство было очень ограниченным, а местное разведение лошадей остается пока под вопросом. Ответ на этот вопрос может дать только находка скотомогильника. Пока можно только утверждать, что в Мангазею лошадей привозили, содержали и использовали в качестве тягловой силы и для верховой езды.

5.4. СИСТЕМА ПИТАНИЯ И ГИГИЕНА

Система питания. Материалы новых раскопок позволяют впервые дать достаточно объективную, несмотря на относительно небольшую площадь раскопа, характеристику системы питания и гигиены жителей посада. Это стало возможным благодаря применению современных методов палеоэкологических исследований.

Анализ костных и растительных остатков позволяет утверждать, что пищевой ассортимент жителей Мангазеи, находившейся на значительном расстоянии от пашенных районов, был весьма разнообразным.

Пища мангазейцев состояла из свинины (1608 костей от 36 особей) и говядины, недостаток которой существенно компенсировался дикой и домашней оленевой (992 кости не менее чем от 12 особей), лосятиной (82 кости не менее чем от трех особей) и зайчатинной (5220 костей не менее чем от 209 особей зайца-беляка). Судя по разнообразию и количеству костей птицы (13 629 костей от 21 вида), птичье мясо было на столе в достатке: в весенний и осенний периоды — водоплавающая птица, а зимой — куропатка. Причем последней было настолько много, что возникает вопрос о целесообразности разведения кур, содержание которых в Заполярье очень затратно. Конечно, кур разводили, в первую очередь, ради привычной пищи — яиц, но, возможно, немаловажное значение имело и само наличие куриц и петуха как символов привычной и обустроенной жизни на постоянном поселении, а не во временном становище.

Коров, в первую очередь, разводили не для мяса, а для получения молочных продуктов — молока, сливок, масла, сметаны. Конечно, пока трудно говорить, насколько удовлетворялась потребность в молочных продуктах, но о том, что переработка молока в сливки, сметану и масло производилась, свидетельствуют находки мутовок.

Большое место в рационе мангазейцев занимали рыбные блюда. Состав костных останков рыб (из 5265 костей определены 3666, принадлежащие семи видам) свидетельствует об их видовом разнообразии: сига — 1690 костей, щука — 819 костей, нельма — 505 костей, карповые — 323 кости, осетр — 230 костей, окунь — 61 кость, налим — 38 кость. Это дает право утверждать, что рыба ловилась круглый год и в различных водоемах, в зависимости от того, где она в тот или иной период обитала. Таким образом, рыба была повседневной пищей жителей Мангазеи в течение всего года.

Существенное разнообразие привносили в питание привозные продукты. Зона вечной мерзлоты непригодна для земледелия, здесь не вызревают зерновые культуры и очень сложно выращивать овощи. При раскопках в культурном слое обнаружены зерна овса, проса, ячменя, а также скорлупа ореха лещины, косточки сливы и вишни. По данным таможенных книг 1633 и 1635 годов, в Мангазею завозили чернослив, муку, мед, крупы, толокно, овес, ячмень, рожь, горох, чеснок, винные ягоды, хмель, перец [Белов и др., 1981. — С. 91–92; табл. XVIII]. В рацион входили и местные ягоды, зернышки которых найдены в культурном слое, — морошка, брусника, голубика, княженика, водяника и черника.

Таким образом, данные анализа остеологического и карпологического материалов, вкпе с данными письменных источников, свидетельствуют о том, что пища жителей Мангазеи была достаточно калорийной и разнообразной для условий сибирского Заполярья, а также максимально приближенной к привычному

рациону питания русских Европейской России. Единственными продуктами, которыми невозможно было обеспечить жителей, были традиционные для русской культуры овощи (репа, капуста, лук и др.). В таможенной книге 1633 года среди ввезенных в Мангазею продуктов значится «семя рассадное», возможно, это семена овощей [Белов и др., 1981. – С. 91; табл. XVIII]. Однако археологическими материалами эти сведения пока не подтверждены.

Гигиена. Интересные данные получены по результатам паразитологического анализа образцов человеческих волос. Среди большого количества (54 образца) срезанных волос и очесов не было найдено ни одной гниды, что удивительно, так как на Севере люди подолгу носят меховую одежду, что создает благоприятную среду для вшей и блох. Так, например, анализ нескольких образцов волос и гребней с раскопок Надымского городка показал наличие признаков заражения людей этими паразитами [Кардаш, Косинцев, И-2000. Т. 4. – С. 18]. Факт отсутствия следов паразитов свидетельствует о высоком уровне гигиены людей, проживавших в Мангазее, — мытье в бане было частым занятием, а одежда, скорее всего, регулярно просушивалась и коптилась над курной печью, стиралась, а зимой промораживалась.

5.5. КЕРАМИЧЕСКОЕ РЕМЕСЛО

Спектральный анализ. В процессе изучения керамического материала была поставлена задача определить место производства гончарных изделий Мангазеи, для чего были отобраны на спектральный полуколичественный анализ девять образцов, из которых восемь представлены венчиками сосудов разных типов, а один образец был взят в раскопе из кирпичной печной массы, которая могла быть изготовлена только из местной глины. Анализ проводился в ОАО «Центральная Тюменская лаборатория» научным сотрудником С. А. Головки под руководством начальника лаборатории Н. А. Касаткиной. Полученные данные спектрограммы свидетельствуют об идентичности химического состава всех образцов. Расхождения в процентном содержании отдельных элементов, по утверждению специалистов, — незначительные. В то же время, все образцы практически идентичны (до тысячных долей процента) по содержанию таких редких элементов, как германий, титан, йод, бериллий, астат, тантал и др. Учитывая явно местное изготовление печных кирпичей, можно с уверенностью определить происхождение всей серо-красной керамики как местное.

Комплексный технологический анализ керамики проводился научным сотрудником лаборатории ИПСО СО РАН О. Е. Пошехоновой при участии тюменского художника-керамиста А. С. Кухтерина и включал визуальный осмотр и бинокулярную микроскопию с использованием экспериментальных эталонов. Кроме того, для работы привлекались данные спектрографического и петрографического анализов ряда образцов (выборка осуществлена по принципу наибольшей показательности). Петрографический анализ проведен петрографом Центральной лаборатории Главтюменьгеологии М. А. Костюк.

Характеристика формовочной массы. Данные петрографического анализа показали, что при изготовлении мангазейской керамики в качестве сырья использовались глины легкие или тяжелые с гидрослюдистой или, реже, с гидрослюдисто-коалинитовой глинистой частью с примесью пылеватых и мелкоалевритовых частиц кварцевого состава. Присутствие гидроокислов железа и марганца, то есть ожелезненность в суглинках, характерна для выходов сырья, как и наличие в них органических включений. Цемент составляет 45–65% площади шлифа. В качестве примесей в тесто вводили песок, шамот, сухую глину и органику. Песок в качестве искусственной примеси зафиксирован в 96% образцов. Он занимает от 20% до 35% шлифа и представлен кварцем, полевыми шпатами и другими минералами. Гончары, судя по всему, использовали речной окатанный песок без предварительной подготовки (дробления, просеивания). Надо отметить, что в тех образцах, в которых, кроме песка, имеются и другие примеси, он присутствует в меньшем количестве. По совокупным данным петрографического анализа и бинокулярной микроскопии, шамот представлен в 22% образцов и составляет от 5 до 20% формовочной массы. Размеры зерен шамота колеблются от 0,1 до 2,0 мм. Состав шамота аналогичен составу образца или похож на состав других образцов этого же комплекса. В некоторых случаях, судя по ряду признаков (окатанность, малые размеры), включения, принятые петрографами за шамот, являются крошками сухой глины. Сухую глину могли вводить в тесто вместе с шамотом,

либо ее присутствие — следствие недостаточного размачивания сырья. По результатам петрографического анализа и бинокулярного исследования, органический наполнитель фиксируется в 18% образцов. Органика представлена каловыми массами с растительными остатками. Судить о том, размачивали эту добавку или вводили в сухом виде, трудно. В одном случае встречены следы водорослей.

Выявлены четыре варианта рецептуры формовочной массы: 1) глина + песок — 60%; 2) глина + песок + шамот — 18%; 3) глина + органика + песок — 18%; 4) глина + шамот + сухая глина — 4%.

Четвертый вариант является, скорее всего, разновидностью второго, и рассматривать его в качестве отдельного и определяющего нельзя. Фактически использовались три рецепта. Гончары применяли разные рецепты в зависимости от качества сырья: если брались легкие глины, то добавляли в большем количестве песок и шамот. Если использовались средние и тяжелые глины, то шамот и песок добавляли в меньшем количестве, но зато в качестве пластификатора в таких формовочных массах присутствовала органика. Таким образом, чтобы повысить формуемость, прочность и огнеупорность, а также уменьшить усадку изделий, мастера отощали более жирные глины и наоборот. Затем тесто хорошо промешивали и проминали.

Формовка сосудов. Для всех сосудов зафиксирована одна схема формовки. Все начинены представлены донными моделями. Дно изготовлялось в виде цельной лепешки, которую разминали из комка глины, на что указывает рельеф на внутренней поверхности днищ. Конструирование дна происходило на поверхности гончарного круга: к дну-лепешке сверху приставляли ленту, которую примазывали снаружи — вниз, изнутри — вверх, причем ленту расформовывали пальцами. Такая техника формовки характерна для ручного гончарного круга. Шов изнутри и снаружи хорошо уплотняли при помощи инструмента, медленно поворачивая гончарный круг. Емкость посуды конструировалась лентами (3–4 см высотой) по кругу. Об этом свидетельствуют спаи между лентами и течение глинистой массы, фиксируемые на вертикальном изломе, а также рельеф на поверхности нижней части емкости сосудов, появившийся в результате примазывания лент. Стыковка и примазывание лент производились в их влажном состоянии, что предотвращало растрескивание по спаю при сушке и обжиге. Венчик формовался из последней ленты.

Обработка поверхности сосудов. Зафиксировать следы первичной обработки поверхности сосудов не удалось, так как они были уничтожены вторичной обработкой. Вторичная обработка (тщательное заглаживание) производилась на верхней и нижней частях сосуда по-разному. Внутренняя поверхность дна, придонная часть и низ емкости обрабатывались инструментом внутри и снаружи либо при медленном, либо при быстром вращении круга. На это указывают следы от инструмента, расположенные разнонаправленно или, соответственно, параллельно. Далее гончар заглаживал поверхность мокрой кожей (тканью) или рукой, тоже на разных скоростях. При этой операции стенки сосуда в случае обработки на большой скорости становились более ровными и тонкими. При медленном вращении круга стенки и дно оставались неровными, толстыми и хорошо сохраняли рельеф.

Верхняя часть емкости и венчик обрабатывались по другой схеме. На всех венчиках зафиксировано заглаживание на большой скорости при помощи инструмента на внутренней поверхности и руками на внешней поверхности. При этом на венчике снаружи формировался небольшой валик, сформованный рукой или инструментом за счет перегонки излишков теста. В нескольких случаях на внешней стороне, ниже верхнего края венчика на 1,5–2,0 см, формировался наплыв подтреугольной формы, тоже за счет перегонки излишков теста. Такой наплыв характерен для сосудов открытой формы.

Готовый сосуд срезали с круга, предположительно, нитью шнура, сплетенного из конского волоса (аналогичные следы зафиксированы на экспериментальных образцах и этнографических русских горшках) и ставили на твердую поверхность с подсыпкой золы и песка. Об этом свидетельствуют следы на внешней поверхности дна сосудов.

Обжиг. Для большинства сосудов зафиксирован восстановительный обжиг. Температура обжига средняя — предположительно, от 750° С до 800° С. На это указывают крепость стенок на излом и результаты экспериментального моделирования характера обжига сосудов. Термическая обработка сосудов — равномерная, что, скорее всего, свидетельствует об обжиге в горне, а не в костре или яме. Восстановительный обжиг позволяет улучшить качество посуды — повышает водонепроницаемость и механическую прочность.

Основная часть описанной посуды — местного производства. К явно привозным экземплярам следует отнести единичные фрагменты плотной, тонкостенной серолощенной и поливной посуды, изготовленной из хорошо отмученного глиняного теста, практически не содержащего примесей. Результаты спектрального анализа образцов керамики и кирпичной массы из раскопок 2001–2004 годов показали, что практически вся керамическая посуда изготовлялась мангазейскими гончарами. Тем самым опровергается утверждение О. В. Овсянникова об отсутствии на Мангазее местного гончарства. Думается, при дальнейших исследованиях посадской части будут найдены и остатки гончарных мастерских. Очевидно, из европейской части России сюда завозили лишь парадную столовую посуду, причем в небольшом количестве. Это косвенно подтверждается и отсутствием сведений о завозе керамической посуды в мангазейских таможенных книгах 1633 и 1635 годов [РГАДА. Ф. 214. Кн. 45. Л. 384–550; Кн. 82. Л. 28–169: по Белову и др., 1981. – С. 90–92; табл. XVIII].

Все сказанное выше дает основание констатировать наличие развитого местного гончарного производства и занятости в нем определенной группы населения города. Вероятно, часть керамики продавалась и вывозилась из Мангазеи в зимовья.

5.6. МЕТАЛЛООБРАБОТКА

В городе, безусловно, имелись кузнецы, обслуживавшие местное население. Они ремонтировали железные изделия и изготавливали из привозных полуфабрикатов — стального уклада и железных прутков — такие простые предметы, как клинки ножей, гвозди, судовые скобы и т. п. О большом количестве привозных полуфабрикатов свидетельствуют данные из двух Сборных товарных книг мангазейской таможни (1633 и 1635 гг.) [Белов и др. 1981. – С. 90; табл. XVIII].

Из материалов экспедиции ААНИИ следует, что в центре посада, на раскопе № 10, была найдена «ремесленная постройка» с остатками кузнечного горна и «столбов для крепления кузнечных мехов» [Белов и др., 1980. – С. 75]. Кроме того, в описании одной из ремесленных построек в восточной части посада (раскоп № 24) упоминается «большая каменная наковальня» [Белов и др., 1980. – С. 25].

Как в раскопе, так и на бечевнике у посадской части были найдены железные шлаки. В окрестностях города много конкреций камней-лимонитов с высоким содержанием железа. Вероятно, железоделательное производство находилось в посадской части Мангазеи и функционировало sporadически, однако остатки домниц пока не обнаружены.

Обработка цветных металлов

М. И. Белов и О. В. Овсянников писали о наличии в Мангазее местного ювелирного производства. Основанием для этого явилось обнаружение в центральной части посада остатков двух литейных мастерских с керамическими тиглями, медными шлаками и литейными формочками для отливки пуль, блюшек и нательных крестов [Белов и др., 1980. – С. 25, 86–88]. Ими же среди ювелирных изделий, найденных на городище, была выделена небольшая группа отливок местного производства [Белов и др., 1981. – Табл. XVIII]. Сырьем для литья служил цветной лом. Использование норильской руды пока нельзя считать доказанным.

В 2001–2004 годах нами были найдены три медных зажимных пинцета. Размеры, форма и гравированные узоры на лицевой поверхности пинцетов почти идентичны, что, скорее всего, свидетельствует об их привозном происхождении и ремесленном изготовлении. Аналогичный вывод следует из анализа связки железных ювелирных инструментов.

5.7. ПОРНЯЖНОЕ И ОБУВНОЕ РЕМЕСЛО

В раскопах 2001–2004 годов, помимо кожаных, суконных и вязаных деталей одежды, найдено большое количество (944 экз.) фрагментированных изделий из тканей (преимущественно шерстяных), обрезков тканей, деталей кроя. Ткани — различных цветов и оттенков. Преобладали серо-желтые, светлые желто-зеленые, реже встречались синие, зеленые, коричневые и красные и как исключение — черные.

Тканевые материалы из коллекции 2003 года были изучены в лаборатории систем жизнеобеспечения народов Севера Сургутского государственного педагогического университета. Исследованием образцов занимались сотрудники лаборатории Т. Н. Глушкова, Е. В. Киреева и А. В. Сутула. Для исследования было отобрано 108 фрагментов текстиля полотняного (83 экз.) и саржевого (25 экз.) переплетения, 37 поясов и тесемок, накладок или нашивок на пояса из тканей, пять целых рукавиц и фрагменты вязаного текстиля (рукавицы? стельки?). Весь комплекс текстильных материалов был подвергнут специальному материаловедческому и структурному анализу.

В результате материаловедческого анализа определено сырье и рассмотрена пряжа. Пряжа (нити) описывалась на основе изучения тонины и крутки (направления, в ряде случаев — величины крутки). Структурный анализ текстиля включал замеры и фиксацию следующих параметров: плотности нитей основы и утка; способа переплетения нитей в полотне ткани (полотняное, саржевое и т. п.). Эти характеристики, а также параметры фактуры полотна (открытая или закрытая поверхность) позволили атрибутировать изучаемый материал. В исследовании использовалась общепринятая классификация текстиля по сырью (шерсть, растительное сырье). В коллекции мангазейских тканей отсутствует текстиль со сложной структурой переплетения или высокими (выше 22 нитей на 1 см) показателями плотности.

Деление по видам внутри выделенных групп производилось по способу переплетения — полотняное, саржевое (другие варианты переплетения отсутствуют), затем — по фактуре поверхности (открытая, закрытая настилом). Если в полотне присутствовали кромки или ткацкие ошибки, им уделялось особое внимание, так как их изучение играет особую роль для реконструкции приспособлений, на которых был изготовлен текстиль (более подробно см. *Визгалов, Пархимович, Глушкова, Киреева, Сутула 2006.* — С. 117–131).

Как показали исследования тканей полотняного плетения, все 83 фрагмента — шерстяные. Все полотняные ткани являются сукном и фланелью (или байкой) и изготовлены на профессиональном горизонтальном ткацком станке с педалями и развитым ремизным аппаратом. Ткани саржевого плетения — тоже все шерстяные, по способу плетения относятся к так называемой двухсторонней сарже. В тканях с саржевым плетением обнаружены ткацкие ошибки, что может свидетельствовать о кустарном производстве. В качестве предварительной гипотезы можно предположить, что для изготовления тканей саржевого переплетения использовался горизонтальный ткацкий станок с четырьмя (или тремя) ниченками и педалями. Однако нельзя полностью исключить вариант использования вертикального ткацкого станка с ниченками. Возможно, что это было домашнее производство текстиля мастерами (мастерицами), имеющими опыт изготовления подобных полотен на простых стандартных приспособлениях. Традиционная технология изготовления тканей саржевого переплетения известна по материалам из Новгорода (XII–XVI вв.) [*Нахлик, 1963*], а также с финно-угорских памятников Приуралья [*Ефимова, 1966.* — С. 127–134].

Фрагменты поясов (17 экз.), нашивок на пояса (19 экз.) и тесемок или опоясок (11 экз.) были изготовлены из шерстяных нитей, на многих фрагментах сохранилась полосатая окраска. Семь фрагментов поясов были изготовлены способом ручного плетения; остальные пояса, тесемки и нашивки изготовлены на вертикальном и примитивном горизонтальном станках.

В коллекции текстильных материалов Мангазеи выделяются комплексы русских и импортных тканей.

К русскому текстилю, по всей видимости, относятся ткани саржевого переплетения, а также ткани полотняного переплетения с открытой поверхностью, незначительной плотностью и неравномерно пропряденными нитями. Они могли производиться и на месте, на горизонтальном ткацком станке, применявшемся в домашнем ткачестве русским населением еще в XIII–XIV веках. Русскими по происхождению можно считать пояса ручного производства из толстых нитей и вязаные рукавицы. К импортным, вероятно, следует отнести ткани хорошего качества с равномерно прядеными нитями, равномерным натяжением нитей, высокой плотностью, с настилом или без настила. Их производство осуществлялось по устоявшейся технологии в развитых текстильных центрах, прежде всего Западной и Восточной Европы. Дополнительный признак — наличие цветных нитей в кромке, встречающийся среди тканей Мангазеи, — тоже является свидетельством принадлежности тканей к определенным европейским ткацким центрам. Импортными также следует считать полосатые ткани, небольшие продольно раскроенные куски которых использовались как нашивки на пояса. Это ткани хорошего качества (сукно без настила?). Такие ткани известны по раскопкам Новгорода XV века и атрибутированы А. Нахликом как импортные. Ткани импортировались из Европы, где в XIII–XIV веках сложились развитые текстильные центры во Фландрии, Англии, Голландии, в которых производились качественные сукна, фланели, другие шерстяные ткани. Однако в Мангазею поступал европейский импорт

не самого высокого качества. По классификации А. Нахлика, обследованные образцы европейских тканей относятся к 4-му и 3-му сортам, чья плотность не превышает 14–16 нитей на 1 см при средних и толстых нитях [Нахлик, 1963. – С. 228–313].

Коллекция предметов из раскопок 2001–2004 годов, характеризующая обувное и портняжное ремесла, представлена 24 шильями, 38 швейными иглами, четырьмя обувными колодками, целыми и фрагментированными изделиями — 867 экземплярами обуви, 38 рукавицами, 35 ножами, а также 1345 фрагментами кроя обуви и мелкими обрезками кожи (более 7000). Кроме того, были найдены 130 обувных железных подковок.

Благодаря хорошей консервации изделий в промерзшем культурном слое Мангазеи, мы имеем самую представительную коллекцию русской обуви XVII века, которая показала разнообразие типов обуви и приемов ее изготовления. Интересно то, что в Мангазее было немалое количество обуви парадной, городской, не приспособленной для ходьбы по неровной поверхности на охоте, рыбалке и т. п. Наличие такой обуви в посаде, а не только в кремле, является показателем того, что Мангазея и по эстетическим нормам считалась именно городским поселением, в котором носить непрактичную, но модную обувь считалось престижным.

Вероятно, значительная часть обуви, в первую очередь — простейших форм (поршни и туфли), изготавливалась в Мангазее из привозного сырья и полуфабрикатов, о завозе которых говорят данные таможенных книг. Подтверждение этому — три деревянные колодки для обуви из раскопа 2002–2003 годов (две прямые и одна косая), различающиеся формой и размерами. Подобные колодки были найдены в Мангазее и экспедицией под руководством М. И. Белова [Белов и др., 1981. – С. 50; табл. 53]. Не исключено, что на месте шили и некоторое количество сапог, так как, по данным таможенных книг, в Мангазею завозились полуфабрикаты для их изготовления. Например, в 1635 году в таможенных книгах упоминаются «переды сапожные» — 40 экземпляров [Белов и др., 1981. – Табл. XVIII].

О широком распространении сапожного ремесла в Мангазее свидетельствует обилие отходов — более 16 тысяч мелких кожаных обрезков, негативы раскроев подошв, следы ремонта на обуви и заплатки. Кроме того, встречено 24 шила. Основное количество шильев и две обувные колодки были найдены в заполнении постройки № 1а и рядом с ней; одна колодка найдена в избе постройки № 2. Вероятно, жители этих домов профессионально занимались изготовлением обуви.

В целом коллекция мангазейской обуви, тканых и вязаных изделий по количеству, разнообразию и сохранности не имеет равных среди памятников русского средневековья. В связи с этим она является бесценным источником для изучения данных отраслей материальной культуры и может выступать в качестве эталонной для синхронных памятников.

5.8. ОБРАБОТКА ДЕРЕВА

Обработка дерева являлась наиболее важным из домашних и профессиональных ремесел в средневековых русских городах. Мангазея в этом отношении не является исключением.

Уже в ходе первых раскопок памятника была получена колоссальная коллекция хорошо сохранившихся деревянных изделий — около 400 предметов. Среди них большими группами представлены различные виды бондарных изделий, домашней утвари, деталей рыболовных и охотничьих снастей и т. д.

Каждая категория деревянных изделий была подвергнута статистической обработке и интерпретации. Отмечено, что привозными были различные разновидности тары, а основная часть изделий изготавливалась на месте, как правило, из березы и сосны [Белов и др., 1981. – С. 24–46, 61–73].

В 2001–2004 годах найдено около 900 различных деревянных изделий, не считая деталей построек (бревен, досок, кольев, дверей), нагелей, заостренных палочек, неопределенных фрагментов. Наши раскопки существенно дополнили и расширили ассортимент деревянных изделий и орудий, связанных с их изготовлением. Среди новых категорий и разновидностей — мерные палочки, бирки, детские игрушки, культовые предметы, инструменты. Почти все изделия изготавливались местными жителями из различных пород — березы, лиственницы, кедра, ели, а также сосны (детали разобранных кочей).

Местная деревообработка включала также изготовление транспортных средств и элементов архитектурных конструкций, при этом в качестве сырья использовалась как местная древесина, так и детали разобранных кочей, из которых особую ценность представляли качественные корабельные доски из сосны.

Многие разновидности деревянных изделий имеют серийный характер: шахматные фигурки-самоделки (169 экз.), деревянные ножи для чистки рыбы (95 экз.), ложки (14 экз.), поплавки для сетей (121 экз.), шаблоны для вязания сетей (25 экз.), лопаточки (64 экз.), нартенные копылья (40 экз.) и вязы (18 экз.), детские игрушки (25 экз.), оконные рамы (19 экз.). Из бересты изготавливали детали обуви, посуду и украшения — «крашенину травчатую».

При обработке дерева использовались топоры, ножи, сверла. В изготовлении древков стрел применялись мелкие стружки с деревянными (4 экз.) и костяными (1 экз.) колодками. Пилы или пилки в раскопах не встречены, хотя следы пропилов на деревянных изделиях встречаются часто.

Относительно изготовления водного транспорта отметим, что кочи, баркасы и дощатые лодки, несомненно, были привозными. На месте, скорее всего, могли изготавливать долбленные лодки с разведенными бортами, которые в Сибири называют обласами. Хотя нами пока не найдены остатки таких лодок, на вероятность их изготовления в Мангазее указывают находки таких необходимых инструментов, как лучковое сверло с катушкой, а также сохранившееся в языке тазовских селькупов старое поморское название долбленной лодки — «ветка».

Полученные в результате раскопок материалы, особенно целый киль и фрагменты шпангоутов, дают возможность существенно дополнить имеющиеся реконструкции коча, однако для этого требуются специальные исследования, которые будут представлены в отдельной работе [Подробнее см. Визгалов, 2006б].

5.9. КОСТОРЕЗНОЕ РЕМЕСЛО

В коллекции экспедиции ААНИИ — около 100 костяных изделий и «большое количество» (?) фрагментов и заготовок [Белов и др., 1981. — С. 41–43]. Среди изделий — *гребни* (13 экз.), *рукояти ножей* (не менее 5 экз.), *наконечники стрел* (16 экз.), *детали оленьей упряжи* (11 экз.), *щитки* для запястья при стрельбе из лука (9 экз.), *шахматные фигурки* (32 экз.).

По мнению О. В. Овсянникова, часть предметов (гребни, шахматные фигурки) была привозной, но значительный объем их — местного производства [Белов и др., 1981. — С. 41]. Однако в разделе, выполненном М. И. Беловым на основании данных из документов и посвященном товарам, завозившимся «с Руси», ни гребни, ни шахматы не упомянуты [Белов и др., 1981. — С. 90–92; табл. XVIII]. Конечно, это не означает, что таких изделий не было, но думается, что пока нет достаточных оснований принижать квалификацию мангазейских косторезов, оставляя за ними авторство лишь простых и низкокачественных предметов.

О местном производстве костяных изделий свидетельствуют расколотые заготовки, а также вырезанные из них прямоугольные в сечении брусочки, кубики-заготовки костей для игры в зернь. Рог, как правило, шел на изготовление оленьей упряжи, рукоятей ножей и т. п. Из кости изготовлены украшения в виде накладок, гребни, обушки ножей, шахматы.

Впервые найдены изделия и заготовки из китового уса — четыре пластины и две детали составных бус.

Особенно нарядно выглядит рукоять ножа с обкладками из резной кости (рис. 129 – 2). Тонкость и изящность гравировок, сложная и редкая техника инкрустации могут указывать на ее изготовление высокопрофессиональным ремесленником. Аналоги этой рукояти пока неизвестны. В культурном слое встречены еще две точно такие же отдельные пластины (рис. 132 – 8, 10). Возможно, вкуче они могут указывать на местное производство, о чем свидетельствуют также заготовки и полуфабрикаты изделий.

Производство кубиков для игры в зернь из бивня мамонта было буквально поставлено на поток: найдены несколько десятков расколотых вдоль брусочков прямоугольной формы, заготовок кубиков и отходов — мелких обрезков неправильной формы. Несомненно, что косторезное ремесло было профессиональным занятием некоторых постоянных жителей Мангазеи.

5.10. ТОРГОВЛЯ И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

ПРИВОЗНЫЕ ТОВАРЫ

Значительную роль в системе жизнеобеспечения города играли привозные товары. Судя по находкам и данным Сборных товарных книг [Белов и др., 1981. – С. 90; табл. XVIII], сюда везли ткани и готовые одежды, веревки, кожу и кожаные изделия и полуфабрикаты, стеклянную, высококачественную керамическую и точеную деревянную посуду, металлические изделия, украшения (бусы, перстни, пуговицы, серьги), костяные шахматы, гребни (хотя, вероятно, часть шахмат и костяных гребней могла изготавливаться и на месте). К этому стоит добавить транспортные средства (лодки, карбасы, лыжи), ткани, некоторые продукты питания, книги и пр.

Железные изделия

В коллекции находок экспедиции ААНИИ — не менее 200 изделий из железа: подковки, сверла, наконечники стрел, ножи, рыболовные крючки, топоры, шилья и т. д. [Белов и др., 1981. – С. 75–87].

В ходе новых раскопок собрание железных предметов значительно пополнилось: найдено 1675 предметов, среди них много изделий, неизвестных по ранним мангазейским коллекциям.

Большая часть из них — явно привозные: судовые скобки, гвозди, сапожные подковки, сверла (перовидные и спиралевидные), пищали, клинки ножей, кресала, ножницы, шилья, топоры, швейные иглы, сапожный молоток, чашечка, сундучная накладка, ручки сундуков, замки, ключи, дверные пробои, ручки разновесов, гирьки, варганы, светцы.

Небольшие швейные иглы и шарнирные ножницы свидетельствуют о местном пошиве и ремонте одежды из тканей.

Изделия из цветных и драгоценных металлов

По материалам раскопок 1968–1970 и 1973 годов О. В. Овсянников выделил группу привозных изделий, «вышедших из мастерских ювелиров-ремесленников»: золотой перстень, бронзовые и серебряные кольца и перстни (не менее 6 экз.), бронзовые серьги (не менее 3 экз.), серебряные обоймочки, бронзовые бляхи, детали ременных приборов и нательные кресты [Белов и др., 1981. – С. 47]. Кроме того, экспедицией ААНИИ было найдено 234 монеты, преимущественно в виде подъемного материала, собранного на бечевнике, куда они попали из разрушенного культурного слоя [Белов и др. 1981. – С. 53–60].

В новой коллекции привозные изделия из этих металлов представлены перстнями, серьгой, ременной накладкой, ременными пряжками, монетами и нательными крестами.

Изделия из стекла, среди которых — бусы, фрагменты посуды и пуговицы, представлены 507 единицами.

В целом необходимо отметить, что разнообразие привозных вещей в Мангазее было очень значительным для обычного города того времени. Даже в таких больших по сибирским меркам городах, как Верхотурье или Томск, при раскопках слоев XVII века не было найдено сопоставимого количества самых разных предметов, что подтверждает представление о Мангазее как о богатом торгово-ремесленном центре, который, судя по находкам, являлся еще и центром культурно-досуговой жизни Крайнего Севера Сибири.

МОНЕТЫ

В ходе новых раскопок была получена представительная коллекция — 222 серебряные монеты (рис. 178 – Б – 1). В основном, они были обнаружены в постройках, причем не в сенях, а в жилой части. Наиболее богатыми в этом отношении оказались постройка № 1а — в ней обнаружено 33 монеты (почти все под деревянным полом — 31 монета) и постройка № 2 — 30 монет. Много монет оказалось и в постройке № 13 — два десятка, и очень мало — в постройке № 3: лишь восемь. Около угла постройки № 10 было найдено компактное скопление из 18 монет (свидетельство строительного обряда?).

Монеты, найденные в культурном слое, определены старшим научным сотрудником Тюменского областного краеведческого музея В. И. Карпухиным. Они представлены копейками (217 экз.) и деньгами-

сабельницами (5 экз.). По времени изготовления монеты распределяются следующим образом: 206 чеканены при царе Михаиле Федоровиче, четыре — при Иване IV, три — при Василии Шуйском, две — при Борисе Годунове и одна — при втором земском ополчении; три монеты не поддаются определению по этому показателю.

По месту изготовления монеты распределяются следующим образом: 203 чеканены в Москве, пять — в Новгороде, одна — в Твери, две — в Пскове, одна — в Ярославле; десять монет не поддаются определению по этому показателю. Кроме того, найден нюрнбергский счетный жетон Ганса Лауфера (рис. 178 – Б – 2). Более подробно данные о монетах представлены в приложении *табл. III*.

Обилие монет, встреченных нашей экспедицией на небольшой, вновь исследовавшейся площади раскопа № 22 экспедиции ААНИИ, достаточно красноречиво свидетельствует об оживленном денежном обращении в Мангазее. Для пушной столицы Сибирского Севера, в которую регулярно завозились разнообразные товары из европейской части страны, такое положение вполне естественно. Деньги были необходимы не только для осуществления торговых операций, но и для оплаты разного рода работ, услуг, пошлин. Судя по большому количеству найденных в раскопе шахмат, игральные кости и фишек, немалые суммы вращались и в игорном деле.

5.11. БЫТОВАЯ КУЛЬТУРА И ДОСУГ

Бытовая культура жителей Мангазеи в монографии М. И. Белова и его коллег представлена подробной характеристикой керамической, стеклянной, деревянной и берестяной посуды, ложками, шумовками, мутовками, формами для печенья, корытами и деревянными очажными крюками. Кроме того, среди иллюстраций есть изображения светцов, подсвечников и свечных щипцов [Белов и др. 1981. – Табл. 7 – 1–15].

Судя по материалам новых раскопок, жилое пространство рядовых посадских жителей ограничивалось бревенчатыми стенами небольших одноэтажных изб, топившихся по-черному. Сведений об интерьере избы немного: известно, что печи-каменки, как правило, располагались слева или справа от входа; постоянным источником света были небольшие косячатые окна, над печью висели очажные крюки. Избы освещались лучинами, которые крепились в железных светцах.

Такие детали интерьера, как домашняя мебель, при новых раскопках не найдены. В этом отношении достаточно ценными представляются сведения о найденных экспедицией ААНИИ в воеводском доме «лавках-скамейках» и «массивном широком кресте», а также детской кровати из раскопа № 22 [Белов и др. 1980. – С. 41–44, 71–72], но, к сожалению, подробные описания, фотографии или рисунки этих предметов в монографии М. И. Белова и его коллег отсутствуют.

Характеристику быта мангазейцев дополняют материалы новых раскопок. Помимо описанных выше керамической (364 горшка, 20 сковород и 14 мисок), стеклянной (147 фрагментов), деревянной (4 блюда, чаша, сельница, 2 чарки, 6 ковшей) и берестяной (40 коробок и туесов) посуды и 14 ложек, найдены мутовки, кухонные лопатки-веселки, очажный крюк, ушко и дужка от железного котла, железный ухват, светцы, валеки для стирки белья, костяные гребни и выбивалки снега, а также многочисленные фрагменты рогожных циновок.

Исследования Мангазеи показали, что жители и гости города проводили свой досуг за играми. Это подтверждают материалы раскопок — большое количество шахматных фигур, фишек и кубиков для игры в зернь. По свидетельствам письменных источников, эти игры в XVII веке были широко распространены в России и являлись настоящим бедствием [Бахрушин, 1987. – С. 124–127]. В Мангазее, городе, куда съезжались промысловики с пушниной, было кому и на что играть.

Очевидно, шахматы, наряду с «зернью» и картами, играли значительную роль в официальной и теневой экономике Мангазеи и Мангазейского уезда. Например, в 1634–1637 годах годовой доход с государственной бани, которая была в Мангазее официальным местом азартных игр, превышал таможенный сбор и составлял огромную по тем временам сумму — 649 рублей [Бахрушин, 1987. – С. 124]. Азартные игры, прежде всего шахматы и зернь, были широко распространены и в других городах Сибири, о чем свидетельствуют многочисленные находки из раскопок Томска [Черная, 2004. – С. 286–296] и Алазейского острога в Якутии [Алексеев, 1996. – С. 40–41].

Судя по данным таможенных и приходных книг, через Мангазею в пору ее расцвета ежегодно официально проходили десятки тысяч шкурок ценного пушного зверя. Какая-то часть пушнины оседала на некоторое

время в городе, как в воеводских сундуках, так и у прочего люда («чтоб воеводам было про то неведомо»). Денежная масса в руках населения была настолько велика, что в эти годы деньги на казенные расходы из государственной казны в Мангазею не посылались. О размахе азартных закладных игр в городе красноречиво свидетельствуют суммы сборов в казну: так, в 1626 году с зерни, карт и всякой закладной игры поступило 64 рубля, что составляло около 8 процентов от суммы всех сборов [Буцинский, 2003. – С. 299]. По доходности для казны эта статья сборов уступала только таможенным и судным пошлинам и более чем в 10 раз превышала «явную пошлину с меда, пива и браги». Кроме крупной «монеты» — мягкой рухляди, у мангазейских игроков имелось немало и разменной: только в раскопе 2001–2004 годов было найдено 220 серебряных копеек и денег.

Кроме шахмат, в Мангазее процветала еще одна азартная игра — *зернь*, которая имела явные преимущества перед шахматами: ее компактность и мобильность позволяли играть где угодно, незаметно от доносителей местной администрации и без оплаты соответствующей пошлины. В зернь играли везде, в том числе — в банях, игорных домах с разрешения администрации [Бахрушин, 1987. – С. 124–125].

Помимо этих двух широко распространенных азартных игр жители и гости Мангазеи играли в *карты*, об облике которых сегодня ничего не известно, хотя в документальных источниках они упоминаются часто, в том числе и касательно Мангазеи [ЦГАДА. – Ф. 214. Кн. 96. Л. 30; Кн. 78. Л. 156об.–157, 74 об. – по: Бахрушин, 1987. – С. 124].

Постоянные жители Мангазеи обзаводились семьями, воспитывали детей. Как известно, в раскопках экспедиции ААНИИ у Троицкого собора в кремле (раскоп № 7) и у часовни Василия Мангазейского (раскоп № 11) были найдены захороненные останки детей — подростков 10–12 лет [Белов и др., 1980. – С. 161–163]. Другие материалы, связанные с детьми, в монографии М. И. Белова и его коллег не упоминаются.

Присутствие детей в городе засвидетельствовано и наличием простых, сделанных на скорую руку, игрушек. В 2001–2004 годах была получена небольшая коллекция предметов, принадлежавших детям. Среди них — явно детская обувь: девять изделий длиной от 11 см до 18 см, в том числе два поршня, три сапожка, три туфли и одно изделие типа пинетки.

В целом материалы раскопок городища достаточно убедительно (но не исчерпывающе) характеризуют особенности хозяйства Мангазеи. Благодаря, в первую очередь, анализу палеоэкологических находок, сегодня можно, наконец, уверенно говорить о том, что жители города содержали домашний скот — коров, лошадей, коз (овец?), свиней и кур, стремясь восстановить в сибирской глуши привычный для русского человека уклад жизни и образ питания.

Практиковались промышленный лов рыбы, добыча лосей, оленей, зайцев, водоплавающей и боровой дичи. Добыча пушнины, в основном, была отхожим промыслом и сосредотачивалась вокруг зимовьев Мангазейского уезда. Привозные товары не могли полностью обеспечивать потребности мангазейцев, поэтому был востребован труд кузнецов, портных, сапожников, столяров и прочих умельцев.

ГЛАВА 6. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

6.1. РЕЛИГИОЗНЫЕ ТРАДИЦИИ И ИХ АТРИБУТЫ

В результате новых раскопок получены материалы, характеризующие некоторые компоненты религиозных традиций населения Мангазеи. Речь идет о таких составляющих религиозной практики, как индивидуальные предметы-символы православия — нательные кресты, культовые атрибуты — свечи, а также так называемые приклады, связанные со строительными магическими обрядами и являющиеся материальными свидетельствами актуальности языческих представлений в религиозном мировоззрении мангазейских жителей.

Рассмотрим предметы христианского культа безотносительно обстоятельств их нахождения в культурном слое. Отметим лишь, что ни один из них не был потерян или выброшен.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБРЯДЫ И ИХ АТРИБУТЫ

Как известно, в народном православии христианская вера сочеталась с архаичными языческими представлениями об окружающем мире, которые церковь осуждала, но вынуждена была с ними мириться. Особенно заметен этот православно-языческий симбиоз в обрядах, связанных со строительством дома.

Строительство дома и его заселение традиционно сопровождалось обрядовыми действиями — освящением христианской молитвой и языческими магическими ритуалами, обращенными к домовому. При совершении магических обрядов использовались и христианские атрибуты — нательные кресты и церковные свечи, которые в представлениях русских обладали особой охранительной силой.

Во время раскопок мы уделяли особое внимание местам нахождения вещей, размещению их относительно элементов жилища (дверей, пола, печи и т. д.) и взаиморасположению. В результате удалось многократно зафиксировать следы строительных обрядов. Они обнаружены практически в каждой из восьми полностью и семи частично вскрытых построек и представляют собой как отдельные предметы, так и специфические наборы, намеренно положенные под различные части построек при их строительстве. Всего выявлено 19 таких прикладов. Об их преднамеренном размещении свидетельствуют повторяемость наборов вещей, их состояние и конкретное положение, практически исключающее возможность трактовать их нахождение как выброс ненужных вещей или потерю (см. *табл. IV*).

Так, в *постройке № 13* (Отд. прил. – Лист 30. *Чертеж 27*) под основанием глинобитной печи лежали, образуя два условных вписанных кольца, 17 кожаных башмаков, два костяных гребня, шесть железных наконечников стрел, две железные иглы, четыре монеты и три нательных креста. Во внешнем кольце располагались 14 башмаков, две иглы, две монеты, крестик, гребень, скопление железных наконечников стрел. Во внутреннее кольцо были помещены два нательных креста, две монеты, гребень и три башмака (*табл. IV*).

Аналогичная картина была зафиксирована и в упомянутой выше печи от несохранившейся постройки, примыкавшей к *постройке № 13* с востока (Отд. прил. – Лист 30. *Чертеж 27*): предметы прикладов тоже лежали под основанием печи двумя вписанными кольцами. Во внешнем кольце находились двенадцать башмаков, два поршня, нож, три иглы, пробойник из железа и четыре ружейных кремня. Внутреннее кольцо образовали семь экземпляров кожаной обуви (шесть башмаков и поршень), железный наконечник стрелы. Кроме того, в каждом кольце располагалось по медному нательному кресту (*табл. IV*).

Необходимо отметить, что в обоих случаях наборы предметов из внешних колец могли оказаться неполными, так как культурный слой вокруг основания печи в «кочевой» *постройке № 13* и у северо-западной

стороны основания печи соседней постройки (полностью разрушенной) был глубоко прорезан траншеей экспедиции ААНИИ.

В постройке № 2 (Отд. прил. – Лист 30. *Чертеж 27*) (рис. 41), следы строительного обряда зафиксированы под основанием легкой летней печи каминного типа, находившейся в сенях (в избе печь практически не сохранилась). Здесь на материковой глине лежали два кожаных башмака и два железных сверла (бурав и перовидное сверло). Кроме того, в северном углу избы под полом лежал топор, насаженный на топорнице, а под восточным бревном окладного венца — монета.

Чрезвычайно интересные и разнообразные наборы предметов, связанные со строительными магическими обрядами, были обнаружены **в постройках № 1а и № 1** (реконструированная постройка № 1а) (Отд. прил. – Лист 30. *Чертеж 27*). В юго-западном углу постройки № 1а под полом лежали развал горшка, перевернутая половина деревянного блюда, топор, фрагмент слюдяной пластины и два медных нательных креста (рис. 52). Под полом этой же постройки, у середины северной стены был найден железный нож, в центре — еще один медный нательный крест, а под восточным бревном окладного венца — туфель. На южном краю глинобитной «подушки», лежавшей в основании печи постройки № 1а, была расчищена стилизованная деревянная фигурка крылатого коня, рядом с которой на одной линии находились череп и кости конечностей зайчонка, располагавшиеся в анатомическом порядке, и длинная прямоугольная пластина слюды без следов сшивания (рис. 173 – 2, 2а).

При перестройке избы № 1а в избу № 1 старый пол был перекрыт слоем речного песка, над которым был уложен новый пол. При этом у северной стены на старый пол была поставлена миниатюрная медная чашечка, заполненная раковинами речных моллюсков, зернами проса и перышком глухаря (Отд. прил. – Лист 30. *Чертеж 27*) (рис. 173 – 5, 5а).

Перед сооружением западной завалинки постройки № 1а под забутовку были положены два приклада: у северного торца — восковая свеча и ружейный кремь, у южного — деревянная фигурка с двумя конскими головами, обращенными в противоположные стороны, фрагмент собачьей челюсти, обломки оселка и костяной гребень (рис. 173 – 1а, 1).

Кроме описанных выше, удалось выявить еще семь случаев совершения строительных обрядов (Отд. прил. – Лист 30. *Чертеж 27*):

- железный наконечник стрелы под полом постройки № 3;
- железная пешня с обломанным черенком (рис. 172 – 2) под южным бревном окладного венца постройки № 3;
- ружейный кремь и серебряная копейка под восточной завалинкой постройки № 3;
- деревянная фигурка коня и череп петуха (курицы?) под опечком печи-каменки постройки № 7;
- шило, оселок и деревянная фигурка коня (рис. 173 – 3; 70) под основанием печи полностью разрушенной постройки, стоявшей между постройками № 2 и 3;
- железный наконечник стрелы, оселок и медный нательный крест под северной завалинкой постройки № 5, костяной гребень и монета — под южной;
- в основании обеих печей постройки № 5 найдено по монете.

Вышеописанные варианты прикладов по местам их нахождения в постройках можно разделить на четыре группы:

- 1) под полом — четыре приклада в постройках № 1а (в юго-западном углу, в центре и у северной стены) и один в постройке № 2;
- 2) под завалинкой — четыре приклада в постройках № 1, 3 и 5;
- 3) под окладным венцом — три приклада в постройках № 1а, 2 и 3;
- 4) под основанием печи — восемь прикладов.

Наборы предметов в прикладах варьируются и количественно — от одного до 31, и по составу (*табл. IV*). Как видно из *таблицы IV*, количественно преобладают приклады, помещенные в основания печей (8 случаев). Они же заметно отличаются и разнообразием предметов в наборах (обувь, железные пробойники, шило, иглы, наконечники стрел, сверла, нательные кресты, гребни, слюдяная пластина, черепа и кости конечностей зайца, петуха, собаки). Примечательно, что такие категории находок, как обувь, железные иглы, сверла, наконечники стрел (кроме одного случая) и кости животных, встречены исключительно под печами, а железные колющие предметы в магических кругах укладывались в диаметрально противоположных точках — с северо-запада и юго-востока. В то же время под печами не обнаружены ружейные кремни, посуда и топоры. Только под завалинками встречены кремь и свеча. Только под полом — топоры, медная чашечка,

горшок и блюдо. По одному предмету было положено под окладные венцы постройки № 3 (железная пешня) и постройки № 1а (туфель). Самое широкое распределение по постройкам обнаруживают нательные кресты, найденные под печами, полом и завалинкой.

В целом необходимо отметить, что в *таблице IV* отражены скорее тенденции, нежели статистически строгая закономерность в размещении различных предметов в той или иной части построек, так как в ряде случаев комплекты прикладов могли оказаться неполными из-за частичных разрушений культурных напластований в ходе раскопок экспедиции ААНИИ. О степени устойчивости и строгости корреляции состава прикладов с частями построек, в которых они размещались, можно будет судить по результатам дальнейших раскопок.

Отсутствие прямой связи между разнообразным функциональным предназначением предметов из прикладов и технологией строительства (за исключением топоров) указывает на то, что в этой ситуации им придавалось символическое значение. Очевидно, обнаруженные нами комплекты вещей — не что иное, как остатки материальной составляющей строительных магических обрядов, в которых каждый предмет нес определенную смысловую нагрузку.

В этнографии и фольклоре восточных славян (прежде всего, Русского Севера) описания конкретных обрядов с прикладами, аналогичными мангазейским наборам, не сохранились, но данные, позволяющие понять их символику, имеются. Все они восходят к языческим представлениям об окружающем мире, в соответствии с которыми считалось необходимым обеспечивать семейное благополучие, здоровье и т. д. путем отправления разнообразных магических обрядов, призванных нейтрализовать негативное воздействие различных духов и стихий и (или) умиловить духов-охранителей (домового, дворового и пр.). При этом символика отдельных предметов и приношений соответствовала направлениям обрядов: негативным силам противодействовали с помощью острых колющих и режущих (прежде всего — железных) предметов-апотропеев и нательных крестов, а позитивные или нейтральные силы задабривали угощениями [*Байбурин, 1983. — С. 152–158*].

К разряду оберегов в мангазейских прикладах относятся железные ножи, шилья, топоры, пробойник, шило, пешня, сверла, наконечники стрел, иглы, а также костяные гребни, нательные кресты, свеча, слюдяная пластина, оселки, ружейный кремль и кожаная обувь [*Левкиевская, 2004. — С. 328–329; Белова, 2002. — С. 259–260*].

Посуда (целая, разбитая, с остатками ритуальных трапез) у славян символически связывалась с культурами предков и домашнего очага, поэтому ее закапывали в углах дома. Кроме того, у русских зафиксирован обычай в случае смерти хозяина дома закапывать под красный угол горшок, «чтобы не переводился домовый» [*Плотникова, 2002. — С. 144*].

Приклады, размещенные под основанием печи, встречены в двух вариантах: в виде двойного кольца и в виде компактной группы, включающей резную скульптуру коня. В народных представлениях печь была сакральным центром дома, местом совершения различных обрядов, призванных обеспечить благополучие и здоровье домочадцев. В то же время, будучи открытой для нечистой силы, печь сама нуждалась в защите средствами охранительной магии. Как видно из мангазейских материалов, охрану обеспечивали на стадии «рождения» печи, окружая ее основание большим кольцом из предметов, обладающих магической силой, и ограждая ее снизу малым кольцом. В данных случаях и сам круг выступал как магическая граница замкнутого охраняемого пространства (русский святочный приговор «бог — в кругу, бес — по-за кругу») [*Белова, 2002а. — С. 265–267*].

Приклады второго варианта, включавшие деревянные резные скульптурки коней и костные останки петуха (курицы?), зайца и собаки можно трактовать как строительную жертву. Такое приношение символизировало космогонический акт: на жертве, принесенной у основания мирового дерева, в соответствии с языческой традицией, был сотворен мир, а строительство жилища (микрокосмоса) в архаическом мировоззрении уподоблялось сотворению мира (макрокосмоса). В качестве строительной жертвы под фундамент дома на Русском Севере закладывали череп лошади, живую собаку, петуха или курицу (так называемая закладная жертва). Заместителем реальной кровавой жертвы могло выступать ее ритуальное изображение (в мангазейских прикладах — скульптурки коней). У славян охранительными свойствами наделялись, в частности, изображения зайца и коня. Душа жертвы становилась покровителем строения — домовым.

Но возможна и иная трактовка таких прикладов. Фигурки коней из мангазейских прикладов сильно стилизованы: показаны лишь туловище и голова (рис. 173 – 1–4). В одном случае конь изображен двуглавым, в другом — на его спине вырезаны поднятые крылья. Акцент на изображение головы объясняется особой

ролью конского черепа в общеславянской языческой традиции, где он воплощал плодородие, смерть и хтонические силы. Символика коня тесно связана с огнем — стихией, связывающей мир мертвых и мир живых и имеющей двойственный характер: с одной стороны, огонь — яростная стихия, грозящая уничтожением, с другой — очищающее пламя, творческое начало (домашний огонь) [Байбурин, 1983. — С. 63–65]. Русский фольклор сохранил мифический, восходящий к культу бога-громовика Перуна образ огненного (огнедышащего, крылатого) коня, питающегося огнем или углями [Афанасьев, 2005. — С. 198]. В этом образе заметна связь коня как со стихийным огнем (молнией, пожаром), так и с домашним очагом. В свете изложенного более привлекательной выглядит интерпретация мангазейских фигурок как символа мифического огненного коня, нежели как замены головы жертвенного животного. Огненный конь как атрибут Ильи-пророка, христианского наследника Перуна, вероятно, был призван приручать огненную стихию и защищать жилище от пожара.

Костные останки животных, сопровождающие в прикладах фигурки коней, вполне согласуются с традиционными русскими жертвоприношениями домовому [Афанасьев, 2005. — С. 259]: заяц (зайка в русской традиции — уменьшительно-условное название огня для детей, отсюда идиома — «солнечный зайчик») и петух (идиома — «пустить красного петуха») — символы огня, пожара, а собака — защитница дома от нечистой силы («собака лает, в дом не пускает»). У русских известен традиционный обряд, в котором в роли строительной жертвы выступал петух. Его отрубленную голову закладывали под строящийся дом [Артемьев, 2005. — С. 259]. Образ собаки мог принимать и сам домовый [Криничная 2004. — С. 120–121]. Встреченная в одном из прикладов большая слюдяная пластина, видимо, служила заменителем зеркала — оберега от нечистой силы, обладающего эффектом отражения.

Среди прикладов особое место занимает медная чашечка, помещенная под пол постройки № 1 (рис. 173–5, 5а). Вместе с содержимым — пером глухаря, раковинами моллюсков и зернами проса — она, вероятно, являла собой символическую модель мира, в которой раковины олицетворяли нижний мир, зерна проса — земной, средний, а перо — верхний, небесный. Сам ритуал, вещественным компонентом которого выступал приклад, очевидно, символизировал космогонический акт: строительство дома уподоблялось творению мира, а его структура повторяла архаическую картину мира.

С этой темой связана и находка небольшой срубленной елочки в яме под полом постройки № 2. Известный по этнографическим материалам севера Русской равнины обычай установки деревца (чаще всего, именно хвойного) внутри сруба строящегося здания, по мнению одних исследователей, связан с представлениями о доме как о модели микрокосма и макрокосма, а о деревце — как Мировом древе [Байбурин, 1983. — С. 60]; по мнению других, елочка является проявлением и образом домового. По верованиям русских поморов, елочка для вновь построенного дома — это воплощение домового, без которого благополучное существование его обитателей невозможно [Криничная, 2004. — С. 130–131]. Эти объяснения не противоречат друг другу, так как они отражают разные уровни отражения одной космологической концепции: глубинный мировоззренческий архетип мироустройства в индивидуальном сознании трансформировался в более доступный и наглядный вариант.

В целом зафиксированные в мангазейских постройках разнообразные виды строительных прикладов наглядно характеризуют одну из малоизученных сторон духовной культуры жителей средневекового русского города. В ритуальной практике мангазейцев актуализировался мощный пласт дохристианских языческих представлений об окружающем мире, что отражает дуальный характер так называемого «народного православия», сочетавшего христианские догмы и веру в нечистую силу, домового и т. п. — реликты языческой эпохи. Строительству печи и дома в целом предшествовали магические церемонии, призванные освятить жилое пространство и тем самым обеспечить защиту его обитателей от негативного воздействия нечистой силы. При этом строительство дома, в соответствии с народной традицией, уподоблялось акту творения мира. Примечательно, что архаичные языческие представления в этих обрядах гармонично сочетались с христианской символикой (нательными крестами и восковыми свечами). Обряды, естественно, включали в себя и соответствующие сакральные формулы (заговоры, молитвы), о содержании которых пока приходится лишь догадываться.

Несомненно, с обрядовыми действиями связаны находки рядом с хлевом (постройка № 8) восковых шариков (рис. 174 – 3–6). Известно, что воск церковных свечей считался веществом, обладающим защитной силой. На Русском Севере восковые шарики прилеплялись пастухами к шкуре коров для защиты этих животных от болезней и увечий. Кроме этого, в хлеву найдены шарики из навоза, смешанного с шерстью. Известно, что навоз и шерсть считались в традиционных представлениях русских символами богатства и достатка.

Следует отметить, что магическая сила церковного воска использовалась и в любовных чародействах. Так, один из жителей Тюмени середины XVII века с этой целью лепил колобки, смешав хлеб с воском, золой, солью и волосами [Криничная, 2004. – С. 591]. Возможно, некоторые мангазейские колобки из воска могли лепиться для совершения колдовских обрядов.

Языческая символика присутствует и на таких бытовых предметах, как *гребни* — трех костяных и одном медном. Спинки этих гребней увенчаны двумя стилизованными головами коньков, обращенными в разные стороны, и с обеих сторон покрыты кружками циркульного узора (рис. 161 – 8, 11–13). В одном случае в центре спинки выгравирован соляренный знак в виде круга с вписанной шестилепестковой звездой (рис. 161 – 8).

Облик таких гребней очень архаичен: аналогичные мотивы встречаются на новгородских гребнях XII–XIV веков. По мнению О. А. Кондратьевой, изображение парноголовых коней связано с древним славяно-финским культом почитания коня. Подобное оформление металлических гребней сохранилось в русском народном прикладном искусстве вплоть до XIX века [Кондратьева, 1981. – С. 107].

Вполне вероятно, что найденные в большом количестве кости для игры в зернь могли использоваться мангазейцами не только по прямому назначению, но и при ворожбе и гаданиях. Способы гадания с помощью кубиков для игры в зернь («развод костный») подробно рассмотрел и описал С. В. Бахрушин [1967. – С. 127–137].

6.2. ГРАМОТНОСТЬ

Нельзя не отметить достаточно частые случаи находок, свидетельствующих о распространении грамотности среди жителей Мангазеи. Речь идет о написании цифр, букв, слов и фраз на различных предметах.

Надписи сделаны на таре (бочках) и бирках, сопровождающих товары, хозяйственных предметах (посуде, распялке), на бересте, коже (сопроводительная записка), доске (азбуке).

Встречены следующие надписи:

- «р. таз» (рис. 175 – 2) — на деревянном брусочке (возможно, бирке к товару);
- «кола» — на деревянном брусочке (возможно, бирке к товару с поселения на реке Кола на Кольском полуострове);
- «...юдо» (рис. 175 – 1) — часть надписи на фрагменте блюда из капа (вероятно, было написано «блюдо»);
- «іканп» — надпись на распялке (возможно, часть имени или прозвища владельца);
- «Ц[а]рю Г[осуда]рю В[е]ликому» (рис. 176 – 1, 1а) — надпись на фрагменте бересты (вероятно, черновик челобитной);
- «ни» (рис. 177 – 1) — буквы на крышке бочки (возможно, инициалы владельца);
- «семенової жены» (рис. 175 – 3) — надпись на фрагменте толстой кожи (вероятно, обрывок послания).

Уникальной является находка в слое мусора на нижнем горизонте, за северной стеной постройки № 1а двух фрагментов азбучной доски. Вероятно, после того как доска изнашивалась, она была расколота на несколько кусков, из которых пытались что-то сделать (углы ее обтесаны). На сохранившихся фрагментах вырезаны буквы заключительной части алфавита: на одном — «ш, щ, ер, еры, ерь» (рис. 177 – 2), на другом — «юс малый, ю, ять» (рис. 177 – 3). На обороте одного из фрагментов вырезано «ся климко» (рис. 177 – 2). Вероятно, эта надпись обозначает принадлежность хозяину: «эта азбука климкова»).

Найденные надписи свидетельствуют о достаточно широком распространении грамотности среди мангазейского населения — торговцев и промысловиков. Азбучная доска подтверждает, что Мангазея, по сути, была городским поселением, в котором детей обучали грамоте. Возможно, практиковалось коллективное обучение, на что указывает надпись с именем владельца на оборотной стороне, которая имела смысл только в случае, если учащихся было несколько.

Жители города обладали и необходимыми знаниями счета и мер. Найденны мерные палочки и счетные бирки.

Мерные палочки — 12 экз. — представляют собой прямые обрезки веток хвойных пород, уплощенные с двух противоположных сторон и приостренные «лопаточкой» на торцах (рис. 178 – 5, 6). Длина их — 23–35 см, размеры в поперечном сечении — 1,0–1,8×0,7–1,5 см. На одной из широких граней — поперечные узкие резные отметки (по 7 и 8 на целых экземплярах). На каждой палочке пятый от края знак оформлен в виде косоугольного крестика, а в одном случае — в виде современной печатной литеры «Ж». Расстояние между знаками,

в основном, стабильное — 4,1–4,6 см (на одной из палочек — 2,2–2,7 см). Небольшой разницей в размерах делений (от 0,1 до 0,5 см на каждом экземпляре) объясняется, видимо, тем, что «линейки» делались «на глазок», так как под рукой у изготовителя не было установленного метрологического эталона. Не исключено также и намеренное искажение ритма насечек с целью обмана покупателя.

Размеры делений мангазейских «линеек» можно соотносить с такой древнерусской единицей меры длины, как вершок — 4,445 см [МСЭ, 1959. Т. 2. — С. 343]. Деления на одном экземпляре близки к дюйму — голландской мере длины (2,54 см), применявшейся на Руси [МСЭ, 1959. Т. 3. — С. 162]. Неполное соответствие мангазейских делений принятым московским может объясняться также особенностями поморской народной метрологии, традиционно отличавшейся от столичных эталонов. Ранее на памятнике такие изделия не встречались. Аналогичные им неизвестны.

Счетные палочки, служившие для подсчета количества товаров, сохранились фрагментарно. Представляют собой небольшие четырехгранные стержни, на двух ребрах которых сделаны треугольные вырезы, сгруппированные по 10 (9 — коротких, 1 — длинный).

На крышках деревянных бочек часто встречаются резные и процарапанные знаки в виде буквы «Ж» и «птичьей лапки». По этнографическим материалам Русского Севера известно, что поморы пользовались собственными обозначениями веса. Так, например, вес в десять пудов обозначался шестью пересекающимися линиями, а пять пудов — соответственно, тремя [Архив РЭМ. — Ф. 6. Оп. 1. Д. 250. Л. 20. — по: Филин, 2003. — С. 110; рис. 1]. Очевидно, что знаки на мангазейских крышках от бочек соответствуют обозначениям, принятым у поморского населения. Эти факты очередной раз подтверждают русскую поморскую основу культуры населения Мангазеи.

6.3. МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

До начала новых раскопок сведения о музыкальной культуре Мангазеи исчерпывались двумя фрагментами головок трехструнных гудков [Белов и др., 1981. — С. 33–34; табл. 32 – 1, 2].

Сегодня коллекция мангазейских музыкальных инструментов пополнилась двумя варганами (рис. 178 – В – 1, 2) — губными язычковыми инструментами в виде «подковки с удлинненными концами и проскакивающим узким язычком» [Поветкин, 1997. — С. 185]. Верхняя часть варгана имеет форму равнобедренного треугольника, обращенного вершиной вниз. Внизу треугольник разомкнут, концы в виде ромбических в сечении заостренных стержней опущены вниз. Верхняя часть — плоская, в сечении прямоугольная — 0,7–0,80×0,15 см, с поперечным углублением (0,7–0,9×0,2 см), в котором крепился язычок (отсутствует).

По материалам раскопок древнерусских городов варганы известны с X века. В Новгороде они найдены в слоях XIII–XV веков, упоминаются и в документах XVII века [Поветкин, 1997. — С. 185; табл. 107 – 12, 13, 14]. Один из мангазейских экземпляров отличается от известных аналогов IX–XV веков подтреугольной формой верхней части (у ранних вариантов она округлая или овальная).

* * *

До недавнего времени отдельные сведения, касающиеся духовной жизни русского народа (в данном случае — северорусского субэтноса, представители которого, в основном, и осваивали север Сибири), можно было почерпнуть только из документов XVI–XVII веков и письменных свидетельств современников. Еще один источник, используемый ретроспективно, — этнографические материалы, собранные в XIX–XX веках.

Материалы раскопок Мангазейского городища, несмотря на их отрывочный характер и ограниченный объем, достаточно убедительно и зримо характеризуют некоторые, доселе неизвестные или малоизвестные, аспекты духовной культуры жителей первого русского города Сибирского Заполярья.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мангазейское городище является самым информативным памятником в археологическом наследии начального периода русского освоения Сибири, что во многом обусловлено прекрасной сохранностью артефактов и экофактов, залегающих в промерзшем слое, и значительным объемом исследованного культурного слоя. В связи с этим материалы из раскопок этого памятника, как старые, так и новые, имеют огромное значение не только для реконструкции истории и культуры собственно города Мангазеи, но и, в значительной степени, выступают как эталонные для других русских памятников XVII века Сибири и Дальнего Востока.

В результате новых исследований, начатых экспедицией ООО «Северная археология-1» в 2001 году на месте недокопанного раскопа № 22 экспедиции ААНИИ, выяснилось, что заявление авторов предыдущих раскопок о полном изучении этого памятника не соответствует действительности. Реально площадь, вскрытая в 1968–1970 и 1973 годах, была значительно меньше, чем указано в монографии (1,5 га). Кроме того, как стало ясно в ходе новых раскопок, археологические работы экспедиции ААНИИ проводились поверхностно, не на всю глубину культурного слоя. При этом не вскрытыми оставались нижние промерзшие слои, а сами объекты раскапывались не полностью, что привело к ошибкам как в реконструкции построек, так и в ряде выводов авторов раскопок. Сегодня совершенно ясно, что информационный потенциал этого уникального памятника далеко не исчерпан и его углубленное изучение остается актуальным.

В процессе новых раскопок (2001–2004 гг.) на площади в 362 кв. м зафиксированы остатки 13 построек. Наиболее полные сведения, представляющие ценность для реконструкции, получены по восьми полностью раскопанным постройкам, которые лишь частично разрушены раскопками 1973 года: двух построек из первого (нижнего) строительного горизонта, трех — из второго горизонта и трех — из четвертого (верхнего).

Все полностью изученные в 2001–2004 годах постройки были одноэтажными, срубленными в обло с выпуском: на первом этапе застройки — четыре двухкамерных (изба с сенями) и одна однокамерная — амбар из кочевых досок, перестроенный в поварню, а на втором — две двухкамерные, в том числе одна баня, и одна однокамерная постройка (маленький амбар?).

Во всех избах, а также в бане найдены остатки печей (каменок и из сырцового кирпича), стоявших в углах, рядом с входом (экспедицией ААНИИ на всем раскопе № 22 было отмечено лишь две печи). В сенях одной из построек было обнаружено основание печи каминного типа.

Большинство построек окружались бревенчатыми завалинками, заполненными песком и кирпичами из разобранных печей. Под полами поздних построек найдены мощные подсыпки из чистого речного песка. Ранее эти особенности мангазейского домостроения зафиксированы не были.

По остаткам построек из трех нижних строительных горизонтов выполнена графическая реконструкция планиграфии и экстерьеров зданий первого этапа застройки данного участка посада. Для построек второго этапа застройки такая реконструкция не выполнялась из-за недостатка данных (постройки были сильно разрушены в ходе раскопок экспедиции ААНИИ).

Выполненная нами реконструкция построек первого этапа застройки не соответствует их описательной реконструкции, сделанной М. И. Беловым, утверждавшим, что это были два двухэтажных дома таможенных голов — трехкамерный и двухкамерный. Такая интерпретация не подтверждается и составом находок в этих постройках — большим количеством шахматных фигурок, обрезков кожи, наличием сапожной колодки и т. п.

В 2001–2004 годах была получена богатейшая коллекция артефактов, позволившая утверждать, что реальная насыщенность слоя находками многократно выше, чем это представлялось по результатам раскопок экспедиции ААНИИ: даже в «полностью исследованном» раскопе № 22 нами было обнаружено находок больше, чем при раскопках 1968–1970, 1973 годов, площадь которых превышала площадь наших раскопов почти в 50 раз.

В сравнении с материалами раскопок экспедиции ААНИИ, ассортимент изделий новой коллекции существенно расширился. Речь идет, в первую очередь, о таких массовых категориях артефактов, не представленных в монографии М. И. Белова и его коллег, как тканые, вязаные, войлочные и восковые изделия. Впервые публикуются такие виды находок, как детские игрушки, орнаментированные изделия из бересты, детали охотничьих ловушек, мерные палочки («линейки»), счетные бирки, деревянные ножи, кочедыки, колодки стружков, весла, металлические и стеклянные пуговицы и др.

Жители Мангазеи занимались различными ремеслами: гончарным, обувным, портняжным, ткацким, косторезным, кузнечным и ювелирным, деревообработкой.

Вопреки утверждениям авторов предыдущих раскопок о малочисленности керамических сосудов на городище и их привозном происхождении, сегодня можно утверждать, что основная часть огромной керамической коллекции, собранной в 2001–2004 годах, изготовлена местными гончарами, и это подтверждается данными спектрального анализа. Привозилась лишь высококачественная серолощенная и поливная посуда, а также фарфор.

В ходе новых раскопок получена самая большая на сегодня коллекция кожаной обуви XVII века, в которой широко представлены различные типы и варианты: повседневная (поршни, туфли без каблуков, сапоги с низкими каблуками) и праздничная (туфли и сапоги на высоких каблуках). Достаточно представительную серию образует детская обувь. Существенная часть обуви, как и собственно кожа, вероятно, были привозными, однако существовало и местное производство, что подтверждается находками сапожных инструментов и большим количеством обрезков кожи.

Найдена большая коллекция тканых и вязаных изделий, как фрагментированных, так и целых: детали кроя костюмов, пояса, рукавицы, чулки и носки. Наряду с качественными плотными, явно привозными тканями из шерсти, окрашенными в зеленый и желтый цвета, в Мангазее были и простые саржевые ткани. Судя по технике изготовления, эти ткани производились кустарями на примитивном вертикальном станке. Вполне возможно, что часть таких тканей могла изготавливаться в городе. Достаточно большое количество найденных вязаных вещей и записи в таможенных книгах о завозе шерстяных нитей позволяют сделать вывод о местном вязальном ремесле.

Существование ювелирного производства на посаде подтверждают найденные в 2001–2004 годах две связки ювелирных инструментов и три пинцета. Для местных литейщиков, судя по данным таможенных книг, в Мангазее завозили в виде сырья олово, свинец, медь, ртуть. Конечно, доля местных ювелирных изделий несравнима с долей привозных. При раскопках найдены высококачественные ювелирные украшения из бронзы и драгоценных металлов (в том числе с использованием драгоценных камней и жемчуга), которые могли быть выполнены мастерами из ремесленных центров европейской части страны.

Среди костяных изделий — цельные и наборные рукоятки ножей, орнаментированные накладки на рукоятки, наконечники стрел, кубики для игры в зернь, гребни, пуговицы и т. д. Вероятно, часть изделий была привозной, но в городе было развито и собственное косторезное производство, что подтверждается находками пластин и брусочков из мамонтовой кости, заготовок деталей оленьей и собачьей упряжи из рогов лося и оленя.

Ассортимент железных изделий достаточно широк: ножи, наконечники стрел, сверла, шилья, топоры, струги, судовые скобки, гвозди, обувные подковки, швейные иглы, ключи, замки, сундучные накладки, светцы, пешня и т. д. Большая часть из них, вероятно, были привозными, что подтверждается данными таможенных книг. В то же время ремонт изделий и изготовление ряда простейших из них (гвоздей, скобок, наконечников стрел и др.) осуществляли местные кузнецы. О существовании местного кузнечного дела и, вероятно, железоделательного производства свидетельствуют, во-первых, данные таможенных книг (завоз полуфабрикатов в виде прутков и полос), а во-вторых — находки в слое полуфабрикатов и кусков железного шлака.

Большие потребности населения в деревянных изделиях удовлетворялись местными мастерами. Среди деревянных предметов — точеная и долбленая посуда, ножи для чистки рыбы, кухонные лопатки, мутовки, оконные рамы, детские игрушки, шахматы, поплавки для сетей, детали нарт, лыжи и т. д. Привозными были бочки, часть футляров для восковых печатей и, вероятно, часть шахматных фигурок, выточенных на токарном станке.

Уникальна коллекция фрагментов тонко выделанной бересты, орнаментированной крашено-печатными узорами в технике набойки по трафаретам. Подобные изделия пока известны только на Мангазейском городище. По этнографическим данным, техника набойки по трафаретам использовалась у восточнославянских

народов лишь на тканях. Кроме того, найдены фрагменты бересты, украшенные в иной технике: прорезной, скобленой и крашеной.

Одним из популярных среди населения Мангазеи занятий были азартные игры — зернь, шахматы, шашки, карты. За все годы раскопок в Мангазее собраны 261 шахматная фигурка и восемь «шахматниц» — шахматных досок. Из них в новой коллекции — 169 деревянных и 12 костяных фигурок и четыре «шахматницы». На сегодняшний день это самое большое собрание русских «археологических» шахмат XVII века. Лишь небольшая часть коллекции фигурок изготовлена в «новомодном» для XVII века стиле, восходящем к западноевропейским образцам и близким к современным формам. Основная часть — «самодельные» шахматы — демонстрирует значительное разнообразие форм новгородской модификации восточной символики, в том числе и оригинальных, не имеющих пока аналогов за пределами Мангазеи.

Большое количество шахматных фигурок, шахматных досок, фишек (9 деревянных и 5 костяных), а также впервые найденные на городище костяные кубики для игры в зернь (44 экз.) свидетельствуют о процветании игорного дела в Мангазее. Азартные игры являлись одной из услуг, предоставляемых городом промысловому населению огромного Мангазейского уезда.

О широком распространении грамоты среди жителей Мангазеи свидетельствуют надписи, выполненные на самых разных предметах: бытовой утвари, бирках, коже, бересте — и фрагменты азбучной доски с именной подписью на обороте.

На городище впервые для позднесредневековых русских памятников удалось зафиксировать разнообразные виды строительных прикладов, которые наглядно характеризуют одну из малоизученных сторон духовной культуры жителей средневекового русского города. В ритуальной практике мангазейцев актуализировался мощный пласт дохристианских языческих представлений об окружающем мире, что отражает синтетичный характер так называемого «народного православия», сочетавшего христианские догмы и реликты языческой эпохи — веру в нечистую силу, домового и т. п. Строительству печи и дома в целом предшествовали магические церемонии, призванные освятить жилое пространство и тем самым обеспечить защиту его обитателей от негативного воздействия нечистой силы. При этом строительство дома, в соответствии с народной традицией, уподоблялось акту творения мира. Примечательно, что архаичные языческие представления в этих обрядах гармонично сочетались с христианской символикой (нательные кресты и восковая свеча).

Многочисленные детали кочей (судовые доски, фрагменты килей, штевней, ракс-клоты, шпангоут, мачта, перо руля, румпель), благодаря хорошей сохранности, дают возможность продолжить начатые М. И. Беловым, В. Ф. Старковым, П. Ю. Черносвитовым и Г. Е. Дубровиным работы по реконструкции этого типа русских судов.

При новых раскопках на городище собрана большая (222 экз.) коллекция монет: копейки и деньги, отчеканенные при Иване Грозном, Борисе Годунове, Михаиле Федоровиче, Василии Шуйском (1606–1610 гг.), а также Вторым земским ополчением (1612 г.) и шведским оккупационным войском в Новгороде от имени Шуйского (1615–1617 гг.). Нумизматический анализ показал, что состав коллекции сформировался в период с 1605 по 1645 годы. Копейки, выпущенные в 1630–1645 годах, составляют лишь 13 процентов коллекции, что косвенно указывает на резкое снижение денежного оборота на Мангазейском посаде в эти годы. Единственный медный счетный нюрнбергский жетон Ганса Лауфера датируется концом XVI — первой половиной XVII веков.

В новых исследованиях были применены различные методы естественных наук, из которых предшественниками широко был использован только метод дендрохронологии, давший очень хорошие результаты. Впервые после обработки разведочных сборов В. Н. Чернецова 1947 года были проведены исследования костных останков (около 30 тыс. образцов), а также палеоэкологические исследования других органических образцов из культурного слоя — волос, перьев, семян, пыльцы.

В результате были получены новые данные о хозяйстве жителей Мангазеи. Выяснилось, что население Мангазеи активно использовало местные биоресурсы: все виды рыб, имеющие пищевую ценность, диких копытных (олени и лося), зайцев, водоплавающую и боровую дичь, дикоросы (кедровый орех, все виды ягод). Кроме того, обеспечивало себя продукцией скотоводства и птицеводства. Судя по результатам анализа образцов из культурного слоя и данным таможенных книг 1633 и 1635 годов, питание существенно дополнялось ржаным хлебом (мукой, зерном), крупами (просом, ячменем), горохом и разнообразилось медом, чесноком, сухофруктами (сливой, вишней), орехами (кедровыми и лещиной).

Главенствующую роль среди отраслей хозяйства по обеспечению питанием населения играло рыболовство. Особое значение имели ценные породы рыб, обладающие повышенным содержанием жира, что очень важно для рациона человека в условиях Крайнего Севера. У мангазейцев существовал высокоэффективный промысел рыбы с очень большой долей вылова ценных пород (сиговых, осетра, нельмы). Рыбу ловили круглый год и в различных водоемах — крупных и мелких реках, верховых и пойменных озерах, Тазовской губе. Специализация многих жителей города на рыболовстве подтверждается большим количеством и разнообразием остатков сетевых и крючковых снастей, инструментов для вязания сетей, специальных деревянных ножей для чистки рыбы. Кроме того, рыба и рыбные отходы составляли существенную долю при откармливании свиней.

Охотничий промысел постоянных жителей Мангазеи был направлен на добычу мясной пищи, а не пушнины. Постоянные жители Мангазеи практически не занимались пушной охотой в ближайших к городу окрестностях.

На сегодняшний день Мангазея является самым северным в мире изученным поселением XVII века, где разводили свиней, коров и птицу. Свинина являлась одним из основных источников белка в рационе жителей города. Также в пищу использовалось мясо коров и кур, молочные продукты и яйца. Доля птицеводства была незначительной. Кроме этих животных, в городе разводили собак, лошадей; имелись кошки.

Разведением оленей жители Мангазеи не занимались, что подтверждается небольшим числом находок упряжи и отсутствием находок деталей оленьих нарт. Оленеводство предполагает кочевой образ жизни, связанный со сменой пастбищ, поэтому олени, принадлежавшие жителям города, могли выпасаться аборигенным населением (ненцами и энцами). Мангазейцы могли нанимать у местного населения и готовые упряжки.

В целом, в результате новых исследований Мангазейского городища получены материалы, научная новизна которых несомненна. Налицо и значительное увеличение объема информации, характеризующей культуру заполярного города.

На наш взгляд, сегодня рано приступать к реконструкции облика города в целом и исчерпывающей характеристике культуры мангазейского населения. Для этого необходимо продолжать целенаправленные многолетние раскопки Мангазейского городища. Только полное исследование культурного слоя на большой площади и максимальное использование возможностей комплексного анализа материалов раскопок, в комплексе с данными письменных источников, позволят осуществить достаточно объективные реконструкции.

Необходимо подчеркнуть ценность новой мангазейской коллекции для разработки типологии и хронологии различных изделий, характерных для русской культуры XVII века, так как в культурном слое городища серийный характер имеют не только традиционно массовые для памятников позднего средневековья — нового времени категории артефактов (керамика, бусы, стеклянные и железные изделия, слюдяные оконные пластинки), но и редкие на других памятниках индивидуальные находки: шахматные фигурки, футляры для восковых печатей, поплавки для сетей, ножи для чистки рыбы, оконные рамы, шаблоны для вязания сетей, сторожки для самострелов и охотничьих ловушек, лыжи, нарты, тканые и вязаные изделия, кожаная обувь и варежки, костяные гребни и игральные кости.

Хорошая сохранность изделий из органических материалов позволяет осуществить их детальную реконструкцию, что чрезвычайно важно, учитывая гипотетичность существующих реконструкций (в частности, обуви).

Мангазейское городище, безусловно, является опорным памятником в изучении культуры русского населения Сибири XVII века. Необходимость и перспективность проведения дальнейших целенаправленных исследований этого уникального памятника очевидна: каждый полевой сезон приносит новые открытия. Материалы раскопок 2005–2008 и последующих годов будут публиковаться по мере их изучения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ИСТОЧНИКИ*

- Визгалов Г. П., И-2000.* Отчет об археологических исследованиях городища Мангазея в 1999 году. – Нефтеюганск. – Архив НПО СА. Р-1, д. 41.
- Визгалов Г. П., И-2001.* Отчет о НИР. Археологические исследования городища Мангазея в 2000 году. – Нефтеюганск. – Архив НПО СА. Р-1, д. 53.
- Визгалов Г. П., И-2002.* Отчет о НИР. Раскопки городища Мангазея в 2001 году. – Нефтеюганск. – Архив НПО СА. Р-1, д. 70.
- Визгалов Г. П., И-2003.* Отчет о НИР. Раскопки городища Мангазея в 2002 году. – Нефтеюганск. – Архив НПО СА. Р-1, д. 86.
- Визгалов Г. П., И-2004.* Отчет о НИР. Раскопки городища Мангазея в 2003 году. Том 1. Текст. – Нефтеюганск. – Архив НПО СА. Р-1, д. 109/1.
- Визгалов Г. П., И-2004а.* Отчет о НИР. Раскопки городища Мангазея в 2003 году. Том 2. Фото и графические приложения. – Нефтеюганск. – Архив НПО СА. Р-1, д. 109/2.
- Визгалов Г. П., И-2005.* Раскопки городища Мангазея в 2004 году. Кн. 1. – Нефтеюганск. – Архив НПО СА. Р-1, д. 130/1.
- Визгалов Г. П., И-2005а.* Отчет о НИР. Раскопки городища Мангазея в 2004 году. Кн. 2 (иллюстрации). – Нефтеюганск. – Архив НПО СА. Р-1, д. 130/2.
- Кардаш О. В., И-2005б.* Отчет о НИР. Археологические раскопки территории стоянки Салехард 1 (Обдорский городок), планируемой под строительство архитектурного ансамбля «Город мастеров» в 2004 г. – Нефтеюганск. – Архив СА. Р-1, д. 133.
- Кардаш О. В., И-1999.* Отчет о НИР. Археологические исследования Надымского городища в 1998 г. В 2-х т. – Нефтеюганск. – Архив НПО СА. Р-1, д. 31/1, 2.
- Кардаш О. В., И-2000.* Отчет о НИР. Комплексное изучение Надымского городища летом 1999 г. Том 1. Археологические исследования. – Нефтеюганск. – Архив НПО СА. Р-1, д. 38/1.
- Кардаш О. В., И-2000а.* Отчет о НИР. Комплексное изучение Надымского городища летом 1999 г. Том 2 (Графические и фото приложения). – Нефтеюганск. – Архив НПО СА. Р-1, д. 38/2.
- Кардаш О. В., И-2001.* Отчет о НИР. Комплексное изучение Надымского городища в 2000 году. Том 1. Археологические исследования. – Нефтеюганск. – Архив НПО СА. Р-1, д. 52/1.
- Кардаш О. В., И-2001а.* Отчет о НИР. Комплексное изучение Надымского городища в 2000 году. Том 2. Графические приложения к отчету об археологических исследованиях. – Нефтеюганск. – Архив НПО СА. Р-1, д. 52/2.
- Кардаш О. В., И-2001б.* Отчет о НИР. Комплексное изучение Надымского городища в 2000 году. Том 4. Археозоологические исследования. – Нефтеюганск. – Архив НПО СА. Р-1, д. 52/4.
- Кардаш О. В., И-2002.* Отчет о НИР. Комплексное изучение Надымского городища в 2001 году. Том 1. Археологические исследования. В 3-х кн. Книга 1. Текст, текстовые приложения. – Нефтеюганск. – Архив НПО СА. Р-1, д. 68/1-1.

* Внутритекстовые ссылки на архивные источники приводятся с добавлением литеры «И» — «источники», напр. [Ермоленко, И-2005].

- Кардаш О. В., И-2002а.** Отчет о НИР. Комплексное изучение Надымского городища в 2001 году. Том 1. Археологические исследования. В 3-х кн. Книга 3. Графические приложения. – Нефтеюганск. – Архив НПО СА. Р-И, д. 68/1-2.
- Кардаш О. В., И-2002б.** Отчет о НИР. Комплексное изучение Надымского городища в 2001 году. Том 1. Археологические исследования. В 3-х кн. Книга 2. Фотоприложения. – Нефтеюганск. – Архив НПО СА. Р-И, д. 68/1-3.
- Кардаш О. В., И-2002в.** Отчет о НИР. Комплексное изучение Надымского городища в 2001 году. Том 3. Археологические исследования. – Нефтеюганск. – Архив НПО СА. Р-И, д. 68/3.
- Кардаш О. В., И-2002г.** Отчет о НИР. Комплексное изучение Надымского городища в 2001 году. Том 6. Антропологические исследования. – Нефтеюганск. – Архив НПО СА. Р-И, д. 68/6.
- Кардаш О. В., И-2003.** Отчет о НИР. Комплексное изучение Надымского городища в 2002 году. Том 1. Археологические исследования. В 3-х кн. Книга 1. Текст, текстовые приложения. – Нефтеюганск. – Архив НПО СА. Р-И, д. 85/1-1.
- Кардаш О. В., И-2003а.** Отчет о НИР. Комплексное изучение Надымского городища в 2002 году. Том 1. Археологические исследования. В 3-х кн. Книга 2. Фотоприложения. – Нефтеюганск. – Архив НПО СА. Р-И, д. 85/1-2.
- Кардаш О. В., И-2004.** Отчет о НИР. Комплексное изучение Надымского городища в 2003 году. Том 1. Археологические исследования. – Нефтеюганск. – Архив НПО СА. Р-И, д. 99/1.
- Кардаш О. В., И-2005.** Отчет о НИР. Комплексное изучение Надымского городища в 2004 году. Археологические исследования. В 2-х кн. Книга 1. Текст и текстовые приложения. – Нефтеюганск. – Архив НПО СА. Р-И, д. 136/1.
- Кардаш О. В., И-2005а.** Отчет о НИР. Комплексное изучение Надымского городища в 2004 году. Археологические исследования. В 2-х кн. Книга 2. Фото и графические приложения. – Нефтеюганск. – Архив НПО СА. Р-И, д. 136/2.
- Кардаш О. В., И-2006.** Отчет о НИР. Комплексное изучение Надымского городища в 2005 г. – Нефтеюганск. – Архив НПО СА. Р-И, д. 162.
- Овсянников О. В., И-1968.** Отчет о полевых работах мангазейской экспедиции. 1968 г. – Архив ИА РАН, Р-И, д. 3772.
- Овсянников О. В., И-1969.** Отчет о полевых археологических работах мангазейской экспедиции. 1969 г. – Архив ИА РАН. Р-И, д. 4044.
- Пархимович С. Г., И-1982.** Отчет о раскопках на севере Тюменской и Свердловской областей летом 1981 года. – Свердловск. – АКА УрГУ. Ф. II, д. 366.
- Пархимович С. Г., И-1983.** Раскопки Лозьвинского и Карачинского городков. – Свердловск. – АКА УрГУ. Ф. II, д. 386.
- Пархимович С. Г., И-2004.** Отчет о НИР. Комплексное изучение Мангазеи в 2003 году. Том 3. Историко-экологические исследования. – Нефтеюганск. – Архив НПО СА. Р-И, д. 109/3.
- Старков В. Ф., И-1970.** Отчет о работах Мангазейской экспедиции арктического и антарктического НИИ в 1970 г. – Архив ИА РАН. Р-И, д. 4402.
- Старков В. Ф., И-1973.** Отчет о работе мангазейской экспедиции Арктического и антарктического института. 1973 г. – Архив ИА РАН. Р-И, д. 5173.
- Русская историческая библиотека.* – СПб., 1875. Т. 2. Стб. 430–433, 815–857, 1049–1095.
- Русская историческая библиотека.* – СПб., 1884. Т. 8. Стб. 363–376.
- Чернецов В. Н., И-1946.** Отчет о работах проведенных Мангазейской экспедицией в 1946 г. Приложение к отчету. – рАрхив ИА РАН. Р-И, д. 95.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамов Н. А., 1998.** Город Тюмень: из истории Тобольской епархии. – Тюмень. – 527 с.
- Абрамов Н. А., 1993.** Описание Березовского края. – Шадринск. – 135 с.
- Александров В. А., 1964.** Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). – М. – 302 с.
- Алексеев А. Н., 1996.** Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии. – Новосибирск. – 152 с.
- Антропова В. В., 1961.** Лыжи // Историко-этнографический атлас Сибири. – М.–Л. – С. 79–106.
- Антропова В. В., Левин М. Г., 1961.** Упряжное собаководство // Историко-этнографический атлас Сибири. – М.–Л. – С. 55–78.
- Анучин Д. Н., 1890.** К истории ознакомления с Сибирью до Ермака // Труды Московского Археологического общества. Т. XIV. – С. 227–313.
- Анучин Д. Н., 1954.** Город Мангазея и Мунгазейская земля // Географические работы. – М. – С. 143–152.
- Артемьев А. Р., 1999.** Города и остроги Забайкалья в Приамурье во второй половине XVII–XVIII вв. – Владивосток. – 335 с.
- Артемьев А. Р., 2005.** О типологии и хронологии некоторых бытовых предметов XVII–XVIII вв. // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск. – С. 260–267.
- Атлас..., 2004.** Атлас Ямало-Ненецкого автономного округа. – Омск.
- Афанасьев А. Н., 2005.** Мифология Древней Руси. – М. – 608 с.
- Бадигин К. С., 1956.** По студеным морям: очерки по истории ледовых плаваний русских поморов. – М. – 424 с.
- Байбурин А. К., 1983.** Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – Л. – 187 с.
- Бакулин В. В., Зенько А. П., Козин В. В., Солодовников А. Ю., Фролов Н. К., Щеглов К. Ф., 2000.** В краю селъкупов. – Екатеринбург. – 280 с.
- Бартнев В. В., 1998.** На крайнем Северо-Западе Сибири. Очерки Обдорского края // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века. – Екатеринбург. – С. 114–218.
- Бахрушин С. В., 1951.** Снаряжение русских промышленников в Сибири в XVII веке // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. – Л.–М. – С. 85–92.
- Бахрушин С. В., 1953.** Северный путь к Якутии // Якутия в XVII веке (Очерки) – Якутск. – С. 10–26.
- Бахрушин С. В., 1955.** Научные труды. Т. III. Ч. 1. – М.– 376 с.
- Бахрушин С. В., 1987.** Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. – М. – 220 с.
- Белов М. И., 1951.** Открытие и первоначальное освоение русскими Таймырского полуострова // Исторический памятник русского арктического мореплавания в XVII в. – Л.–М. – С. 41–52.
- Белов М. И., 1951а.** Арктические плавания и устройство русских морских судов в XVII веке // Исторический памятник русского арктического мореплавания в XVII в. – Л.– М. – С. 63–80.
- Белов М. И., 1972.** Раскопки русского заполярного города // Летопись Севера. – М. – Т. 6. – С. 162–181.
- Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф., 1980.** Мангазея. Мангазейский морской ход. Ч. 1. – Л. – 164 с.
- Белов М. И. Овсянников О. В., Старков В. Ф., 1981.** Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. Ч. 2. – М. – 147 с.
- Белова О. В., 2002.** Крест // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М. – С. 259–261.
- Белова О. В., 2002а.** Круг // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М. – С. 265–267.
- Бернштам Т. А., 1972.** Рыболовство на Русском Севере во второй половине XIX – начале XX в. // Из культурного наследия народов России. – Л. – С. 62–98.
- Бломквист Е. Э., 1956.** Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточно-славянский этнографический сборник. ТИЭ. Т. XXXI. – М. – С. 3–458.
- Бойцов И. А., 1991.** Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI вв. и возникновение гончарной слободы в Москве // Московская керамика: новые данные по хронологии. Материалы и исследования по археологии Москвы. – М. – Т. 5. – С. 33–40.

Большая иллюстрированная энциклопедия древностей, 1986. – Прага.

Борисевич Г. В., 1982. Хоромное зодчество Новгорода // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. – М. – С. 269–295.

Боярский П. В., Визгалов Г. П., Ивасько Л. В., Кардаш О. В., Сумин В. В., Шульгин П. М., 2000. Коч – русское полярное судно: проблемы исследования и реконструкции. – М. – 74 с.

Булатов В. Н., 1998. Русский Север. Книга вторая: Встречь солнца (XV–XVII вв.). – Архангельск. – С. 48–86.

Буцинский П. Н. 1999. Мангазея и Мангазейский уезд // Мангазея, Сургут, Нарым и Кетск // Соч. в двух томах. – Тюмень. Т. 2. – 328 с.

Ваганов Е. А., Шиятов С. Г., Мазена В. С., 1996. Дендроклиматические исследования Урало-Сибирской Субарктики. – Новосибирск. – 246 с.

Василевич Г. М., Левин М. Г., 1961. Олений транспорт // Историко-этнографический атлас Сибири. – М.–Л. – С. 11–54.

Вершинин Е. В., 2001. Дощаник и коч в Западной Сибири (XVII в.) // Проблемы истории России: Евразийское пограничье. – Екатеринбург. – Вып. 4. – С. 87–131.

Вершинин В. Е., 2003. Русская власть и сибирские самоеды в XVI–XVII вв. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 2. Вып. 2. – Новосибирск. – С. 5–21.

Вершинин Е. В., 2003а. Коч и русское освоение Западной Сибири // Полярный архив. – М. – С. 72–109.

Вершинин Е. В., 2004. О соотношении данных письменных источников и археологии при раскопках Мангазеи // Русские. Материалы VII-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск. – С. 14–18.

Обдорский край и Мангазея..., 2004. Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сборник документов. Сост. Е. В. Вершинин, Г. П. Визгалов. – Екатеринбург. – 200 с.

Визгалов Г. П., 2000. Мангазея: состояние памятника и перспективы изучения русской материальной культуры XVII века в Сибири // Русские старожилы. Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск–Омск. – С. 357–358.

Визгалов Г. П., 2006. Транспортные средства жителей города Мангазеи (по материалам новых археологических исследований 2001–2005 гг.) // Уральский исторический вестник. № 13 (Ямальский выпуск). – Екатеринбург–Салехард. – С. 131–137.

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Глушкова Т. Н., Киреева Е. В., Сутула А. В., 2006. Текстиль Мангазеи (начало XVII века) // Археология, этнография и антропология Евразии № 1 (25). – С. 117–131.

Вилков О. Н., 1984. Сибирский город конца XVI – первой четверти XVIII в. в современной русской советской историографии // Историография городов Сибири конца XVI – начала XX века. – Новосибирск. – С. 6–35.

Визе В. Ю., 1948. Моря советской Арктики: очерки по истории исследования. – М.–Л. – С. 17–58.

Вилков О. Н., Курсков Ю. В., 1987. Исследование о русском заполярном западносибирском городе Мангазее // Источниковедение и историография городов Сибири конца XVI – первой половины XIX века. – Новосибирск. – С. 6–35.

Власова И. В., 2001. Русский Север: Этническая и народная культура. XII–XX века. – М. – 848 с.

Воронина Т. А., 2001. Пища и утварь // Русский Север: Этническая и народная культура. XII–XX века. – М. – С. 367–424.

Головнев А. В., 1995. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург. – 607 с.

Гриценко В. Н., 2004. История Ямальского Севера в очерках и документах. В 2-х томах. – Омск. – Т. 1. – 312 с.; т. 2. – 336 с.

Демме Н. П., 1951. Промысловые ловушки // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. – Л.–М. – С. 105.

Древняя Русь..., 1985. Древняя Русь. Город, замок, село / Археология СССР. – М. – 432 с.

Долгих Б. О., 1951. Этнографические материалы // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. – М.–Л. – С. 187–190.

Долгих Б. О., 1960. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке // ТИЭ. Новая серия. Т. 40. – М. – 621 с.

- Дубровин Г. Е., Огороков А. В., Старков В. Ф., Черносивтов П. Ю., 2001. История северорусского судостроения. – СПб. – 404 с.
- Ефимова Л. В., 1966. Ткани из финно-угорских могильников I тыс. н. э. // КСИА. – Вып. 107. – С. 127–134.
- Завьялов В. И., 1999. Изделия из черного металла // Очерки истории освоения Шпицбергена. – М. – С. 134–156.
- Замятин С. Н., 1951. О старинных русских шахматах // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. – М.–Л. – С. 147–151.
- Зеленин Д. К., 1991. Восточно-славянская этнография. – М. – 511 с.
- Зиняков Н. М., 2005. Чернометаллические изделия поселения Изюк-1: технологическая характеристика // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск. – С. 275–289.
- Зыков А. П., Кокшаров С. Ф., 2001. Древний Эмдер. – Екатеринбург. – 320 с.
- Изюмова С. А., 1959. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // МИА. – № 65. – С. 306–362.
- Каменецкая Р. В., 1986. Русские старожилы полярного ареала // Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. – Л. – С. 69–70.
- Кардаш О. В., 2003. Эволюция элементов традиционного жилища народов Севера // Угры. Материалы VI-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск. – С. 88–90.
- Кернер В. Ф., Пархимович С. Г., 1986. Особенности поселений и жилищ народов Урала XV–XIX вв. // Деревня и город Урала в эпоху феодализма: проблема взаимодействия. – Екатеринбург. – С. 101–115.
- Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф., 1985. Вооружение // Древняя Русь. Город, замок, село / Археология СССР. – М. – С. 298–363.
- Колчин Б. А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. – № 65. – С. 7–119.
- Колчин Б. А., 1968. Новгородские древности. Деревянные изделия. САИ. Вып. Е1–55. – М. – 184 с.
- Колчин Б. А., 1971. Новгородские древности: резное дерево // САИ. Вып. Е1–55. – М. – 441 с.
- Колчин Б. А., 1985. Обработка цветных металлов // Древняя Русь. Город, замок, село / Археология СССР. – М. – С. 260–265.
- Колчин Б. А., Рыбина Е. А., 1982. Раскоп на улице Кирова // Новгородский сборник: 50 лет раскопок в Новгороде. – М. – С. 178–238.
- Кольс Р. Е., 1930. Река Таз (Тасу-ям). – Л. – 32 с.
- Кондратьева О. А., 1981. Зооморфные гребни IX–X вв. // КСИА. – Вып. 166. – С. 103–109.
- Копанев А. И., 1972. Пинежский летописец XVII в. // Рукописное наследие Древней Руси. – Л. – С. 57–91.
- Корчагин П. А., 1998. Комплексные историко-архитектурные исследования КАЭ ПГУ в Верхотурье // Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. – Екатеринбург. – С. 67–80.
- Корчагин П. А., 1999. Некоторые вопросы методологии, методики и организации комплексных историко-археологических исследований в городах Урала // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург. – Вып. 3. – С. 210–221.
- Корчагин П. А., 2001. История Верхотурья (1598–1926). Закономерности социально-экономического развития и складывания архитектурно-исторической среды города. – Екатеринбург. – 178 с.
- Корчагин П. А., Оборин В. А., Соколова Н. Е., 1991. Археологическое исследование г. Верхотурья // Археологические открытия Урала и Поволжья. – Ижевск. – С. 174–176.
- Корчагин П. А., Оборин В. А., 1994. Археологические исследования в исторических городах Северного Урала // АО 1993. – М. – С. 146.
- Косинский М. Ф., 1951. Оружие и огнестрельные припасы // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. – Л.–М. – С. 93–96.
- Косинцев П. А., Лобанова Т. В., 2005. Животноводство в хозяйстве населения Мангазеи // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск. – С. 105–112.
- Косинцев П. А., Лобанова Т. В., Визгалов Г. П., 2004. Историко-экологические исследования в Мангазее // Русские. Материалы VII-го Сибирского симпозиума. – Тобольск. – С. 36–39.

- Косинцев П. А., Подопригора И. Н., 1998.** Домашние животные Верхотурья // Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. – Екатеринбург. – С. 81–91.
- Кочедамов В. И., 1978.** Первые русские города Сибири. – М. – 257 с.
- Крадин Н. П., 1978.** К вопросу о реконструкции города Мангазеи // Города Сибири: Эпоха феодализма и капитализма. – Новосибирск. – 212–235.
- Криничная Н. А., 2004.** Русская мифология: Мир образов фольклора. – М. – 1008 с.
- Кротов М. Г., 1988.** Актовые источники Повести о Василии Мангазейском // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. – Новосибирск. – С. 127–140.
- Культура русских...*, 1997. Культура русских в коллекциях Тюменского областного краеведческого музея. – Новосибирск, 1997. – 189 с.
- Курбатов А. В., 2003.** Кожаные предметы из Пустозерска // М. Э. Ясински, О. В. Овсянников. Пустозерск. Русский город в Арктике. – М. – С. 225–232.
- Курбатов А. В., Овсянников О. В., 1999.** Изделия кожевенного производства в городах русского Заполярья XVI–XVII вв. (Мангазея) // Археологические вести. – СПб. – № 6. – С. 245–271.
- Кушелевский Ю. И., 1864.** Путевые записки, веденные во время экспедиции 1862, 1863, 1864 гг. – Тобольск. – 66 с.
- Ле Руа Ладюри Э., 2001.** Монтайю, окситанская деревня (1294–1324). Перевод с фр. В. А. Бабинцева и Я. Ю. Старцева. – Екатеринбург. – 544 с.
- Левкиевская Е. Е., 2002.** Обереги // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М. – С. 328–329.
- Линдер И. М., 1975.** Шахматы на Руси. – М. – 208 с.
- Малая советская энциклопедия, 1959.* – Т. 2, 3. – М.
- Мартин Ф. Р., 2004.** Сибирика. Некоторые сведения о первобытной истории и культуре сибирских народов. – Екатеринбург–Сургут. – 144 с.
- Миллер Г. Ф., 1999.** История Сибири. Т. 1. – М. – 630 с.
- Миллер Г. Ф., 2000.** История Сибири. Т. 2. – М. – 796 с.
- Мирзоев В. Г., 1970.** Историография Сибири. – М. – С. 346.
- Молодин В. И., 1979.** Кыштовский могильник. – Новосибирск. – 182 с.
- Морозов В. М., Пархимович С. Г., 1985.** Городище Перегребное I (к вопросу о проникновении приуральского населения в Западную Сибирь в начале II тысячелетия нашей эры) // Западная Сибирь в древности и средневековье. – Тюмень. – С. 89–99.
- Нахлик А., 1963.** Ткани Новгорода // МИА. – № 123. – С. 228–313.
- Никитин А. В., 1965.** Крепость Халедец и Кич городок // КСИА. – Вып. 104. – С. 139–144.
- Оборин В. А., 1951.** Орел-городок — русский опорный пункт в Прикамье (XVI–XVII вв.). Уч. зап. ПГУ. Т. X, вып. 3. – Пермь. – С. 150–162.
- Оборин В. А., 1954.** Раскопки Орла-городка на р. Каме в 1952 г. // КСИИМК. – Вып. 55. – С. 130–131.
- Оборин В. А., 1975.** Некоторые вопросы археологического изучения уральских городов XVII–XVIII вв. // Памятники древнейшей истории Евразии. – М. – С. 267.
- Оглоблин Н. Н.** Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768). – М., 1895–1901. – Т. 1–4. Т. 1. – 429 с.; т. 2 – 162 с.; т. 3 – 394 с.; т. 4 – 287 с.
- Овсянников О. В., 1973.** Дом и усадьба в Сибирском городе XVII в. // КСИА. – Вып. 136. – С. 41–46.
- Окладников А. П., 1951.** Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. – Л.–М. – С. 7–40.
- Оксенов А. В., 1885.** Сношения Новгорода Великого с Югорской землей // Литературный сборник. – СПб. – С. 425–445.
- Оксенов А. В., 1891.** Политические отношения Московского государства к Югорской земле (1455–1499) // Журнал Министерства народного просвещения. № 2. – С. 245–272.
- Описание Тобольского наместничества, 1982.* Описание Тобольского наместничества. Сост. А. Д. Колесников. – Новосибирск. – 320 с.
- Ополовников А. В., 1983.** Русское деревянное зодчество. – М. – 288 с.

- Осипов Д. О., Лихтер Ю. А., 2004.** Системное описание и классификация кожаной обуви (методические рекомендации). – М. – 68 с.
- Открытия русских землепроходцев..., 1951.** Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века: Сборник документов. – М., 1951. – Гл. 1. К истории Мангазейского морского хода. – С. 51–89.
- Оятева Е. И., 1965.** Обувь и другие кожаные изделия Земляного Городища Старой Ладogi // АСГЭ. – Вып. 7. – С. 42–59.
- Павлов П. Н., 1966.** Потомки землепроходцев в Туруханском крае в первой половине XIX в. // Из истории крестьянства Восточной Сибири. – Красноярск. – С. 84–114.
- Павлов П. Н., 1972.** Пушной промысел в Сибири XVII в. – Красноярск. – 410 с.
- Павлов П. Н., 1974.** Промысловая колонизация Сибири в XVII в. – Красноярск. – 238 с.
- Пархимович С. Г., 1986.** Некоторые итоги изучения памятников русской колонизации Восточного Урала и Западной Сибири (XVI–XVII вв.) // Проблемы урало-сибирской археологии. – Свердловск. – (ВАУ. Вып. 18). – С. 138–143.
- Пелих Г. Н., 1972.** Происхождение селькупов. – Томск. – 424 с.
- Первое столетие..., 1996.** Первое столетие сибирских городов. XVII век // Сибирский хронограф. – Новосибирск. – 190 с.
- Плетнева Л. М., 1990.** Томское Приобье в позднем средневековье (по археологическим источникам). – Томск. – 134 с.
- Плотникова А. А., 2002.** Дом // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М. – С. 142–144.
- Поветкин В. И., 1997.** Музыкальные инструменты // Древняя Русь. Быт и культура. – М. – С. 179–185.
- ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1: Группа Есиповской летописи, 1987.** – М. – 382 с.
- Порфиридов Н. Г., 1951.** Предметы прикладного искусства // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. – Л.–М. – С. 153–159.
- Преображенский А. А., 1972.** Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. – М. – 390 с.
- Пруцын О. И., 2002.** Красота русского дерева. – М. – 366 с.
- Рабинович М. Г., 1949.** Московская керамика // МИА. – № 12. – С. 37–105.
- Рабинович М. Г., 1975.** Русское жилище в XIII–XVII вв. // Древнее жилище народов Восточной Европы. – М. – С. 156–244.
- Рабинович М. Г., 1988.** Очерки материальной культуры русского феодального города. – М. – 312 с.
- Раппопорт П. А., Колчин Б. А., Борисевич Г. В., 1985.** Жилище // Древняя Русь. Город, замок, село / Археология СССР. – М. – С. 136–154.
- Резун Д. Я., 1982.** Очерки истории изучения сибирского города конца XVI – первой половины XVIII века. – Новосибирск. – 219 с.
- Резун Д. Я., 1991.** Очерки истории изучения сибирского города. XVIII век. – Новосибирск. – 208 с.
- Розенфельдт Р. Л., 1997.** Игры детей // Древняя Русь. Быт и культура / Археология СССР. – М. – С. 114–119.
- Розенфельдт Р. Л., 1997а.** Осветительные приборы // Древняя Русь. Быт и культура / Археология СССР. – М. – С. 10–12.
- Розенфельдт Р. Л., 1997б.** Бытовые изделия: деревянная тара и посуда // Древняя Русь. Быт и культура / Археология СССР. – М. – С. 43–46.
- Ромодановская Е. К., 1986.** Легенда о Василии Мангазейском // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. – Новосибирск. – С. 190–210.
- Ромодановская Е. К., 2001.** Житие Василия Мангазейского // Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века. – Новосибирск. – С. 345–352.
- Рыбина Е. А., 1997.** Шашки, мельница, шахматы // Древняя Русь. Быт и культура / Археология СССР. – М. – С. 110–114.
- Рыбина Е. А., Розенфельдт Р. Л., 1997.** Гребни, расчески // Древняя Русь. Быт и культура / Археология СССР. – М. – С. 19–22.
- Сабурова М. А., 1997.** Древнерусский костюм // Древняя Русь. Быт и культура / Археология СССР. – М. – С. 93–106.

- Свиноводство, 1974.* Свиноводство. Отв. ред. Г. Н. Доброхотов. – М., 1974. – 544 с.
- Святов В. Н., Старков А. В., Чауркин С. Е., 1998.** Археологические исследования в г. Верхотурье в 1997 г. // Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. – Екатеринбург. – С. 144–157.
- Сибирские реликвии, 2000.* Сибирские реликвии. Альбом. Из собрания Тобольского музея. – Тобольск-Верона. – 280 с.
- Семенова В. И., 2001.** Средневековые могильники Юганского Приобья. – Новосибирск. – 296 с.
- Сирелиус У. Т., 2001.** Путешествие к хантам. – Томск. – 344 с.
- Скалозубов Н. Л., 1895.** Опыт обзора крестьянских промыслов Тобольской губернии. – Тобольск. – 106 с.
- Скрынников Р. Г., 1986.** Сибирская экспедиция Ермака. – Новосибирск. – 318 с.
- Словцов П. А., 1995.** Историческое обозрение Сибири. – Новосибирск. – 676 с.
- Соловьев А. И., 2003.** Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. – Новосибирск. – 224 с.
- Соловьев А. И., 1987.** Военное дело коренного населения Западной Сибири. – Новосибирск. – 193 с.
- Солодкин Я. Г., 2001.** Воеводы и письменные головы Мангазеи первой половины XVII века (новые материалы) // Западная Сибирь: история и современность. Краеведческие записки. – Тюмень. – Вып. IV. – С. 16–19.
- Станкевич Я. В., 1951.** Бытовой инвентарь // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. – Л.–М. – С. 167–171.
- Старков В. Ф., 2001.** Очерки истории освоения Арктики. Т. 2: Россия и северо-восточный проход. – М. – 116 с.
- Старков В. Ф., Державин В. Л., 2003.** Экспедиция Виллема Баренца на Новой Земле (1596–1597 гг.). – М. – 212 с.
- Татауров С. Ф., 2001.** Железные гвозди на поселениях XVII–XVIII веков в Среднем Прииртышье // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Нальчик-Омск. – С. 125–128.
- Татаурова Л. В., 2004.** Домостроительство и техника деревообработки у русских среднего Прииртышья в XVIII веке // Русские. Материалы VII-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» – Тобольск. – С. 412–415.
- Титов А., 1890.** Сибирь в XVII веке. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. – М. – 170 с.
- Травин Н. Д., 1951.** Остатки нарт // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. – Л.–М. – С. 103–104.
- Трубников Б. Г., 1997.** Большой словарь оружия. – СПб.–М. – 668 с.
- Томилов Н. А., 2001.** Русские Нижнего Притомья (конец XIX – первая четверть XX в.). – Омск. – 198 с.
- Федорова Е. Г., 2001.** Рыболовы и охотники бассейна Оби: проблемы формирования культуры хантов и манси. – СПб. – 368 с.
- Филин П. А., 2003.** Этнографическое изучение поморов Терского берега Белого моря. Фонд А. А. Макаренко в Российском этнографическом музее // Полярный архив. – М. – С. 110–113.
- Филин П. А., 2004.** Судостроение Соловецкого монастыря: лодья «Преподобный Зосима» // Труды Морской арктической комплексной экспедиции. Под общей редакцией П. В. Боярского. – М. – 175 с.
- Хантемиров Р. М., 1999.** Древесно-кольцевая реконструкция летних температур на севере Западной Сибири за последние 3248 лет // Сибирский экологический журнал. – № 2. – С. 185–191.
- Хантемиров Р. М., Шиятов С. Г., 1999.** Радиоуглеродные и дендрохронологические датировки полуископаемой древесины на Ямале и их использование для изучения динамики лесотундровых экосистем // Биота приуральской Субарктики в позднем плейстоцене о голоцене. – Екатеринбург. – С. 3–22.
- Хорошев А. С., 1997.** Ножи, бритвы, ножницы // Древняя Русь. Быт и культура / Археология СССР. – М. – С. 17–19.
- Хорошев А. С., 1997а.** Предметы обихода, кухонная утварь // Древняя Русь. Быт и культура / Археология СССР. – М. – С. 13–14.
- Цалкин В. И., 1956.** Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси // МИА. – № 51. – 185 с.
- Цалкин В. И., 1971.** Некоторые итоги изучения костных остатков животных из раскопок Москвы // Древности Московского кремля. – МИА. – № 67. – С. 164–185.
- Ципоруха М. И., 2003.** Российские мореходы. – М. – 256 с.

- Чагин Г. Н., 2002.** Народы и культуры Урала в XIX–XX вв. – Екатеринбург. – 296 с.
- Черная М. П., 2002.** Томский кремль середины XVII–XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. – Томск. – 187 с.
- Черная М. П., 2004.** Азартные игры в досуге томичей: предварительные замечания к социально-психологическому анализу // Традиционное сознание: проблемы реконструкции – Томск. – С. 286–296.
- Чернецов А. В., Куза А. В., Кирьянова Н. А., 1985.** Земледелие и промыслы // Древняя Русь. Город, замок, село / Археология СССР. – М. – С. 219–242.
- Чернецов В. Н., 1947.** О работах мангазейской экспедиции // КСИИМК. – Вып. XXI. – С. 159–162.
- Чернецов В. Н., 1957.** Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // МИА. – № 58. – С. 136–245.
- Шокарев Ю. В., 2002.** История оружия. Луки и арбалеты. – М. – 176 с.
- Шухов И. Н., 1915.** Общий обзор бассейна реки Таза. – Ачинск. – 43 с.
- Щапова Ю. Л., 1997.** Украшения из стекла // Древняя Русь. Быт и культура / Археология СССР. – М. – С. 80–93.
- Щеглов И. В., 1993.** Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032–1882 гг. – Сургут. – 463 с.
- Эскин Ю. М., 1986.** Документы о Мангазее в Смутное время // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. – Новосибирск. – С. 44–54.
- Ясински М. Э., Овсянников О. В., 1998.** Взгляд на Европейскую Арктику. Архангельский Север: проблемы и источники. – СПб. – Т. I. – 464 с.; т. II. – 432 с.
- Ясински М. Э., Овсянников О. В., 2003.** Пустозерск. Русский город в Арктике. – СПб. – 400 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААНИИ	Арктический и антарктический научно-исследовательский институт
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БИЭД	Большая иллюстрированная энциклопедия древностей
ВАУ	Вопросы археологии Урала
Гл.	глава
Д.	Дело
ИПОС РАН	Институт проблем освоения севера Российской Академии наук
ИРГО	Императорское Русское географическое общество
КАЭ	Камская археологическая экспедиция
КСИА	Краткие сообщения Института археологии
Л.	Лист
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
МСЭ	Малая Советская Энциклопедия
НПО СА	Научно-производственное объединение «Северная археология»
Оп.	Опись
ПГУ	Пермский государственный университет
Прил.	Приложение
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
РАН	Российская академия наук
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РЭМ	Российский этнографический музей
С.	Страница
САИ	Свод археологических источников
Стб.	Столбец
Т.	Том
Табл.	Таблица
ТИЭ	Труды Института этнографии
УрО РАН	Уральское отделение Российской Академии наук
УрГУ	Уральский государственный университет
УНЦ	Уральский научный центр
Ф.	Фонд
ХМАО	Ханты-Мансийский автономный округ
ЦИКН	Центра историко-культурного наследия (Нефтеюганского района ХМАО)
ЯНАО	Ямало-Ненецкий автономный округ

СПИСОК ПРИЛОЖЕНИЙ

ТЕКСТОВЫЕ

I. Городище Мангазея. Описание стратиграфии раскопа 2001–2004 годов.

ТАБЛИЦЫ

I. Городище Мангазея. Количественная характеристика находок из раскопок разных лет.

II. Городище Мангазея. Характеристика вариантов поплавок сетных снастей.

III. Городище Мангазея. Характеристика монет из раскопок 2001–2004 гг.

IV. Городище Мангазея. Распределение предметов в прикладах построек.

V. Городище Мангазея. Городище Мангазея. Образцы древесины, датированные методом дендрохронологии.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Рис. 1. Расположение Мангазейского городища на административной карте Тюменской области.

Рис. 2. Городище Мангазея. Вид с юго-востока.

Рис. 3. Городище Мангазея. Вид с юго-востока, с левого берега р. Осетровки (Мангазейки). 2002 г.

Рис. 4. Городище Мангазея. Памятный столб экспедиции М. И. Белова 1968–1970, 1973 гг. на стрелке мыса в устье р. Мангазейки. Вид с востока. 2001 г.

Рис. 5. Городище Мангазея. Вид на Ратиловский ложок (вблизи — лагерь экспедиции) и мыс, занятый кремлем, с юго-запада, с р. Таз. 2003 г.

Рис. 6. Городище Мангазея. Устье р. Мангазейки. Вид с юго-запада, с р. Таз. 2003 г.

Рис. 7. Городище Мангазея. Северо-восточная часть; р. Мангазейка. Вид с юго-запада со стороны мыса. 2002 г.

Рис. 8. Городище Мангазея. Река Мангазейка. Вид с юго-востока, со стрелки мыса. 2003 г.

Рис. 9. Городище Мангазея. Вид с северо-востока, со стороны тундры. 2003 г.

Рис. 10. Мангазея. Вид с северо-запада с городища на р. Таз. 2003 г.

Рис. 11. Городище Мангазея. Раскоп 2003 года. Вид с востока. 2003 г.

Рис. 12. Городище Мангазея. Тропа, ведущая от ложка Радужного — взвоза к старице р. Панчи. Вид с северо-запада. 2003 г.

Рис. 13. Городище Мангазея. Тропа, ведущая от ложка Радужного — взвоза к старице р. Панчи. Вид с запада. 2003 г.

Рис. 14. Городище Мангазея. Руины построек в раскопе № 22 экспедиции М. И. Белова 1973 года. 2001 г.

Рис. 15. Городище Мангазея. Руины постройки, исследовавшейся экспедицией ААНИИ на территории городища. Вид с востока. 2002 г.

Рис. 16. Городище Мангазея. Руины постройки, исследовавшейся экспедицией ААНИИ на территории городища. Вид с севера. 2002 г.

Рис. 17. Городище Мангазея. Фрагмент палисада на территории кремля. Вид с юго-запада. 2002 г.

Рис. 18. Профиль линии А. Участки А/1–3. Вид с юго-востока.

Рис. 19. Профиль линии А. Участки А/5–7. Вид с юго-востока.

Рис. 20. Профиль линии Г. Участки Г/14–15. Вид с юго-востока.

Рис. 21. Профиль линии 16. Участки Л–Н/16. Вид с юго-юго-запада.

- Рис. 22. Профиль линии 16. Участки Г-К/16. Вид с юго-юго-запада.
- Рис. 23. Профиль на участках 3/16-18. Справа — профиль траншеи 1973 г., прокопанной вдоль бревна сруба. Вид с востока.
- Рис. 24. Постройка № 13. Общий вид. Участки Г-3/2-5. Вид с юго-востока.
- Рис. 25. Постройка № 13. Юго-восточный профиль глинобитной печи и опечка в центре постройки. Фрагмент доски пола. Участок Г/4. Вид с юго-востока.
- Рис. 26. Постройка № 13. Общий вид. В левом верхнем углу — угол сеней постройки № 2 не перекрывает сруб постройки № 13. Участки Г-3/2-5. Вид с северо-запада.
- Рис. 27. Постройка № 13. Северо-восточный фасад. Окладной венец сруба, юго-западный угол сеней постройки № 2. Участки Г-3/5. Вид с юго-востока.
- Рис. 28. Постройка № 13. Юго-западный угол сруба. Опорный столб стены. Участок Г/4. Вид с севера.
- Рис. 29. Постройка № 13. Фрагмент юго-западного фасада. Бревна окладного венца и доски стен срублены в обло. Участок 3/2. Вид с запада.
- Рис. 30. Постройка № 13 после разборки. Опорный пень. Участки Е, Ж/3, 4. Вид с юго-востока.
- Рис. 31. Село Питляр Шурышкарского р-на ЯНАО. Хозяйственный лабаз Озеловых. Западный фасад. Фото М. Н. Труняевой. 2004 г.
- Рис. 32. Поселок Горноknязевск Приуральского р-на ЯНАО. Летний жилой дом Е. Н. Тайшиной. Вид с северо-востока. Фото О. В. Кардаша. 2004 г.
- Рис. 33. Постройка № 2. Общий вид. Участки Д-Л/6-15. Вид с севера.
- Рис. 34. Постройка № 2. Общий вид. Участки Д-Л/6-15. Вид с северо-востока.
- Рис. 35. Постройка № 2. Южный фасад. Участки Е-Л/6-10. Вид с юга, из сеней.
- Рис. 36. Постройка № 2. Северный угол сеней. Соединение стены, примыкающей к сеням, в обло с остатком и стены сеней в технике заплота. Участок Д/8. Вид с юга.
- Рис. 37. Постройка № 2. Фрагмент внутренней перегородки, опорные столбы печи и несколько камней основания печи. Участки Е-Ж/11-12. Вид с северо-востока.
- Рис. 38. Постройка № 2. Фрагмент упавшей засыпки потолка. Участки Д-Ж/14. Вид с юго-юго-запада.
- Рис. 39. Постройка № 2. Фрагмент конструкции потолка под упавшей засыпкой. Участки Д-Ж/14. Вид с юго-юго-запада.
- Рис. 40. Постройка № 2. Остатки конструкций «курятника», примыкавшего с юго-восточной стороны к постройке № 2. Участки Л/10-14. Вид с северо-северо-востока.
- Рис. 41. Постройка № 2. Топор в верхней части культурного слоя «кухни» (уч. Е/12). Вид с юго-запада.
- Рис. 42. Постройки № 1а, 1. Участки А-Д /7-13. Общий вид с севера.
- Рис. 43. Постройки № 1а, 1. Участки А-Д /7-13. Вид с северо-запада.
- Рис. 44. Постройка № 1а. Пол с развалом печи и восточная завалинка с забутовкой из кирпичей. Участки А-Д /7-13. Вид с северо-северо-востока.
- Рис. 45. Постройка № 1а. Развал печи. Участок Г/11. Вид с запада.
- Рис. 46. Постройка № 1а. Проем в полу и опечек после снятия основания печи. Участок Г/10. Вид с юга.
- Рис. 47. Постройка № 1а. Западная завалинка с кирпичной забутовкой. Вид с юго-запада.
- Рис. 48. Окладной венец постройки № 1 на остатках постройки 1а. Участки А-Д/7-13. Вид с востока-юго-востока.
- Рис. 49. Постройки № 1а, 1: лаги под полом постройки № 1а; окладной венец постройки № 1. Участки А-Д/7-13. Вид с северо-северо-востока.
- Рис. 50. Постройки № 1а, 1: завалинка постройки № 1; северная часть окладного венца постройки № 1а. Участки А-Д/12-13. Вид с юга.
- Рис. 51. Постройка № 1а. Вид с юга.
- Рис. 52. Постройка № 1а. Юго-западный угол. Строительный приклад под полом — топор и блюдо. Вид с севера.
- Рис. 53. Постройка № 1а. Западная стена. Вид с запада.
- Рис. 54. Постройка № 3. Общий вид. Участки О-Т/9-14. Вид с востока.
- Рис. 55. Постройка № 3. Окладной венец постройки, бревна завалинок, развал печи. Участки О-Т/9-14. Вид с востока-юго-востока.
- Рис. 56. Постройка № 3. Окладной венец. Настил из досок у южной стены. Участки С-Т/9. Вид с юго-востока.

- Рис. 57. Постройка № 3. Доски пола сеней и южная половина сруба с развалом печи. Участки П-Т/9-10. Вид с юго-востока.
- Рис. 58. Постройка № 3. Окладной венец срублен в обло с остатком. Бревна основания завалинки при-
мыкают к выпускам бревен стен. Пол постройки и лаги под ним. Бревно опечка. Участки О-П/14. Вид
с востока.
- Рис. 59. Постройка № 3. Развал печи и бревна опечка. Участки П-Р/11-14. Вид с востока.
- Рис. 60. Отхожее место. Участки П-Р/15. Вид с юга.
- Рис. 61. Постройка № 5. Южная и восточная завалинки. Участки И-Н/14-17. Вид с севера.
- Рис. 62. Постройка № 5. Южная и восточная завалинки. Участки И-Н/14-17. Вид с юга.
- Рис. 63. Постройка № 5. Северный фасад с продухами. Северная завалинка, ограниченная доской и колыш-
ками. Участки И-М/17-18. Вид с севера.
- Рис. 64. Постройка № 5. Северный фасад с продухами. Северная завалинка, ограниченная с севера доской
и колышками, с востока и запада — бревнами. Участки И-М/17-18. Вид с востока.
- Рис. 65. Постройка № 5. Северная завалинка. Восточная стенка, выполненная в технике заплота. Участки
М-Н/13. Вид с запада.
- Рис. 66. Постройка № 5. Настил из досок на южной завалинке. Участки М-Н/13. Вид с северо-востока.
- Рис. 67. Постройка № 5. Участки Л-Н/14-15. Вид с севера.
- Рис. 68. Постройка № 5. Угол постройки № 12, примыкающей к северной завалинке постройки № 5.
Участки М/19-20. Вид с запада.
- Рис. 69. Постройки № 7, 8. Северо-западный угол сруба, засыпка завалинки, развал печи с опечком построй-
ки № 7. Бревна окладного венца постройки № 8. Участки Д-З/15-17. Вид с северо-северо-востока.
- Рис. 70. Постройка № 7. Основание печи-каменки. Вид с северо-запада.
- Рис. 71. Постройка № 7. Пол предбанника. Вид с востока.
- Рис. 72. Постройка № 6. Участки З-К/18-20. Общий вид с востока.
- Рис. 73. Постройка № 8. Юго-западный угол основания. Участки Г-З/18-20. Вид с юго-юго-запада.
- Рис. 74. Постройка № 8. Скопление фрагментов судовых деталей, обнаруженное под постройкой. Участки
Г-З/18-20. Вид с запада.
- Рис. 75. Постройка № 4. Северо-восточный угол и восточная стена. Участки М-П/8-11. Вид с юго-юго-запада.
- Рис. 76. Основание одиночной печи между постройками № 2 и 5. На переднем плане — остатки северного
бревна постройки № 4 с засыпкой из белого речного песка. Вид с юга.
- Рис. 77. Постройка № 4. Юго-западный угол. Восточное бревно окладного венца и основание печи. Вид
с юга.
- Рис. 78. Постройка № 2. Дверь, найденная у западной стены. Участки Е/11-12. Вид с севера.
- Рис. 79. Дверь из разрушенной постройки нижнего горизонта, под основаниями построек № 7 и 8.
- Рис. 80. Икона Василия Мангазейского Мученика (из часовни на Мангазейском городище). Фото И. Н. Шу-
хова, 1914 г. Фотоархив ТГИАМЗ.
- Рис. 81. Часовня Василия Мангазейского на Мангазейском городище. Фото И. Н. Шухова, 1914 г. Фотоархив
ТГИАМЗ.
- Рис. 82. Курная изба с сенями. Общий вид. Изба клетью без подклета и дымохода; крыша — самцово-слего-
вой конструкции; окна — косячатые (по: *Бломквист Е. Э., 1956. — Ил. 78*).
- Рис. 83. Архангельская обл., д. Калгачиха. Баня. Общий вид. Изба клетью, без сеней, с односкатной кровлей
без дымохода (по: *Ополовников А. В., 1983. — Ил. 186*).
- Рис. 84. Принадлежности охоты. 1-3 — сторожки; 4-9 — детали сторожевых луков. *Дерево.*
- Рис. 85. Принадлежности охоты. 1 — голова утки (деталь приманки); 2 — деталь ловушки давящего типа;
3 — планка сторожевого лука; 4 — пластина составного лука. *Дерево.*
- Рис. 86. Принадлежности охоты. Наконечники стрел и древки. 1-4 — томары; 5-7 — фрагменты древков. *Дерево.*
- Рис. 87. Принадлежности охоты. Наконечники стрел и их детали. 1-7 — наконечники стрел; 8-11 — балансиры.
Кость мамонта.
- Рис. 88. Принадлежности охоты. Наконечники стрел. *Железо.*
- Рис. 89. Принадлежности охоты. Наконечники стрел. *Железо.*
- Рис. 90. Принадлежности охоты. Принадлежности огнестрельного оружия. 1-3 — винты ружейные; 4-10 —
кремни; 11, 12 — скобы аркебузные; 13, 14 — пули. 1-3, 12 — *железо*; 4-10 — *камень*; 11 — *медь*; 13, 14 — *свинец*.

- Рис. 91. Принадлежности рыболовства. Принадлежности для крючковых снастей и ужения. 1, 7 – блесны; 2–6 – крючки самоловные; 8 – грузило для удочки; 9–14 – крючки для удочек. 1 – медь; 2–6, 9–14 – железо, 7, 8 – свинец.
- Рис. 92. Принадлежности рыболовства. Принадлежности для сетных снастей. Поплавки. 1–5 – кора лиственницы; 6–8 – дерево.
- Рис. 93. Принадлежности рыболовства. Принадлежности для сетных снастей. Поплавки. *Дерево.*
- Рис. 94. Принадлежности рыболовства. Принадлежности для сетных снастей. Грузила. 1–5 – береста (*лыко/ива*), камень; 6, 7 – ива, лыко, камень.
- Рис. 95. Принадлежности ювелирного дела. 1, 2 – пинцеты; 3 – связка инструментов. 1, 2 – медь; 3 – железо.
- Рис. 96. Принадлежности деревообработки. 1, 2 – топоры; 3, 4 – клинья для топоров; 5–7 – колодки стружков. 1–4 – железо; 5, 7 – дерево; 6 – кость.
- Рис. 97. Принадлежности деревообработки. 1, 2, 5–7 – наконечники лучковых сверел; 3 – отвертка; 4 – сверло-бурав. 1, 2, 4–7 – железо; 3 – железо, дерево.
- Рис. 98. Принадлежности деревообработки. 1 – молоток-гвоздодер; 2–7 – нагели; 8–14 – гвозди строительные. 1, 8–14 – железо; 2–7 – дерево.
- Рис. 99. Детали архитектурных конструкций. 1 – рама косячатой оконницы; 2, 3–5 – фрагменты оконных пластин. 1 – дерево; 2, 3–5 – слюда.
- Рис. 100. Детали архитектурных конструкций. 1 – внешняя рама для оконницы; 2, 3 – причелина; 4 – фрагмент резного украшения. *Дерево.*
- Рис. 101. Наземный транспорт. Детали нарт. 1–5 – копылья; 6–8 – вязы; 9 – полоз. *Дерево.*
- Рис. 102. Наземный транспорт. Лыжи и детали лыжных палок. 1 – лыжа-голица; 2, 3 – упоры от лыжных палок. *Дерево.*
- Рис. 103. Наземный транспорт. Лыжи подволочные. 1, 2 – целый экземпляр; 3–5 – фрагменты носков; 6 – часть стабилизатора. *Дерево.*
- Рис. 104. Наземный транспорт. Детали лыж. Ступательные площадки. *Дерево.*
- Рис. 105. Водный транспорт. Детали коча. 1 – киль (собран из брусьев окладного венца постройки № 13); 2 – фрагмент бортовой обшивки. *Дерево.*
- Рис. 106. Водный транспорт. Детали коча. 1 – фрагмент бортовой доски; 2 – деталь замка крепления кия са штевнем. *Дерево.*
- Рис. 107. Водный транспорт. Детали судов. 1 – перо руля малого судна; 2 – румпель руля малого судна; 3, 4 – блоки (3 – заготовка); 5 – ракс-клот. 1, 2, 5 – дерево; 3, 4 – кап.
- Рис. 108. Водный транспорт. Детали и принадлежности. 1 – поворотный блок; 2–5 – фрагменты веревок и канатов; 6–11 – скобы судовые; 12–14 – весла для малых судов. 1, 12–14 – дерево; 2–5 – пенька; 6–11 – железо.
- Рис. 109. Принадлежности кожевенного и швейного ремесла. 1, 2 – ножницы; 3–6 – иглы швейные; 7 – игла скорняжная; 8 – игольник; 9–14 – шилья; 15–21 – гвозди сапожные. 1–7, 14–21 – железо; 8 – кость; 9, 10, 12, 13 – железо, дерево; 11 – железо, кап.
- Рис. 110. Принадлежности и детали одежды. Рукавицы шитые. 1, 2 – кожа; 3 – сукно.
- Рис. 111. Принадлежности и детали одежды. Рукавицы вязанные. 1 – шерсть, сукно; 2, 3 – шерсть.
- Рис. 112. Принадлежности и детали одежды. Фрагменты тканевых изделий. 1 – край одежды; 2 – накидка; 3 – фрагмент пояска. *Шерсть.*
- Рис. 113. Принадлежности и детали одежды. Фрагменты тканевых изделий. 1 – тесьма из цветных нитей; 2 – фрагмент вязаного чулка; 3, 4 – фрагменты ткани с золотым шитьем. 1, 2 – шерсть; 3, 4 – шелк, золото.
- Рис. 114. Принадлежности костюма. 1 – накладка ременная; 2–7 – пряжки ременные; 8–20 – пуговицы. 1 – бронза; 2–8 – медь; 9–12 – свинцово-оловянистый сплав; 13–20 – стекло.
- Рис. 115. Украшения. 1 – серьга; 2, 3 – перстни; 4–19 – бусины. 1 – серебро, цветное стекло, жемчуг; 2, 3 – серебро; 4–18 – стекло; 19 – кость.
- Рис. 116. Обувь. Поршни подтипа 1. *Кожа.*
- Рис. 117. Обувь и ее детали. Поршни подтипа 2. *Кожа.*
- Рис. 118. Детали обуви. Сапоги. 1–4 – наборные каблуки; 5–7 – каблуки с задниками; 8 – подошва; 9, 10 – вкладыши в задники; 11 – фрагмент задника. 1–4, 8, 11 – кожа; 5–7 – кожа, железо; 9, 10 – береста.
- Рис. 119. Детали обуви. Сапоги, туфли. 1, 2 – каблуки с задниками; 3 – подошва с наборным каблуком и задником; 4, 8 – подошвы с крокулем; 5 – наборный каблук; 6, 7 – головки. 1, 2 – кожа, дерево; 3 – кожа, береста, железо, медь; 4, 6–8 – кожа; 5 – кожа, дерево.

- Рис. 120. Детали обуви. Подковки для сапог. *Железо*.
- Рис. 121. Детали обуви. Подошвы туфель без каблуков. *Кожа*.
- Рис. 122. Детали обуви. Сапоги, туфли. Подошвы. *Кожа*.
- Рис. 123. Обувь. Туфли без каблуков. 1 – головка; 2 – головка с подошвой; 3 – головка с подошвой и суконной опушкой; 1, 2 – *кожа*; 3 – *кожа, шерсть*.
- Рис. 124. Детали обуви. 1 – головка сапога или туфли с каблуком; 2, 3 – головки туфель без каблуков; 4 – головка детской туфли; 5 – детская туфля. *Кожа*.
- Рис. 125. Детали обуви. Вкладыши. *Береста*.
- Рис. 126. Детали обуви. Вкладыши и поднаряды. 1–4 – вкладыши; 5, 6 – поднаряды. 1–4 – *береста*; 5, 6 – *кожа*.
- Рис. 127. Детали обуви и принадлежности ее изготовления. 1–3 – стельки; 4 – колодка сапожная. 1, 2 – *войлок*; 3 – *сукно*; 4 – *дерево*.
- Рис. 128. Инструментарий домашнего производства. Ножи. 1, 4 – *железо, кап*; 2 – *железо, кап, свинец*; 3 – *железо*; 5 – *железо, дерево*.
- Рис. 129. Инструментарий домашнего производства. Ножи. 1 – *железо, кап*; 2 – *железо, кап, кость мамонта*; 3, – *железо*; 4 – *железо, свинец*.
- Рис. 130. Инструментарий домашнего производства. Ножи. 1 – *железо, кап, кость мамонта*; 2 – *железо, кап*; 3–7 – *железо*.
- Рис. 131. Инструментарий домашнего производства. Ножи. 1 – *железо, бронза*; 2, 3 – *железо*; 4 – *железо, кап, свинец*.
- Рис. 132. Рукояти и детали ножей. 1, 3, 5, 6 – торцевые насадки; 2, 4 – обоймы ограничители; 7, 8, 10 – пластины для инкрустации рукоятей; 9 – накладная пластина на рукоять; 11–13 – рукояти с накладными пластинами. 1–8, 10 – *кость мамонта*; 9 – *бронза*; 11, 13 – *железо, кость, медь*; 12 – *железо, кость*.
- Рис. 133. Принадлежности ножей. Ножны. 1–4 – *кожа*; 5 – *кожа, дерево*.
- Рис. 134. Инструментарий домашнего производства. 1, 2 – шаблоны для вязания сетей; 3–5 – кочедыки; 6, 7 – иглы для ремонта сетей. 1–5 – *дерево*; 6, 7 – *кость*.
- Рис. 135. Предметы быта. Посуда стеклянная. Фрагменты.
- Рис. 136. Предметы быта. Посуда керамическая серо-красная. Фрагменты.
- Рис. 137. Предметы быта. Посуда керамическая. Фрагменты. 1, 2 – серо-лощенная; 3 – поливная; 4 – фаянс; 5 – сковорода керамическая.
- Рис. 138. Предметы быта. Посуда керамическая. **I:** 1–5 – профили горшков *типа I*; **II:** 1–14 – профили горшков *типа II*.
- Рис. 139. Предметы быта. Посуда керамическая. **I:** 1–5 – профили горшков *типа III*; **II:** 1–12 – варианты оформления венчиков (соответственно, варианты 1–12); **III:** 1–5 – профили мисок; **IV:** 1–5 – профили сковород.
- Рис. 140. Предметы быта. Посуда деревянная. 1, 2, 4, 5 – ковши; 3 – черпак. 1, 2 – *кап*; 3–5 – *дерево*.
- Рис. 141. Предметы быта. Посуда деревянная. 1 – плошка; 2–6 – ложки. 1, 5 – *дерево*; 2, 4, 6 – *кап*.
- Рис. 142. Предметы быта. Посуда деревянная. Корыта.
- Рис. 143. Предметы быта. Посуда деревянная. Детали бондарных изделий. 1 – пробка для бочки; 2–10 – клепки бондарные.
- Рис. 144. Предметы быта. Посуда деревянная. Днища бондарных изделий.
- Рис. 145. Предметы быта. Посуда. Днища туесов. *Дерево, береста*.
- Рис. 146. Предметы быта. Посуда берестяная. Коробки.
- Рис. 147. Предметы быта. «Крашенина травчатая». *Береста*.
- Рис. 148. Предметы быта. «Крашенина травчатая». *Береста*.
- Рис. 149. Предметы быта. Кухонные принадлежности. 1 – крюк очажный; 2–4 – мутовки. *Дерево*.
- Рис. 150. Предметы быта. Кухонные принадлежности. 1, 2, 5 – веселки; 3, 4 – лопатки; 6, 7 – доски разделочные. *Дерево*.
- Рис. 151. Лопатки промысловые. *Рог*.
- Рис. 152. Предметы быта. Кухонные принадлежности. Ножи для чистки рыбы. *Дерево*.
- Рис. 153. Предметы быта. Кухонные принадлежности. Ножи для чистки рыбы. *Дерево*.
- Рис. 154. Предметы интерьера и домашнего обихода. 1, 2 – светцы; 3, 4 – личины замочные от сундука; 5 – гвоздь сундучный; 6 – оковка сундучная; 7, 8, 11 – пробойи дверные; 10 – накладка. *Железо*.

- Рис. 155. Предметы домашнего обихода. 1, 5–10 – ключи; 2–4 – накладки на петли замков. *Железо*.
- Рис. 156. Предметы домашнего обихода. 1–4 – детали навесных замков; 5 – фрагмент нутряного замка; 6–9 – кресала. *Железо*.
- Рис. 157. Предметы домашнего обихода. Крышки коробок (1, 2) и дно туеса (3). *Дерево*.
- Рис. 158. Предметы домашнего обихода. Крышки коробок. *Дерево*.
- Рис. 159. Предметы домашнего обихода. 1, 2 – ручки разновесов; 3, 4 – гирьки. *Железо*.
- Рис. 160. Предметы домашнего обихода. Канцелярские принадлежности. 1 – чернильница; 2–4 – пеналы; 5–7 – футляры для восковых пломб. 1 – *бронза*; 2–7 – *дерево*.
- Рис. 161. Предметы гигиены. Гребни. 1–11, 13 – *кость мамонта/рог*; 12 – *бронза*.
- Рис. 162. Принадлежности игр. Фигуры шахматные. 1, 8–26 – *дерево*; 2–7 – *кость мамонта*.
- Рис. 163. Принадлежности игр. Фигуры шахматные. *Дерево*.
- Рис. 164. Принадлежности игр. 1–4 – фигуры шашечные; 5–9 – детали наборных шахматных фигур; 10, 11 – кости игральные; 12 – фигура коня; 13–20 – фишки игральные. 1–4, 15–20 – *дерево*; 5–14 – *кость*.
- Рис. 165. Принадлежности игр. Доски шахматные. Фрагменты. *Дерево*.
- Рис. 166. Игрушки детские. 1, 2, 4–6 – *дерево*; 3 – *береста*.
- Рис. 167. Игрушки детские. 1 – *береста*; 2, 3, 5 – *дерево*; 4 – *кора лиственницы*.
- Рис. 168. Православные атрибуты. 1, 2, 4–7 – кресты нательные; 3 – крыло фигуры ангела. 1, 2 – *серебро*; 3–7 – *медь*.
- Рис. 169. Предметы аборигенной культуры. 1 – клевец; 2 – налобная пластина оленьей упряжи; 3 – пясик. *Кость/рог*.
- Рис. 170. Предметы аборигенной культуры. 1, 2 – нащечные пластины оленьей упряжи. *Кость/рог*.
- Рис. 171. Предметы аборигенной культуры. 1 – выбивалка снега; 2 – фрагменты прорезных аппликаций. 1, 2 – *рог, береста*.
- Рис. 172. Атрибуты прикладов. 1 – железный наконечник пешни; 2 – пешня с древком (условия нахождения).
- Рис. 173. Атрибуты прикладов. 1–4 – фигурки коней; 1а, 2а – фигурки коней (условия нахождения); 5 – медная чашечка с содержимым (условия нахождения).
- Рис. 174. Бытовые и ритуальные предметы. 1, 2 – мочальные кисти на деревянных ручках; 3–6 – восковые шарики.
- Рис. 175. Фрагменты изделий с надписями. 1 – *кап*; 2 – *дерево*; 3 – *кожа*.
- Рис. 176. Фрагмент берестяной грамоты с надписью «црю грю вликому».
- Рис. 177. Предметы с надписями. 1 – днище бочки; 2, 3 – фрагменты азбучной доски. *Дерево*
- Рис. 178. Предметы бытовой и духовной культуры. А: 1–4 – счетные палочки; 5, 6 – мерные палочки. *Дерево*.
 Б: 1 – копейки серебряные; 2 – жетон счетный медный. В: 1, 2 – варганы (1 – *медь*; 2 – *железо*).

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ГОРОДИЩЕ МАНГАЗЕЯ. ОПИСАНИЕ СТРАТИГРАФИИ РАСКОПА 2001–2004 годов*

1. Дневная поверхность начального этапа застройки фиксировалась в виде тонкого (2–5 см) слоя обугленной травы и мха — древнего дерна. Этот слой лежал на материковой серо-желтой глине на уровне –488–510 см (небольшой уклон древней поверхности в сторону ВЮВ). На этом уровне возводилась постройка № 2.

2. Выше залегал слой темно-серой строительной щепы, смешанной с песком, глиной и угольками, толщиной 10–30 см. За счет разной толщины этого слоя строителями был ликвидирован перепад высот, участок стал практически горизонтальным.

3. Следующий слой, толщиной 37–50 см, представлял собой плотную щепу с незначительной примесью темно-серого грунта. В нем встречено несколько обломков досок и фрагменты бревна. Почти на всей протяженности бровки в средней части этого слоя отмечена тонкая (3–5 см) прослойка чистой желтой щепы, в восточной части — обугленной.

4. В ССЗ половине бровки (участки Г, Д, Е, Ж, З, И) слой темно-серой щепы был перекрыт прослойкой желтой щепы, местами — с чистым речным желтоватым песком. Толщина — 2–20 см. В ВЮВ части бровки (участки И, К, Л, М) прослойка желтой щепы отсутствует. На уровне ее залегания здесь были отмечены западное и восточное бревна окладного венца постройки № 5, между которыми лежала мощная (до 22 см) линза речного песка и развал печи в виде массива серой глины с кирпичной крошкой и булыжников, а также обломки досок пола и древесная труха.

5. На участках И, К, Л, М, Н остатки постройки № 5 были перекрыты перемешанным слоем старого отвала. На участках Г, Д, Е, Ж, З, И на линзе темно-серой щепы залегали остатки основания постройки № 7 — восточное бревно окладного венца и углистая прослойка толщиной 2–10 см, перекрытая прослойкой трухлявых досок толщиной 2–8 см, толстой (до 10–14 см) песчаной линзы, на которой отмечена лага пола. На этой песчаной «подушке» в постройке № 7 настился пол и возводилась печь-каменка. Западное бревно окладного венца постройки № 7 (2,8 м к западу от восточного бревна) было вынута из слоя при раскопках в 1973 г. Сохранился отпечаток бревна с остатками коры. Описанные остатки основания постройки № 7 (бани) перекрыты толстым (14–30 см) слоем рыхлого перемешанного грунта старого отвала.

Близкая стратиграфическая ситуация отмечена и в западном профиле бровки, оставленной по линии Н.

Здесь в нижней части также залегал слой строительной щепы, состоявшей из нескольких явно выраженных прослоек, отмеченных на всем протяжении профиля.

1. Обугленный погребенный дерн толщиной 1–3 см покоился на материковой глине, на уровне –488–501 см.

2. На дерне лежала прослойка темно-серой строительной щепы, перемешанной с песком, глиной и угольками толщиной 7–14 см.

3. Предыдущая прослойка перекрывалась тонкой (3–7 см) прослойкой желтой щепы.

4. Последняя, в свою очередь, перекрывалась тонким (2–5 см) слоем обугленной щепы.

5. Выше снова залегала прослойка темно-серой щепы, перемешанной с песком, глиной и угольками (толщина 6–14 см).

6. Предыдущая прослойка, в свою очередь, перекрывалась новой тонкой (2–9 см) прослойкой желтой щепы.

7. Прослойка обугленной щепы толщиной 3–6 см лежала непосредственно на прослойке желтой щепы или отделялась от нее (на участках 12–15) прослойкой темно-серой щепы толщиной до 13 см.

* См. рис. 18–23.

8. Выше залегала новая прослойка темно-серой щепы толщиной 10–15 см, перекрытая следующим слоем.
9. Выклинивающаяся тонкая (до 6 см) прослойка желтой щепы.
10. Вся толщина щепы перекрывалась ровной горизонтальной прослойкой обугленной щепы толщиной 2–4 см. На участках 4–9 последние две прослойки были сняты в ходе раскопок экспедиции ААНИИ. Там слой строительной щепы перекрыт перемешанным рыхлым грунтом отвала.

На слое строительной щепы, на участках 9–15 зафиксированы разрезы остатков четырех построек.

1. На участках 13–15 зафиксировано южное бревно постройки № 5, к северу на котором лежала мощная линза из чистого желтоватого речного песка с трухлявыми остатками конструкции пола над ней. К югу от этого бревна отмечена кирпичная забутовка завалинки этой постройки, шириной до 0,8 м и толщиной до 20 см, лежавшая на дощатом настиле.

2. На участке 10 на верхней обугленной прослойке слоя строительной щепы зафиксировано основание кирпично-каменной печи в виде линзы полубоженного кирпича и очажных камней. Остатки самой постройки, которой принадлежала эта печь, были уничтожены либо при строительстве более поздней избы, либо при раскопках 1973 г. вместе с остатками этой избы (речь идет о самой поздней постройке в раскопе № 22, находившейся в квадратах В/1–2), когда под этой избы было найдено три бревна «более ранней конструкции», одно из которых датировано 1601 годом (спил 185 экспедиции ААНИИ).

3. Остатки упомянутой ранней постройки перекрывались слоем чистого речного песка толщиной не менее 8 см, на котором зафиксированы два венца северной стены поздней избы (после раскопок 1973 г. бревна пришли в трухлявое состояние — участок 10 профиля).

4. Между завалинкой постройки № 5 и бревнами северной стены поздней избы зафиксирован развал печи еще одной постройки, стоявшей на этом месте чуть выше уничтоженной ранней постройки. От нее сохранилось основание печи из обожженного кирпича и развал верхней части печи в виде мощной (до 26 см) линзы серой сырой глины с кирпичной крошкой. Эта линза была перекрыта прослойками желтой щепы, речного песка и обугленной щепы. Выше залегал рыхлый перемешанный грунт старого отвала.

В профиле ЮЮЗ стенки участков Н–У/9 (линия 9) зафиксирована следующая стратиграфия.

1. На материке (уровень –464–480 см) лежал слой строительной щепы, состоявший из тех же прослоек, что были отмечены в профиле линии Н. Здесь зафиксированы две прослойки желтой щепы, лежавшие на прослойках темно-серой щепы с угольками, вкраплениями песка и глины и перекрытые обугленными прослойками щепы.

2. В восточной половине бровки слой строительной щепы был частично нарушен при строительстве. Здесь отмечено бревно окладного венца постройки (участок С, уровень –544 см), к востоку от которого слой строительной щепы перекрыт прослойками серой глины и мощными углистыми линзами. На этих прослойках отмечены линзы речного песка, очажные камни и щепы с угольками.

3. На участках Н–О и Т–У, описанные слои перекрыты рыхлым грунтом старого отвала, а на участках П–Т — мощной (9–20 см) линзой темно-серой глины с угольками и щепой.

4. На слое темно-серой глины, на участке С (глубина –528 см) лежало восточное бревно окладного венца поздней избы, вскрытой экспедицией ААНИИ (участки В/1–2 в их нумерации). К востоку от нее отмечен останец слоя серой глины и кирпичной крошки толщиной до 20 см. Исходная протяженность этого слоя неясна, так как с востока и запада культурные напластования были уничтожены. Сейчас на их месте — рыхлый переотложенный грунт старого отвала.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Таблица 1

Городище Мангазея. Количественная характеристика находок из раскопок разных лет

Основные категории и разновидности изделий	Количество (экз.)	
	2001–2004 гг.	Раскопки 1968–1970, 1973 гг.
1	2	3
I. ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОЖИ:	2270	около 200
1. Обувь:	867	169
а) поршни	81	7
б) головки башмаков	312	96
в) подошвы башмаков	333	
г) задники башмаков	80	
д) каблуки наборные	61	
е) фрагменты кроя обуви	1345	–
2. Рукавицы	23	8
3. Ножны	35	10 ?
4. Футляр для компаса	1	1
II. ИЗДЕЛИЯ ИЗ ДЕРЕВА:	895	
1. Шахматные фигурки	169	48
2. Шахматные доски	4	4
3. Игральные фишки	9	–
4. Футляры для восковых печатей	27	28
5. Игрушки:	25	–
а) наконечник стрелы	1	–
б) стрелы	3	–
в) меч	2	–
г) сабельки из прута	2	–
д) лодочки	5	–
е) «бабочки»	4	–
ж) рыбка	1	–
з) топорик	1	–
и) молоточки	4	–
к) копье	1	–
л) яйцо	1	–
6. Вотивные фигурки:	6	?
а) конь	4	–
б) медведь	1	–
в) лебедь	1	–

Продолжение таблицы 1

1	2	3
7. Орудия охоты:	110	около 20
а) древки стрел	11	около 15
б) томары	7	5
в) сторожки	91	–
г) планка самострела	1	–
д) дощечка от капкана	1	–
е) распялки	3	4
8. Детали рыболовных снастей:	177	около 100 ?
а) поплавки	121	не менее 35
б) шаблоны для вязания сетей	25	несколько десятков
в) иглы для вязания сетей	11	3
9. Домашняя утварь, инструменты:	270	
а) ножи деревянные	95	около 130 ?
б) кочедыки	5	–
в) валёк	1	7
г) мерные палочки, линейки	12	1
д) колодки стружков	5	–
е) боёк киянки	4	1
ж) оконные рамы	19	9
з) блюда	9	10
и) чаши	3	15
к) ложки	14	10
л) ковши	3	7
м) черпаки	3	1
н) лопаточки	64	10
о) бондарные клёпки	33	около 30
п) фрагменты днищ бочек	19	?
р) шумовки	1	5
с) мутовки	4	2
т) крышки туесков, коробочек	8	6
у) коробочка	–	1
ф) пробки	6	13
х) пеналы	2	9
ц) крюки очажные	2	2
10. Транспортные средства:	98	около 70
а) лыжи	22	25
б) ступательные площадки лыж	10	около 10
в) лыжные палки	3	3
г) копылья от нарт	29	18
д) вязы от нарт	10	11
е) весла	5	?
11. Детали архитектурных конструкций:	1	?
а) причелина	1	–

Основные категории и разновидности изделий	Количество (экз.)	
	2001–2004 гг.	Раскопки 1968–1970, 1973 гг.
1	2	3
III. ИЗДЕЛИЯ ИЗ БЕРЕСТЫ:	464	?
1. Футляры для кибасов	143	?
2. Коробки	40	6
3. «Травчатая» береста	41	–
5. Обивки ступательных площадок лыж	6	?
4. Фрагменты емкостей с орнаментом (апликация)	4	–
6. Фрагменты обуви:	94	?
а) вкладыши в подошву	46	?
б) вкладыши в задники	41	?
в) вкладыши-боковины	7	?
7. Игрушки	3	?
а) рыбка	1	?
б) сердечко	1	?
в) башмачок	1	?
IV. ТКАНИ, ТКАНЫЕ ИЗДЕЛИЯ:	892 фр.	?
1. Рукавицы	17	?
2. Пояса	10	?
3. Стельки	15	?
4. Накидки	2	?
5. Фрагменты неопознанных изделий, обрезки	838	?
V. ВЯЗАНЫЕ ИЗДЕЛИЯ:	52 фр.	?
1. Варезки	13	1
2. Пояса	1	–
3. Шнурки	9	–
4. Носки	7	–
5. Тесьма	3	–
6. Фрагменты неопознанных изделий	19	?
VI. ВОЙЛОЧНЫЕ СТЕЛЬКИ	29	?
VII. ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОСТИ И РОГА:	235	
1. Игральные кости («зернь»)	44	?
2. Игральные карты (фишки)	5	около 15
3. Шахматные фигурки	12	32
4. Гребни	38	13
5. Наконечники стрел	19	16
6. Пястик	1	2
7. Орнаментированные детали ручки ножа	16	–
8. Нащёчные пластины оленьей упряжи	3	9
9. Защитные щитки для запястья		4
10. Заготовки-полуфабрикаты, фрагменты изделий	102	«большое» количество»
VIII. ИЗДЕЛИЯ ИЗ ВОСКА:	11	–
1. Свеча	1	–
2. Пломба	1	–

Продолжение таблицы I

1	2	3
3. Лепешечки	1	-
4. Шарик	8	-
IX. ИЗДЕЛИЯ ИЗ КИТОВОГО УСА:	6	-
1. Пластины	4	-
2. Фрагменты бусин	2	-
X. ИЗДЕЛИЯ ИЗ ЦВЕТНЫХ И ДРАГОЦЕННЫХ МЕТАЛЛОВ:	332	«несколько сот»
1. Пули свинцовые	15	«несколько сот» (сборы, в основном, подъемный материал)
2. Пуговицы свинцовые	18	?
3. Пуговицы медные полые	6	?
4. Гирька свинцовая	1	?
5. Монеты серебряные	222	198 (преимущественно в виде подъемного материала)
6. Монеты медные	-	38 (преимущественно в виде подъемного материала)
7. Счетный жетон медный	1	1
8. Пряжки медные	10	4
9. Гребень медный	1	-
10. Пинцеты	3	-
11. Блесна медная	1	-
12. Блесна свинцовая	1	1
13. Кресты нательные медные	12	2
14. Кресты нательные серебряные	2	
15. Перстни серебряные	2	5
16. Серьга бронзовая	1	-
17. Грузило свинцовое	1	-
18. Пломба свинцовая	2	-
19. Чашечка медная	1	-
20. Фрагменты серебряного шитья	2	-
21. Золотая тесьма	1	-
22. Фрагменты неопознанных изделий	19	?
XI. ИЗДЕЛИЯ ИЗ СТЕКЛА:	507	около 700
1. Бусины	339	«около 400» (в основном, подъемный материал)
2. Пуговицы	21	-
3. Фрагменты посуды	147	около 300 фр. от 70 предметов (в основном, сборки)
XII. РУМЯНА	4	-
XIII. КЕРАМИКА:	2460	«несколько сот черепков от 186 сосудов»
1. Венчики горшков	561 фр./364 сосуда	?
2. Днища горшков	124	?
3. Стенки	1751	?
4. Венчики сковород	22	?
5. Тигли	2	?
XIV. ИЗДЕЛИЯ ИЗ КАМНЯ:	251	?
1. Оселки	30	?
2. Ружейные кремни	60	23
3. Отщепы	42	?

Основные категории и разновидности изделий	Количество (экз.)	
	2001–2004 гг.	Раскопки 1968–1970, 1973 гг.
1	2	3
4. Фрагменты слюдяных оконных пластин	109	?
5. Шарики из песчаника	9	?
6. Инталия – вставка в перстень	1	–
XV. ИЗДЕЛИЯ ИЗ ЖЕЛЕЗА:	1675	?
1. Судовые скобки	644	?
2. Гвозди	236	?
3. Подковки сапожные	130	75
5. Сверла спиральные	10	4
6. Наконечники стрел	23	«около двух десятков»
7. Винты ружейные	5	1
8. Ножи	57	«не менее 9»
9. Коса	1	–
10. Кресала	6	2
11. Ножницы	2	?
12. Струг	1	1
13. Совки	3	–
14. Рыболовные крючки	14	несколько десятков
15. Шилья	24	4
16. Топоры	4	19
17. Иглы швейные	38	?
18. Молоток-гвоздодер	1	–
19. Чашечка	1	–
20. Сундучные накладки	4	–
21. Ручки сундуков	3	–
22. Замок накладной	1	–
23. Замки навесные	7	–
24. Ключи	11	–
25. Пробой дверной	5	–
26. Связки ювелирных инструментов	2	–
27. Ручки разновесов	2	–
28. Ухват	1	–
29. Гирьки	2	–
30. Варганы	2	–
31. Наковаленка ювелирная	1	–
32. Светцы	2	7
33. Пешня	1	1
33. Фрагменты изделий	419	?

Таблица II

**Городище Мангазея.
Характеристика вариантов поплавок сетных снастей**

Вариант	Форма	Размеры	Кол-во экз.
1	Округлые	Диаметр 13–18 см, толщина 1,2 см	15
2	Овальные	От 11,5×9,2 см до 18,5×15,4 см, толщина 0,8–2,6 см	72
3	Широкие каплевидные	От 14,6×11,9 см до 19,5×16,5 см, толщина 1,2–2,6 см	18
4	Узкие каплевидные	От 18,5×5,5 см до 19,4×8,5 см, толщина 1,4–2,6 см	15
5	Овальная лопаточка	От 18,0×9,7 см до 18,8×10,8 см, толщина 2,2–2,9 см	9
6	Трапециевидные со скругленными углами	От 14,0×8,4 см до 18,9×10,7 см, толщина 1,6–1,9 см	6
7	Прямоугольные со скругленными углами	От 18,0×5,0 см до 19,9×5,5 см, толщина 1,3 см	6

Таблица III

**Городище Мангазея.
Характеристика монет из раскопок 2001–2004 гг.**

РАСКОП 2003 г.						
№	Шифр	Правитель	Номинал	Монетный двор	Дата	Сохранность
1	1125	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1618	Удовлетворительная
2	1126	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1618	Удовлетворительная
3	1127	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1624	Удовлетворительная
4	1128	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1632	Удовлетворительная
5	1129	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1619	Удовлетворительная
6	1130	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1614	Удовлетворительная
7	1131	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1617	Удовлетворительная
8	1132	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1614	Монета пробита
9	1133	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1614	Удовлетворительная

№	Шифр	Правитель	Номинал	Монетный двор	Дата	Сохранность
10	1134	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1633	Удовлетворительная
11	1135	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1616	Двойной удар штемпеля, легенда на обеих сторонах
12	1136	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1619–1622	Стерт аверс
13	1137	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1616	Удовлетворительная
14	1138	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1618	Удовлетворительная
15	1139	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1631	Удовлетворительная
16	1140	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1622	Удовлетворительная
17	1141	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1624	Удовлетворительная
18	1142	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1614	Удовлетворительная
19	1143	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1613–1645	Удовлетворительная
20	1145	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1618	Удовлетворительная
21	1946	Михаил Федорович 1613–1645	Денга	Москва	1614–1645	Удовлетворительная
22	1147	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1617	Удовлетворительная
23	1148	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1614	Удовлетворительная
24	1149	Иван IV 1533–1584	Копейка	Псков	1554–1584	Удовлетворительная
25	1150	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1618	Удовлетворительная
26	1151	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1616	Удовлетворительная
27	1152	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1614	Аверс стерт, изъеден
28	1153	Не определяется	Копейка	Не определяется	Не определяется	Монета сломана пополам, вся изъедена
29	1154	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1614	Удовлетворительная
30	1155	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1616	Удовлетворительная
31	1156	Иван IV 1533–1584	Денга	Москва	1547	Удовлетворительная

Продолжение таблицы III

№	Шифр	Правитель	Номинал	Монетный двор	Дата	Сохранность
32	1157	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1617	Удовлетворительная
33	1158	Шведская оккупация Новгорода, чеканка от имени Василия Шуйского	Копейка	Новгород	Март 1615 – февраль 1617	Удовлетворительная
34	1159	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1619	Окислы
35	1160	Шведская оккупация Новгорода, чеканка от имени Василия Шуйского	Копейка	Новгород	Март 1615 – февраль 1617	Удовлетворительная
36	1161	Борис Федорович 1598–1605	Копейка	Новгород	1598/1599	Удовлетворительная
37	1162	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1617	Удовлетворительная
38	1163	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1616	Удовлетворительная, штампель реверса смещен
39	1164	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1625	Удовлетворительная
40	1165	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1624	Удовлетворительная
41	1166	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1633	Удовлетворительная
42	1167	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1617	Удовлетворительная
43	1168	Не определяется	Копейка	Не определяется	Не определяется	Удовлетворительная
44	1169	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1625	Удовлетворительная
45	1170	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1616	Плохая сохранность
46	1171	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1635	Удовлетворительная
47	1172	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1621	Удовлетворительная
48	1173	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1614	Удовлетворительная
49	1174	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1617	Двойной удар штемпеля, легенда и ездец на обеих сторонах
50	1175	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1616	Удовлетворительная
51	1176	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1619	Удовлетворительная
52	1177	Иван IV 1533–1584	Денга	Москва	1547–1584	Сильно потерта
53	1178	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1620	Потерт

№	Шифр	Правитель	Номинал	Монетный двор	Дата	Сохранность
54	1179	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1617	Удовлетворительная
55	1180	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1617	Удовлетворительная
56	1181	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1619	Удовлетворительная
57	1182	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1635	Удовлетворительная
РАСКОП 2004 г.						
1	460	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1627	Удовлетворительная
2	461	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1616	Удовлетворительная
3	462	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1616	Удовлетворительная
4	463	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1614	Удовлетворительная
5	464	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1635	Удовлетворительная
6	465	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1642	Удовлетворительная
7	466	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1617	Аверс затерт
8	467	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1635	Удовлетворительная
9	468	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1614–1621	Реверс затерт
10	469	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1619	Удовлетворительная
11	470	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1624	Удовлетворительная
12	471	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1618	Удовлетворительная
13	472	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1617	Удовлетворительная
14	473	Иван IV 1533–1584	Копейка	Новгород	1554–1584	Удовлетворительная
15	474	Не определяется	Не определяется	Не определяется	Не определяется	Монета полностью стерта
16	475	Шведская оккупация Новгорода, чеканка от имени Василия Шуйского	Копейка	Новгород	Март 1615 – февраль 1617	Удовлетворительная
17	476	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1614	Удовлетворительная

Продолжение таблицы III

№	Шифр	Правитель	Номинал	Монетный двор	Дата	Сохранность
18	477	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1617	Удовлетворительная, штемпель аверса смещен
19	478	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1618	Удовлетворительная
20	479	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1619	Удовлетворительная
21	480	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1619	Удовлетворительная
22	481	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1618	Удовлетворительная
23	482	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1616	Удовлетворительная
24	483	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1617	Удовлетворительная
25	484	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1618	Удовлетворительная
26	485	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1618	Удовлетворительная
27	486	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1640	Удовлетворительная
28	487	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1619	Удовлетворительная
29	488	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1618–1619	Аверс затерт
30	489	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1613–1645	Монета сильно потерта, легенда не читается
31	490	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1616	Удовлетворительная
32	491	Не определяется	Не определяется	Не определяется	Не определяется	Монета полностью стерта
33	492	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1645	Удовлетворительная
34	493	Василий Иванович Шуйский 1606–1610	Копейка	Новгород	1608	Удовлетворительная
35	494	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1614–1621	Реверс затерт
36	495	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1613–1645	Монета сильно затерта
37	496	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Не определяется	1613–1645	Монета сильно затерта
38	497	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1629	Удовлетворительная
39	498	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1616	Удовлетворительная

№	Шифр	Правитель	Номинал	Монетный двор	Дата	Сохранность
40	499	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1635	Удовлетворительная
41	500	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1613–1645	Монета деформирована, двойной удар штемпеля
42	501	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1620	Удовлетворительная
43	502	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1616	Удовлетворительная
44	503	Михаил Федорович 1613–1645	Копейка	Москва	1642	Удовлетворительная
45	504	Не определяется	Не определяется	Не определяется	Не определяется	Монета сломана, затерта, штемпель смещен

Определение выполнено старшим научным сотрудником
Тюменского областного краеведческого музея В. И. Карпухиным.

Таблица IV

**Городище Мангазея.
Распределение предметов в прикладах построек**

Наименование предмета	Под печью (кол-во, № постройки)	Под полом (кол-во, № постройки)	Под завалинкой (кол-во, № постройки)	Под окладным венцом (кол-во, № постройки)	Всего
Топор железный	–	2 экз. (постр. № 1А, 2)	–	–	2
Нож железный	1 (отд. печь)	1 (постр. № 1А)	–	–	2
Игла железная	5 (2 – в «кочевой» постр.; 2 – в сенях постр. № 2)	–	–	–	5
Сверло железное	3 (1 – в «кочевой»; 2 – в сенях постр. № 2)	–	–	–	3
Пробойник железный	1 (отд. печь)	–	–	–	1
Наконечник стрелы железный	9 (1 – постр. № 3; 2 – отд. печь; 6 – в «кочевой» постр.)	–	1 (постр. № 5)	–	10
Наконечник стрелы деревянный	1 (отд. печь)	–	–	–	1
Пешня железная	–	–	–	1 (постр. № 3)	1

Окончание таблицы IV

Наименование предмета	Под печью (кол-во, № постройки)	Под полом (кол-во, № постройки)	Под завалинкой (кол-во, № постройки)	Под окладным венцом (кол-во, № постройки)	Всего
Шило железное	1 (отд. печь)	-	-	-	1
Монета серебряная	-	-	2 (постр. № 3 и 5)	-	2
Чашечка медная	-	1 (постр. № 1)	-	-	1
Крест нательный медный	3 (1 – отд. печь; 2 – «кочевая» постр.)	2 (постр. № 1А)	1 (постр. № 5)	-	6
Крест нательный серебряный	2 (1 – отд. печь; 1 – «кочевая» постр.)	-	-	-	2
Оселок	2 (1 – постр. № 1; 1 – отд. печь)	-	1 (постр. № 5)	-	3
Кремень ружейный	-	-	1 (постр. № 3)	-	1
Слюдяная пластина	1 (постр. № 1А)	1 (постр. № 1А)	-	-	2
Гребень костяной	3 (1 – постр. № 11; 2 – «кочевая» постр.)	-	2 (1 – постр. № 3; 1 – постр. № 5)	-	5
Обувь кожаная	38 (15 – «кочевая» постр.; 21 – отд. печь; 2 – сени постр. № 2)	-	-	-	38
Горшок	-	1 (постр. № 1А)	-	-	1
Блюдо деревянное	-	1 (постр. № 1А)	-	-	1
Свеча восковая	-	-	1 (постр. № 1)	-	1
Перо глухаря	-	1 (постр. № 1)	-	-	1
Кости зайца	2 (1 – постр. № 1А; 1 – отд. печь)	-	-	-	2
Череп петуха	1 (постр. № 7)	-	-	-	1
Челюсть собаки	1 (постр. № 11)	-	-	-	1
Раковины	-	1 (постр. № 1)	-	-	1
Зерна проса	-	1 (постр. № 1)	-	-	1
Деревянные фигурки коней	4 (постр. № 1А, 7, 11 и отд. печь)	-	-	-	4
ВСЕГО	78	12	9	1	100

**Городище Мангазея.
Образцы древесины, датированные методом дендрохронологии**

№	Название древесного остатка	Размеры L×D×Z, см	Степень сохранности; порода; кол-во колец, кол-во недостающих колец	Место нахождения	Вероятная дата рубки, годы
2001 г.					
01			Хорошая; ель; 99; 1–2		1449–1451
05	Обломок доски	69×19×4	Плохая; ель; 62; 20–30		1620–1630
016	Плаха из бревна с обтесанным краем	87×7×5	Плохая; ель; 74; 2–5		1521–1525
026	Обломок полбревна	48×15×10	Хор.; листв-ца; 86; 30–80	Северо-западная часть раскопа	1600
038	Обломок доски с отверстиями	20×30×3	Плохая; ель; 130; 20–40	Из-под печки постройки 13	1530–1550
044	Остаток бревна	25×23×4	Плохая; ель; 80; 2–7	Между постройками 1 и 2	1620
045			Хор.; листв-ца; ель; 101; 10–15		1560–1580
052	Обломок бревна		Удовл.; листв-ца	Северо-западная сторона постр. 13	1600
068	Пень		Плохая; ель; 76, 60–80	Под лагой и печью постройки 13	1580
069	Остаток бревна		Удовл.; ель; 42; 5–15		1580
2002 г.					
01	Доска пола	80,0×35,0×4,1	Хорошая	У СВ стены сеней постройки 2	1620
02	Бревно	92,0×7,5	Удовл.	Кв. Г/9, сени постройки 1а, под настилом пола	1615
03	Доска пола (судовая)	316×17×3	Хорошая	Постройка 1а, кв. Б/10	1530
04	Доска пола (судовая)	320×24×4	Удовл.	Постройка 1а, кв. Б/10	1609
05	Бревно	73,5×15,0	Хорошая	Опечек в постройке 1а, кв. В–Г/10	1613
06	Бревно	164,5×21,0	Удовл.	Опечек, в постройке 1а, кв. Г–Д/10–11	1615
08	Бревно	270×17	Хорошая	Кв. Е–Ж/8, первый венец ЗСЗ стены сеней постройки 2	1608
2003 г.					
01	Бревно	20,0	Удовл.; 119	Окладной венец южной стены постройки 2	1617
02	Бревно из кроновой части ствола	13,5	Удовл.; 237; сгнили периферий. кольца	Бревно под сенями постройки 1а	1596
04	Жердь	9,5	Удовл.; 45	Северная лага постройки 2	1613
05	Бревно	24,5	Удовл.; 159	Первый венец северной стены постройки 2	1607
06	Бревно	19,5	Удовл.; 74	Окладной венец западной стены постройки 2	1606
08	Бревно	13,5	Плохая; 211	Окладной венец западной стены сеней постройки 2	1604

- граница Ямало-Ненецкого автономного округа
- месторасположение археологического памятника

Рис. 1. Расположение Мангазейского городища на административной карте Тюменской области

Рис. 2. Городище Мангазея. Вид с юго-востока

Рис. 4. Городище Мангазея. Памятный столб экспедиции М. И. Белова 1968–1970, 1973 гг. на стрелке мыса в устье р. Мангазейки. Вид с востока. 2001 г.

Рис. 3. Городище Мангазея. Вид с юго-востока, с левого берега р. Осетровки (Мангазейки). 2002 г.

Рис. 5. Городище Мангазея. Вид на Ратилловский ложок (вблизи — лагерь экспедиции) и мыс, занятый кремлем, с юго-запада, с р. Таз. 2003 г.

Рис. 6. Городище Мангазея. Устье р. Мангазейки. Вид с юго-запада, с р. Таз. 2003 г.

Рис. 7. Городище Мангазея. Северо-восточная часть; р. Мангазейка.
Вид с юго-запада со стороны мыса. 2002 г.

Рис. 8. Городище Мангазея. Река Мангазейка. Вид с юго-востока, со стрелки мыса. 2003 г.

Рис. 9. Городище Мангазея. Вид с северо-востока, со стороны тундры. 2003 г.

Рис. 10. Мангазея. Вид с северо-запада с городища на р. Таз. 2003 г.

Рис. 11. Городище Мангазея. Раскоп 2003 года. Вид с востока. 2003 г.

Рис. 12. Городище Мангазея. Тропа, ведущая от ложка Радужного — взвоза к старице р. Панчи. Вид с северо-запада. 2003 г.

Рис. 13. Городище Мангазея. Тропа, ведущая от ложка Радужного — взвоза к старице р. Панчи. Вид с запада. 2003 г.

Рис. 14. Городище Мангазея. Руины построек в раскопе № 22 экспедиции М. И. Белова 1973 года. 2001 г.

Рис. 15. Городище Мангазея. Руины постройки, исследовавшейся экспедицией ААНИИ на территории городища. Вид с востока. 2002 г.

Рис. 16. Городище Мангазея. Руины постройки, исследовавшейся экспедицией ААНИИ на территории городища. Вид с севера. 2002 г.

Рис. 17. Городище Мангазея. Фрагмент палисада на территории кремля. Вид с юго-запада. 2002 г.

Рис. 18. Профиль линии А. Участки А/1–3.
Вид с юго-востока

Рис. 19. Профиль линии А. Участки А/5–7.
Вид с юго-востока

Рис. 20. Профиль линии Г. Участки Г/14–15.
Вид с юго-востока

Рис. 21. Профиль линии 16. Участки Л-Н/16.
Вид с юго-юго-запада

Рис. 22. Профиль линии 16. Участки Г-К/16. Вид с юго-юго-запада

Рис. 23. Профиль на участках 3/16-18.
Справа — профиль траншеи 1973 г.,
прокопанной вдоль бревна сруба. Вид с востока.

Рис. 24. Постройка № 13. Общий вид. Участки Г-3/2-5. Вид с юго-востока

Рис. 25. Постройка № 13. Юго-восточный профиль глинобитной печи и опечка в центре постройки. Фрагмент доски пола. Участок Г/4. Вид с юго-востока

Рис. 26. Постройка № 13. Общий вид. В левом верхнем углу — угол сней постройки № 2 не перекрывает сруб постройки № 13. Участки Г-3/2-5. Вид с северо-запада

Рис. 27. Постройка № 13. Северо-восточный фасад. Окладной венец сруба, юго-западный угол сней постройки № 2. Участки Г-3/5. Вид с юго-востока

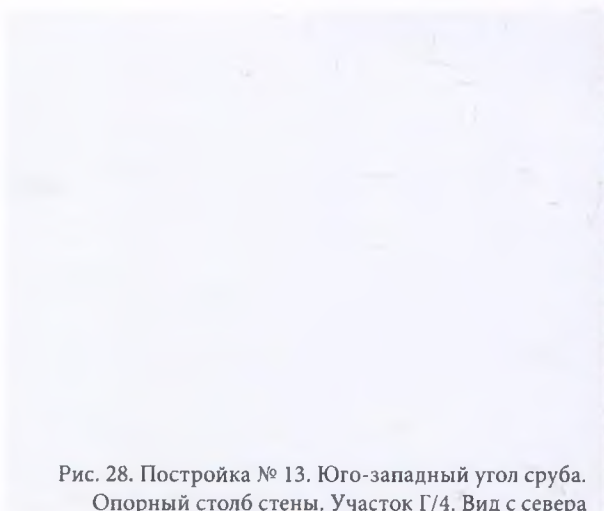

Рис. 28. Постройка № 13. Юго-западный угол сруба. Опорный столб стены. Участок Г/4. Вид с севера

Рис. 29. Постройка № 13. Фрагмент юго-западного фасада. Бревна окладного венца и доски стен срублены в обло. Участок З/2. Вид с запада

Рис. 30. Постройка № 13 после разборки.
Опорный пень. Участки Е, Ж/З, 4. Вид с юго-востока

Рис. 31. Село Питляр Шурышкарского р-на ЯНАО.
Хозяйственный лабаз Озеловых. Западный фасад.
Фото М. Н. Труняевой. 2004 г.

Рис. 32. Поселок Горнокнязевск
Приуральского р-на ЯНАО.
Летний жилой дом Е. Н. Тайшиной.
Вид с северо-востока. Фото О. В. Кардаша. 2004 г.

Рис. 33. Постройка № 2. Общий вид. Участки Д-Л/6-15. Вид с севера

Рис. 34. Постройка № 2. Общий вид. Участки Д-Л/6-15. Вид с северо-востока

Рис. 35. Постройка № 2. Южный фасад. Участки Е-Л/6-10. Вид с юга, из сеней

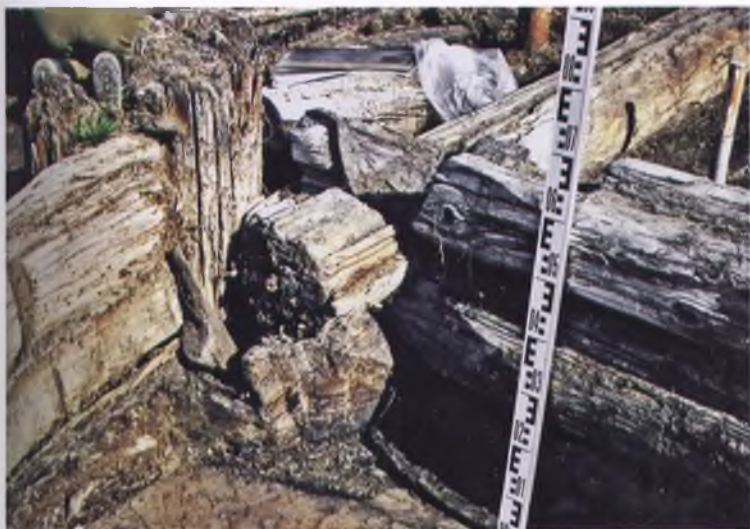

Рис. 36. Постройка № 2. Северный угол сеней. Соединение стены, примыкающей к сеним, в обло с остатком и стены сеней в технике заплота. Участок Д/8. Вид с юга

Рис. 37. Постройка № 2. Фрагмент внутренней перегородки, опорные столбы печи и несколько камней основания печи. Участки Е-Ж/11-12. Вид с северо-востока

Рис. 38. Постройка № 2. Фрагмент упавшей засыпки потолка. Участки Д-Ж/14. Вид с юго-юго-запада

Рис. 39. Постройка № 2. Фрагмент конструкции потолка под упавшей засыпкой. Участки Д-Ж/14. Вид с юго-юго-запада

Рис. 40. Постройка № 2. Остатки конструкций «курятника», примыкавшего с юго-восточной стороны к постройке № 2. Участки Л/10-14. Вид с северо-северо-востока

Рис. 41. Постройка № 2. Топор в верхней части культурного слоя «кухни» (уч. Е/12). Вид с юго-запада

Рис. 42. Постройки № 1а, 1. Участки А-Д /7-13. Общий вид с севера

Рис. 43. Постройки № 1а, 1. Участки А-Д /7-13. Вид с северо-запада

Рис. 44. Постройка № 1а. Пол с развалом печи и восточная завалинка с забутовкой из кирпичей. Участки А-Д /7-13. Вид с северо-северо-востока

Рис. 45. Постройка № 1а. Развал печи. Участок Г/11. Вид с запада

Рис. 46. Постройка № 1а. Проем в полу и опечек после снятия основания печи. Участок Г/10. Вид с юга

Рис. 47. Постройка № 1а. Западная завалинка с кирпичной забутовкой. Вид с юго-запада

Рис. 48. Окладной венец постройки № 1 на остатках постройки 1а. Участки А-Д/7-13. Вид с востока-юго-востока

Рис. 49. Постройки № 1а, 1: лаги под полом постройки № 1а; окладной венец постройки № 1. Участки А-Д/7-13. Вид с северо-северо-востока

Рис. 50. Постройки № 1а, 1: завалинка постройки № 1; северная часть окладного венца постройки № 1а. Участки А-Д/12-13. Вид с юга

Рис. 51. Постройка № 1а. Вид с юга

Рис. 52. Постройка № 1а. Юго-западный угол.
Строительный приклад под полом — топор и блюдо.
Вид с севера

Рис. 53. Постройка № 1а. Западная стена. Вид с запада

Рис. 54. Постройка № 3. Общий вид. Участки О-Т/9-14. Вид с востока

Рис. 55. Постройка № 3. Окладной венец постройки, бревна завалинок, развал печи. Участки О-Т/9-14. Вид с востока-юго-востока

Рис. 56. Постройка № 3. Окладной венец. Настил из досок у южной стены. Участки С-Т/9. Вид с юго-востока

Рис. 57. Постройка № 3. Доски пола сеней и южная половина сруба с развалом печи. Участки П-Т/9-10. Вид с юго-востока

Рис. 58. Постройка № 3. Окладной венец срублен в обло с остатком. Бревна основания завалинки примыкают к выпускам бревен стен. Пол постройки и лаги под ним. Бревно опечка. Участки О-П/14. Вид с востока

Рис. 59. Постройка № 3. Развал печи и бревна опечка. Участки П-Р/11-14. Вид с востока

Рис. 60. Отхожее место. Участки П-Р/15. Вид с юга

Рис. 61. Постройка № 5. Южная и восточная завалинки. Участки И-Н/14-17. Вид с севера

Рис. 62. Постройка № 5. Южная и восточная завалинки. Участки И-Н/14-17. Вид с юга

Рис. 63. Постройка № 5. Северный фасад с продухами. Северная завалинка, ограниченная доской и колышками. Участки И-М/17-18. Вид с севера

Рис. 64. Постройка № 5. Северный фасад с продухами. Северная завалинка, ограниченная с севера доской и колышками, с востока и запада — бревнами. Участки И-М/17-18. Вид с востока

Рис. 65. Постройка № 5. Северная завалинка. Восточная стенка, выполненная в технике заплота. Участки М-Н/13. Вид с запада

Рис. 66. Постройка № 5. Настил из досок на южной завалинке. Участки М-Н/13. Вид с северо-востока

Рис. 67. Постройка № 5. Участки Л-Н/14-15. Вид с севера

Рис. 68. Постройка № 5. Угол постройки № 12, примыкающей к северной завалинке постройки № 5. Участки М/19-20. Вид с запада

Рис. 69. Постройки № 7, 8. Северо-западный угол сруба, засыпка завалинки, развал печи с опечком постройки № 7. Бревна окладного венца постройки № 8. Участки Д-3/15-17. Вид с северо-северо-востока

Рис. 70. Постройка № 7. Основание печи-каменки. Вид с северо-запада

Рис. 71. Постройка № 7. Пол предбанника. Вид с востока

Рис. 72. Постройка № 6. Участки 3-К/18-20. Общий вид с востока

Рис. 73. Постройка № 8. Юго-западный угол основания. Участки Г-3/18-20. Вид с юго-юго-запада

Рис. 74. Постройка № 8. Скопление фрагментов судовых деталей, обнаруженное под постройкой. Участки Г-3/18-20. Вид с запада

Рис. 75. Постройка № 4. Северо-восточный угол и восточная стена. Участки М-П/8-11. Вид с юго-юго-запада

Рис. 76. Основание одиночной печи между постройками № 2 и 5. На переднем плане — остатки северного бревна постройки № 4 с засыпкой из белого речного песка. Вид с юга

Рис. 77. Постройка № 4. Юго-западный угол. Восточное бревно окладного венца и основание печи. Вид с юга

Рис. 78. Постройка № 2. Дверь, найденная у западной стены. Участки Е/11–12.
Вид с севера

Рис. 79. Дверь из разрушенной постройки нижнего горизонта,
под основаниями построек № 7 и 8

Рис. 80. Икона Василия Мангазейского Мученика (из часовни на Мангазейском городище). Фото И. Н. Шухова, 1914 г. Фотоархив ТГИАМЗ

Рис. 81. Часовня Василия Мангазейского на Мангазейском городище. Фото И. Н. Шухова, 1914 г. Фотоархив ТГИАМЗ

Рис. 82. Курная изба с сенями. Общий вид. Изба клетью без подклета и дымохода; крыша — самцово-слеговой конструкции; окна — косячатые (по: Бломквист Е. Э., 1956. – Ил. 78)

Рис. 83. Архангельская обл., д. Калгачиха. Баня. Общий вид. Изба клетью, без сеней, с односкатной кровлей без дымохода (по: Ополовников А. В., 1983. – Ил. 186)

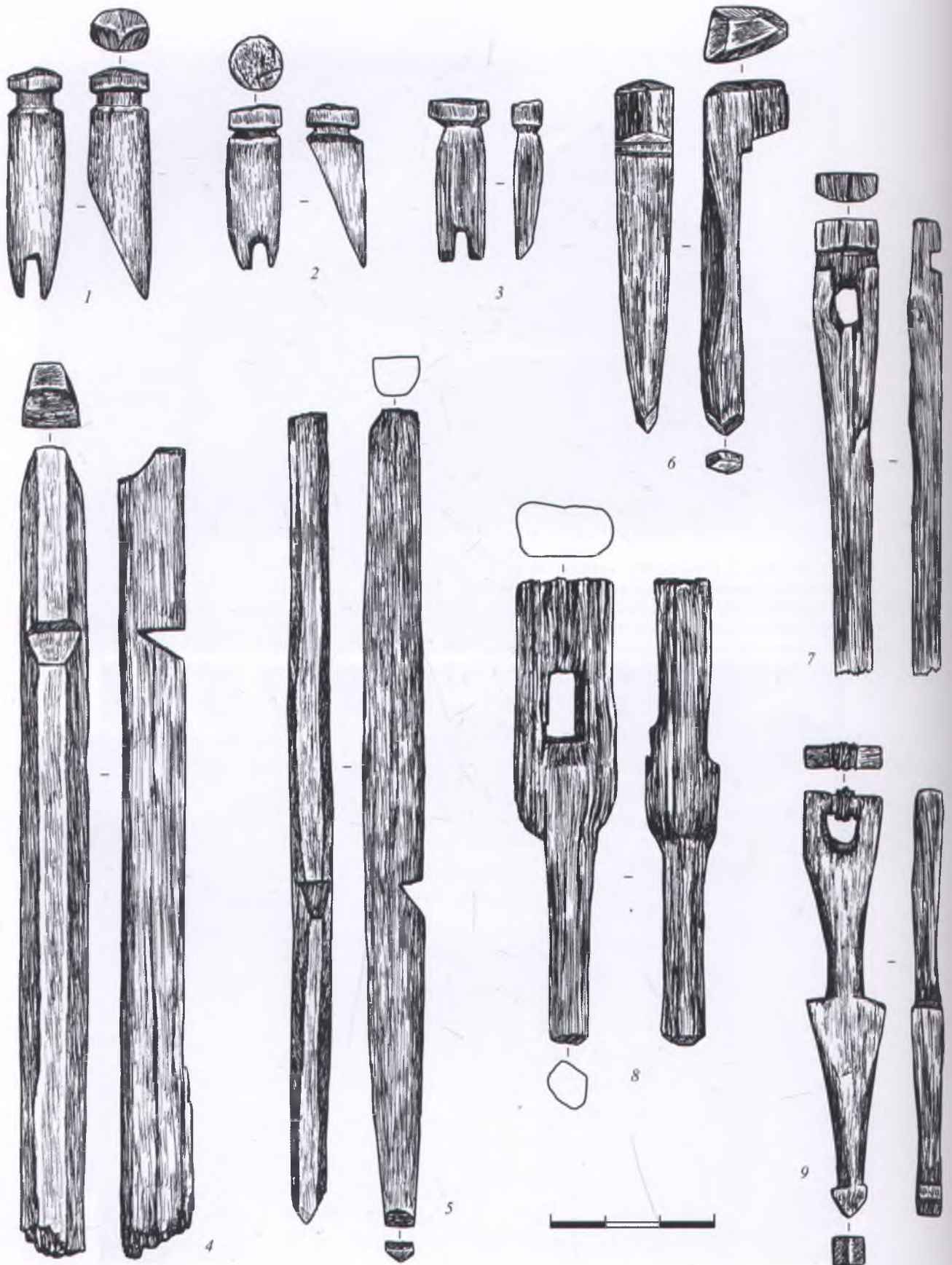

Рис. 84. Принадлежности охоты. 1-3 - сторожки; 4-9 - детали сторожевых луков. Дерево

Рис. 85. Принадлежности охоты. 1 – голова утки (деталь приманки); 2 – деталь ловушки давящего типа; 3 – планка сторожевого лука; 4 – пластина составного лука. *Дерево*

Рис. 86. Принадлежности охоты. Наконечники стрел и древки. 1-4 – томары; 5-7 – фрагменты древков. *Дерево*

Рис. 87. Принадлежности охоты. Наконечники стрел и их детали. 1-7 - наконечники стрел; 8-11 - балансиры. Кость мамонта

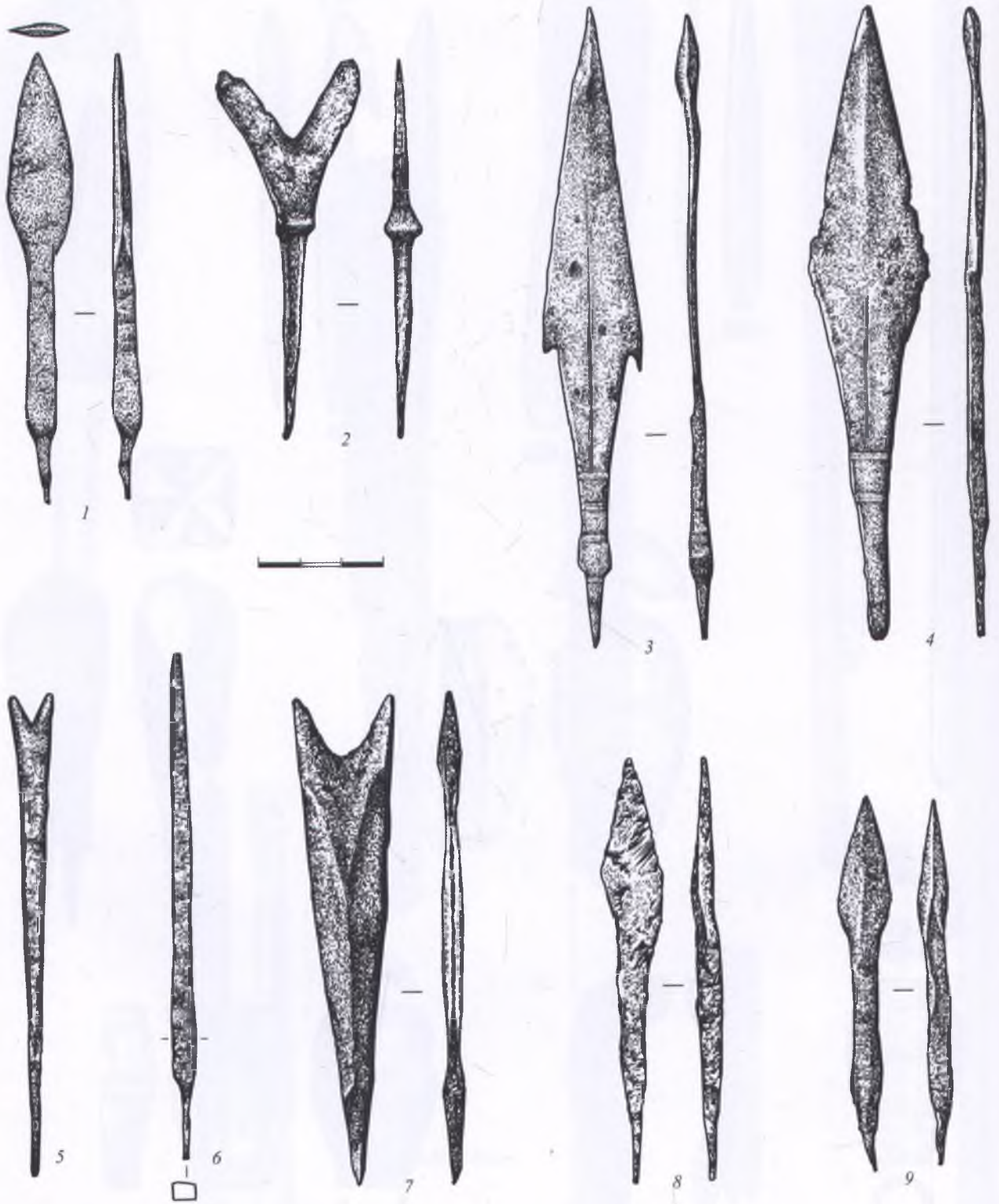

Рис. 88. Принадлежности охоты. Наконечники стрел. Железо

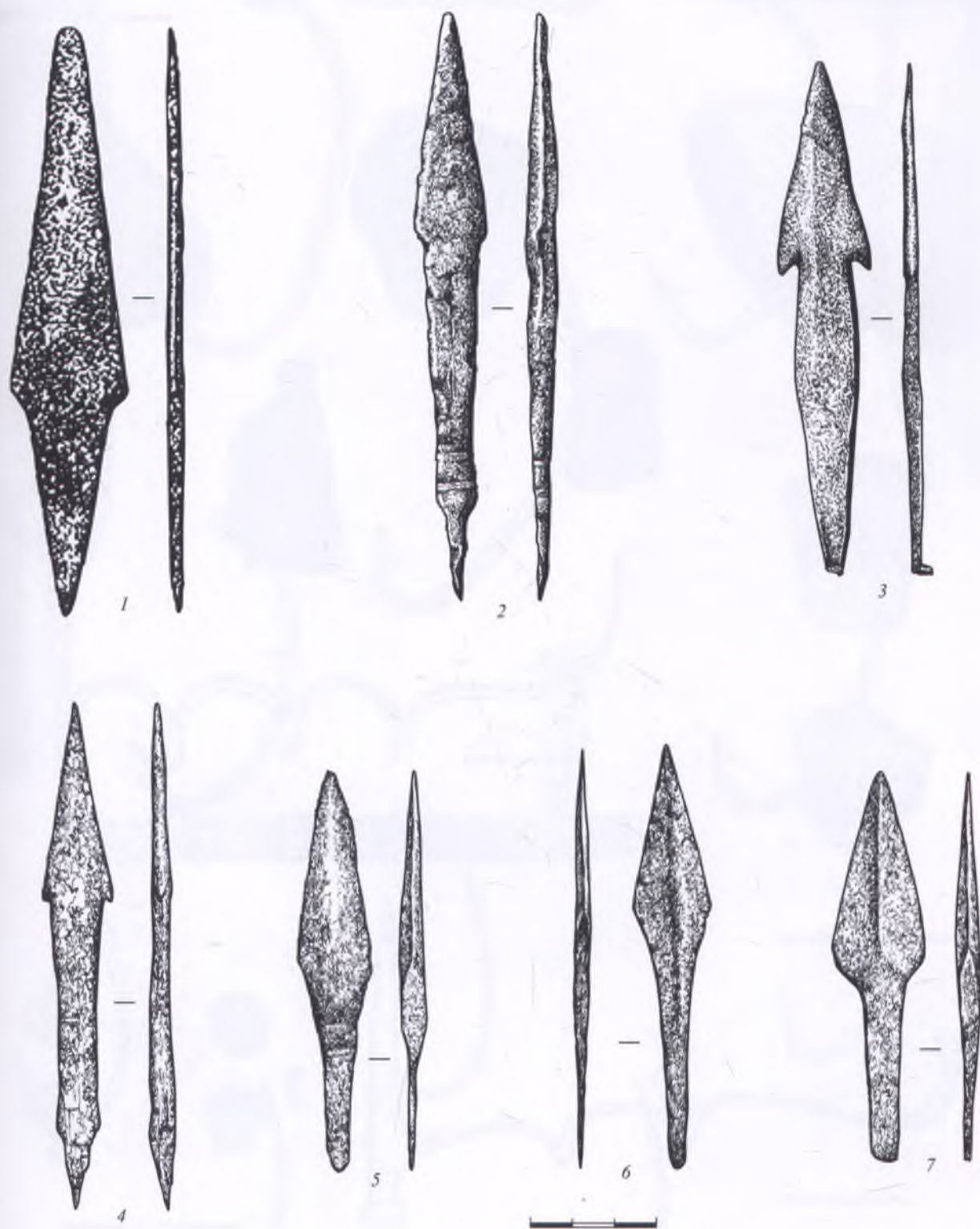

Рис. 89. Принадлежности охоты. Наконечники стрел. Железо

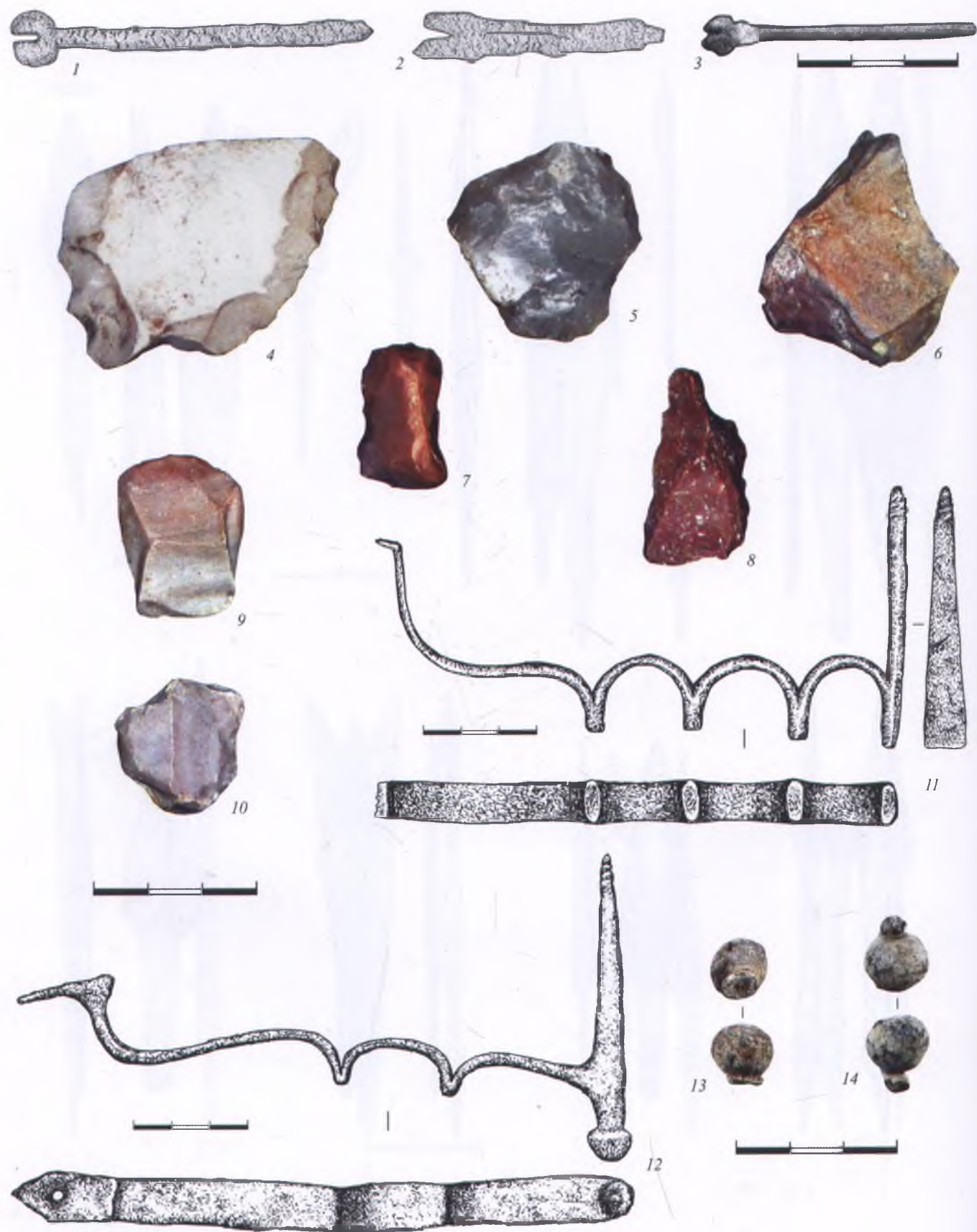

Рис. 90. Принадлежности охоты. Принадлежности огнестрельного оружия. 1-3 – винты ружейные; 4-10 – кремни; 11, 12 – скобы аркебузные; 13, 14 – пули. 1-3, 12 – железо; 4-10 – камень; 11 – медь; 13, 14 – свинец

Рис. 91. Принадлежности рыболовства. Принадлежности для крючковых снастей и ужения.
 1, 7 - блесны; 2-6 - крючки самоловные; 8 - грузило для удочки; 9-14 - крючки для удочек.
 1 - медь; 2-6, 9-14 - железо, 7, 8 - свинец

Рис. 92. Принадлежности рыболовства. Принадлежности для сетных снастей. Поплавки. 1-5 - кора лиственницы; 6-8 - дерево

Рис. 93. Принадлежности рыболовства. Принадлежности для сетных снастей. Поплавки. Дерево

Рис. 94. Принадлежности рыболовства. Принадлежности для сетных снастей. Грузила.
1-5 - береста (лыко/ива), камень; 6, 7 - ива, лыко, камень

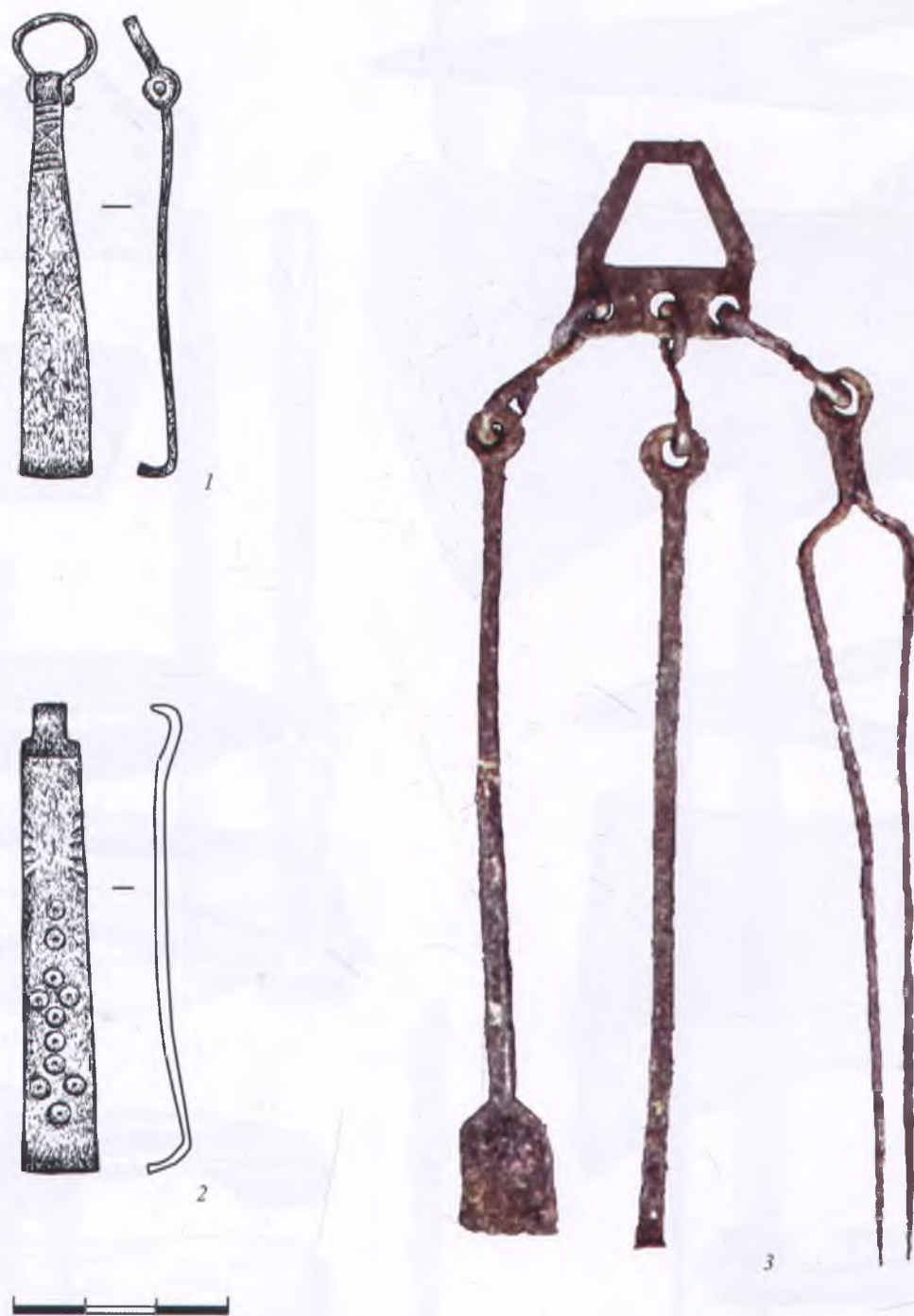

Рис. 95. Принадлежности ювелирного дела. 1, 2 – пинцеты; 3 – связка инструментов. 1, 2 – медь; 3 – железо

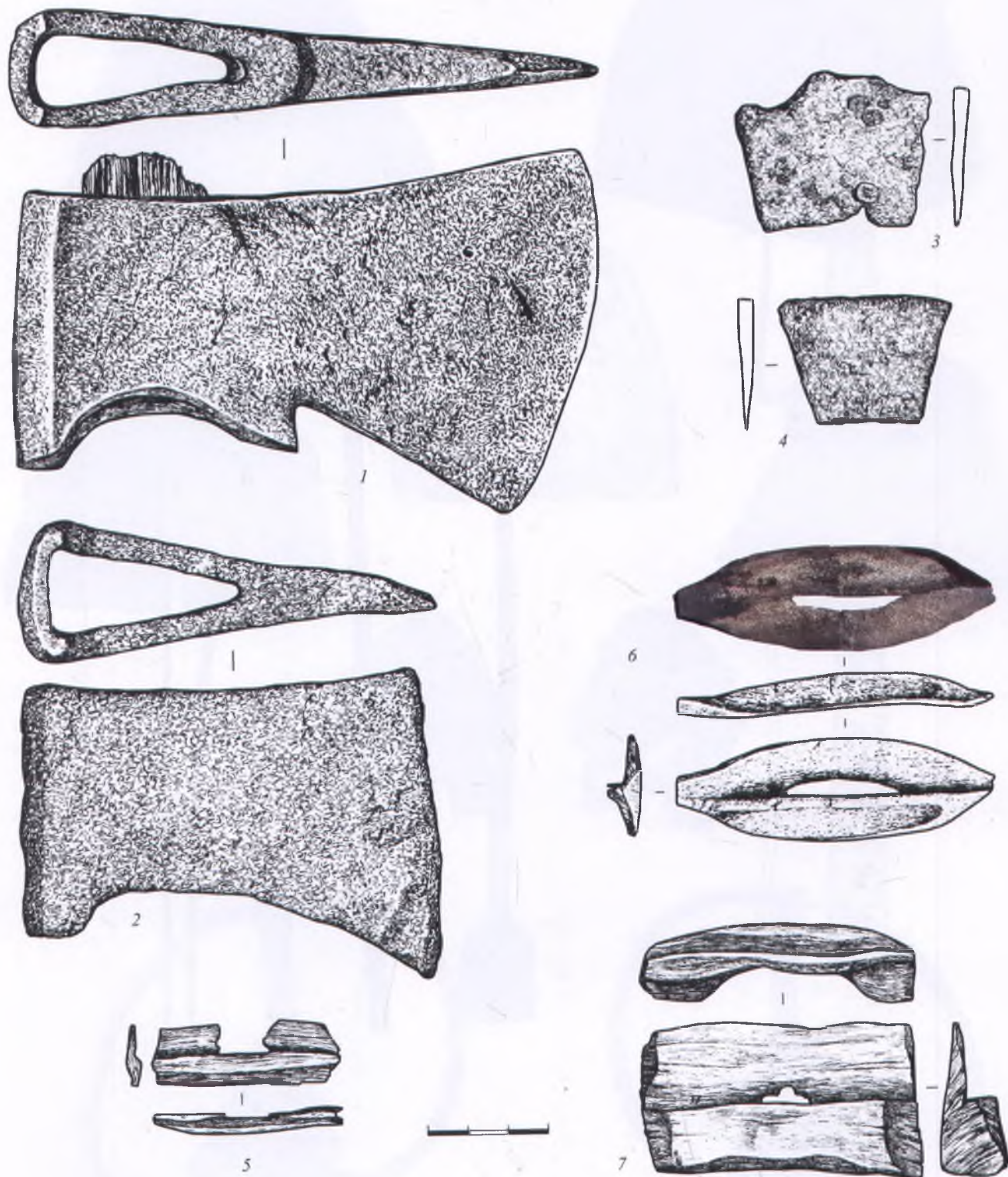

Рис. 96. Принадлежности деревообработки.
 1, 2 - топоры; 3, 4 - клинья для топоров; 5-7 - колодки стержков. 1-4 - железо; 5, 7 - дерево; 6 - кость

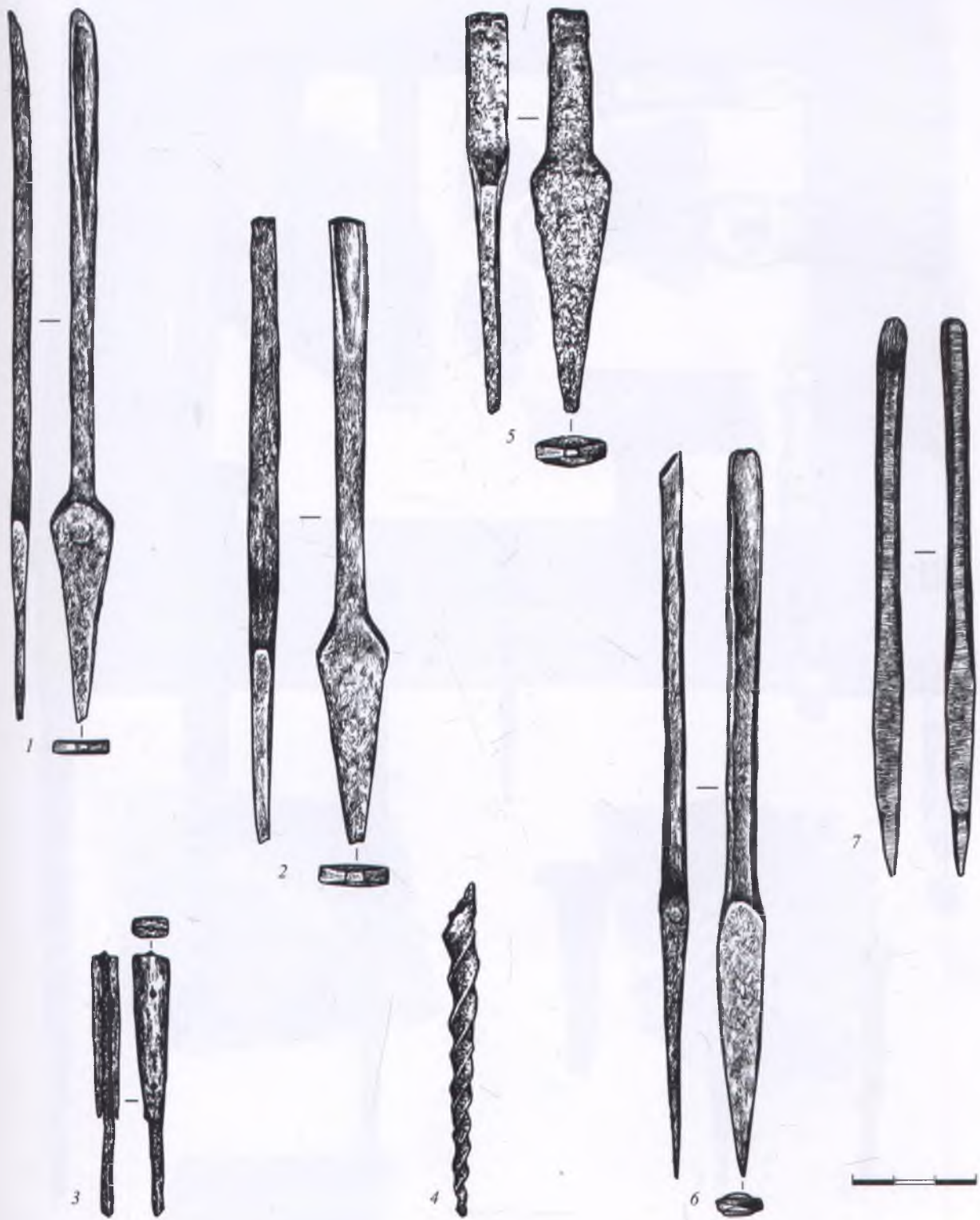

Рис. 97. Принадлежности деревообработки.
 1, 2, 5-7 – наконечники лучковых сверел; 3 – отвертка; 4 – сверло-бурав.

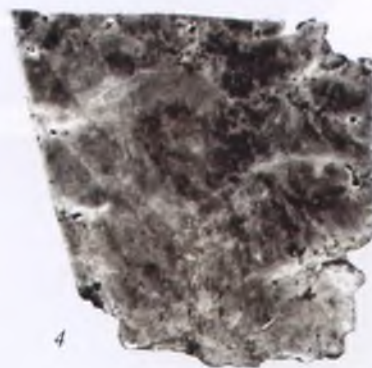
Рис. 98. Принадлежности деревообработки.
1 - молоток-гвоздодер; 2-7- нагели; 8-14 - гвозди строительные. 1, 8-14 - железо; 2-7- дерево

1

3

4

5

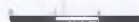

Рис. 99. Детали архитектурных конструкций.
1 – рама косячатой оконницы; 2, 3–5 – фрагменты оконных пластин. 1 – дерево; 2, 3–5 – слюда

Рис. 100. Детали архитектурных конструкций.
1 – внешняя рама для оконницы; 2, 3 – причелина; 4 – фрагмент резного украшения. *Дерево*

Рис. 101. Наземный транспорт. Детали нарт. 1-5 – копья; 6-8 – вязы; 9 – полоз. *Дерево*

1

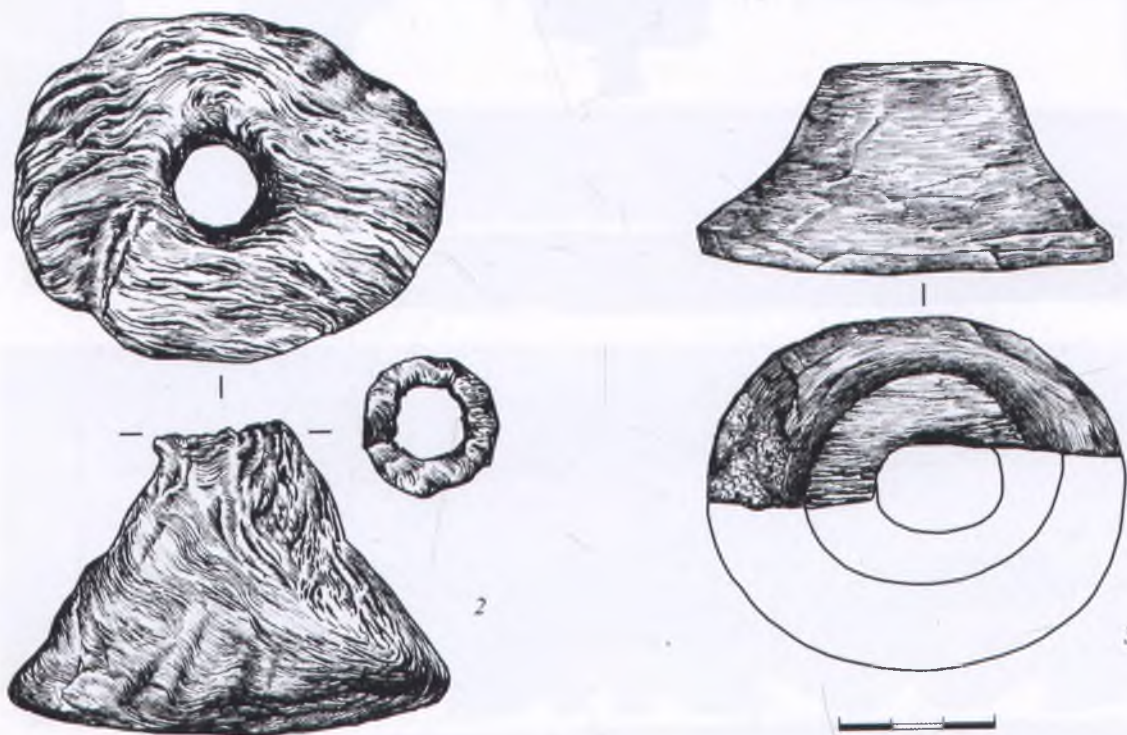

Рис. 102. Наземный транспорт.
Лыжи и детали лыжных палок. 1 – лыжа-голица; 2, 3 – упоры от лыжных палок. *Дерево*

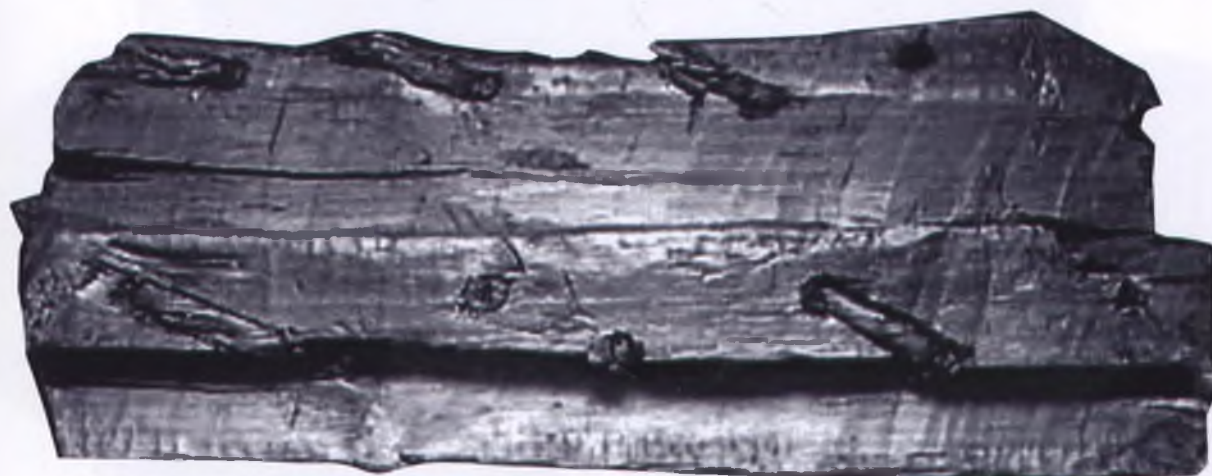
Рис. 103. Наземный транспорт. Лыжи подволочные. 1, 2 – целый экземпляр; 3-5 – фрагменты носков; 6 – часть стабилизатора. *Дерево*

Рис. 104. Наземный транспорт. Детали лыж.
Ступательные площадки. *Дерево*

1

2

Рис. 105. Водный транспорт. Детали коча.
 1 – киль (сбран из брусьев окладного венца постройки № 13); 2 – фрагмент бортовой обшивки. *Дерево*

1

2

Рис. 106. Водный транспорт. Детали коча.

1 – фрагмент бортовой доски; 2 – деталь замка крепления киля со штевнем. *Дерево*

Рис. 107. Водный транспорт. Детали судов.

1 – перо руля малого судна; 2 – румпель руля малого судна; 3, 4 – блоки (3 – заготовка); 5 – ракс-клот. 1, 2, 5 – дерево; 3, 4 – кан

Рис. 108. Водный транспорт. Детали и принадлежности.

1 – поворотный блок; 2-5 – фрагменты веревок и канатов; 6-11 – скобы судовые;
12-14 – весла для малых судов. 1, 12-14 – дерево; 2-5 – пенька; 6-11 – железо

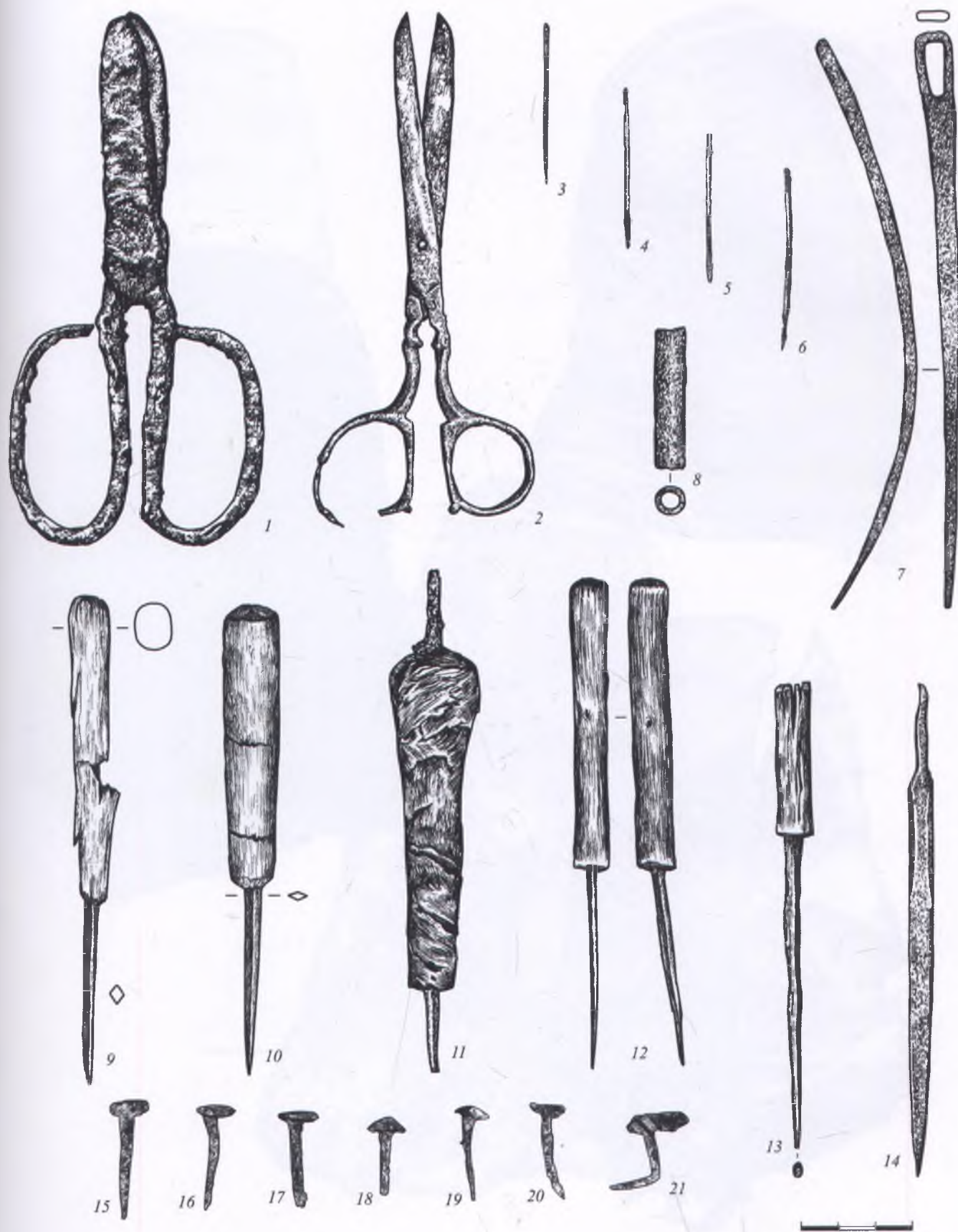

Рис. 109. Принадлежности кожевного и швейного ремесла. 1, 2 – ножницы; 3–6 – иглы швейные; 7 – игла скорняжная; 8 – игольник; 9–14 – шилья; 15–21 – гвозди сапожные. 1–7, 14–21 – железо; 8 – кость; 9, 10, 12, 13 – железо, дерево; 11 – железо, кап

Рис. 110. Принадлежности и детали одежды. Рукавицы шитые. 1, 2 – кожа; 3 – сукно

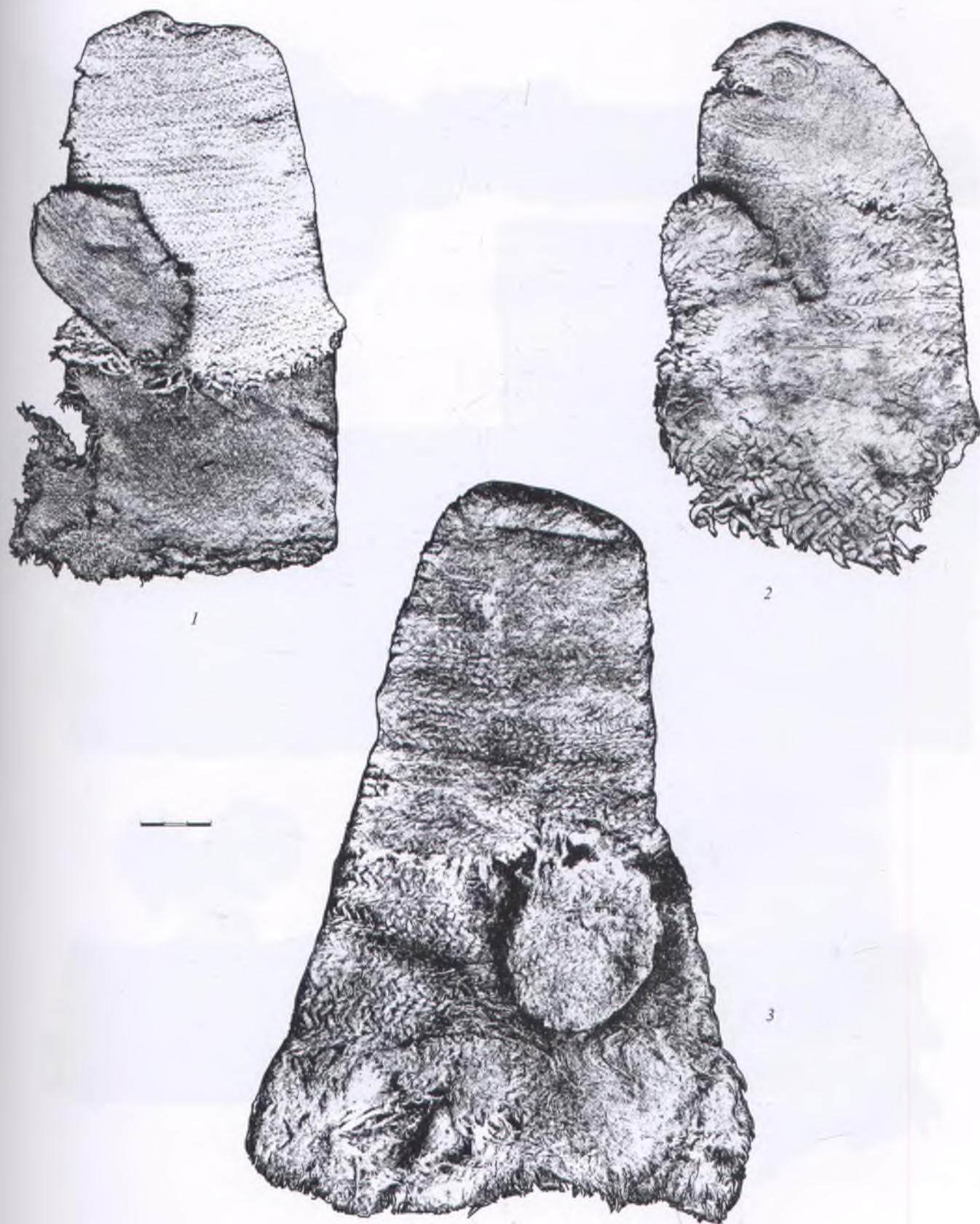

Рис. 111. Принадлежности и детали одежды. Рукавицы вязанные. 1 - шерсть, сукно; 2, 3 - шерсть

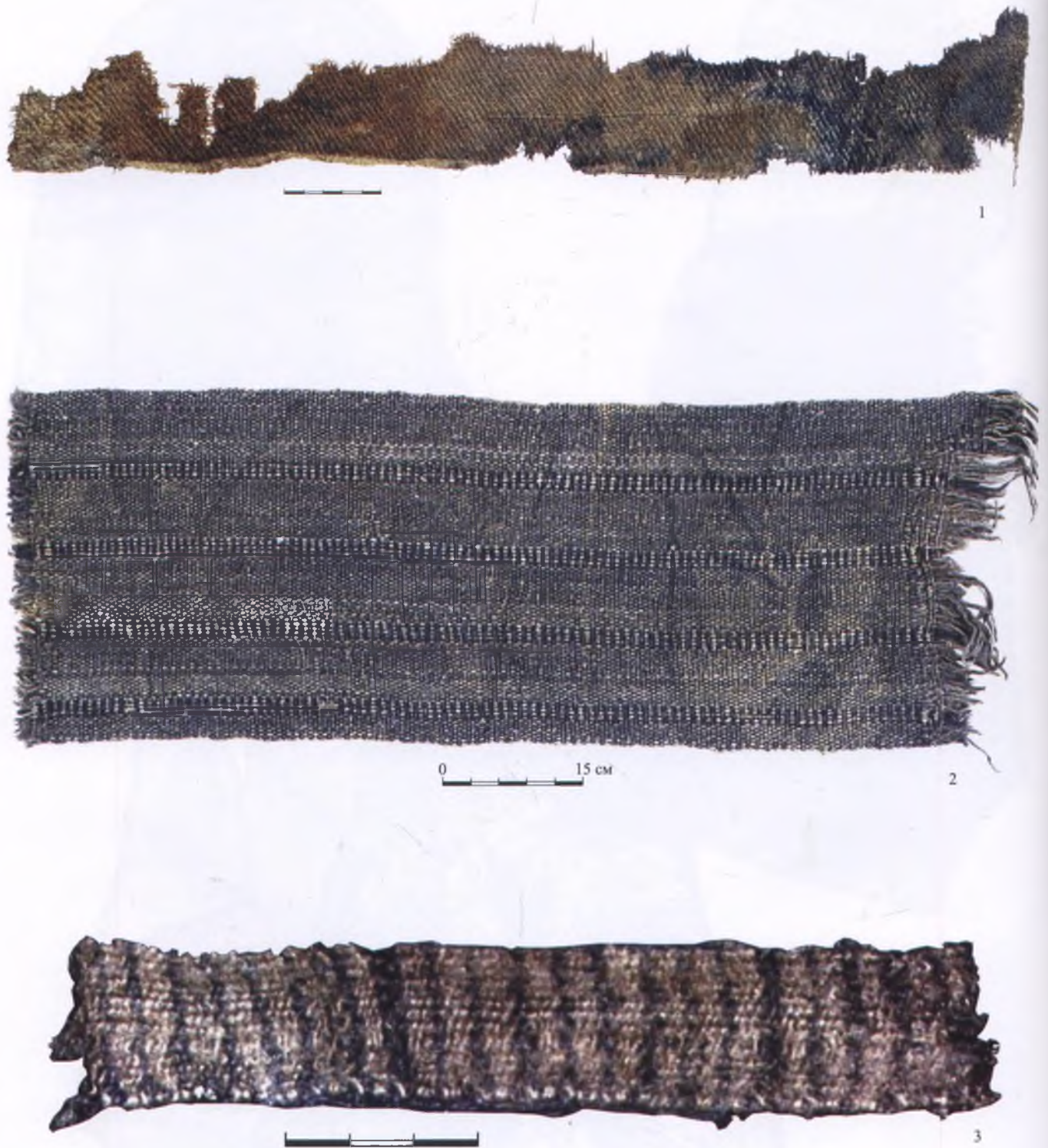

Рис. 112. Принадлежности и детали одежды. Фрагменты тканевых изделий.
1 – край одежды; 2 – накидка; 3 – фрагмент пояса. Шерсть

Рис. 113. Принадлежности и детали одежды. Фрагменты тканевых изделий.
 1 – тесьма из цветных нитей; 2 – фрагмент вязаного чулка; 3, 4 – фрагменты ткани с золотым шитьем.
 1, 2 – шерсть; 3, 4 – шелк, золото

Рис. 114. Принадлежности костюма. 1 – накладка ременная; 2-7 – пряжки ременные; 8-20 – пуговицы.
1 – бронза; 2-8 – медь; 9-12 – свинцово-оловянистый сплав; 13-20 – стекло

Рис. 115. Украшения. 1 – серьга; 2, 3 – перстни; 4-19 – бусины.
 1 – серебро, цветное стекло, жемчуг; 2, 3 – серебро; 4-18 – стекло; 19 – кость

Рис. 116. Обувь. Поршни подтипа 1. Кожа

Рис. 117. Обувь и ее детали. Поршни подтипа 2. Кожа

Рис. 118. Детали обуви. Сапоги. 1-4 – наборные каблуки; 5-7 – каблуки с задниками; 8 – подошва; 9, 10 – вкладыши в задники; 11 – фрагмент задника. 1-4, 8, 11 – кожа; 5-7 – кожа, железо; 9, 10 – береста

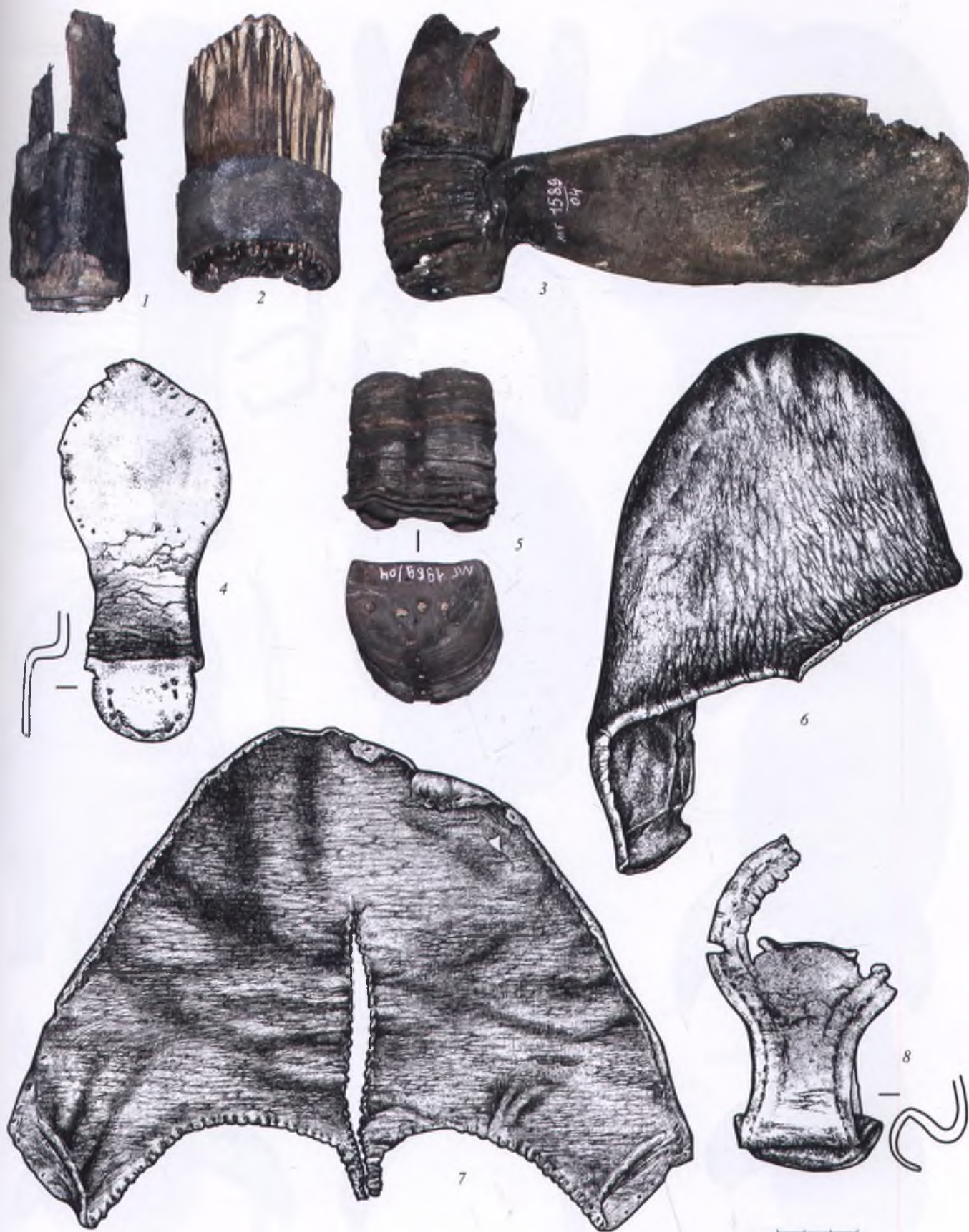

Рис. 119. Детали обуви. Сапоги, туфли. 1, 2 – каблуки с задниками; 3 – подошва с наборным каблуком и задником; 4, 8 – подошвы с крокулем; 5 – наборный каблук; 6, 7 – головки. 1, 2 – кожа, дерево; 3 – кожа, береста, железо, медь; 4, 6-8 – кожа; 5 – кожа, дерево

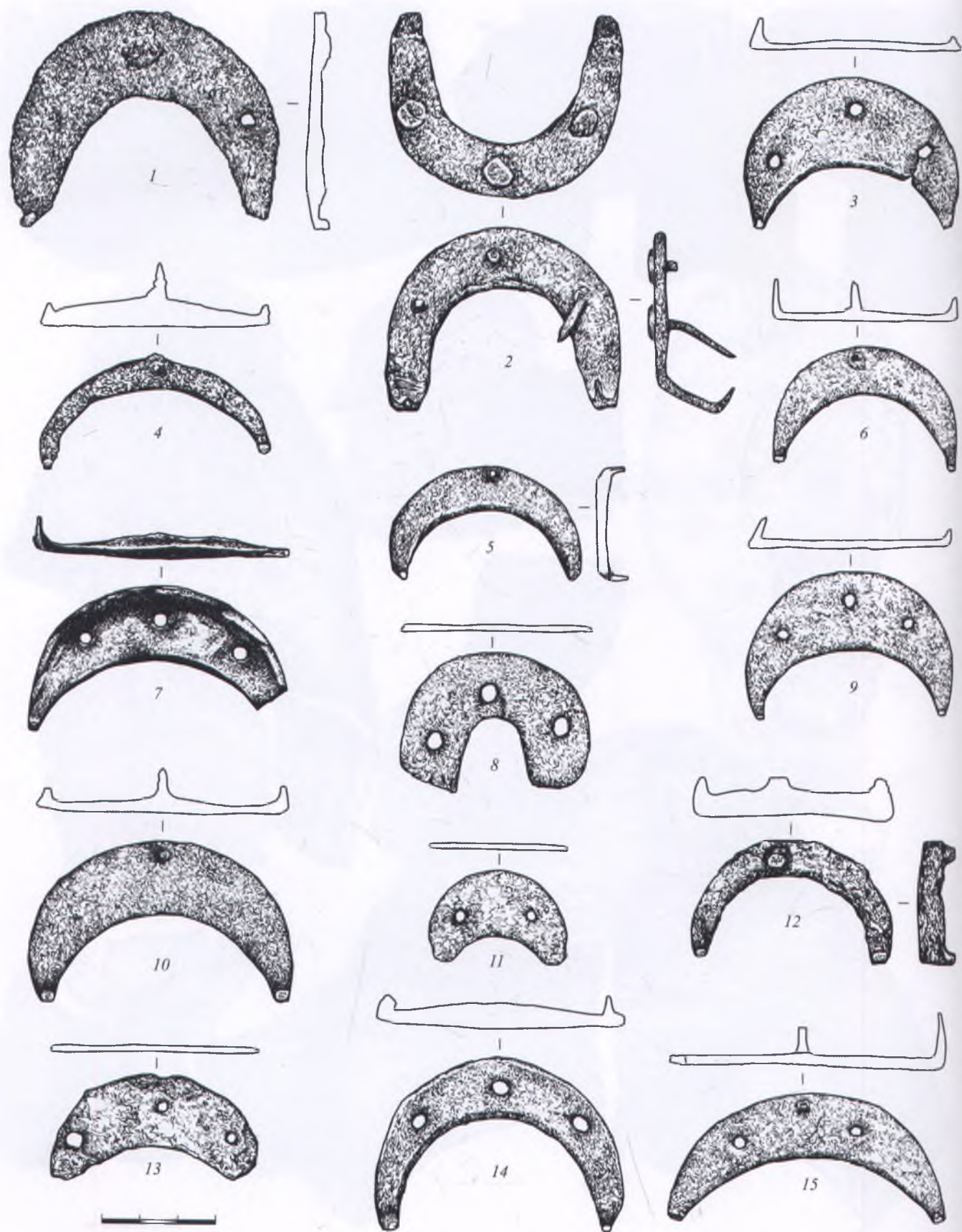

Рис. 120. Детали обуви. Подковки для сапог. Железо

Рис. 121. Детали обуви. Подошвы туфель без каблуков. Кожа

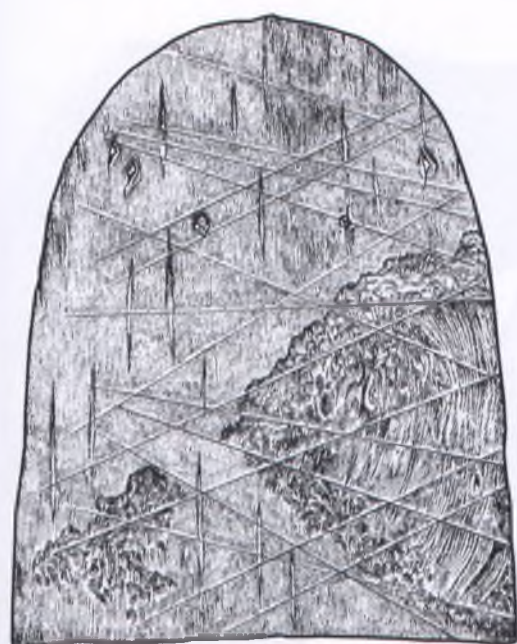
Рис. 122. Детали обуви. Сапоги, туфли. Подошвы. Кожа

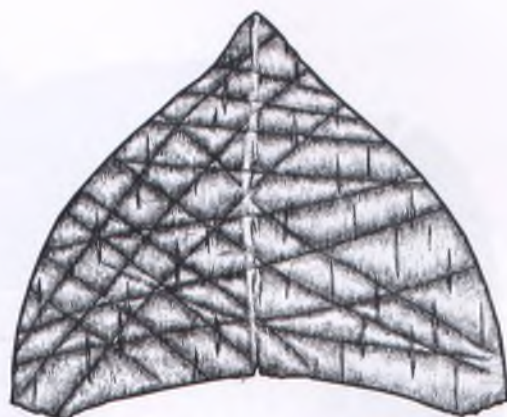
Рис. 123. Обувь. Туфли без каблуков. 1 – головка;
 2 – головка с подошвой;
 3 – головка с подошвой и суконной опушкой;
 1, 2 – кожа; 3 – кожа, шерсть

Рис. 124. Детали обуви. 1 – головка сапога или туфли с каблуком; 2, 3 – головки туфель без каблуков; 4 – головка детской туфли; 5 – детская туфля. Кожа

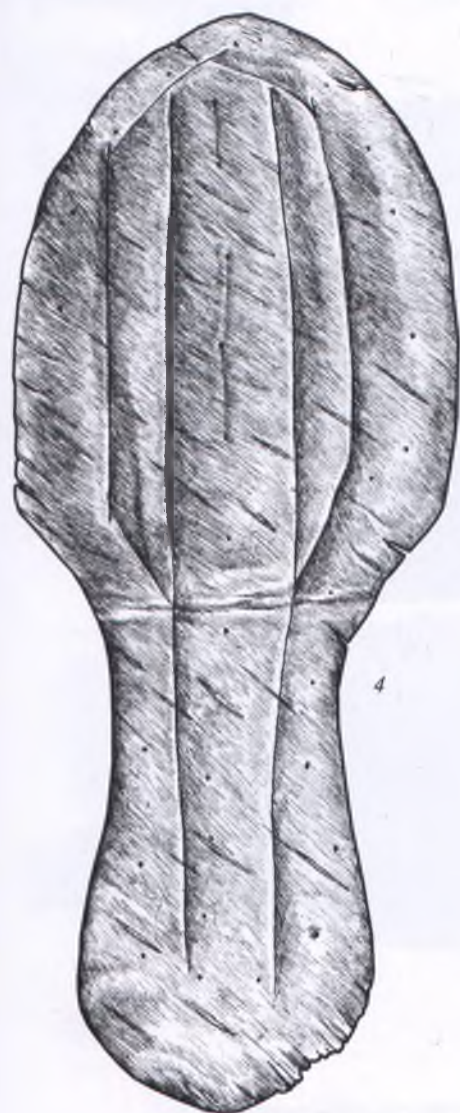
1

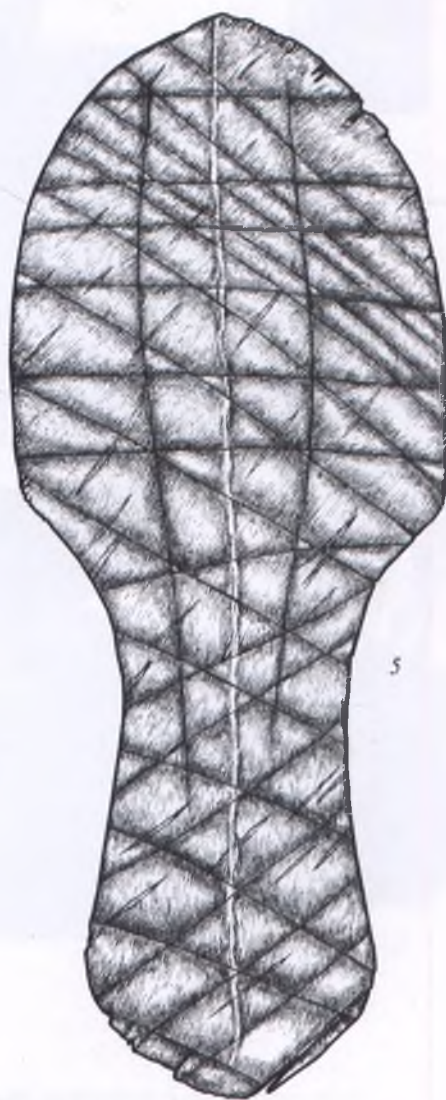
2

3

4

5

Рис. 125. Детали обуви. Вкладыши. Береста

Рис. 126. Детали обуви. Вкладыши и поднаряды. 1-4 - вкладыши; 5, 6 - поднаряды.
1-4 - береста; 5, 6 - кожа

Рис. 127. Детали обуви и принадлежности ее изготовления. 1–3 – стельки; 4 – колодка сапожная.
1, 2 – войлок; 3 – сукно; 4 – дерево

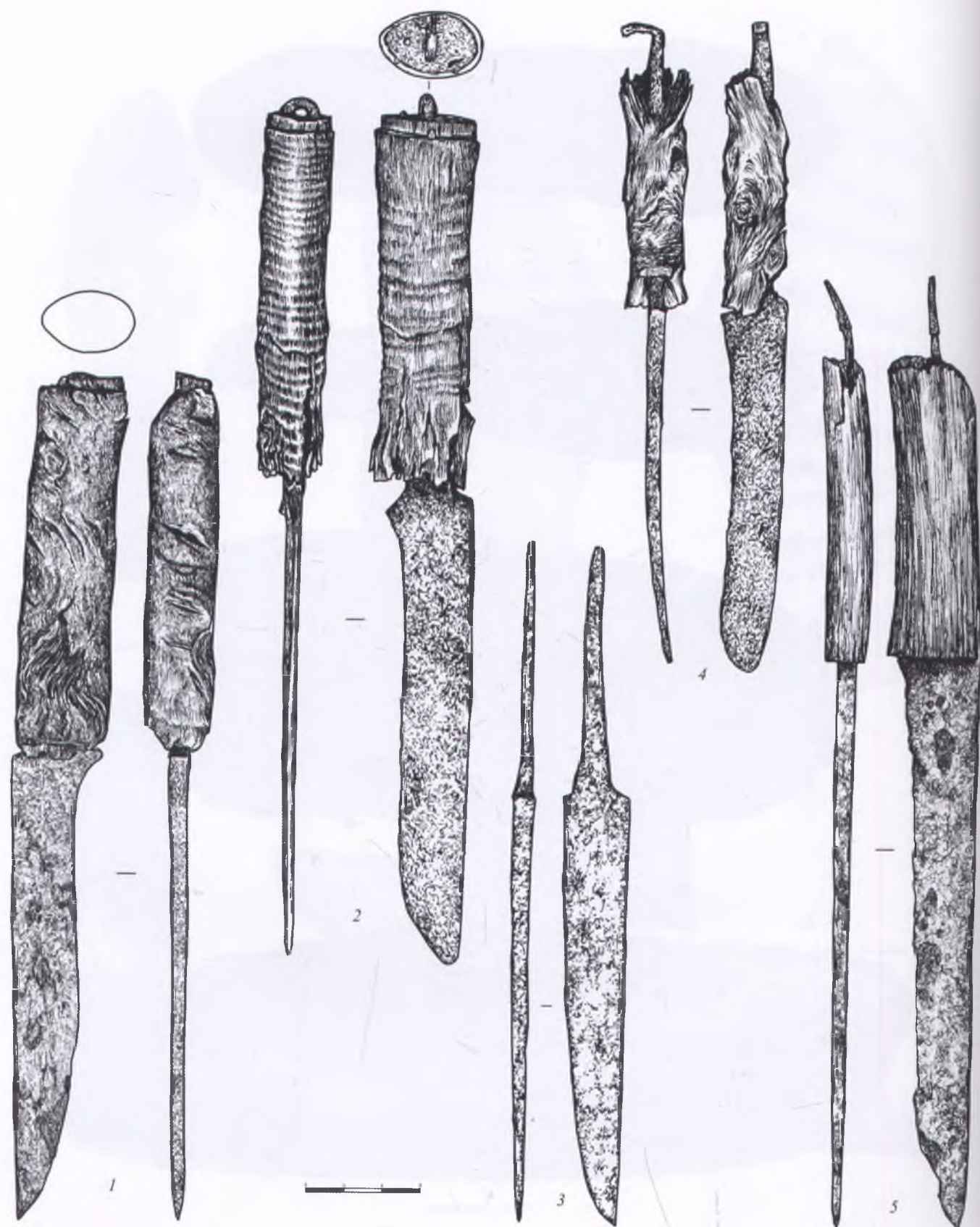

Рис. 128. Инструментарий домашнего производства. Ножи.
1, 4 – железо, кап; 2 – железо, кап, свинец; 3 – железо; 5 – железо, дерево

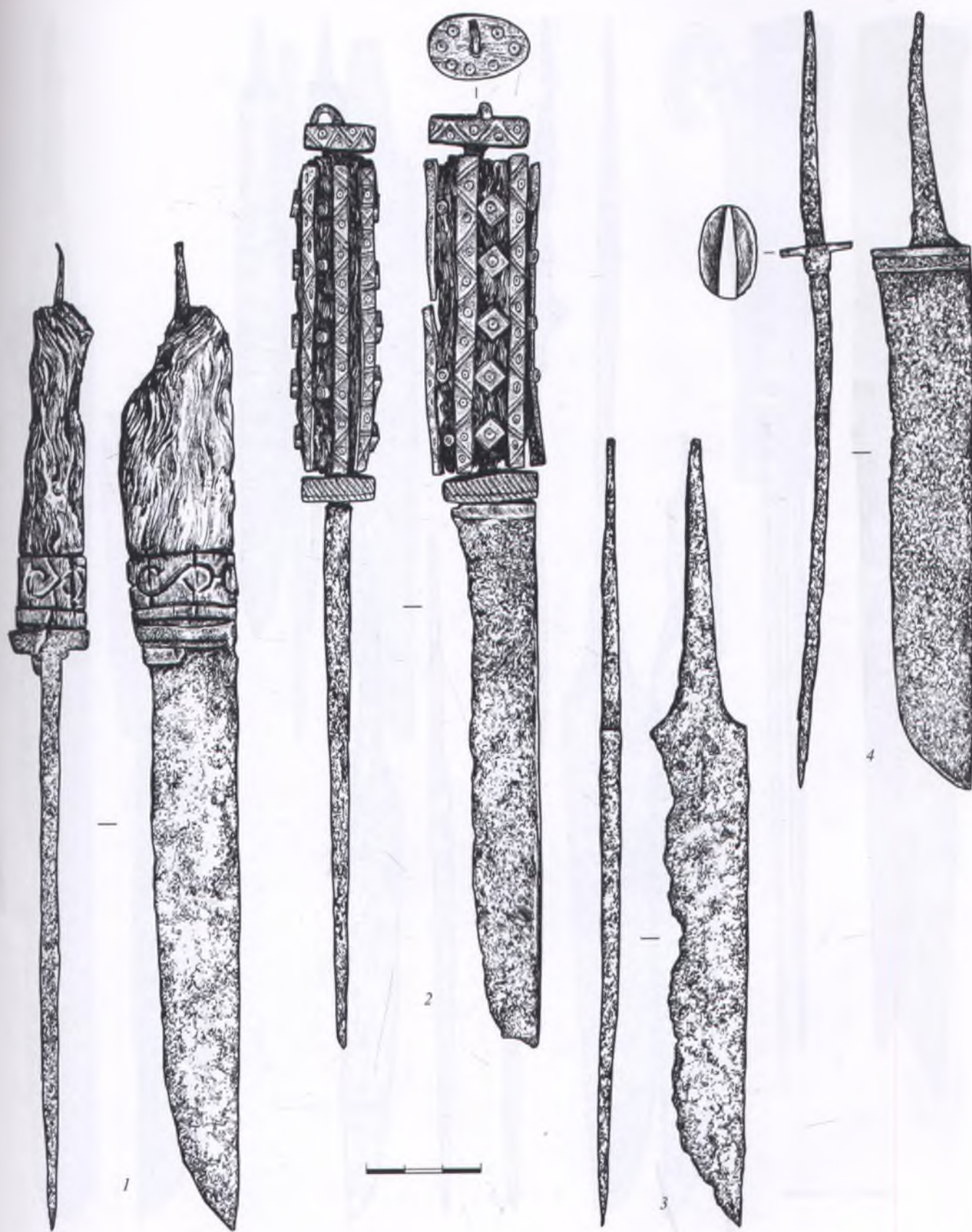

Рис. 129. Инструментарий домашнего производства. Ножи.
 1 – железо, кап; 2 – железо, кап, кость мамонта; 3, – железо; 4 – железо, свинец

Рис. 130. Инструментарий домашнего производства. Ножи.
1 - железо, кап, кость мамонта; 2 - железо, кап; 3-7 - железо

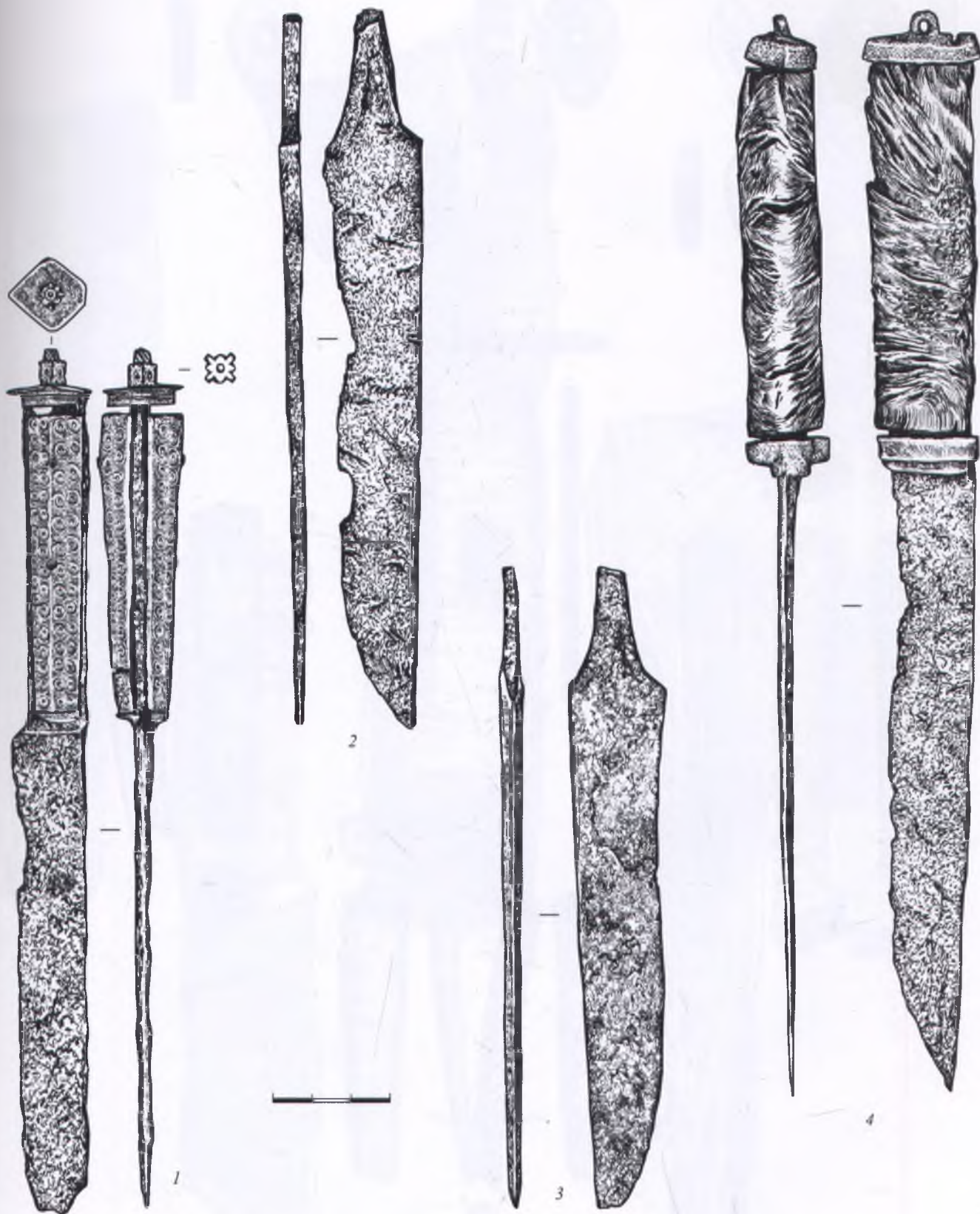

Рис. 131. Инструментарий домашнего производства. Ножи.
 1 - железо, бронза; 2, 3 - железо; 4 - железо, кап, свинец

Рис. 132. Рукояти и детали ножей. 1, 3, 5, 6 – торцевые насадки; 2, 4 – обоймы ограничители; 7, 8, 10 – пластины для инкрустации рукоятей; 9 – накладная пластина на рукоять; 11–13 – рукояти с накладными пластинами. 1–8, 10 – кость мамонта; 9 – бронза; 11, 13 – железо, кость, медь; 12 – железо, кость

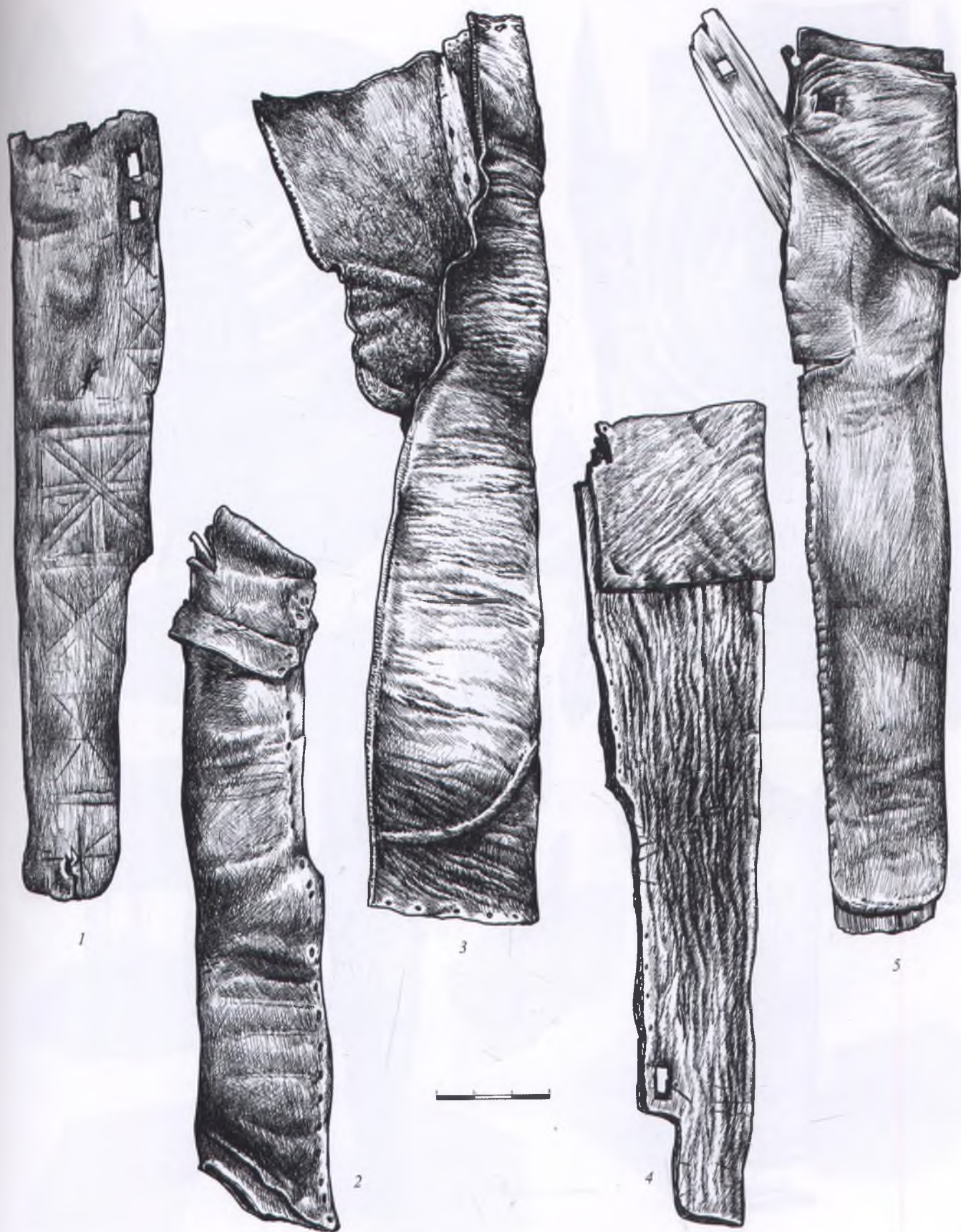

Рис. 133. Принадлежности ножей. Ножны. 1-4 - кожа; 5 - кожа, дерево

Рис. 134. Инструментарий домашнего производства. 1, 2 – шаблоны для вязания сетей; 3–5 – кочедыки; 6, 7 – иглы для ремонта сетей. 1–5 – дерево; 6, 7 – кость

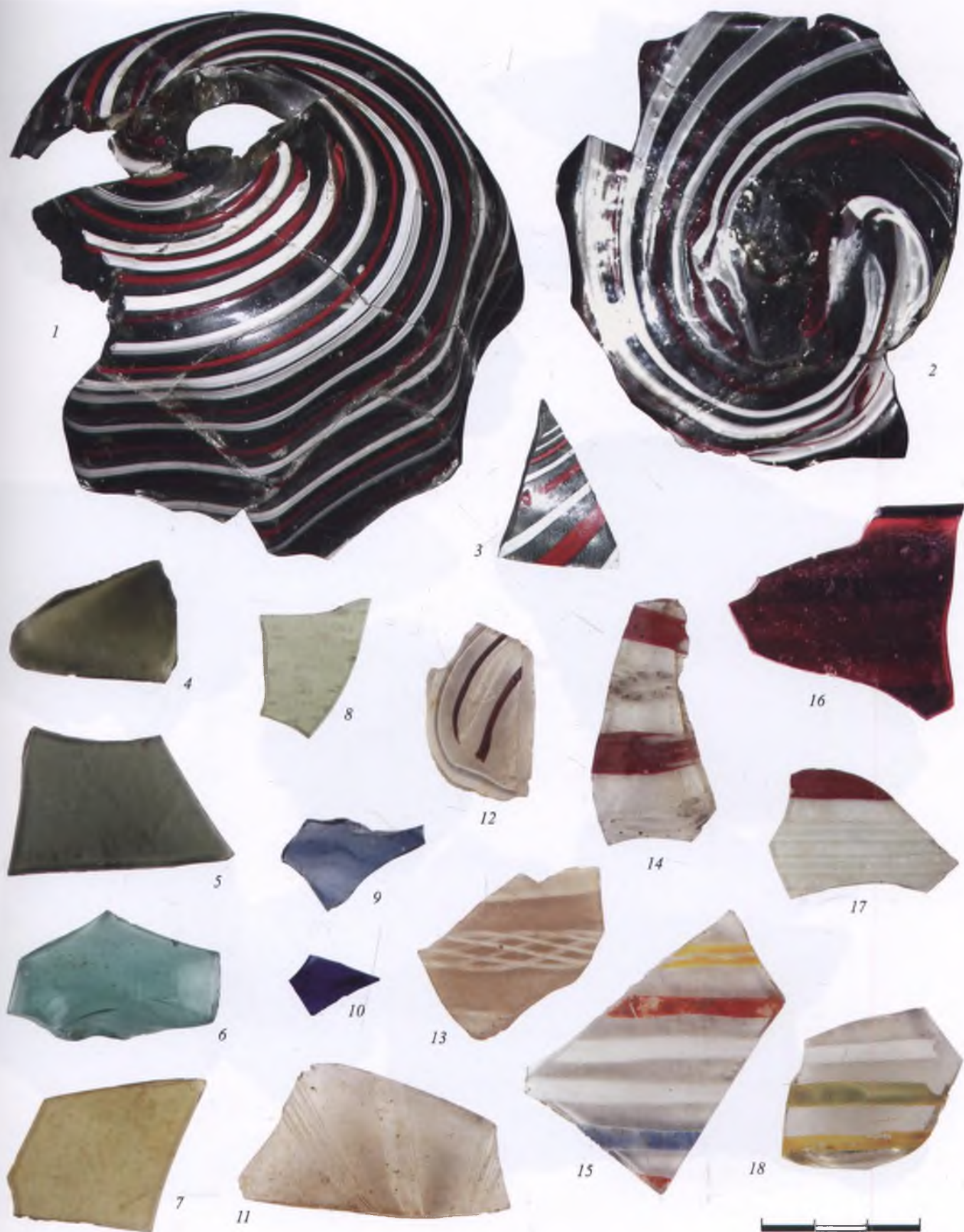

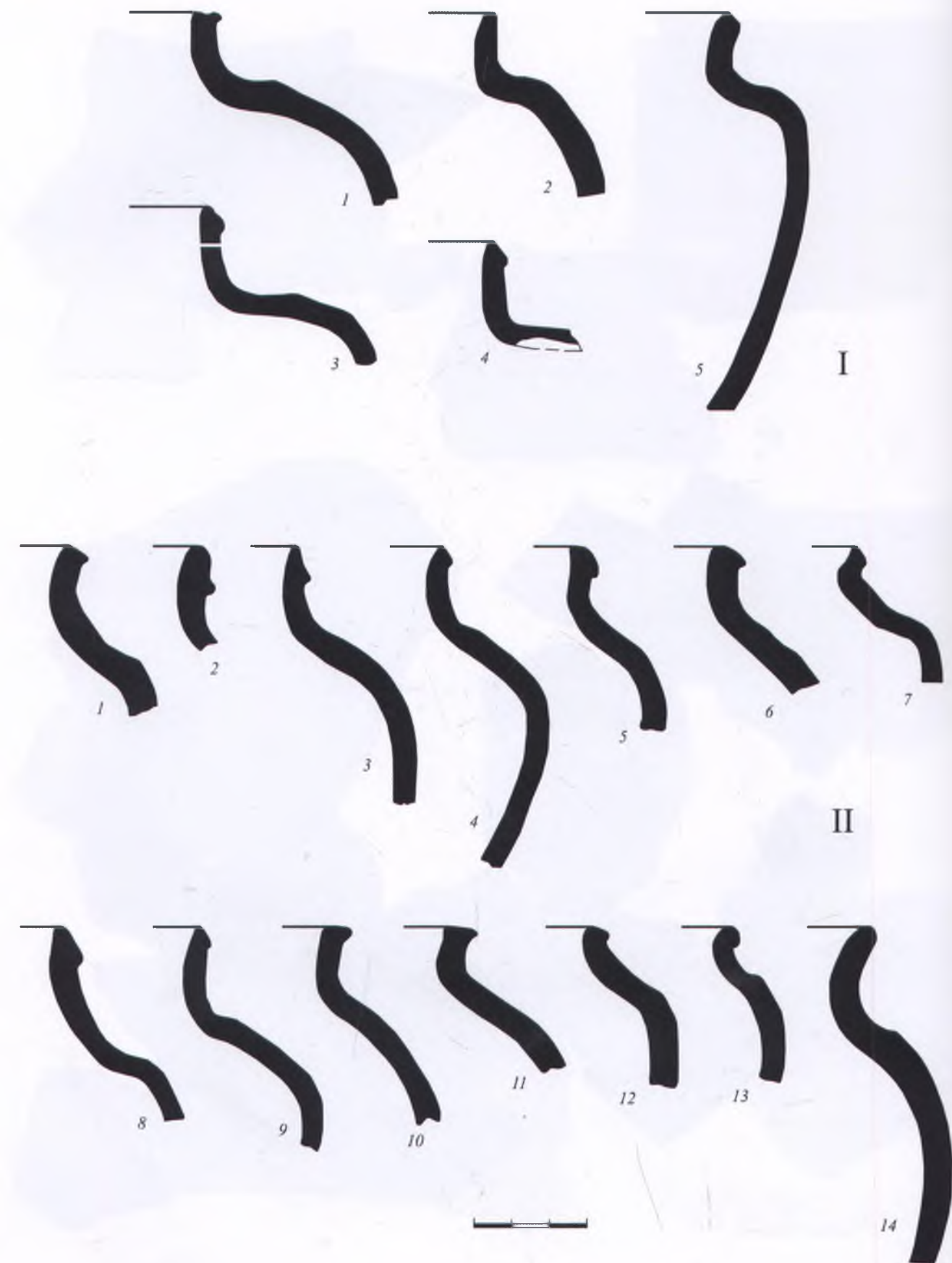
Рис. 135. Предметы быта. Посуда стеклянная. Фрагменты

Рис. 136. Предметы быта. Посуда керамическая серо-красная. Фрагменты

Рис. 137. Предметы быта. Посуда керамическая. Фрагменты.
 1, 2 – серо-лощеная; 3 – поливная; 4 – фаянс; 5 – сковорода керамическая

138. Предметы быта. Посуда керамическая. I: 1-5 – профили горшков типа I; II: 1-14 – профили горшков типа II

Рис. Рис. 139. Предметы быта. Посуда керамическая. I: 1-5 - профили горшков *tina III*; II: 1-12 - варианты оформления венчиков (соответственно, варианты 1-12); III: 1-5 - профили мисок; IV: 1-5 - профили сковород

Рис. 140. Предметы быта. Посуда деревянная. 1, 2, 4, 5 – ковши; 3 – черпак. 1, 2 – кап; 3–5 – дерево

Рис. 141. Предметы быта. Посуда деревянная. 1 – плошка; 2-6 – ложки. 1, 5 – дерево; 2, 4, 6 – кап

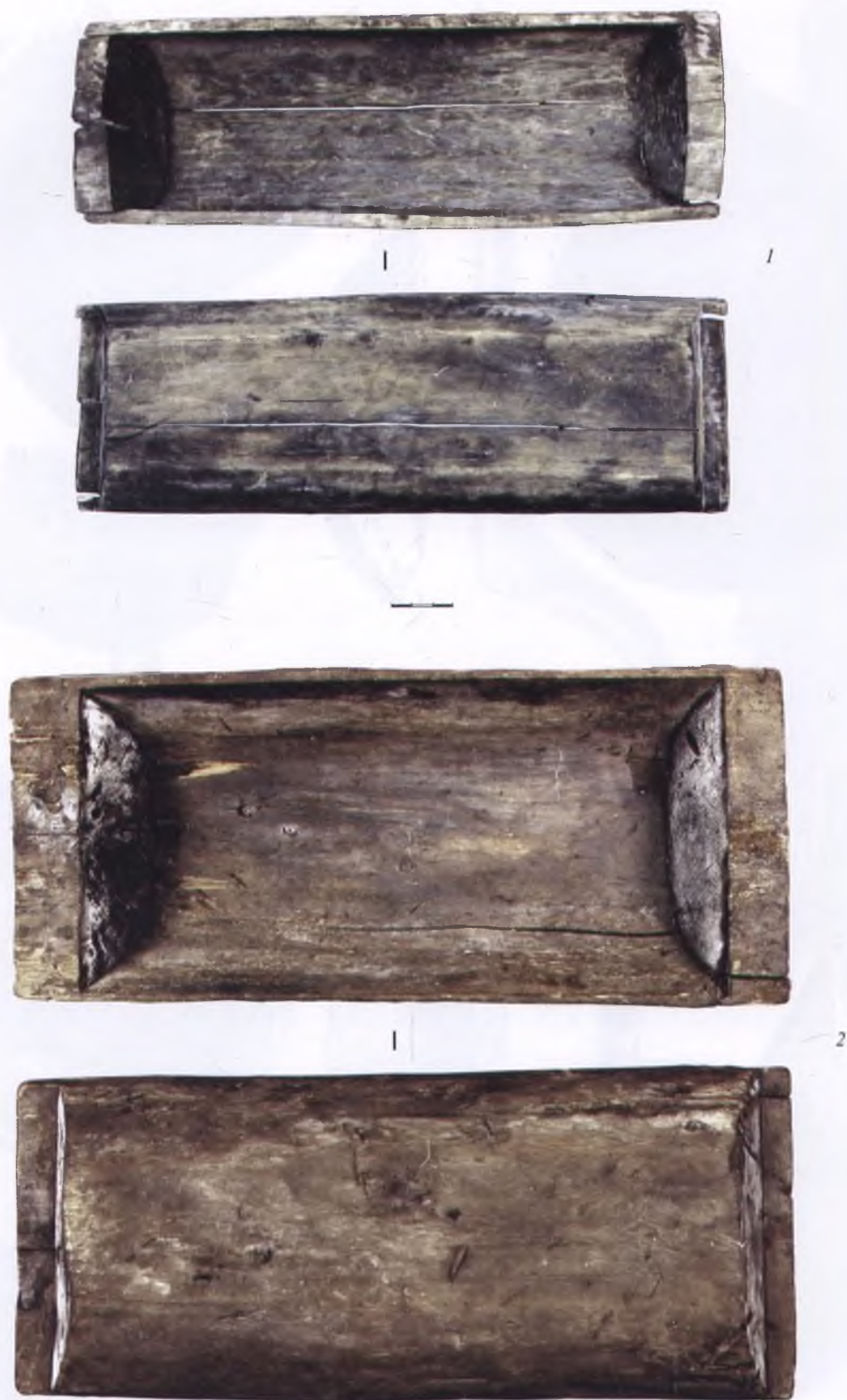

Рис. 142. Предметы быта. Посуда деревянная. Корыта

Рис. 143. Предметы быта. Посуда деревянная. Детали бондарных изделий.
 1 – пробка для бочки; 2-10 – клёпки бондарные

Рис. 144. Предметы быта. Посуда деревянная. Днища бондарных изделий

Рис. 145. Предметы быта. Посуда. Днища туюсов. *Дерево, береста*

Рис. 146. Предметы быта. Посуда берестяная. Коробки

Рис. 147. Предметы быта. «Крашенина травчатая». Береста

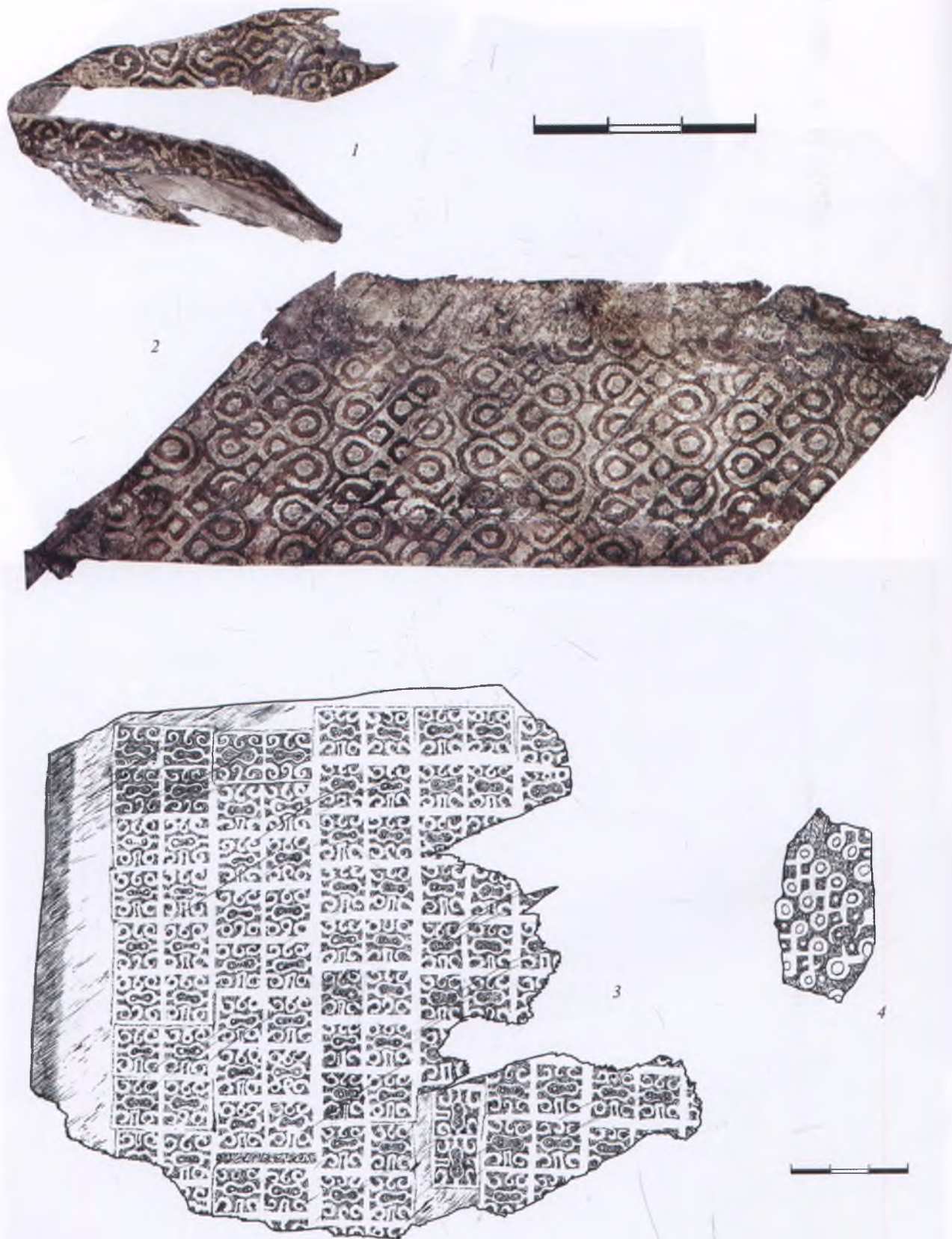

Рис. 148. Предметы быта. «Крашенина травчатая». Береста

Рис. 149. Предметы быта. Кухонные принадлежности.
 1 – крюк очажный; 2-4 – мутовки. Дерево

Рис. 150. Предметы быта. Кухонные принадлежности.
1, 2, 5 – весёлки; 3, 4 – лопатки; 6, 7 – доски разделочные. Дерево

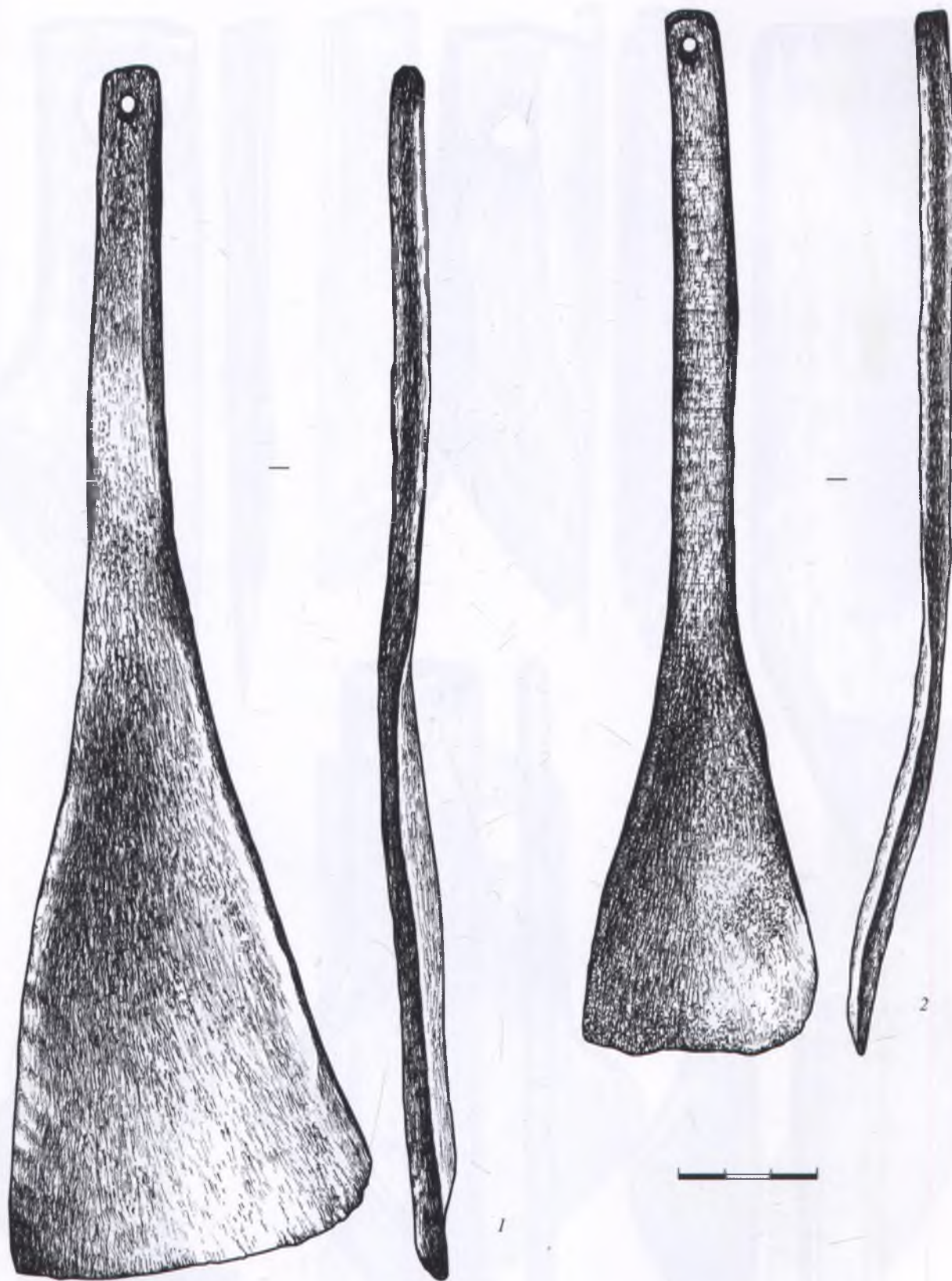

Рис. 151. Лопатки промысловые. *Рог*

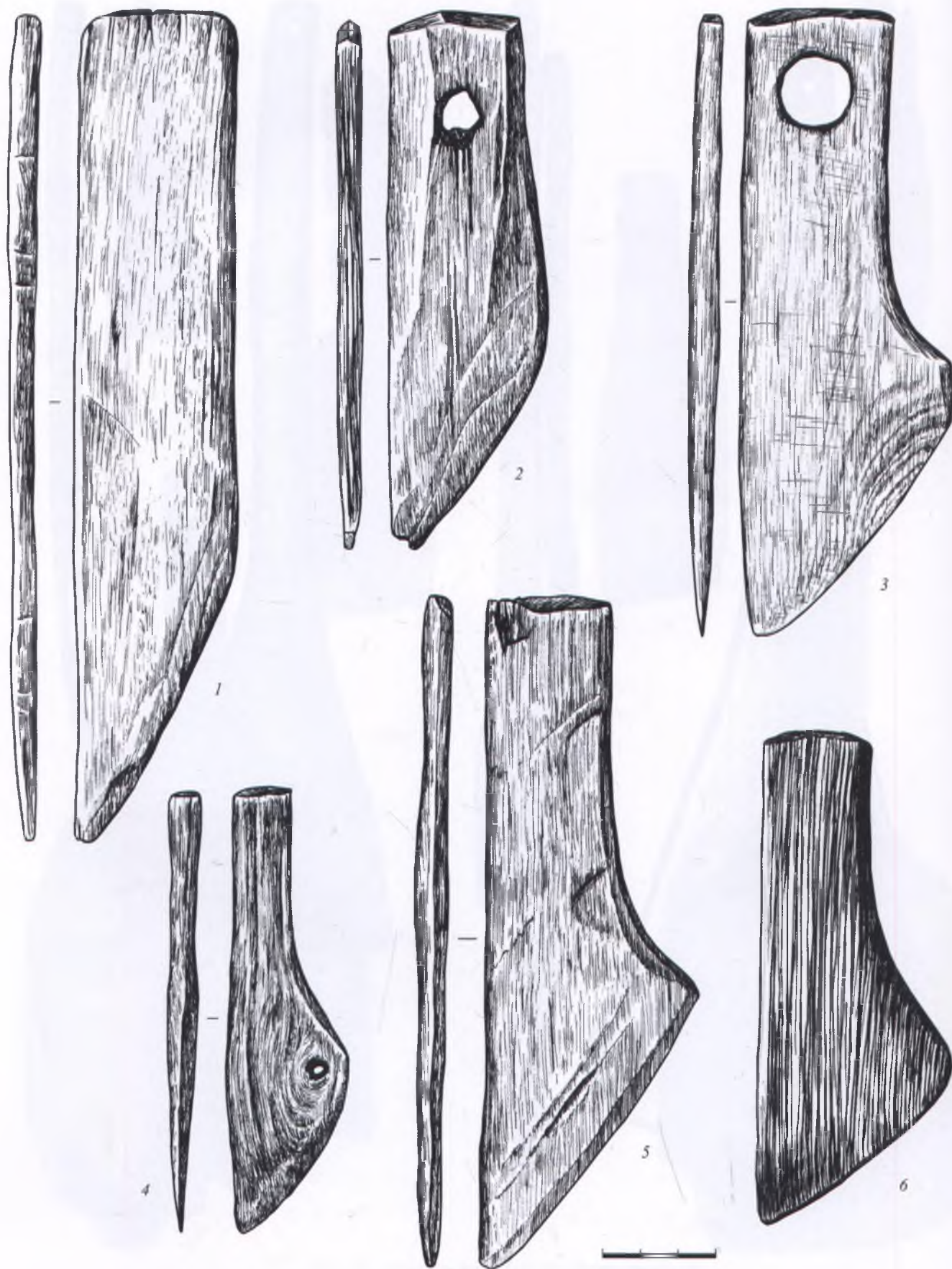

Рис. 152. Предметы быта. Кухонные принадлежности. Ножи для чистки рыбы. Дерево

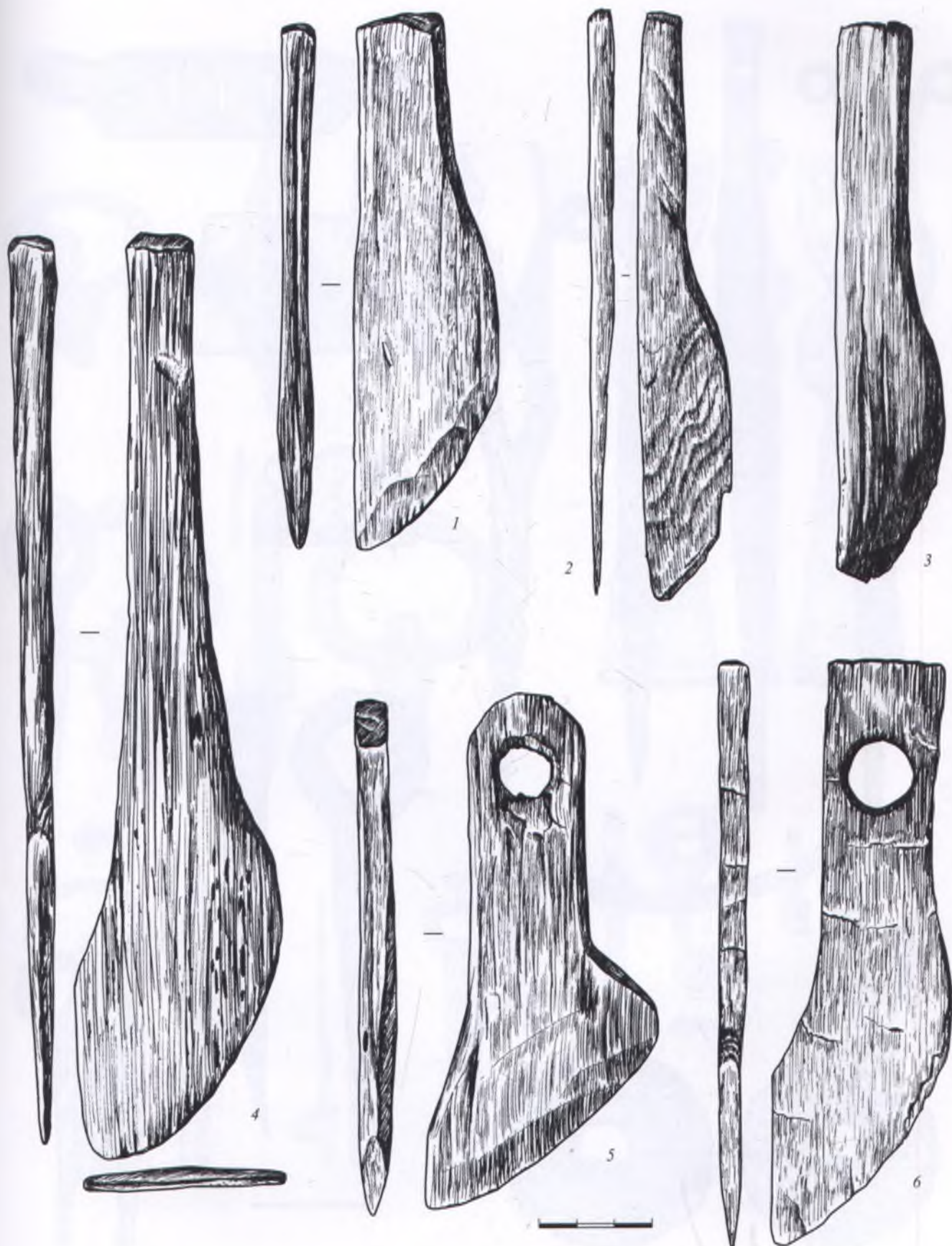

Рис. 153. Предметы быта. Кухонные принадлежности. Ножи для чистки рыбы. Дерево

Рис. 154. Предметы интерьера и домашнего обихода. 1, 2 – светцы; 3, 4 – личины замочные от сундука; 5 – гвоздь сундучный; 6 – оковка сундучная; 7, 8, 11 – пробой дверные; 10 – накладка. Железо

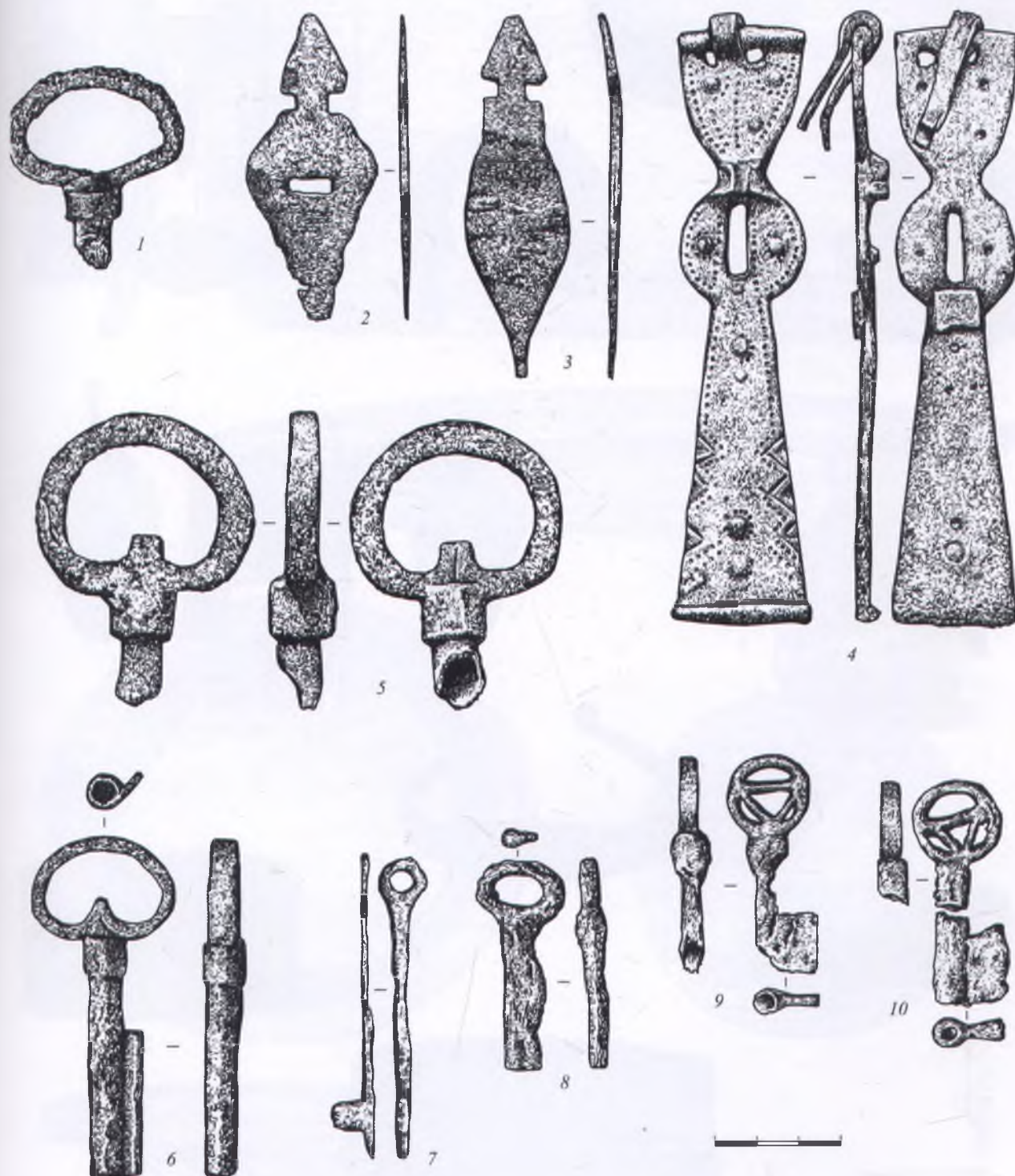

Рис. 155. Предметы домашнего обихода. 1, 5-10 - ключи; 2-4 - накладки на петли замков. Железо

Рис. 156. Предметы домашнего обихода.
1-4 – детали навесных замков; 5 – фрагмент нутряного замка; 6-9 – кресала. Железо

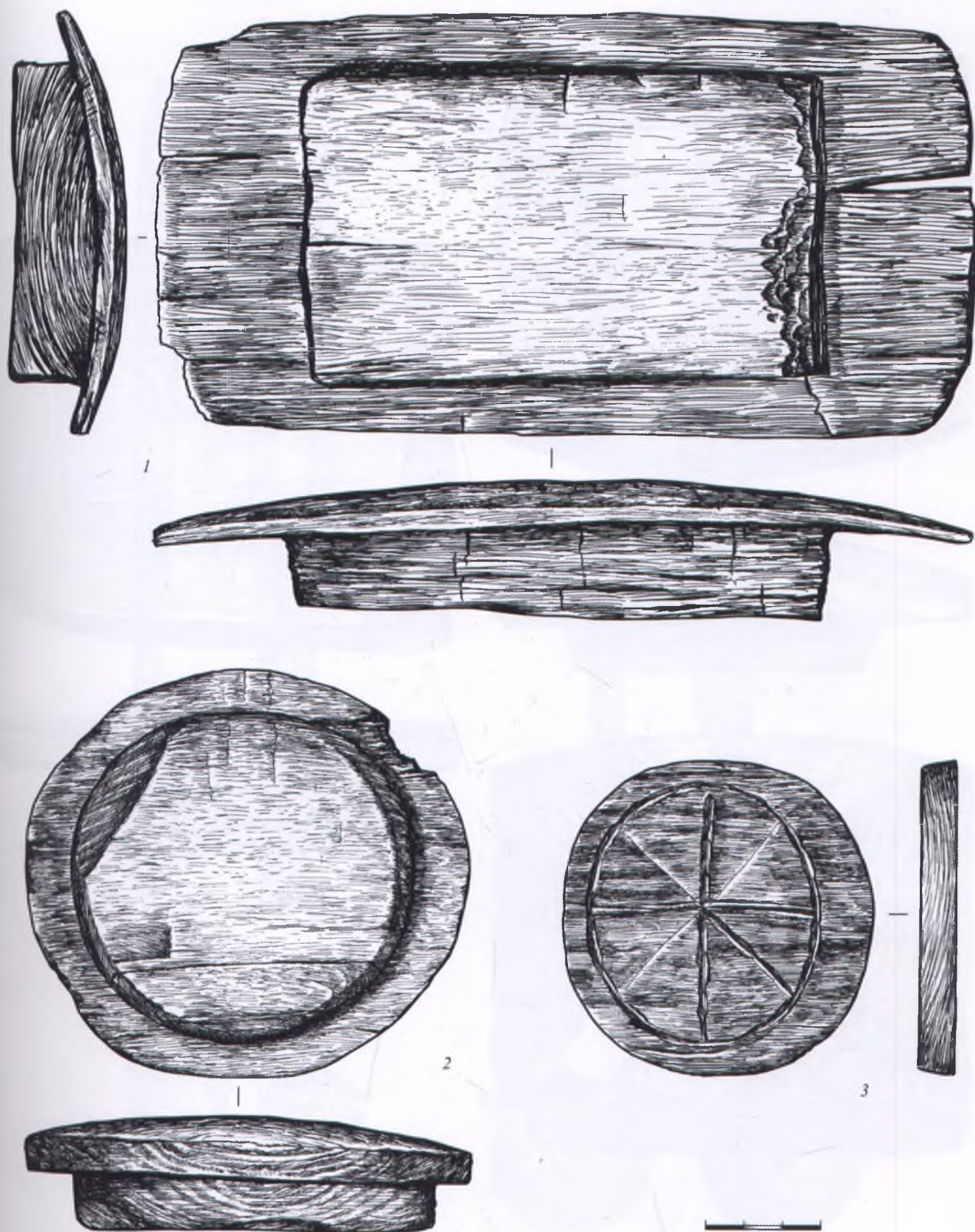

Рис. 157. Предметы домашнего обихода. Крышки коробок (1, 2) и дно тучеса (3). Дерево

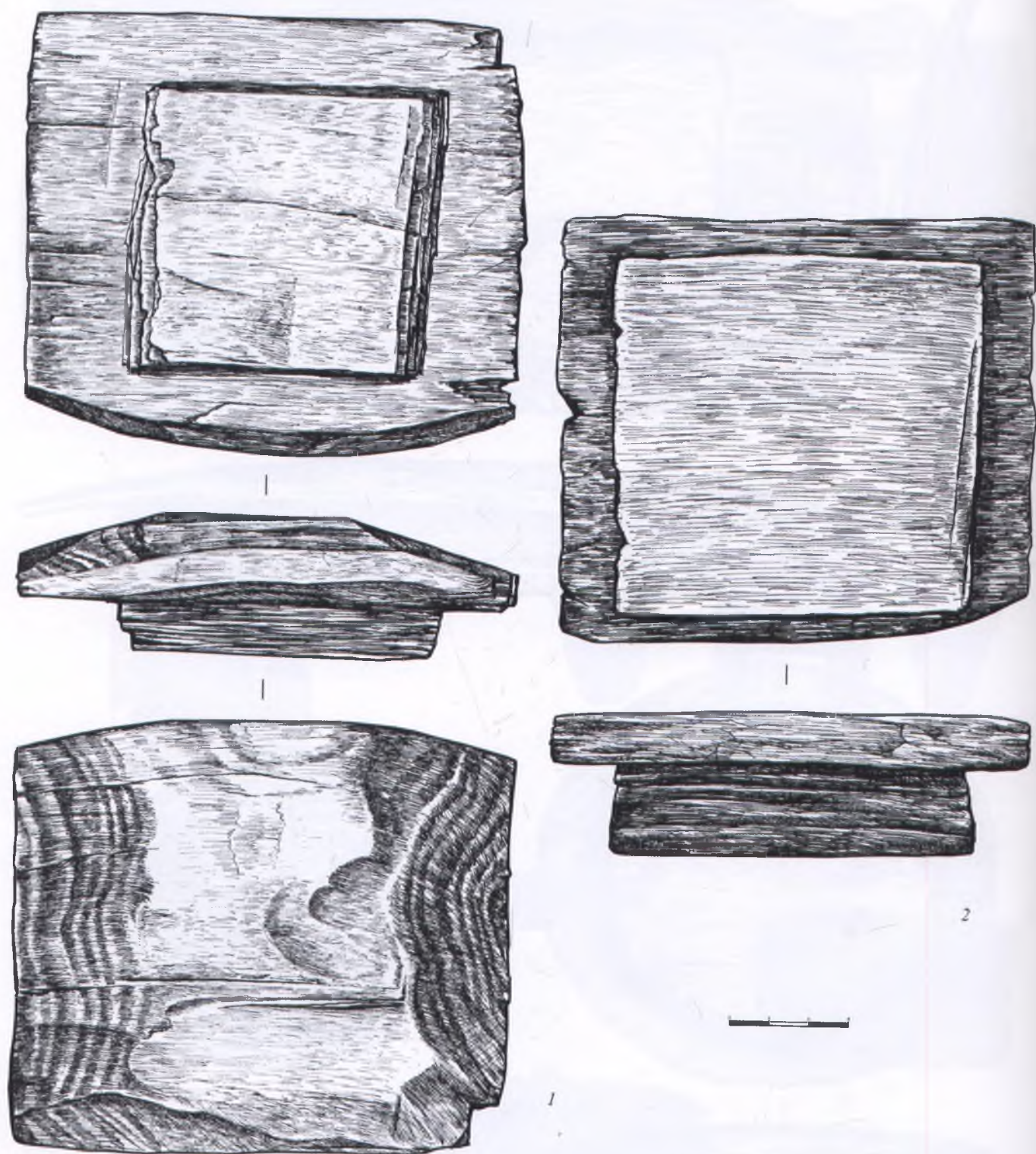

Рис. 158. Предметы домашнего обихода. Крышки коробок. *Дерево*

Рис. 159. Предметы домашнего обихода. 1, 2 – ручки разновесов; 3, 4 – гири. Железо

Рис. 160. Предметы домашнего обихода. Канцелярские принадлежности.
1 – чернильница; 2–4 – перья; 5–7 – футляры для восковых пломб. 1 – бронза; 2–7 – дерево

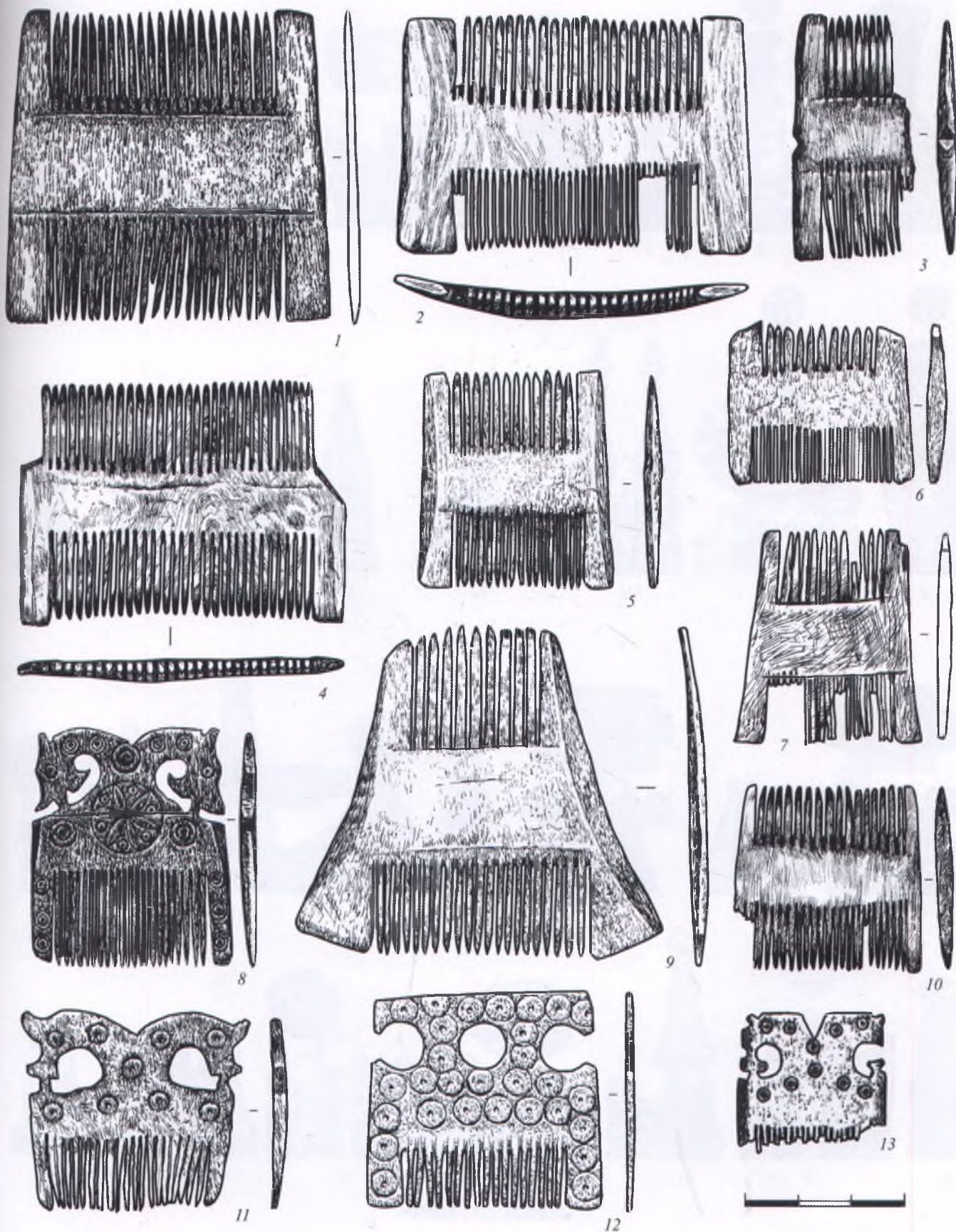

Рис. 161. Предметы гигиены. Гребни. 1-11, 13 - кость мамонта/рог; 12 - бронза

Рис. 162. Принадлежности игр. Фигуры шахматные. 1, 8-26 – дерево; 2-7 – кость мамонта

Рис. 163. Принадлежности игр. Фигуры шахматные. Дерево

Рис. 164. Принадлежности игр. 1-4 – фигуры шашечные; 5-9 – детали наборных шахматных фигур; 10, 11 – кости игральные; 12 – фигура коня; 13-20 – фишки игральные. 1-4, 15-20 – дерево; 5-14 – кость

1

2

3

Рис. 165. Принадлежности игр. Доски шахматные. Фрагменты. Дерево

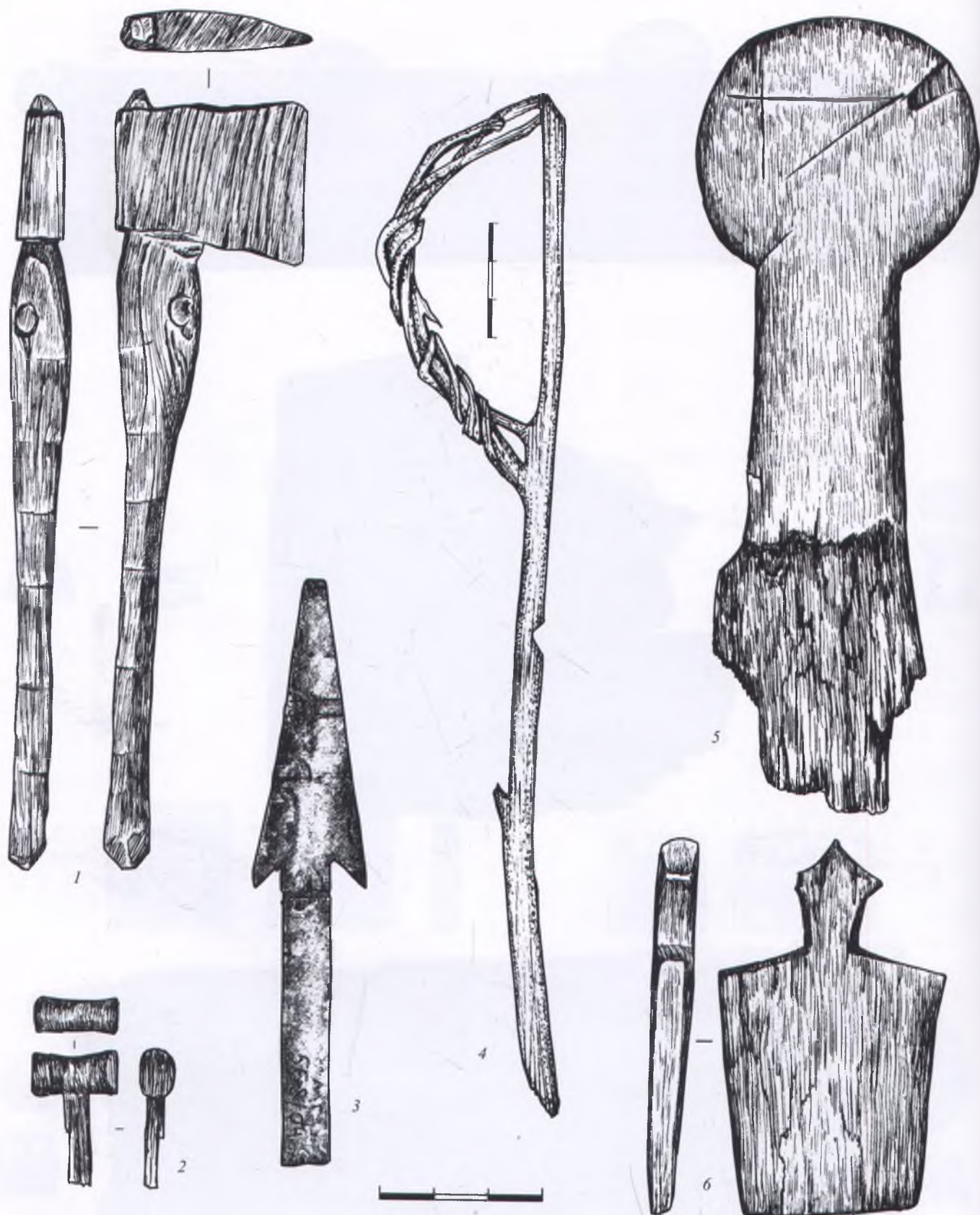

Рис. 166. Игрушки детские. 1, 2, 4-6 - дерево; 3 - береста

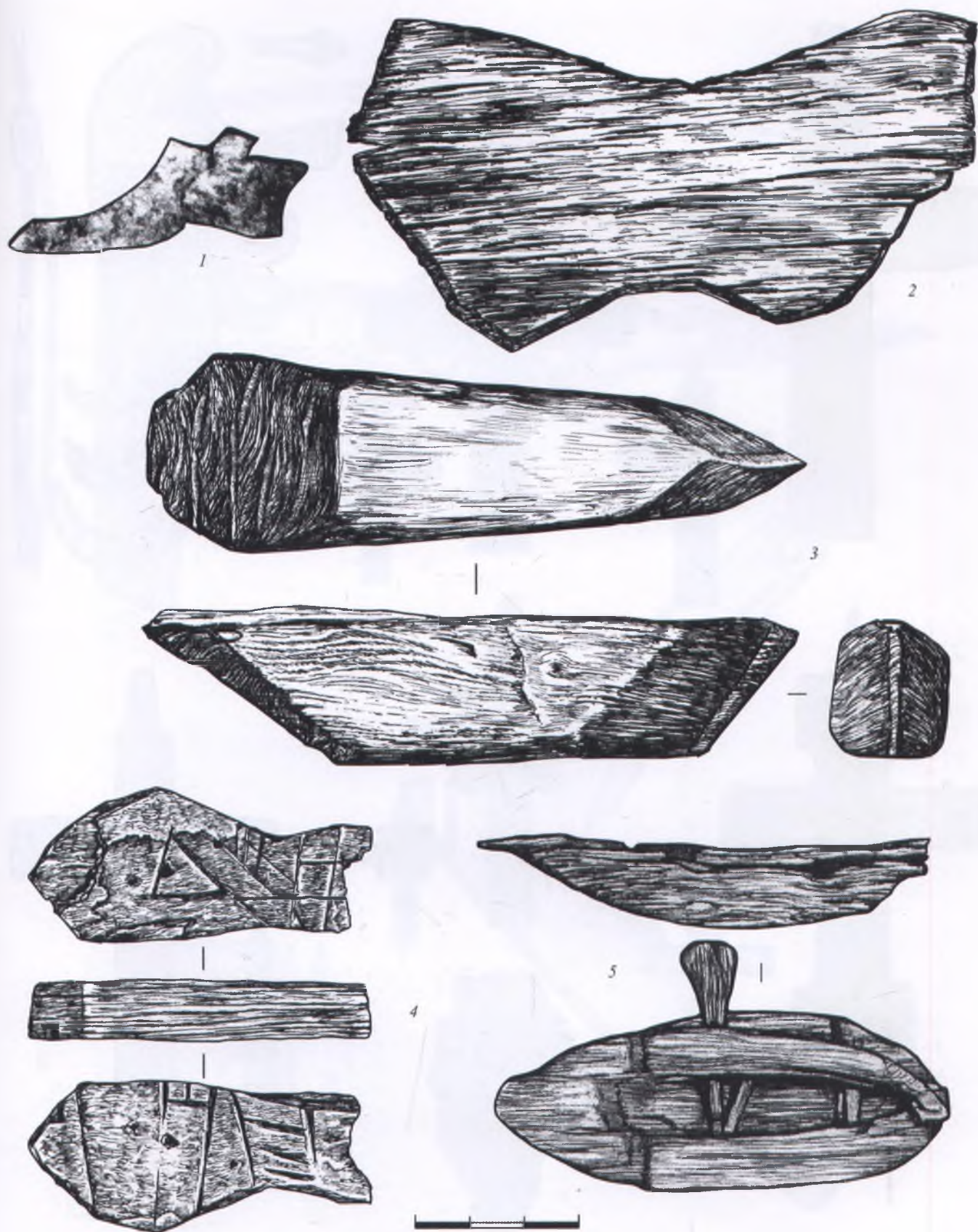

Рис. 167. Игрушки детские. 1 – береста; 2, 3, 5 – дерево; 4 – кора лиственницы

Рис. 168. Православные атрибуты. 1, 2, 4-7 – кресты нательные; 3 – крыло фигуры ангела.
1, 2 – серебро; 3-7 – медь

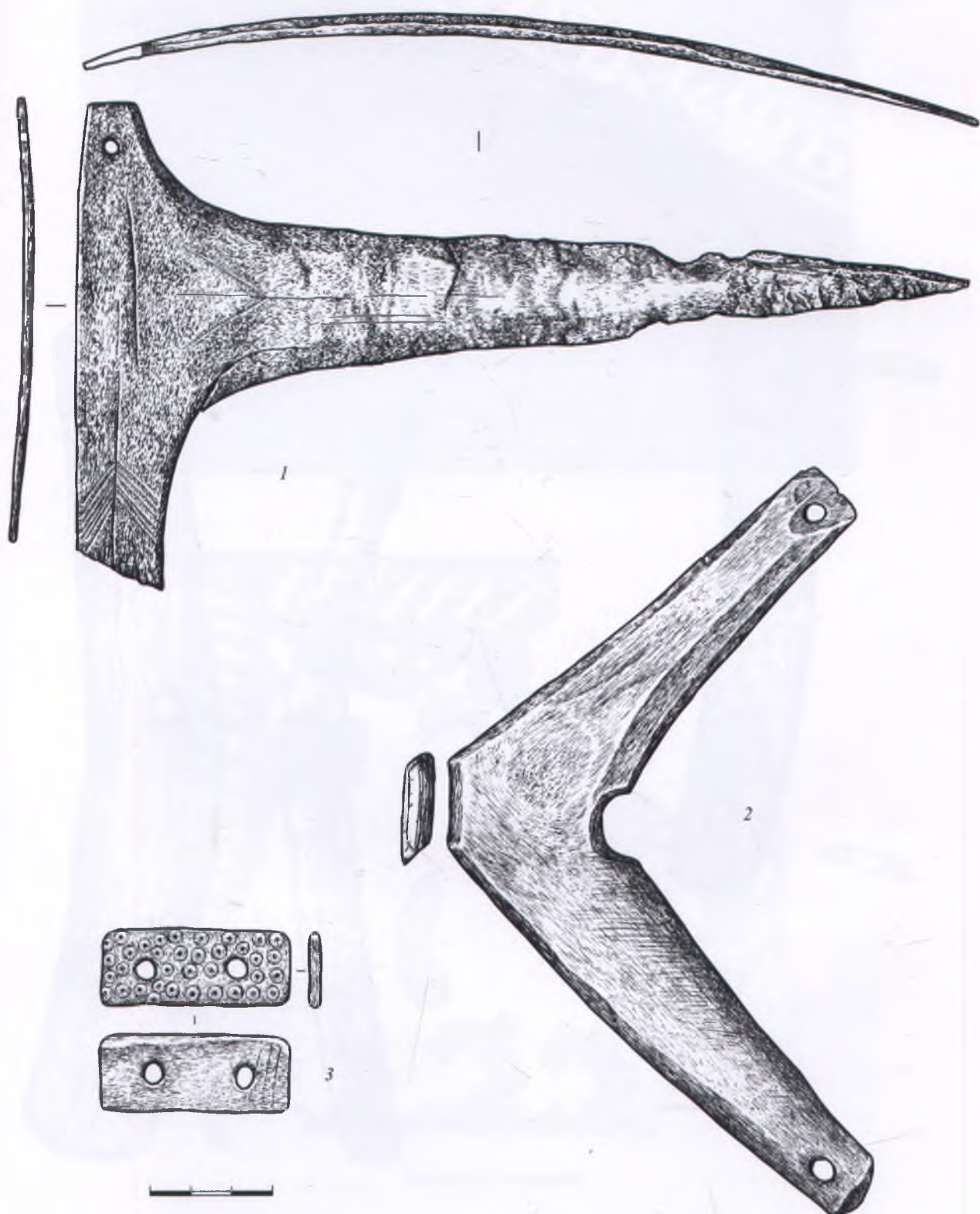

Рис. 169. Предметы аборигенной культуры. 1 – клевец; 2 – налобная пластина оленьей упряжи; 3 – пясик. *Кость/рог*

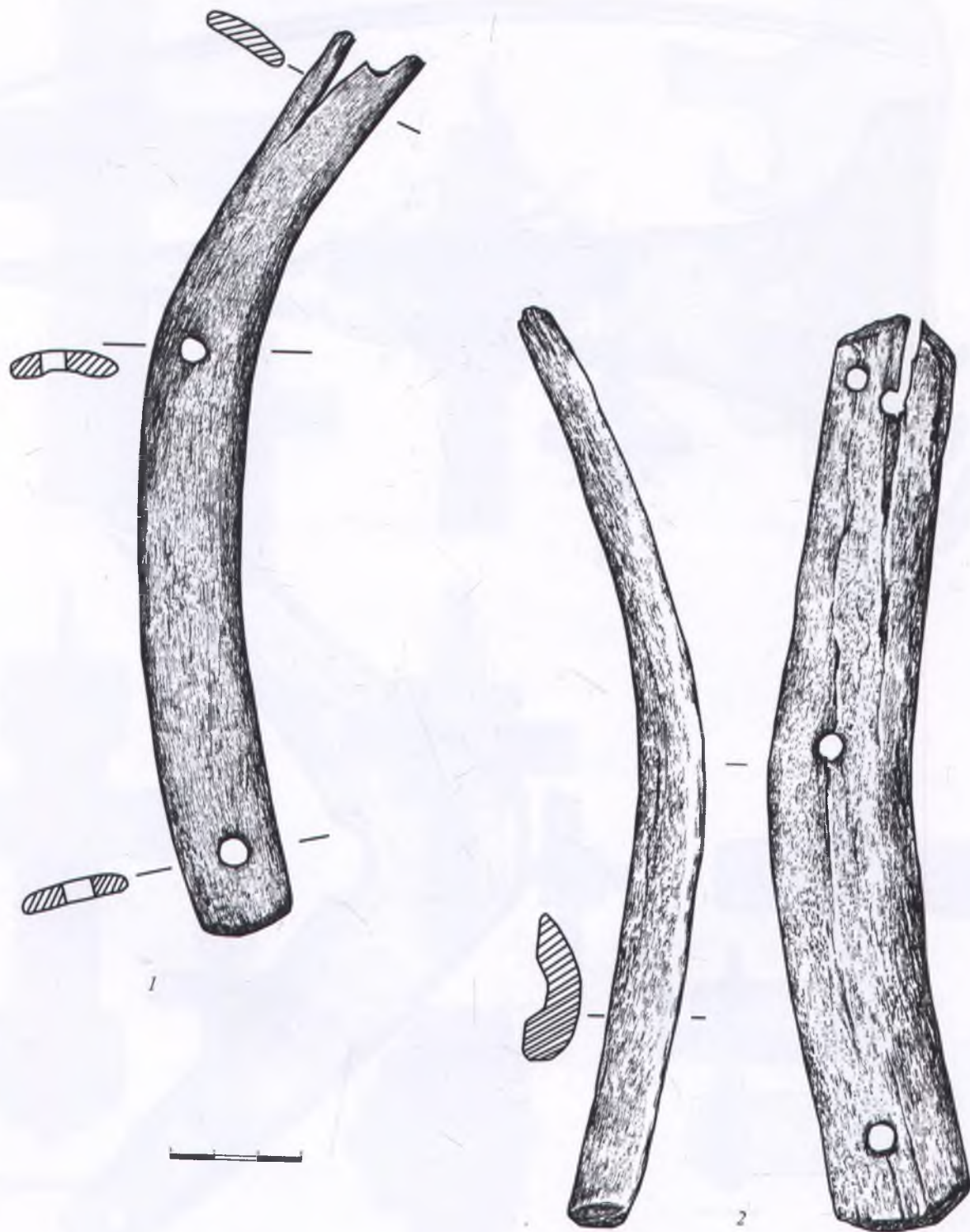

Рис. 170. Предметы аборигенной культуры. 1, 2 – нащечные пластины оленьей упряжи. Кость/рог

1

2

Рис. 171. Предметы аборигенной культуры. 1 – выбивалка снега; 2 – фрагменты прорезных аппликаций.
1, 2 – рог, береста

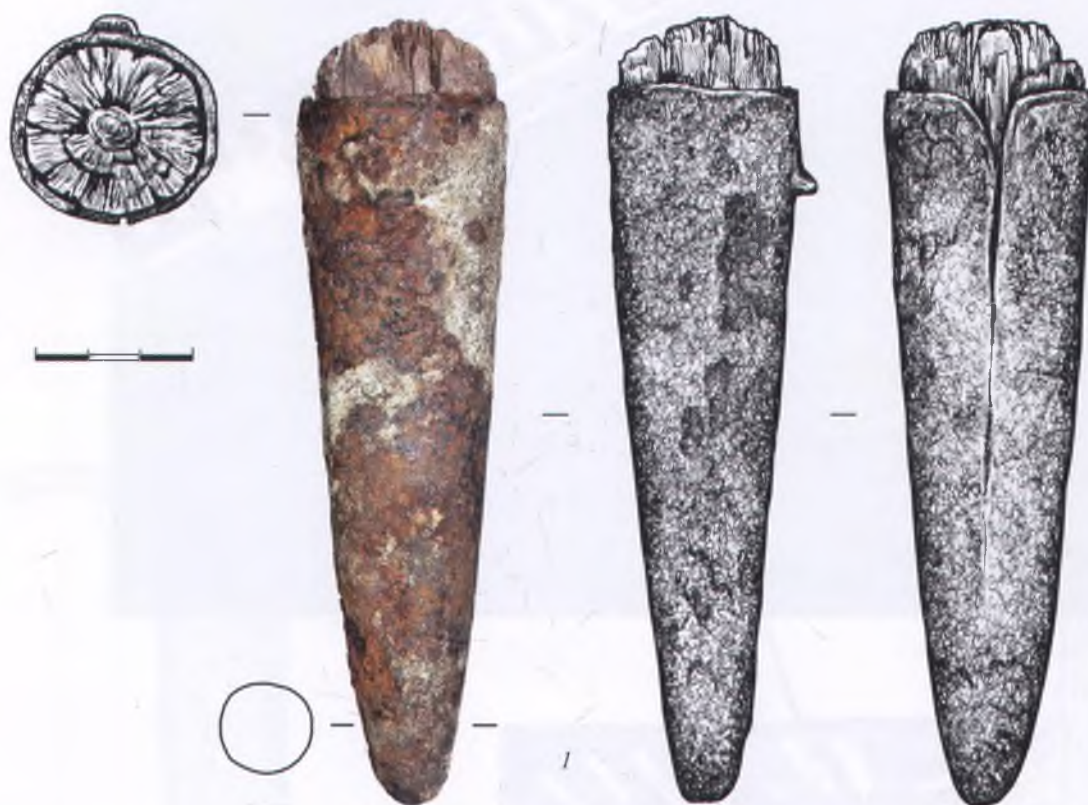
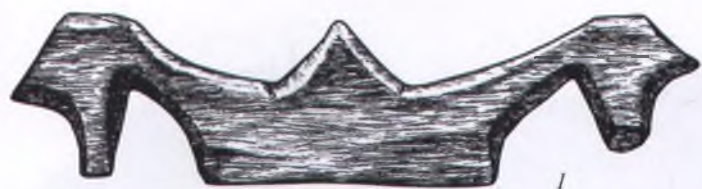

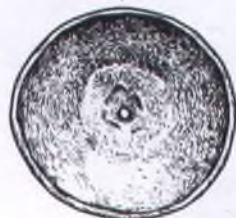
Рис. 172. Атрибуты прикладов.
1 – железный наконечник пещи; 2 – пещня с древком (условия нахождения)

1a

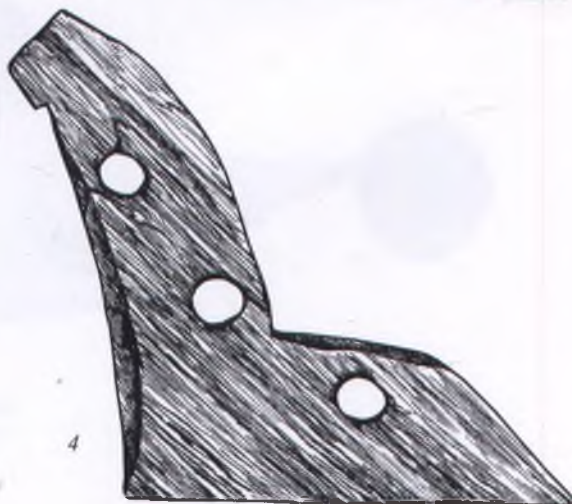
2a

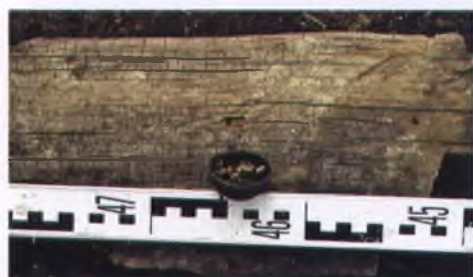
5

3

4

5a

Рис. 173. Атрибуты прикладов.
 1-4 – фигурки коней; 1a, 2a – фигурки коней (условия нахождения);
 5 – медная чашечка с содержимым (условия нахождения)

Рис. 174. Бытовые и ритуальные предметы.
1, 2 – мочальные кисти на деревянных ручках; 3-6 – восковые шарики

Рис. 175. Фрагменты изделий с надписями. 1 – кап; 2 – дерево; 3 – кожа

1

1a

Рис. 176. Фрагмент берестяной грамоты с надписью «црю грю вликому»

1

2

3

Рис. 177. Предметы с надписями. 1 – днище бочки; 2, 3 – фрагменты азбучной доски. Дерево

Рис. 178. Предметы бытовой и духовной культуры.
А: 1-4 - счетные палочки; 5, 6 - мерные палочки. Дерево.
Б: 1 - копейки серебряные; 2 - жетон счетный медный. В: 1, 2 - варганы (1 - медь; 2 - железо)

Визгалов Георгий Петрович,
Пархимович Сергей Григорьевич

**Мангазея:
новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.)**

Научное издание

Макет и оформление: Издательство «Магеллан»
620026, Екатеринбург, ул. Декабристов, 51
Тел./факс: (343) 228 09 18

Редактор: Горбачева Е. Е.
Оформление и верстка: Горбунова М. Б.
Корректор: Горбачева Е. Е.

Подписано в печать: 10.11.08
Печать офсетная. Формат: 60х90¹/₈.
Бумага мелованная. Усл. печ. л. 37,0
Тираж 500 экз.
Заказ № 762

Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620041, ГСП-148, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
<http://www.uralprint.ru> e-mail: book@uralprint.ru